

МОСКОВСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ
имени М. В. ЛОМОНОСОВА

ФИЛОЛОГИЧЕСКИЙ ФАКУЛЬТЕТ

ЯЗЫК СОЗНАНИЕ КОММУНИКАЦИЯ

---

*Сборник научных статей
к юбилею профессора
Наталли Евгеньевны Ананьевой*

Выпуск 55

Москва
2017

УДК 81
ББК 81
Я410

*Печатается в соответствии с решением редакционно-издательского совета
филологического факультета МГУ имени М.В. Ломоносова*

Р е д к о л л е г и я   в ы п у с к а :

доктор филол. наук Е.Л. Бархударова, доктор филол. наук И.А. Бубнова,
доктор филол. наук И.В. Зыкова, доктор филол. наук А.И. Изотов,
доктор филол. наук В.В. Красных, кандидат филол. наук О.О. Лешкова,
доктор филол. наук Е.Ю. Мягкова, кандидат филол. наук О.А. Остапчук

Р е ц е н з е н т ы :

доктор филологических и доктор педагогических наук, профессор *Ю.Е. Прохоров*,
доктор педагогических наук, профессор *В.В. Молчановский*

Электронные версии (.pdf) всех опубликованных выпусков доступны на
http://www.philol.msu.ru/~slavphil/books/jsk_index.html

Представляя рукопись в редколлегию, авторы тем самым выражают согласие с их безгонорарным опубликованием в сборнике "Язык, сознание, коммуникация" в печатном и/или электронном виде

Язык, сознание, коммуникация: Сб. статей / Отв. ред. В.В. Красных,
Я410 А.И. Изотов. – М.: МАКС Пресс, 2017. – Вып. 55. – 340 с.

ISBN 978-5-317-05488-5

Сборник содержит научные статьи по полонистике, славистике, сравнительно-историческому, типологическому, сопоставительному языкознанию, теории перевода и лингводидактике, присланные к юбилею крупнейшего отечественного полониста профессора Натальи Евгеньевны Ананьевой, доктора филологических наук, зав. кафедрой славянской филологии филологического факультета МГУ имени М.В. Ломоносова

Сборник предназначен для филологов – студентов, преподавателей, научных сотрудников.

Ключевые слова: полонистика; славистика; сравнительно-историческое языкознание; типологическое языкознание; сопоставительное языкознание; теория перевода; лингводидактика; ареальная лингвистика.

УДК 81
ББК 81

Language - Mind - Communication. Issue 55 / Krasnykh, V.V.; Izotov, A.I. (Eds). - Moscow: MAKS Press, 2017. - 340 p.

The present issue includes articles which consider the most important problems of Polonic studies, Slavic studies, comparative linguistics, typological linguistics, contrastive linguistics, areal studies, the theory of translation, linguodidactics, written in connection with the anniversary of the outstanding Slavist professor N.E. Ananieva, doctor of philology, the head of the department of Slavic philology at the philological faculty of Lomonosov Moscow State University.

Keywords: Polonic studies; Slavic studies; comparative linguistics; typological linguistics; contrastive linguistics; areal studies; the theory of translation; linguodidactics.

ISBN 978-5-317-05488-5

© Авторы статей, 2017

СОДЕРЖАНИЕ / CONTENTS

К юбилею Наталии Евгеньевны Ананьевой	6
<i>Адельгейм И.Е.</i> «Слова нас спасут...». Аутопсихотерапевтические возможности текста (на материале польской прозы 1990-2000-х гг.)	10
<i>Белова М. Н.</i> Особенности употребления глагольных форм в идиолекте Григория Цамблака: тырновская книжно-литературная норма и явления живого болгарского языка XIV-XV вв.	28
<i>Браксаторис М., Ондрейчик М.</i> Гетерогенность праславянской основы словацкого языка как следствие склавинско-аварского воздействия	46
<i>Вендина Т. И.</i> «Общеславянский лингвистический атлас» (ОЛА) и проблемы лингвистической географии в XXI в.	68
<i>Гембка-Воляк М.</i> Модель образования степеней сравнения прилагательных в современном польском языке (результаты квантитативного анализа) / <i>Gębka-Wolak M.</i> Syntetyczny model stopniowania przymiotników we współczesnej polszczyźnie (uwagi na podstawie badania ilościowego)	82
<i>Зелинская М.З.</i> Орфоэпические особенности польской речи молодежи в Западной Украине / <i>Зелінська М.З.</i> Орфоепічні особливості польського мовлення молоді в Західній Україні	98
<i>Изотов А.И.</i> Новый самоучитель чешского языка для русскоязычной аудитории	108
<i>Кравчук А.Н.</i> Обучение польскому произношению в украинскоязычной среде / <i>Krawczuk A.</i> Nauczanie polskiej wymowy osób ukraińskojęzycznych	127
<i>Красовская Х.</i> Стоит ли изучать речь самых старших поколений? / <i>Krasowska H.</i> Czy warto badać mowę najstarszego pokolenia?	141

<i>Кульпина В.Г.</i> Цветовой спектр в лингвистических и аксиологических аспектах.....	151
<i>Лешкова О.О.</i> Новые явления в категории феминативов (на материале современного польского языка).....	169
<i>Лифанов К.В.</i> Мозаика языков и диалектов в пьесе Я. Андрашчика « <i>Śenk palenčeni</i> ».....	179
<i>Медведева-Нату О.Р.</i> Дороги, которые мы выбираем. К биографии Халины Гурской.....	190
<i>Мочалова Т.С.</i> О специфике глагольных имен в обучении польскому языку.....	208
<i>Остапчук О.А.</i> Языковая мозаика в романе Маргариты Хемлин «Дознаватель».....	216
<i>Петрухина Е.В.</i> Выражение начальной и конечной границ действия в славянских языках.....	235
<i>Писарек Л.</i> Из наблюдений над польско-русскими переводными парами, связанными со Второй мировой войной.....	248
<i>Раткевич М.А.</i> Территориальная дифференциация и языковая компетенция поляков Республики Беларусь (по материалам переписей населения Республики Беларусь 1999 и 2009 гг.).....	253
<i>Ригер Я. А.</i> О так называемых окситонах и пропарокситонах в „польщизне кресовой“/ <i>Rieger J. A.</i> O tzw. oksytonezie i proparoksytonezie w polskich gwarach kresowych.....	267
<i>Скорвид С. С.</i> Польский язык и полонизмы у сибирских голендров.....	274
<i>Тихомирова Т.С.</i> Основы построения лингводидактического функционально-семантического (семантико-функционального) словаря польского языка в сопоставлении с русским.....	287
<i>Тыртова Г.П.</i> Что показывает перевод повести С. Довлатова «Заповедник» на сербский язык.....	299
<i>Ускова Р.П.</i> Лингвистические и социолингвистические связи между македонским и другими славянскими балканскими языками.....	306
<i>Шапкина О.Н.</i> Особенности числового поведения предикатных имен существительных в польском языке.....	314

<i>Юдова Ю.Ю.</i> Еще раз к вопросу о так называемом боснийском языке	323
<i>Якушкина Е.И.</i> Честь и совесть в сербской народной культуре	330
Авторы выпуска / Authors	338

К ЮБИЛЕЮ НАТАЛИИ ЕВГЕНЬЕВНЫ АНАНЬЕВОЙ

2016 – год двойного юбилея для известного полониста, доктора филологических наук, профессора Наталии Евгеньевны Ананьевой. Выпускница славянского отделения МГУ, она связала свою научную жизнь и карьеру с родной кафедрой, вот уже в течение 40 лет успешно сочетая преподавательскую деятельность с научными изысканиями в сфере славянского языкознания. Она пришла на кафедру славянской филологии в 1976 г. юным преподавателем, чтобы в 2011 г. – уже будучи известным ученым и профессором – возглавить ее в должности заведующего. Эти годы вместили множество прочитанных учебных курсов, в том числе авторских – среди них уникальные «Польская лингвогеография», «История и диалектология польского языка» и многие другие; четверо воспитанных ею кандидатов наук, которые сегодня работают в Институте славяноведения РАН и МГУ, больше сотни прошедших ее строгую школу выпускников-полонистов. Мы, ученики, старались перенять особенности ее безупречного польского произношения (которое когда-то чуть было не привело Н.Е.Ананьеву в рубку радиоведущего), благодаря чему польские коллеги безошибочно определяли, какую именно лингвистическую школу мы представляем. Многолетний опыт преподавания нашел свое отражение в изданных с ее участием учебниках «Польский язык в школе» (Познань, 1998 - совместно с В.Я. Тихомировой и О.Н. Шапкиной), а затем и «Польский язык. Самоучитель для начинающих» (Москва, 2008 - в соавторстве с Т.С. Тихомировой), удачно совместивших методические наработки многих лет с нетривиальным подбором текстов и авторских заданий.

Прошедшие 40 лет – это еще и личный значительный вклад в науку: около 200 публикаций в различных сферах славистики, примерно столько же докладов на международных и российских конференциях и симпозиумах: по показателю научной активности Н.Е. Ананьева (а это в среднем около 6 конференций с ее участием в год) до сих пор занимает ведущее положение на кафедре. Сегодня профессор Н.Е. Ананьева – признанный специалист по истории и диалектологии польского языка, широко известный в России и за рубежом, член редколлегии международных славистических изданий, выходящих в Польше (*Rozprawy Komisji Językowej*), Сербии (Славистика), Белоруссии (Паланістыка. Полонистика/Polonistyka). С 2008 г. Н.Е. Ананьева представляет Россию в Диалектологической комиссии при Международном комитете славистов. Она является членом международной ассоциации польских и зарубежных преподавателей польской культуры и польского языка как иностранного "Бристоль". Ее заслуги отмечены российскими и зарубежными наградами, среди них – Юбилейный нагрудный знак «250 лет МГУ им. М.В. Ломоносова» (2005), а также польские государственные

знаки отличия: Кавалерский Крест Ордена Заслуги (1999), Медаль Комиссии Национального образования (2003), Медаль Общества «Польша-Восток» (2012).

А все начиналось с диплома полониста, полученного в МГУ в 1970 г., с искреннего увлечения диалектологией, с кандидатской диссертации, написанной под руководством С.Б. Бернштейна – выдающегося ученого-слависта и диалектолога, основателя кафедры славянской филологии. Выбор материала для диссертации был для того времени довольно смелым: особенности именного склонения анализировались диссертанткой на базе польского говора деревни Гайде в Литве – и это при том, что польские говоры на территории республик СССР по политическим соображениям крайне редко становились предметом отдельных исследований. Пробужденный С.Б. Бернштейном интерес к диалектологии, к специфическим польским говорам, развившимся в контактных зонах на границах польского ареала, Наталия Евгеньевна сохранила на долгие годы, посвятив этой теме не одну серьезную научную публикацию в авторитетных российских и зарубежных профильных изданиях. Ею был проанализирован целый ряд фонетических, морфологических (как в сфере именного, так и глагольного словоизменения) и морфонологических особенностей польских периферийных говоров в их обеих разновидностях – северо-восточной и юго-западной, что впоследствии создало солидную базу для системного сопоставления и широких типологических выводов. С 2007 г. под руководством и при непосредственном участии Н.Е. Ананьевой развивается новый перспективный проект – изучение польских островных говоров Сибири. В центре внимания исследовательницы оказались особенности польского переселенческого говора в сибирской деревне Вершина: анализ различных срезов лексики (микротопонимы, антропонимы, наименования лиц, заимствования) и морфологических особенностей производится на фоне соответствующих явлений в польских периферийных говорах Украины. Самое удивительное, что все эти годы Н.Е. Ананьевой удается сохранять ту свежесть восприятия и уникальную легкость, которой проникнута давняя фотография, где юная исследовательница сопровождает студентов, выглядящих ее ровесниками, на диалектологическую практику; она и сейчас охотно принимает участие в диалектологических экспедициях, будучи уверенной, что ничто не заменит настоящему диалектологу живого материала, добытого в полевых условиях.

Примечательно, что работы Н.Е. Ананьевой по диалектологии всегда отличало удивительное сочетание предельно тщательного разбора конкретного материала и глубокого типологического анализа с привлечением материала из других славянских языков – в полном соответствии с духом традиций славистической школы МГУ. Это позволило ей

сформулировать ряд теоретических выводов более общего характера, в частности, о природе и последствиях вариативности в современных славянских диалектах, о происхождении и характере гибридных форм в польских диалектах в контактных зонах. Разносторонние теоретические знания и богатый практический материал позволили Н.Е. Ананьевой также построить собственную типологию славянских периферийных диалектов на широком славянском фоне (включая все группы языков) с учетом межславянских и славяно-иноязычных контактов (в том числе с балтийскими языками), также с привлечением методов лингвогеографии. Последние ее работы посвящены типологии польских говоров Сибири в свете результатов их контактирования с русским языком.

Разнообразные научные интересы исследовательницы при этом не ограничиваются изысканиями в сфере узко понимаемой диалектологии, хотя и тесно логически с ней связаны. Так, начав с анализа морфологических последствий фонетических явлений в периферийных польских говорах, Н.Е. Ананьева впоследствии целый ряд работ посвятила другим частным и более общим проблемам в сфере морфонологии, в частности, морфонологическим вариантам славянских предлогов, морфонологическим типам субстантивных парадигм в чешском языке, став одним из соавторов коллективной монографии (наряду с Т.В. Поповой, М.И. Ермаковой и С.М. Толстой) «Славянская морфонология. Субстантивное словоизменение» (М., 1987). В отдельное направление со временем выделились также работы Н.Е. Ананьевой по ономастике, исследуемой на широком сопоставительном материале славянских языков (прежде всего русского и польского), в том числе диалектном. Исследовательницу интересуют как отдельные разряды онимов (имена, прозвища, микротопонимы) – прежде всего в анализируемых диалектах, так и отношения онимов и аппеллятивов в более широком словообразовательном аспекте на материале разных славянских языков, в том числе в связи с другими системными явлениями в лексике.

Тесно связан с диалектологическими исследованиями юбиляра также интерес к истории славянских языков, прежде всего польского, наиболее масштабным проявлением которого стала защищенная в 2001 г. докторская диссертация «Префиксальные глаголы в древнепольском языке (XIV-XV вв.) и современных польских диалектах. Опыт семантико-синтаксического анализа», ставшая важным этапом в научной биографии Н.Е. Ананьевой. Исторические увлечения автора нашли свое проявление также в целой серии публикаций, посвященных уникальным историческим текстам на польском языке из собрания редких книг в Научной библиотеке МГУ. В особое направление исследований со временем оформились также труды юбиляра по концептуальной лингвистике, которые, как и все другие ее работы, отличает широкий

сопоставительный фон и научная эрудиция. Так, объектом сопоставительного анализа в работах Н.Е. Ананьевой стали концепты 'начало' и 'конец', а также компоненты лексико-семантического поля 'желание', в том числе понятие 'страсть' как компонент категории оптативности на материале польского, русского и чешского языков.

Н.Е. Ананьеву всегда отличал незаурядный культурный кругозор, необыкновенное внимание к деталям, буквально каждая прочитанная ею книга становилась объектом профессионального лингвистического анализа. Первые работы в этой сфере были непосредственно связаны с основным направлением исследования юбиляра – периферийными польскими говорами и касались лексических (диалектных) особенностей поэтического языка Юлиуша Словацкого и Адама Мицкевича. Позже отсюда выросло целое направление анализа, представленное работами, посвященными изучению полонизмов в произведениях русской литературы, как классической (Н.В. Гоголь, Ф.В. Булгарин, В.Г. Короленко), так и современной (В. Богомолов, Дина Рубина).

Существует немало критериев определения значимости вклада конкретного ученого в науку. Среди них одним из наиболее объективных по праву считают количество ссылок на его работы в близких по тематике научных сочинениях коллег. Не будет преувеличением утверждение, что ни одна научная работа по проблематике польской диалектологии или истории языка, выходящая в России, (а нередко и в Польше, если речь идет о периферийных польских говорах), не обходится без упоминания научных результатов исследований Н.Е. Ананьевой. Ее «Краткий очерк истории синтаксиса польского языка» (2008), а также «История и диалектология польского языка», выдержавшая к 2013 г. уже 4 издания, неизменно пользуются популярностью не только у студентов как единственные учебные пособия по этой проблематике на русском языке, но и у коллег-славистов, обращающихся к ним как к важному источнику профессиональных сведений в этой узкоспециальной области славистики.

Объективные факты нельзя не дополнить личными субъективными впечатлениями о юбиляре как об увлеченном преподавателе, умеющем привить свой интерес к предмету ученикам, чутком научном руководителе и внимательной коллеге. Остается только пожелать дорогому Учителю и юбиляру вдохновения и сил для долгой плодотворной и успешной работы в стенах родной кафедры.

От имени учеников и коллег О.А. Остапчук

**«СЛОВА НАС СПАСУТ...».
АУТОПСИХОТЕРАПЕВТИЧЕСКИЕ ВОЗМОЖНОСТИ
ТЕКСТА (НА МАТЕРИАЛЕ ПОЛЬСКОЙ ПРОЗЫ 1990-
2000-Х ГГ.)**

И.Е. Адельгейм

**«WORDS WILL SAVE US ...». AUTOPSYCHOTHERAPEUTIC POS-
SIBILITIES OF TEXT (POLISH PROSE OF 1990-2000.)**

I. Adelgeym

ABSTRACT:

Methods of psychotherapy using a narrative approach owe their effect not only to emotional discharge given by "articulation" of the problem, but, first of all, to the possibility of creating a integral life story, which allows to analyze and correct the real story of life. Literary work can be also considered as a process of conscious or unconscious autopsychoterapy. On the material of contemporary polish prose the author shows how the literary narrative serves to different autopsychotherapeutic processes, that help to overcome historical and structural traumas.

Keywords: polish prose; historical and structural trauma; self psychotherapy; narration of traumatic experience

АННОТАЦИЯ:

Методы психотерапии, использующие нарративный подход, обязаны своим эффектом не столько эмоциональной разрядке, которую дает «проговаривание» проблемы, сколько, прежде всего, возможности создания цельной жизненной истории, позволяющей анализировать и корректировать реальную историю жизни. Как процесс сознательной или неосознанной аутопсихотерапии может быть рассмотрено литературное творчество. На материале современной польской прозы автор показывает, каким образом литературное повествование служит различным аутопсихотерапевтическим процессам, способствующим преодолению исторических и структурных травм.

Ключевые слова: польская проза; историческая и структурная травма; аутопсихотерапия; нарративизация травматического опыта

«Слова нас спасут...»¹

Психотерапия, использующая нарративный подход, обязана своей эффективностью не только эмоциональной разрядке, которую дает «проговаривание» проблемы, но и, в первую очередь, возможности

---

¹ А. Tuszyńska. Ćwiczenia z utraty. Kraków, 2007. S.175.

создавать связную жизненную историю, позволяющую анализировать и корректировать реальную историю жизни. Как процесс аутопсихотерапии может быть рассмотрено и литературное творчество. Здесь следует говорить о двух взаимосвязанных перспективах – психологии поэтики (в основе всякой структуры лежит определенный опыт) и поэтике психологии (как установке изначального, предшествующего тексту переживания на определенные способы его художественного воплощения).

В статье на материале части польской прозы 1990-2000-х гг. сделана попытка показать, как при помощи различных художественных приемов осуществляется ряд аутопсихотерапевтических процессов, направленных на преодоление исторических и структурных травм [LaCapra 2015: 98] - травм исторического и личного времени.

Исторические травмы тех, чье поколение в Польше называют «последним»², связаны со Второй мировой войной, пережитой не в реальности, а в виде разрушительных для психики и идентичности последствий. Это травмы «детей руин» – руин в буквальном и переносном смысле, – детей насилия, страха и молчания, травмы обитателей послевоенного пространства и времени, живущих в тени памяти о войне недавно закончившейся и в ожидании войны новой.

Это, во-первых, наследование травмы Холокоста – проза детей выживших: матрицентрические тексты, повествующие о детстве, обремененном страшным материнским прошлым – замалчиваемым, вытесняемым («Итальянские шпильки» и «Шум» М. Тулли, «Гольди. Апология звероватости» и «Фраскати. Апология топографии» Э. Курьлюк, «История семейного страха» А. Тушиньской) или становящимся орудием эмоционального шантажа («Произведение о матери и отчизне» Б. Кефф). В этот ряд можно поставить и книгу «Малый Холокост» А. Янко, мать которой ребенком пережила уничтожение нацистами польской деревни.

Во-вторых, последствия военной и послевоенной миграции, заселения бывших немецких территорий, образования пространства идентичности «умноженной», а следовательно, формирующейся заново. Для детей переселенцев полное укоренение оказалось невозможным без рефлексии над судьбами предков и бывших жителей Возвращенных территорий. Для А. Юевича и А. Загаевского травмой становится то, что утраченные (лично или через навязанную старшими ностальгию) Восточные Кресы полностью заслоняют реальное пространство детства, остающееся территорией неосвоенной, постепенно отравляющей их чуждости. Болезненный психологический опыт авторов, родившихся

---

² Формула, распространившаяся в польской критике и литературоведении, впервые появившаяся в дискуссии, опубликованной в гданьском литературно-художественном журнале «Титул» (Tytuł, 1991, №3, цит. по: [Czermińska 2000:146].

уже на Возвращенных территориях – П. Хюлле, С.Хвина, А.-Д.Лисковацкого, И.Батор, И.Ивасюв, Б.Хельбиг – связан с ощущением двойного «разлома», двойной драмы – в судьбе родителей и пространства детства. Для З.Орышин, дочери добровольных переселенцев, это травма испытанной в детстве вины перед выселяемыми немцами.

Для младшего поколения писателей, родившихся в 1970-80-е гг. и начавшихся активно печататься в 2000-е – Д. Беньковского, К.Варги, И.Остаховича, М.Кохана, К.Беськи, В.Кучока, Р.Осташевского, М.Сеневича, П.Червиньского, С.Схуты, Я.Маслянека, Д.Одийи, М.Витковского, Т.Пёнтека, М.Цегельского, И.Карповича, А.Качановского, М.Ольшевского, Л.Орбитовского, Д.Киверской, С.Хутник, М.Дзидо, А.Дроткевич, Д.Масловской, М.Нахача, К.Бызи, Петра Ц., Д.Ожаровской и др. – это травма исторического перелома 1989 г.: «разлом» в биографии и сознании, нехватка романтики общественного сопротивления, исторически закрепившейся как основа польской ментальности и культуры, ощущение тупика между глобальным потребительством, с одной стороны, и навязываемыми властью и историко-культурной традицией национальным этосом и мартирологией – с другой.

Анализируемая в статье структурная травма, связанная с личной историей и личным временем – это опыт соприкосновения со смертью и танатический страх (романы «Последние истории» О. Токарчук и «Шум» М. Тулли, дневники траура – «У меня умер. Траурный блокнот» И. Ивасюв, «День перед концом света» А.Юревича и «Упражнения по утрате» А.Тушиньской, а также посвященный перинатальной утрате сборник рассказов Ю.Баргельской «Обсолетки»).

На уровне поэтики преодоление этих болевых точек осуществляется при помощи эмпатической археологии пространства, эмпатической биографии и автобиографии, дневника траура, деконструкции окружающих дискурсов, использования культурных кодов, сказки, фантазмагии, героев-масок и пр., включения как текстовой и внетекстовой реальности старых фотографий и пр. Эти жанры и приемы делают возможным осуществление элементов целого ряда психотерапевтических приемов.

1. К методу системно-семейных расстановок Хеллингера (рассматривающему человека как часть рода и позволяющему находить и устранять причины проблем, источник которых находится в жизни предков) отсылает эмпатическое повествование об опыте предков – реальных и гипотетических – в текстах о Возвращенных территориях и текстах второго поколения детей Холокоста.

В 1990-е гг. эмоционально наполненная реконструкция ностальгии, памяти места, травмы переселения от имени предков собственных и

«названных» (т.е. предков по месту проживания – немцев) происходит посредством, в первую очередь, эмпатической археологии – эмпатического повествования о предметах, связанных с немецким прошлым Возвращенных территорий («История одной шутки», «Ханеман» Хвина, «Рассказы на время переезда» Хюлле, «Улицы Щецина», «Сахарница фрау Кириш» Лисковацкого). В 2000-е гг. элементы системных расстановок осуществляются в большей степени при помощи эмпатической биографии («Воспой сады» Хюлле, «Eine Kleine» Лисковацкого, «Бамбино», «К солнцу» Ивасюв, «Пяскова Гура», «Заоблачье», «Темно, почти ночь» Батор, «Секретики» Хельбиг, «Спасенная Атлантида» Орышин) – конструирования возможных судеб поколения дедушек-бабушек, родителей, немецкого населения Возвращенных территорий. Это позволяет повествователю словно бы *лично* убедиться, что не может быть началом земля, под которой «лежит, растоптанная» [Ogyszy 2012: 178] родина бывших жителей, и в результате этого виртуального, но эмоционально пережитого опыта получить моральное право на укоренение.

В матрицентрических текстах второго поколения детей Холокоста эмпатическое повествование оказывается одним из вариантов терапии симбиотической травмы. Чтобы освободиться от унаследованной травмы, необходимо простить, для прощения же мало рационального осмысления – необходимо эмпатическое *воспроизведение* в повествовании тех моментов в опыте матери, которые сделали ее такой, виртуальное *проживание* их повествовательницей. Кроме того, авторами движет и чувство долга перед жертвами, потребность оставить о них память. Работая не только со своей памятью, но и с памятью близких, они стремятся очистить ее от клейма стыда и страха, выразить то, что осталось невыраженным предками³. Наконец в результате повествования происходит встраивание себя в семью, род, а семьи и рода – в свое сознание («Я ощутила огромное облегчение, какое дает чувство принадлежности»⁴), т.е. частичное преодоление травмы разрыва родственных

---

³ A. Janko. *Mała Zagłada*. S.12, 36, 54, 75, 91; A. Tuszyńska. *Rodzinną historią lęku*. Kraków, 2014. S.146; E.Kuryluk. *Goldi. Apoteoza zwierzęczkowatości*. Kraków, 2011. S.117, 146; E.Kuryluk. *Frascati. Apoteoza topografii*. Kraków, 2009. S.47, 145; E.Kuryluk. *Moje książki są z żałoby. Rozmawia Juliusz Kurkiewicz // Gazeta Wyborcza*, 23.07.2010 http://wyborcza.pl/1,75475,8167738,Ewa_Kuryluk_Moje_książki_są_z_żałoby.html

⁴ A. Tuszyńska. *Rodzinną historią lęku*. S.173.

связей⁵, который Л.Лангер называет одним из самых страшных последствий войны⁶.

Согласно методу семейных расстановок, главным источником психологических проблем у последующих поколений является исключение из семейной системы (т.е. желание забыть) кого-либо из участников травмы (будь то пострадавшие или виновные). Причем к семейной системе, по Хеллингеру, относятся не только родные, но и люди, связанные с человеком отношениями жизни и смерти (неслучайно Мать в тексте Кефф говорит: «Теперь, когда Гитлер [...] и Сталин [...] мертвы // Только ты у меня осталась, мое дитя // из близких»⁷). Яркий образ такой «семьи» дает роман Тулли «Шум»: в зале полусказочного «Низшего суда», помимо непосредственных участников жизни героини, родившейся после войны, появляются убитые эсэсовцы и их сожженные жертвы, и на восклицание одного из персонажей – «Их нужно прогнать [...] Мы все тут не поместимся, и так уже дышать нечем!» – председатель суда отвечает: «Они останутся здесь [...] Куда нам их девать? Всё это одна семья»⁸. Важнейшей задачей своего повествования Курьлюк называет потребность компенсировать матери «исключение» ее в своем детстве⁹ – ничего не зная о страшном прошлом матери, девочка считала ее сумасшедшей, нередко ненавидела и мечтала от нее избавиться¹⁰. В романе Тулли такая коррекция должна символически совершиться в уже упоминавшемся Низшем суде: « – Мы все собрались сегодня [...] затем, чтобы... – начал лис и сделал паузу. – Чтобы осудить! – подсказал эсэсовец. – Чтобы простить, – закончил лис»¹¹. Однако совершается она и иначе. Эсэсовец, живущий в придуманном маленькой героиней лесу – ее единственном прибежище – не только воплощение абстрактного насилия и конкретной реальности Второй мировой войны и послевоенного мира, не только зло, которому девочка и лис пытаются противостать (связывая эсэсовца). Это тот конкретный немец, который, переводя узников (в том числе мать девочки) из одного лагеря в другой, ежедневно клал в рот каждому по ложечке сахара (что позволило им

⁵ A.Tuszyńska. Ibidem. S. 135, 146, 183, 260; M.Tulli. Ludzik mi padł, więc gram następnym. Rozmawia Katarzyna Kubisiowska // Gazeta Wyborcza, 30.10.2011 http://wyborcza.pl/duzyformat/1,127291,10548289,Magdalena_Tulli_Ludzik_mi_padl_wiec_gram_nastepnym.html?pelna=tak; E.Kuryluk. Goldi. Apoteoza zwierzaczkowatości. S.170; E.Kuryluk. Frascati. Apoteoza topografii. S.81; A.Janko. Mała Zagłada. S.33.

⁶ L.Langer. Scena pamięci. Rodzice i dzieci w tekstach i świadectwach Holokaustu // Literatura na Świecie, 2004, №1-2. S.127.

⁷ B.Keff. Utwór o Matce i Ojczyźnie. Kraków, 2008. S.59.

⁸ M.Tulli. Szum. Kraków, 2014. S. 128.

⁹ E.Kuryluk. Moje książki są z żałoby.

¹⁰ E.Kuryluk. Frascati. Apoteoza topografii. S.116, 121, 154, 203, 242; E.Kuryluk. Goldi. S.48.

¹¹ M.Tulli. Szum. Kraków, 2014. S. 116.

пережить переход), тот, которого застрелили после освобождения лагеря, тот, которого не спасла мать, хоть и имела такую возможность. Девочка же «находит» его («Каждый раз, когда я смотрела на лиса и девочку, у меня возникало ощущение, что на моей картинке кого-то не хватает»¹²), воспроизводит его историю, рассказывая с его перспективы, в своем вымышленном мире кормит, связанного, с ложечки сахаром, благодаря его и восстанавливая место этого человека в их «семье». Пытается символически восстановить место в «семье» «хороших» и «плохих» немцев Янко в своем «Малом Холокосте», не просто рассказав о них, но увидев происходящее *их* глазами¹³.

2. Часть прозы о Возвращенных территориях построена на диалоге взрослого повествователя с собой-ребенком. Такой диалог как метод психотерапии направлен на актуализацию, вербализацию, объективацию детских травм и переживаний, скрытых внутренних конфликтов, осознание раздвоенности путем идентификации с обоими полюсами.

Развернутые обращения повествователя «Лиды» Юревича к себе-маленькому¹⁴, создающие психологическую дистанцию, эмоциональное напряжение между сознанием взрослого и ребенка, дают иллюзию власти над смыслами собственной биографии, усиливают ощущение ее единства. Неслучайно «Лида» Юревича заканчивается словами «боль не воплощается»¹⁵: целью повествования является не устранение травмы, а вписание ее в биографию: «Если я не выдавлю из себя этой повести [...] жизнь моя окажется неполной»¹⁶. Загаевский же в процессе повествования, анализа амбивалентности пространства реального и иллюзорного пытается освободиться от власти навязанного ему ностальгического дискурса¹⁷, описать город собственного опыта и собственных переживаний, вступить в диалог с собой-ребенком, а затем дистанцироваться от него¹⁸. В результате два исключавших друг друга пространства образуют наконец в сознании повествователя некое призрачное единство¹⁹. Повествователь у Хвина и Хюлле осмысляет случайность и закономерность путей предков, приведших их к той точке, в которой появился на свет он сам²⁰.

¹² M.Tulli. Szum. Kraków, 2014. S. 46.

¹³ A. Janko. Mała Zagłada. S.37-39, 47, 62, 154.

¹⁴ A.Jurewicz. Lida. Gdańsk, 1994. S. 39-40, etc.

¹⁵ Ibid. S.106.

¹⁶ Ibid. S.14.

¹⁷ A.Zagajewski. Dwa miasta. Warszawa, 2007. S.24.

¹⁸ Ibid. S.24-25.

¹⁹ Ibid. S.46.

²⁰ S.Chwin. Krótka historia pewnego żartu. (Sceny z Europy Śródkowowschodniej). Kraków, 1991.S.151, 154-155, 170; P. Huelle. Opowiadania na czas przeprowadzki. Gdańsk, 1999. S.39.

3. По А. Янову, основателю первичной терапии, для освобождения от «замороженной боли» необходимо возвратиться в прошлое, заново пережить ситуацию, ставшую причиной первичной травмы, и разрушить ее с помощью крика. Таким «криком» по сути является само повествование Тулли, Курылюк, Кефф, Янко, Орышин и др., подробно (у Орышин – в многократной проекции на целый ряд персонажей) описывающее травматический опыт. Функцию «первичного крика» выполняют также некоторые «арии», «речитативы» и возгласы в многоголосной оратории Кефф и катартический плач у Батор: «Мне казалось, что очищающая соленая волна заливают все места, будившие мою печаль, заливают подвал моего дома, подмывает ящик, в котором мы с Эвой прятались от матери [...] и через окна выливается в сад, в лес, поднимается на поляну, где немецкие солдаты убили еврейских узников, где советские солдаты изнасиловали немецкую девочку [...]»²¹.

4. Повествование также служит деконструкции и реконструкции жизненного нарратива – осознанию и анализу попыток других людей или социума узурпировать «авторство» жизненной истории человека, поиску так называемых «уникальных» моментов (эпизодов, когда человек сопротивлялся навязываемой ему истории), т.е. структурированию и «уплотнению» истории альтернативной вплоть до обретения способности противостоять истории доминирующей.

Так, например, повествовательница «Шума» Тулли подробно описывает неуверенность, затравленность девочки, насмешки и издевательства дома и в школе, безуспешные попытки приспособиться к «правилам нормальности», установленным в семье и пр., но одновременно фиксирует моменты ощущения загнанной глубоко внутрь силы²², многочисленные, но все же имеющиеся воспоминания о другом, добром, отношении родственников²³, попытки бунта²⁴, изменение ситуации после замужества и рождения детей²⁵. Текст Кефф – символическая борьба с матерью за собственную идентичность и собственную историю²⁶.

5. Проза использует «восстановление участия» – реальное или виртуальное привлечение к процессу терапии людей, способных дать дополнительную точку зрения на человека и его проблему («Травматические воспоминания являются неувоенными фрагментами гнетущего опыта [...] Травмированная личность должна вернуться к воспомина-

²¹ J. Bator. *Ciemno, prawie noc*. Warszawa, 2012. S. 523.

²² M. Tulli. *Szum*. Kraków, 2014. S. 46.

²³ Ibid. S. 62, 79, 47.

²⁴ Ibid. S. 77, 91, 92, 24.

²⁵ Ibid. S. 22, 92.

²⁶ B. Keff. *Utwór o Matce i Ojczyźnie*. Kraków, 2008. S. 27, 28, 39, 55, 56.

нию, нередко также для того, чтобы его дополнить»²⁷). Наиболее буквальным пример – показания «свидетелей» в Низшем суде в романе Тулли «Шум» – именно они нащупывают причину травмы девочки: «Теперь я бы сказала, что она скрывала под свитером какую-то страшную рану. Не знаю, откуда она могла у нее появиться, ведь жизнь у нас тогда была спокойная. Что я хочу этим сказать? То, что говорю. Что она эту рану от матери унаследовала»²⁸. Повествование осуществляет также символическую работу с памятью матерей (являющейся причиной травмы дочерей-повествовательниц), дополняя ее «показаниями» свидетелей (Тулли, Тушиньская, Курылюк, Янко).

6. Повествование обращается к терапевтической метафоре – эффективному средству психотерапии, позволяющему в сжатой и психологически действенной форме выразить проблему и диссоциировать ее для последующего анализа. Так, в ряде метафор воплощается обременительность наследования материнского страдания (образы нежеланного наследства²⁹, тяжелого груза – абстрактного³⁰ или конкретизированного³¹, туча, дым, лава, пепел³² как символы вечного, никуда не исчезающего и преследующего потомков страдания жертв Холокоста, *temen-to*³³, физиологические метафоры – горб³⁴, рана³⁵, аллергия³⁶, образы, связанные с пренатальным периодом развития ребенка³⁷, с рабством и заточением – поводок³⁸, кандалы, тюремная вышка, Вавилонский плен³⁹, а также жертвоприношением⁴⁰, пожиранием ребенка⁴¹ и пр.). Повествование, таким образом способствует экстерииоризации проблемы. Она получает имя, а человек рассматривается не как ее вместилище, а как субъект, находящийся с ней во взаимоотношениях, которые подаются анализу и коррекции.

Повествование кроме того наглядно показывает *работу* терапевтической метафоры. Так, героиня Кефф отождествляет себя с персонажа-

²⁷ Bessel A. van der Kolk, Onno van der Hart. *Natrętna przeszłość: elastyczność pamięci i piętno traumy // Antologia studiów nad traumą*. Kraków, 2015. S.169.

²⁸ M.Tulli. *Szum*. S.119.

²⁹ M.Tulli. *Włoskie szpilki*. Warszawa, 2011. S.64-66, 75; M.Tulli. *Szum*. S.55,19, 66,

³⁰ M.Tulli. *Włoskie szpilki*. S.27; A. Tuszyńska. *Rodzinna historia lęku*. S.10; B.Keff. *Utwór o Matce i Ojczyźnie*. S.5.

³¹ M.Tulli. *Włoskie szpilki*. S.65-66, 75

³² B.Keff. *Utwór o Matce i Ojczyźnie*. S.16.

³³ M.Tulli. *Włoskie szpilki*. S.65-66, 75, 69, 125, 126-128, 140.

³⁴ A. Tuszyńska. *Rodzinna historia lęku*. S.10.

³⁵ M.Tulli. *Szum*. S.119-120.

³⁶ A. Janko. *Mała Zagłada*. S.15-16.

³⁷ *Ibid.* S.12.

³⁸ B.Keff. *Utwór o Matce i Ojczyźnie*. S.48.

³⁹ *Ibid.* S.23, 60.

⁴⁰ *Ibid.* S.47.

⁴¹ *Ibid.* S.19, 39, 47.

ми массовой культуры, переосмысливая известные сюжеты и гротескно снижая разрушительный пафос материнского дискурса⁴². Характерно, что лишь маски-коды делают для героини возможным бунт («Орестово покушение космонавтки Рипли»⁴³, «волнения в хижинах рабов»⁴⁴ и пр.). Развернутую метафору представляет собой сказка. Так, в воображаемом мире маленькой героини Тулли – лису – живут ее альтер эго и волшебный лис, олицетворяющий психологическую свободу, а также эзэсовец, воплощающий насилие. Во взрослой жизни, после развода героиня вновь встречает лису – он приводит ее в Низший суд, в котором председательствует и который способствует преодолению травм прошлого.

7. В романе Токарчук «Анна Ин в гробницах мира» и «Произведении о Матери и Отчизне» Кефф использована мифодрама – метод психотерапии, основанный на драматической постановке мифологических сюжетов.

Роман Токарчук опирается на шумерский миф об Инанне, психологическую сверхзадачу которого писательница определяет как «обезвреживание ужаса смерти»⁴⁵. Токарчук не реинтерпретирует миф, а лишь проживает его вместе с читателем. Именно этой цели – возможности идентифицировать себя с персонажами – служат осовременивающие миф футуристические реалии и само обращение автора к периоду, «когда боги были людьми»⁴⁶, к шумерской мифологии, где «еще не существовало пропасти, появившейся лишь у греков и разделившей богов и людей на два разных вида»⁴⁷. Вместе с богиней автор переживает чисто человеческий опыт: ощущение неминуемости смерти⁴⁸, равнодушие мира к отдельной смерти⁴⁹ и пр. Это «безопасное» (поскольку речь идет о боге⁵⁰) получение в человеческом измерении⁵¹, в парадигме человеческих чувств опыта, человеку недоступного («Она пошла дорогой людей, стала, как они, проторила им путь»⁵²; «Она первая указала путь, огромные тяжелые ворота превратила во вращающиеся двери, которые достаточно подтолкнуть пальцем»⁵³).

⁴² Ibid. S.10, 13, 16, 19, 26-27, 29, 33, 47, 49, 54.

⁴³ B.Keff. *Utwór o Matce i Ojczyźnie*. Kraków, 2008. S.27.

⁴⁴ B.Keff. *Utwór o Matce i Ojczyźnie*. Kraków, 2008. S.55.

⁴⁵ O.Tokarczuk. *Anna In w grobowcach świata*. Kraków, 2006. S.209.

⁴⁶ Ibid. S.76.

⁴⁷ Ibid. S.198.

⁴⁸ Ibid. S.19, 49, 68, 73, 40.

⁴⁹ Ibid. S.70, 145, 147.

⁵⁰ Ibid. S.44.

⁵¹ Ibid. S.38.

⁵² Ibid. S.107.

⁵³ Ibid. S.176.

Опирающееся на миф повествование Токарчук представляет собой *буквальное* разятие бытия на две части – жизнь и смерть, – а затем объединение их заново, *переживание* смерти как неотъемлемой и необходимой части жизни. Смерть предстает буквальным фундаментом мира: под живым городом лежат гробницы⁵⁴, богиня царства мертвых родилась первой⁵⁵. Жизнь и смерть – не просто две стороны одной медали, не способные существовать одна без другой, но богини-близнецы⁵⁶. Когда богиня спускается в царство мертвых, жизнь и смерть соприкасаются опять-таки буквально: «Они стоят, обнявшись [...]»⁵⁷. Нет жизни без смерти, но нет и смерти без жизни: заставляя умереть спустившуюся к ней сестру-близнеца, богиня подземного царства также перестает жить в полную силу⁵⁸.

«Смерть есть условие, дающее нам возможность жить аутентичной жизнью»⁵⁹, – утверждает И. Ялом. Эту двойственную природу мира и одновременно парадоксальность человеческой психологии и демонстрирует со всей недоступной современному человеку наглядностью миф. Целью мифодрамы, таким образом, является обретение гармонии, приятие реальности смерти как части архаического обмена человека с природой. «Когда-то прикоснуться к мифу можно было благодаря эмоциональному его переживанию, ритуальному в нем участию [...]»⁶⁰, современный человек лишен этой возможности. Рациональными способами невозможно добиться того, что давали инициации и мистерии («Реальное событие смерти принадлежит воображаемому. Где воображаемое создает символический хаос, там инициация восстанавливает символический порядок»⁶¹; «Участие в мистериях гарантировало как греческому социуму, так и отдельному человеку жизнь без страха смерти и доверие к всепожирающей смерти. Мистерия давала миру ощущение безопасности»⁶²). Мифодрама позволяет хотя бы отчасти вписать смерть в символический ритуал обмена: «мы торгуемся с мертвыми под знаком меланхолии, первобытные же люди живут с мертвыми в форме ритуала и праздника»⁶³.

В «Произведении о Матери и Отчизне» Кефф имена главных героинь – Деметра и Кора – символизируют драматическое и вечное единст-

---

⁵⁴ Ibid. S.19.

⁵⁵ Ibid. S.19.

⁵⁶ Ibid. S.19, 31, 33, 69, 168, 127, 36.

⁵⁷ Ibid. S.36.

⁵⁸ Ibid. S.119-120.

⁵⁹ И. Ялом. Экзистенциальная психотерапия.

⁶⁰ O. Tokarczuk. Anna In w grobowcach świata. S.217-218.

⁶¹ Там же. С.245-246.

⁶² O. Tokarczuk. Anna In w grobowcach świata. S.210.

⁶³ Ж. Бодрийяр. Символический обмен и смерть. М., 2006. С.247.

во матери и дочери. Отношения сдвигаются с мертвой точки, когда Мать комментирует открытие памятника Дмовскому. Ответ дочери («Я как Персефона согласна с тобой, Геката, // И должна сказать, что человек ты порядочный»⁶⁴) знаменателен: здесь, во-первых, впервые появляется третий персонаж – Геката, в античной мифологии тесно связанная с Деметрой и Корой/Персефой, выступающей помощницей обеих. Мать наконец выходит за рамки своей трагедии, оказывается способна увидеть также трагедию народа, переставая быть лишь Матерью, становясь Гекатой, которая высказывает мрачное пророчество, связанное с отсутствием в обществе толерантности (Геката несла ответственность за постигающее людей безумие, помешательство или одержимость идеей, а кроме того, являлась богиней пределов, порогов, перекрестков – тех мест, где смыкается свое и чужое). Во-вторых, используется двуименность богини-дочери. Кора означает «Дева», и уже этим именем героиня неразрывно связана со своей матерью. В этой главе, однако, Кора впервые называет себя Персефой (имя, которое богиня носила, лишь став женой Аида, то время, которое проводила в подземном царстве) и так именуется уже до конца книги, таким образом обретая частичную свободу от матери.

8. Смерть не поддается передаче через знания – «отказывается свидетельствовать»⁶⁵, находится за пределами истины, не подлежит логической рефлексии. Человек проделывает немалую внутреннюю работу, чтобы научиться жить со страхом этого Неведомого и защищаться от него. Большинство выстраиваемых людьми адаптивных стратегий по преодолению тревоги смерти, основано на механизмах отрицания и игнорирования. Стремление вытеснить ее как не вписывающуюся в идею полного контроля над жизнью (парадоксальным образом вопреки постоянному присутствию ее в СМИ) заставляет Бодрийера назвать современную культуру «одним сплошным усилием отъединить жизнь от смерти»⁶⁶. Бодрийер же пишет и о разрушительных для индивидуальной психики последствиях этого процесса: «В нашей современной системе за “реальность” этой жизни, за ее переживание как позитивной ценности мы расплачиваемся постоянным фантазмом смерти»⁶⁷.

Известна в то же время огромная эффективность конфронтации человека с собственной смертью. Моделирование этой пограничной ситуации успешно использует психотерапия, добиваясь эффекта десенсбилизации – уменьшения чувствительности к какому-либо опыту путем его повторения. Пациента вновь и вновь заставляют испытывать тана-

⁶⁴ В.Кефф. *Utwór o Matce i Ojczyźnie*. S.61.

⁶⁵ Ж. Деррида. *Голос и феномен*. СПб, 1999. С. 48.

⁶⁶ Ж. Бодрийер. *Символический обмен и смерть*. С.264.

⁶⁷ Там же. С.245.

тический страх в уменьшенных дозах, помогая манипулировать объектом тревоги и анализировать его (при помощи «экзистенциальной шоковой» терапии – написания эпитафии или некролога самому себе; упражнения-«вызова», помогающего осознать случайность и хрупкость существования и пережить опыт исключения при жизни как подготовку к исключению окончательному – смерти; техники направленного фантазирования – представления и описания собственной смерти и похорон; группового опыта переживания «жизненного цикла», в частности, старости и умирания и пр.⁶⁸).

Метод десенсибилизации последовательно использует в «Последних историях» Токарчук. Три героини романа, стоящие в центре трех его глав – не просто бабушка, мать и внучка, но маски автора-повествователя, что подтверждает множество очевидных параллелей между ними (помимо сближающих автобиографических деталей и черт внешности) – схожих жестов, ощущений, привычек, особенностей мировосприятия и пр. Автор-повествователь словно бы пытается свыкнуться со смертью, осваивая ее на ряде женских персонажей. Характерна при этом зеркальная конструкция. Естественный порядок встречи человека со смертью подразумевает очередность «Он»-«Ты»-«Я». Токарчук же располагает главы наоборот: «Я»-«Ты»-«Он» (хотя, очевидно, первоначально порядок был «правильным»⁶⁹). В I части умирает в результате автокатастрофы Ида, *главная* героиня, срединная и центральная по положению в цепочке поколений. Во II главе умирает отец Иды, *муж* старухи Параскевы – Петро. Наконец в III части книги умирает *посторонний* человек – фокусник, с которым случайно знакомится на экзотическом острове Майя – дочь Иды и внучка Параскевы. Таким образом, сначала происходит персонализация смерти: это не то, что случается с кем-то другим и *может* случиться с тобой, но то, что случается *именно* с тобой и разрушает иррациональную иллюзию гипотетического бессмертия. Затем подробно описывается опыт смерти-ты: Параскева переживает траур, однако акцент в повествовании сделан на своего рода «самообучении» смерти, привыкании к ее присутствию, освоении⁷⁰. И наконец смерть отдалается еще больше, существуя в парадигме «смерть-он», являясь тем не менее неизменным *memento* (именно поэтому Фокусник воспринимается Майей как посланец смерти, пугающий своим интересом к ее сыну-подростку, вступающему во взрослую систему координат, в которой важнейшее место займет смерть⁷¹). Этот обратный порядок в романе неслучаен. Таков психоло-

⁶⁸ И. Ялом. Экзистенциальная психотерапия.

⁶⁹ T. Mizerkiewicz. Ogarnięci chłodem // Nowe Książki, 2004, №8.

⁷⁰ O. Tokarczuk. Ostatnie historie. Kraków, 2004. S. 79, 134, 169, 187-188.

⁷¹ Ibid. S. 267.

гический защитный механизм: «приложив» сценарий смерти к «Я», повествователь затем, словно бы инстинктивно, уходит в более безопасное «Ты» и наконец в «Он». От «единственности», единичности смерти Собственной – через промежуточный случай смерти Близкой – к бесконечной «множественности» смерти Другого.

Более того, роман представляет собой искусную конструкцию из множества цепочек смерти – подобно тому, как представляет ее реальная жизнь. Если продолжить цепочку «Я»–«Ты»–«Он» дальше, гипотетически выстраивается уже «естественный» порядок «Он»–«Ты»–«Я»: Майе, только что оказавшейся свидетельницей смерти Чужой, предстоит пережить смерть матери, которая уже произошла в I главе, но о которой дочь еще не знает в «своей» III и которая разрушит последний барьер, отделяющий ее абстрактное понятие смерти от собственного конца. Другая цепочка – смерть животных (схема ступеней столкновения со смертью в «естественном» порядке: он-ты-я⁷²; зооморфные сравнения и соприкосновение с мертвыми животными⁷³). Кроме того, во всех трех главах встречается имя автора – Ольга: этот персонаж каждый раз оказывается близким или далеким представителем того света или проводником туда. Наконец в романе множество эпизодов разыгрывания смерти в играх, фантазиях, на сцене и т. д.

9. Поскольку смерть является абсолютным воплощением «неведомого»⁷⁴, «архетипом непостижимости»⁷⁵, «частичная смерть», опыт смерти «из вторых рук» представляет собой перспективу, в которой она наиболее доступна живым. Смерть близкого человека максимально приближена к смерти собственной, давая опыт переживания однократности и незаменимости человеческого бытия (неслучайно в финале «Упражнений по утрате» Тушиньской звучит фраза: «*Мы умерли* [курсив мой – И.А.] 16 сентября 2006 в 16.32»⁷⁶).

Оплакивание умершего близкого – отделение себя от него и отделение от себя той незаменимой части мира, которой он был для скорбящего, опыт перестройки собственного, частично также умершего, мира представляет собой специфическую попытку преодоления смерти. Деррида и Бодрийяр интерпретируют этот механизм как своеобразный торг, стремление притерпеться к смерти посредством скорби, пожертвовать смерти нечто принадлежащее нашему внутреннему «я» и получить вза-

⁷² Ibid. S. 8, 18, 55, 65, 107-108, 111-113, 118.

⁷³ Ibid. 2004. S. 52, 53, 205, 247, 234-235, 258.

⁷⁴ Z. Bauman. Płynny lek. Kraków, 2008. S. 55.

⁷⁵ Ibid. S.93.

⁷⁶ A. Tuszyńska. Ćwiczenia z utraty. S. 235.

мен нечто, делающее смерть близкой и интимной, сделать ее частью своей жизни⁷⁷.

Юревич и Ивасюв переживают в тексте траур не просто по близкому человеку, но по отцу, т.е. это опыт разрушения последнего барьера между смертью в третьем лице и смертью собственной⁷⁸. Поэтому тексты подробно фиксируют не только переживание – проживание – боли, утраты как таковых, но говорят также об ощущении цезуры в жизни⁷⁹, «переходе от опосредствованного к непосредственному»⁸⁰: после смерти родителей «умереть предстоит нам, и никто тут не поможет»⁸¹. Они примеряют случившееся к себе («смерть-ты» таким образом гипотетически превращается в «смерть-я»), своим детям (которым еще только предстоит пережить опыт такого превращения), своим родителям (для которых позади и этот опыт, и осуществление этой метаморфозы в реальности)⁸².

Особым случаем «частичной смерти» оказывается переживание утраты, траура еще при жизни – рядом со смертельно больным близким. «Упражнения по утрате» Тушиньской – описание опыта «подготовленной» смерти, некогда считавшейся благом, а в наше время – наоборот, а также опыта, которого, как правило, лишен современный человек («У большинства людей никогда в жизни не бывает случая увидеть, как кто-то умирает. [...] Вас берут на свое попечение больница и медицина; все прежние предсмертные обряды заменило последнее причастие к технике. Человек исчезает от своих близких еще прежде, чем умереть»⁸³). «Упражнения по утрате» по сути представляют собой «упражнения» по постепенному умиранию, адаптации к «активной, агрессивной пустоте смерти»⁸⁴. Переживание постепенного умирания мужа и структурирование этого опыта в тексте в значительной степени излечивает собственный страх смерти⁸⁵.

10. По словам Д. Рейнгольда, большинство позитивных точек зрения на смерть имеют сверхъестественную предпосылку: «Век, в котором мы живем, может быть мирским, но наши личные чаяния и надежды тако-

⁷⁷ Ж. Деррида. Дар смерти (часть 1) // Вісник Харківського національного університету ім. В. Н. Каразіна. Серія. Теорія культури і філософія науки, 2002, № 552/1. С. 127; Ж. Бодрийяр. Символический обмен и смерть. М., 2006. С.265.

⁷⁸ В. Янкевич. Смерть. С. 32.

⁷⁹ A. Jurewicz. Dzień przed końcem świata. Kraków, 2008. S. 8, 25, 11, 28, 33, 39, 28. I. Iwasiów. Umarł mi. Notatnik żałoby. Wołowiec, 2013. S.13.

⁸⁰ В. Янкевич. Смерть. С. 32.

⁸¹ I. Iwasiów. Umarł mi. S. 118.

⁸² I. Iwasiów. Umarł mi. S. 83, 66, 67; A. Jurewicz. Dzień przed końcem świata. S. 133, 63-65, 68, 122, 133.

⁸³ Ж. Бодрийяр. Символический обмен и смерть. С.318.

⁸⁴ A. Tuszyńska. Ćwiczenia z utraty. S.197.

⁸⁵ Ibid. S.154, 198.

выми не являются»⁸⁶. Отрицание конечности смерти – идею, что смерть не означает ад небытия, а переход из одного мира в другой, «конец этапа, а не окончательный финал»⁸⁷, что умершие «не выпадут из единственного существующего мира и не растворятся, не исчезнут в подземном мире небытия, а просто перенесутся в другой мир – где по-прежнему будут существовать, хотя и в несколько иной (но, что утешает, подобной нашей) форме», – Бауман называет «исключительно привлекательным изобретением»⁸⁸. У Тулли обживание того света как своего рода продолжения или негативного отражения реальности, лишь слегка измененной происходит, в первую очередь, через освоение путей коммуникации с ним, наполнено «техническими» деталями, едва ли не советами, инструкциями⁸⁹, у Токарчук же в первой части «Последних историй» оно совершается через фильтр вполне земного (причем автобиографического, известного по другим текстам писательницы) пейзажа и привычных деталей быта.

11. Сверхзадача повествования Баргельской – ассимиляция травматического опыта, интеграция пережитой травмы с опытом настоящего времени⁹⁰. Автор «Обсолекток» пишет не только о собственной перинатальной утрате: «Я рассказываю о себе, но помогаю рассказать и другим женщинам, получается целая галерея. Книга обо мне одной не имела бы смысла, поскольку это опыт такой глубины, что не существует иного способа рассказать о нем, кроме как попытаться представить реакции разных женщин»⁹¹.

Однако этот каталог детских смертей встраивается в повседневную жизнь с ее бытом, проблемами и радостями, вписывается в мельчайшие детали быта. Повествовательница словно бы не сосредотачивается полностью на страшном опыте: большие, малые и совсем крошечные события, сотни уникальных жизненных мгновений сливаются в единый поток, изображаются как одинаково значимые⁹². Баргельская использует своего рода технику «разделенного экрана», применяемую в гипнотической терапии и помогающую пациентам обезвредить травматические воспоминания (психотерапевт просит пациента закрыть глаза и мысленно разделить визуальное поле на две части: на одну половину экрана

⁸⁶Д. Рейнгольд. Мать, тревога и смерть. Комплекс трагической смерти. <https://www.litmir.co/br/?b=269886&p=9>

⁸⁷S.M.Gilbert. *Death's Door: Modern Dying and the Ways we Grieve*. NY, 2005. Цит. по: Z.Bauman. *Płynny lęk*. S.57.

⁸⁸Ibid. S. 57.

⁸⁹M. Tulli. *Szum*. S.100, 112-113, 105, 102, 132, 112-113.

⁹⁰Bessel A. van der Kolk, Onno van der Hart. *Natrętna przeszłość: elastyczność pamięci i piętno traumy*. S.174.

⁹¹http://www.wysokieobcasy.pl/wysokie-obcasy/1,96856,9625264,Justyna_Bargielska_Poronilam.html

⁹²J.Bargielska. *Obsoletki*. Wołowiec, 2010. S.38-39.

пациент помещает болезненный образ, а на другую — успокаивающий: постоянное присутствие второго компенсирует и смягчает первый)⁹³. Кроме того, при помощи ряда приемов (сочетание стилей и интонаций⁹⁴; описание с позиции словно бы стороннего, бесстрастного наблюдателя⁹⁵) повествовательница снижает пафос и, следовательно, внешний накал эмоций. Еще одним способом справиться с ужасом описываемого является разложение происходящего на множество мелких действий⁹⁶ или дробление ужаса на мелкие нестыковки логики⁹⁷.

12. Сарказм, являясь эмоциональной трансформацией, высмеиванием эмоциогенного события, поиском в нем абсурдного, нелепого, смешного служит вербальной разрядке эмоций. Сарказм и доведение до абсурда массово используются прозаиками младшего поколения в коллажах дискурсов, бесконечном их пародировании и наконец развернутых фантазмагорических и гротескных эпизодах, давая авторам иллюзию освобождения от гнета реальности.

Сарказм вызывают, прежде всего, элементы национального этоса. Пафос снижается при помощи физиологических образов⁹⁸ и вульгаризмов⁹⁹, саркастически обыгрывается национальная мартирология¹⁰⁰, нивелируются и обесмысливаются идея польской солидарности¹⁰¹, польская ментальность¹⁰², национальные святыни¹⁰³, обесценивается в восприятии героев национальная символика¹⁰⁴. Подобным образом дово-

⁹³ Ibid. S.80.

⁹⁴ Ibid. S.56-57.

⁹⁵ Ibid. S.38-41, 27, 40-41, 38-39, 27.

⁹⁶ Ibid. S.27.

⁹⁷ Ibid. S.41, 86, 82, 83, 27.

⁹⁸ K.Varga. *Trociny. Wołowiec*, 2012. S.118, 125; Piotr C. *Pokolenie IKEA*. Gdynia, 2012. S.183; M.Sieniewicz. *Czwarte niebo*. Warszawa, 2003. S.311; K. Varga. *Nagrobek z lastryko*. Wołowiec, 2007. S.121, 51.

⁹⁹ M.Witkowski. *Barbara Radziwiłłówna z Jaworzna-Szczakowej*. Warszawa, 2007. S.130. K.Varga. *Aleja Niepodległości*. Warszawa, 2010. S.34.

¹⁰⁰ I.Karpowicz I. Niehało. S.65; K.Varga. *Trociny*. S.114; K. Varga. *Nagrobek z lastryko*. S.294; M. Sieniewicz. *Spowiedź Śpiącej Królowy*. Kraków, 2012. S.126; D.Bieńkowski. *Białoczerwony*. Warszawa, 2007. S.18.

¹⁰¹ D.Bieńkowski. *Białoczerwony*. S.196; S.Chutnik. *Dzidzia*. S.113.

¹⁰² P.Czerwiński. *Pokalenie*. Warszawa, 2005. S.61.

¹⁰³ P.Czerwiński. *Międzynaród*. Warszawa, 2011. S.29, 223; Czerwiński P. *Przebiegum życia*. Warszawa, 2009. S.78; T.Piątek. *Wąż w kaplicy*. S.9, 204; K. Varga. *Aleja Niepodległości*. S.103; Piotr C. *Pokolenie IKEA*. S.183; S. Chutnik. *Dzidzia*. S.45; K.Varga. *Nagrobek z lastryko*. S. 55, 213, 227; Д. Масловская. *Польско-русская война под белым красным флагом // Иностранная литература*, 2005, №2. С.62; P. Czerwiński P. *Pokalenie*. S.37.

¹⁰⁴ K.Varga. *Nagrobek z lastryko*. S.327; I.Karpowicz. *Balladyny i romanse*. Kraków, 2011. S.51; I. Karpowicz. *Niehało*. S.51, 65, 90; K.Beška. *Wrzawa*. Warszawa, 2004. S.263; P. Czerwiński. *Przebiegum życia*. S.15.

¹⁰⁵ S.Shuty. *Zwał*. Warszawa, 2004. S.131, 155; K.Varga. *Aleja Niepodległości*. S.208; S. Chutnik. *Dzidzia*. S.44-45; K.Varga. *Nagrobek z lastryko*. S.130-131; S. Shuty. *Produkt polski*.

дится до абсурда доминирование рекламного дискурса¹⁰⁵. Фантасмагорические эпизоды (в прозе Цегельского, Сеневица, Нахача, Осташевского, Беньковского, Варги, Карповича, Червиньского, Остаховича, Красновольского) также касаются двух главных «полюсов» современной жизни Польши, вызывающих у авторов ощущение безысходности – идеологии потребительства и бремени национального этоса. Эмоциональная разрядка, направленная, в первую очередь, на табуированные прежде и частично остающиеся таковыми сегодня объекты (дискурс национального этоса) создает для автора особую инвективную атмосферу¹⁰⁶. Как и в любой карнавальной ситуации, здесь происходит нарушение табу, а повествователь реализует одновременно два противоположных стремления – избежать контакта с табуированными понятиями и получить этот контакт, в результате достигается своего рода катартический выход эмоций.

Таким образом, нарративизация травмы в процессе художественного повествования позволяет переработать посттравматический опыт и служит преодолению ужаса неизбежного будущего, невыносимого настоящего или травмирующего прошлого.

Литература / References

1. Бодрийяр Ж. Символический обмен и смерть. М., 2006.
2. Деррида Ж. Голос и феномен. СПб, 1999.
3. Деррида Ж. Дар смерти (часть 1) // Вісник Харківського національного університету ім. В. Н. Каразіна. Серія. Теорія культури і філософія науки, 2002, № 552/1.
4. Жельвис В.И. Язык и эмоции. Волгоград, 1995.
5. Масловская Д. Польско-русская война под бело-красным флагом // Иностранная литература, 2005, №2.
6. Рейнгольд Д. Мать, тревога и смерть. Комплекс трагической смерти. [Электронный ресурс.] URL: <https://www.litmir.co/br/?b=269886&p=9>
7. Ялом И. Экзистенциальная психотерапия. Москва, 2015. – 576 с.
8. Янкевич В. Смерть. Москва: Изд-во Литинститута, 1999.
9. Bargielska J. *Obsoletki*. Wołowiec, 2010.
10. Bator J. *Ciemno, prawie noc*. Warszawa, 2012.
11. Bauman Z. *Płynny lęk*. Kraków, 2008.
12. Bessel A. van der Kolk, Onno van der Hart. *Natrętna przeszłość: elastyczność pamięci i piętno traumy* // *Antologia studiów nad traumą*. Kraków, 2015.
13. Beška K. *Wrzawa*. Warszawa, 2004.
14. Bieńkowski D. *Biało-czerwony*. Warszawa, 2007.
15. Chutnik S. *Dzidzia*. Warszawa: Świat Książki, 2010.

(recycling). Kraków, 2005; P. Czerwiński. *Przebiegum życia*. S.215; Д.Масловская. Польско-русская война под бело-красным флагом. С.54, 61; I.Karpowicz. *Niehalo*. S.65.

¹⁰⁵ Czerwiński. *Pokalanie*. S.152-153; S.Shuty. *Zwał*. S.64; M.Dzido. *Małż*. Kraków, 2005. S.108-110.

¹⁰⁶ В.И.Жельвис. Язык и эмоции. Волгоград, 1995. С.53.

16. Chwin S. Krótka historia pewnego żartu. (Sceny z Europy Śródkowoschodniej). Kraków, 1991.
17. Czerwińska M. Autobiograficzny trójkąt. Świadecko, wyznanie i wyzwanie. Kraków, 2000.
18. Czerwiński P. Pokalanie. Warszawa, 2005.
19. Czerwiński P. Przebiegum życiae. Warszawa, 2009.
20. Czerwiński P. Międzynaród. Warszawa, 2011.
21. Dzido M. Małż. Kraków, 2005.
22. Huelle P. Opowiadania na czas przeprowadzki. Gdańsk, 1999.
23. Iwasiów I. Umarł mi. Notatnik żaloby. Wołowiec, 2013.
24. Janko A. Mała Zagłada. Kraków: Wyd-wo Literackie, 2015.
25. Jurewicz A. Lida. Gdańsk, 1994.
26. Jurewicz A. Dzień przed końcem świata. Kraków, 2008.
27. Karpowicz I. Niehalo. Kraków: Wyd-wo Literackie, 2013.
28. Karpowicz I. Balladyny i romanse. Kraków, 2011.
29. Keff B. Utwór o Matce i Ojczyźnie. Kraków, 2008.
30. Kuryluk E. Frascati. Apoteoza topografii. Kraków, 2009.
31. Kuryluk E. Moje książki są z żaloby. Rozmawia Juliusz Kurkiewicz // Gazeta Wyborcza, 23.07.2010 [Электронный ресурс.] URL:http://wyborcza.pl/1,75475,8167738,Ewa_Kuryluk_Moje_ksiazki_sa_z_zaloby.html
32. Kuryluk E. Goldi. Apoteoza zwierzczkowatości. Kraków, 2011.
33. LaCapra D. Trauma, nieobecność, utrata // Antologia studiów nad traumą. Kraków, 2015.
34. Langer L. Scena pamięci. Rodzice i dzieci w tekstach i świadectwach Holokaustu // Literatura na Świecie, 2004, №1-2.
35. Mizerkiewicz T. Ogarnięci chłodem // Nowe Książki, 2004, №8.
36. Oryszy Z. Ocalona Atlantyda. Warszawa, 2012..
37. Piątek T. Wąż w kaplicy. W.A.B., 2010.
38. Piotr C. Pokolenie IKEA. Gdynia, 2012.
39. Shuty S. Zwał. Warszawa, 2004.
40. Shuty S. Produkt polski. (recycling). Kraków, 2005.
41. Sieniewicz M. Czwarte niebo. Warszawa, 2003.
42. Sieniewicz M. Spowiedź Śpiącej Królowny. Kraków, 2012.
43. Tokarczuk O. Ostatnie historie. Kraków, 2004.
44. Tokarczuk O. Anna In w grobowcach świata. Kraków, 2006.
45. M.Tulli. Włoskie szpilki. Warszawa, 2011.
46. Tulli M. Ludzik mi padł, więc gram następnym. Rozmawia Katarzyna Kubisiowska // Gazeta Wyborcza, 30.10.2011 [Электронный ресурс.] URL: http://wyborcza.pl/duzyformat/1,127291,10548289,Magdalena_Tulli_Ludzik_mi_padl_wiec_gram_nastepnym.html?pelna=tak
47. Tulli M. Szum. Kraków, 2014.
48. Tuszyńska A. Ćwiczenia z utraty. Kraków, 2007.
49. Tuszyńska A. Rodzinna historia lęku. Kraków, 2014.
50. Varga K. Nagrobek z lastryko. Wołowiec, 2007.
51. Varga K. Aleja Niepodległości. Warszawa, 2010.
52. Varga K. Trociny. Wołowiec, 2012.
53. Witkowski M. Barbara Radziwiłłówna z Jaworzna-Szczakowej. Warszawa, 2007.
54. Zagajewski A. Dwa miasta. Warszawa, 2007. S.24.

**ОСОБЕННОСТИ УПОТРЕБЛЕНИЯ ГЛАГОЛЬНЫХ
ФОРМ В ИДИОЛЕКТЕ ГРИГОРИЯ ЦАМБЛАКА:
ТЫРНОВСКАЯ КНИЖНО-ЛИТЕРАТУРНАЯ НОРМА
И ЯВЛЕНИЯ ЖИВОГО БОЛГАРСКОГО ЯЗЫКА
XIV-XV ВВ.**

М. Н. Белова

**THE CHARACTERISTICS OF VERBAL FORMS
IN THE GREGORY TSAMBLAK'S IDIOLECT:
TARNOVO LITERARY STANDART AND PHENOMENA
OF THE LIVE BULGARIAN LANGUAGE OF XIV-XV CENTURIES**

M. N. Belova

ABSTRACT:

The article deals with the morphological peculiarities of verbal forms in the language of Gregory Tsamblak, one of the representatives of the Tarnovo school. Special attention is given to the delimitation of literary standard conventionalities and some features of the spoken language of that period.

Keywords: Bulgarian language, Tarnovo literary norm, verbal inflection, historical grammar, Bulgarian language history

АННОТАЦИЯ:

Статья посвящена морфологическим особенностям глагольных форм в языке одного из представителей Тырновской книжно-литературной школы – Григория Цамблака. Особое внимание уделено разграничению нормативных, часто искусственных, явлений и особенностей живого болгарского языка исследуемого периода.

Ключевые слова: болгарский язык, норма, Тырновская книжно-литературная школа, глагольное словоизменение, историческая грамматика, история болгарского литературного языка.

Интерес к литературной деятельности Григория Цамблака – известного представителя так называемой Тырновской книжно-литературной школы (Търновска книжовна школа), ученика Евфимия Тырновского, – возник ещё в конце XIX - начале XX вв.¹ Исследуя жизнь и творчество

---

¹ Ср. Первыми систематическими исследованиями, посвящёнными жизни и творчеству этого автора, его роли в культурной жизни как славянства в целом, так и средневекового болгарского государства с административным и культурным центром в г. Тырново, а также Сербии, Румынии и Руси, была книга А. И. Яцимирского «Григорий Цамблук.

писателя, авторы первых работ не ставили задачи систематического и подробного изучения языка писателя. Отсутствие подобных исследований вплоть до 70-х годов XX в. было связано с тем, что произведения Цамблака не были изданы. К середине 80-х годов в Болгарии были осуществлены подобные издания трёх произведений Григория Цамблака: «Похвальное слово Евфимию Тырновскому» (=ПЕ), «Житие Стефана Дечанского» (=ЖСД) и «Мучение Иоанна Нового» (=МИН). Опубликование текстов повлекло за собой ряд конкретных исследований, касающихся непосредственно языка писателя. Кроме перечисленных произведений к исследованиям привлекались некоторые другие изданные и неизданные сочинения Цамблака, в частности «Похвальное слово Киприану» (=ПСК)², «Слово о пророке Илии», «Слово об отсечении главы Иоанна Крестителя», «Слово на Успение Богородичное»³ и др.

В целом система глагольных времён в языке Цамблака отражает основные тенденции, выявляемые и в других среднеболгарских памятниках. А значит, она демонстрирует некоторые различия по сравнению со старославянским языком [Харалампиев 1984: 230].

В языке Цамблака полностью отсутствует **супин**, что также характерно для всех письменных памятников того периода и связано с его полной утратой в живой речи.

Инфинитив на **-ти** последовательно сохраняется. В этом отношении тырновские писатели строго следуют кирилло-мефодиевской традиции.

Например:

въ наже желаѣт агг(є)ли приникнѣти (ПЕ 1.3); ниже бѡ безѣдно нам млѣчати... (ПЕ 4.1); ѿ іако достоѣ причастити сѧ хѡтащемоу ѿспытовати себе. ѿ ѡ еже не паматозлобѣствовати. ѿ іако довлѣти сѧ пѣть днѣе истинныѣ покааніем прѣѡчистити чѣка. (4a) и др.

Очерк его жизни, административной и книжной деятельности» (1904). Отчасти сведения о жизни писателя были представлены в книгах К.Ф. Радченко «Религиозное и литературное движение в Болгарии в эпоху перед турецким завоеванием» (1898), П.А. Сырку «К истории исправления книг в Болгарии, т.1. Время и жизнь патриарха Евфимия Тырновского» (1898), Ягича И.В. «Рассуждения южнославянской и русской старины о церковнославянском языке» (1885-1895).

² Языковой материал из этого Слова включает в своё исследование И. Харалампиев. см. ст. «Основните принципи на ефимиевата езикова реформа и езикът на Григорий Цамблук». Автор пользуется изданием Б. Ст. Ангелова «Из старата българска, руска и сръбска литература» кн. I, С., 1958.

³ Материал двух первых проповедей привлекают к исследованию Б. Велчева и А. Даскалова в статье «Народни черти в езика на Григорий Цамблук». Авторы пользуются фотокопией текстов по ркп. Ф 199 №3 РГБ им. В.И.Ленина. В нескольких своих статьях М. Спасова также использует материал из проповедей по той же рукописи [Спасова 1996; Спасова 1997].

Настоящее время у Григория Цамблака не претерпевает значительных изменений по сравнению с языком классических старославянских памятников. Все пять глагольных классов (по классификации Шлейхера - Лескина) сохраняются без признаков перегруппировки. Группа глаголов третьего класса на на **-ак**, **-гак**, **-оук** требует более внимательного рассмотрения, в связи с тем что именно из части глаголов этой группы (тех, в которых ударение падало на слог, предшествующий суффиксальному **-а-**) в результате выпадения **-j-**, ассимиляции и дальнейшего стяжения гласных образовалось в болгарском языке III «новоболгарское» а-спряжение. Известно, что процесс ассимиляции и стяжения гласных в подобных глаголах начался ещё в старославянский период (примеры из Саввиной книги, Зографского евангелия и особенно из Супрасльской рукописи хотя и немногочисленны, но весьма показательны) [Харалампиев 1983: 30-31]. Однако, по нашим наблюдениям, во всём «Похвальном слове Евфимию Тырносовскому» не встречается ни одного примера, отражающего подобные явления:

1 л. ед.ч. – исповѣдѹж

3 л. ед.ч. – низлагает сѧ, оставляет', послушаеть, бывает, сѣдает, възвращает сѧ, прѣзирает, прославѣет сѧ, похвалѣет сѧ, почитает, полагаеть, свѣдѣтельствоует, священствоуеть, послѣдоуеть, познавает сѧ, прѣлагаеть, въпадаеть, нападает, повелѣвает, наказуеть, шпакѹет и др.

3 л. мн.ч. – показоужт, быважт, защицажт сѧ, низлажажт сѧ, заграждажт сѧ, прѣдлагажт сѧ, шпакѹат сѧ (с меной юса), показоужт, свѣдѣтельствоужт и др.

Как видно, в этом Цамблак, как и другие авторы тырновского круга, старательно избегает живых языковых явлений, характерных для того периода, строго выдерживая литературную норму.

Последовательно сохраняется I-эпентетикум при спряжении глаголов с основами на губные:

пріѣмлет, прѣемлет, въѣемлет,

но в ПЕ встречается и одна форма с утратой I-эпентетикум:

такѡ да с(вѧ)щѣннаѧ ѡна гора досточюднаго сего пріѣмлет (ПЕ 17.2).

Этот же глагол с разными приставками используется с утратой I-эпентетикум и в проповедях:

пріѣмѣ(12б), ѡвѣѣмѣ(16а), спріѣмѣ(18б).

В форме 2 лица ед.ч. встречаем регулярное окончание **-ши** без сокращения:

“**извѣжиши, хощеши (5a), ѿскоушиши сѧ, не трепещеши (5б), зрѣши (6a)** и т. д.

В форме 1 лица мн. числа у атематических глаголов вместо старого окончания **-мъ** используется окончание **-мы** для разграничения форм единственного и множественного числа после падения редуцированных (эта замена была возможна ещё в старославянских памятниках [Мирчев 1978: 210]):

Что бо вѣмы, г(лагол)аше, чада (ПЕ 42.3); дльжны есмы хощецаго тебе слоуженіемъ ц(а)рствіа сп(а)сти (ЖСД 23.16).

Последовательно используется окончание **-мы** у атематических глаголов и в проповедях:

и что прочее дамы ѿзмѣноу за дшахъ свои (99б); вѣжъ іако аще и на которыиждо оудъ телѣ нашисмрти ѿскоусъ прїимали выхомъ ниже тако предамы блгочестіе (96a); пилатоу въпити хотѣаху. не имамы црѧ токмо кесарѧ. (107a); и посла пѣтра іакова и івана рекъ шѣша оуготованта намъ пасхоу да іамы (119б) и т.д.

Переноса этого окончания на тематические глаголы, наблюдаемого в среднеболгарских памятниках, в языке Цамблака не происходит.

Исследователи отмечают, что в языке Григория Цамблака значительно сокращается разнообразие форм **аориста**, характерное для старославянского языка и даже для некоторых памятников раннеболгарского периода (например, Добромирова евангелия) [Харалампиев 1984: 230-231]. Формы асимметричного аориста у Цамблака заменяются новым сигматическим аористом на **-ох**. Таким образом, в языке писателя сохраняются две аористные формы: старый сигматический (на **-х**) для глаголов с инфинитивной основой на гласный и новый сигматический аорист (на **-ох**) для глаголов с основой на согласный (флексии остаются неизменными, в том числе **-сте** во 2 л. мн.ч., **-ша** в 3 лице мн.ч.):

1. прейдохомъ (4б); прїидохъ (6a), проїдоша (9a); постигоша, прїторгосте (13б); прирекѡ (58a); взыдоша (65a); приведоша (65б); ѿпадохъ, впадѡ (87б); влекоша сѧ, сплетоше сѧ (88a); съпричетеохъ (89a); внидохѡ (119б); превъзыдоша (92a); навыхохъ (133б); възнесохъ (134a); извѣгохъ (135a); лжесвѣдѣтельствоохъ (138б); падѡ (156б); нанесохъ (202б); ѡверѣтохѡ (252б); възмогохѡ (253a); потекохомъ (253a) и др.

1. вѣздѣ (76); слышѣ (8а); ѡградих' (10а); оутвердиша (10б); смоутниша сѧ (11б); съвершиша сѧ (12а); ѡзвисте (14а); ѡполнисте (14б); приасте (15а); плѣниша (19а); вѣсхвѣлиша (10а); предаша сѧ (12а); оустраши (12а) и др.

В исследовании ЖСД Г. Сване отмечает стремление Цамблака к архаизации, проявляющееся в преобразовании некоторых аористных форм:

1. Глаголы второго класса (с суффиксом -нж-), имевшие в старославянском языке регулярные формы аориста с усечённой основой (без суффикса), уже в позднюю древнеболгарскую эпоху начинали образовывать аорист с сохранением суффикса; в среднеболгарский же период эти формы получают широкое распространение. Цамблук использует архаичные формы типа **иссъхоше** (ЖСД 79.29). Можно добавить и другие примеры из ПЕ:

иссъше (ПЕ 43.7); **навыче** (ПЕ 30.3); **ѡвыче** (ПЕ 40.4); **ѡтвѣже** (ПЕ 57.2); **ѡтвѣгоша** (ПЕ 60.7); **подвиже** (ПЕ 54.7); **протрѣже сѧ** (ПЕ 56.9) и др.

Значительно реже встречаются у Цамблака суффиксальные формы, например:

Дроугое...ногож пѣхнж и грѣвное съставлені прѣлвми... (ПЕ 37.2); **ѡзанъ нѣкто косноу сѧ колеси заѣже подрѣжати** (56).

2. Стремлением к архаизации объясняется и использование аориста на -тъ (во 2 и 3 лице ед. ч.). Эти формы широко распространены в старославянских памятниках, но уже в Супрасльской рукописи их число значительно сокращается. У Цамблака представлено сравнительно много подобных примеров:

пріеть (ЖСД 79.7); **вспріеть** (ЖСД 5.15, 64.4); **пвдъеть** (ЖСД 63.3); **прострѣтъ** (ЖСД 59.22); **ѹбытъ** (ЖСД 48.12); **дасть** (ПЕ 5.4); **высть** (ПЕ 63.2, 22.4) и др.

В исследовании Троянской притчи и Манассиевой хроники Буассен установил, что в середине XIV века (имеется в виду литературный язык Тырновской школы) старинные формы на -тъ продолжают активно использоваться, но, по всей вероятности, только как норма правописания, в памятниках же со светским содержанием допускаются более новые и более короткие формы, используемые в разговорной практике [ссылка по Сване 1981: 102-103].

Много нерешённых вопросов связано с употреблением форм **импетфекта** в языке Григория Цамблака и других писателей тырновского круга.

СТЯЖЁННЫЕ И НЕСТЯЖЁННЫЕ ФОРМЫ

Ещё в старославянских памятниках (особенно в таких кириллических памятниках, как Саввина книга и Супрасльская рукопись) встречаются формы имперфекта с контракцией гласных окончаний (ахъ < аахъ, ѣхъ < ѣахъ). Эти процессы продолжаются в среднеболгарский период и к эпохе Цамблака могут считаться завершёнными [Сване 1981: 103]. В Манассиевой хронике и в Троянской притче стяжённые формы преобладают, хотя по традиции сохраняются и некоторые исконные нестяжённые формы. В употреблении нестяжённых форм имперфекта Цамблук продолжает традиции архаизации, характерные для позднего Средневековья. Подобные формы преобладают во всех произведениях Цамблака:

проповѣдааше (ЖСД 82.26); чюждааше сѧ (ЖСД 63.12); имѣахоу (ЖСД 71.15); показовааше сѧ (ПЕ 21.3); вблнчааше сѧ, въспрославлѣаше (ПЕ 21.4); затакааше (ПЕ 23.4); вѣмѣнѣахъ сѧ (ПЕ 27.3); показоваахъ сѧ (ПЕ 45.9); слышааше сѧ (ПЕ 47.2); привлачаахъ сѧ (ПЕ 48.1); раздѣлѣахъ сѧ (ПЕ 61.4); вставлѣахъ сѧ (ПЕ 61.4); сподовлѣахъ сѧ (ПЕ 62.2); свовождаахъ сѧ (ПЕ 64.3); насаждаахъ сѧ (ПЕ 64.4);

Нестяжённые формы преобладают и в проповедях:

бываахоу (176); прѣпочитаашѣ. въсхыщахоу сѧ (176); сътъскнѣваахоу сѧ (176); ражааше сѧ, исхѣжааше (10а); гѣлааше (11б); подовааше (12б); оупоковааше (13а); прѣмаасте (14б – с аористным окончанием 2 л. ед.ч., утвердившемся в имперфекте); извѣствѣаше (19б) и др.

В то же время встречаются и стяжённые формы имперфекта. Г. Сване приводит подобные примеры из ЖСД:

вннмахоу (ЖСД 89.19); объемлааше; цѣловааше; втѣсилааше; дагааше (ЖСД 62.11); грѣдѣхоу (ЖСД 61.7); грѣдѣше (ЖСД 65.2, 71.24, 90.1); идѣше (ЖСД 65.11, 65.19); растѣше (ЖСД 67.24); мнѣше сѧ (ЖСД 52.27); трѣпѣше (ЖСД 51.21); трѣпѣхоу (ЖСД 89.23).

Можно дополнить их примерами из других произведений:

зраше сѧ (ПЕ 26.2); съвираше сѧ (ПЕ 43.3); тыцаше сѧ (ПЕ 43.9); мвлѣше сѧ (ПЕ 45.7); зрѣхъ сѧ (ПЕ 52.2); мнѣше сѧ (ПЕ 54.7); поемлѣхъ сѧ (ПЕ 61.4); въсхыщахоу сѧ, прѣлагахъ сѧ (176); ношаше (11а) и др.

Вопрос о возможных правилах употребления стяжённых и нестяжённых форм имперфекта писателями Тырновской школы пока не может быть решён. И. Харалампиев отмечает, что наблюдается

последовательное употребление стяжённых форм в группе глаголов: **выти, мьнѣти, тешти, зьрѣти, веселити сѧ, жити, грасти, молити сѧ, ѡти** и производных от них, а также **стояти, вѣпити, имѣти**. Такая же ситуация наблюдается и в языке Евфимия Тырновского. «Вероятно, стяжение определённых имперфектных форм было частью нормы, требованиям которой следовал Григорий Цамблак» [Харалампиев 1984: 231]. Как видно из приведённых выше примеров, список, предложенный исследователем, может быть дополнен другими глаголами. Нельзя, конечно, пренебрегать возможностью позднейших замен форм переписчиками, но, в любом случае, эта проблема требует дальнейшего изучения.

Г. Сване рассматривает один интересный пассаж из ЖСД:

нѣ и злааго владыкы злѣише слоугы! – како смѣаше таковаа прѣемше свободнама шьствовати ногама, како не прѣложше сѧ, гредоуше къ милости; како ли, на мѣстѣ бывше, смѣаше възрѣти на священнолѣпноє ѡно лице.

«В этом месте Цамблак выражает своё возмущение против сына Стефана Дечанского – Душана, пленившего и заточившего своего отца в Звечанскую крепость. Через несколько дней Душан отправляет нескольких своих слуг с тем, чтобы те убили его отца, и это злодейство вызывает гнев Цамблака в этих нескольких строках. К преступникам относятся формы **прѣемше, гредоуше, бывше** во множественном числе. С первого взгляда, глагольная форма **смѣаше** выглядит как нестяжённый имперфект, но её окружение показывает, что следовало бы ожидать аорист 3 лица мн.ч. (которому соответствует классическое старославянское **сѣмѣша**) и форма не должна была бы содержать -**ѣа**-». Возможность подобного переноса указанного буквосочетания в аорист учёный объясняет тем, что группа -**ѣа**- в действительности произносилась так же, как и -**ѣ**-, даже в тех случаях, где она писалась верно этимологически. Допуская, что подобная ошибка могла быть внесена позднее, исследователь всё же делает вывод, что предпочтение Цамблаком, в целом склонным к архаизации, нестяжённых форм является лишь особенностью правописания [Сване 1981: 103-104]. Это утверждение косвенно подтверждается данными из всех среднеболгарских памятников нетырновского типа.

ОБРАЗОВАНИЕ ИМПЕРФЕКТА ОТ ОСНОВЫ НАСТОЯЩЕГО ВРЕМЕНИ

Ещё одной особенностью развития имперфекта в истории болгарского языка является закрепление основы настоящего времени в формах имперфекта. Это явление было вызвано совпадением личных окончаний аориста и имперфекта и стремлением к разграничению двух

форм. Начало процесса относится ещё к древнеболгарскому периоду, однако среднеболгарские памятники всё ещё слабо отражают эти явления. У Григория Цамблака можно обнаружить немало примеров имперфекта с замещёнными основами:

ношаше (11a); **объемашаше** (ЖСД 62.11) и **объемаху се** (ЖСД 89.17), (но **внимаху** (ЖСД 89.19), **примаху** (ЖСД 61.14);

всѣдохаше (ЖСД 48.22); **исповѣдохаше** (ЖСД 62.5); **красноуаше се** (ЖСД 76.17); **ревнуаше** (ЖСД 78.13-14); **дѣнствоуху** (ПЕ 43.5); **занмстваше** (ПЕ 47.4); **любомждрстваше** (ПЕ 11.3); **милоуаше** (ПЕ 23.4); **наказуаше** (ПЕ 62.13); **показуху** (ПЕ 20.1) и под.

Очевидно, что особенно распространено замещение основы среди глаголов, у которых [-ов-] в основе инфинитива чередовалось с [-ѹ-] в основе настоящего времени.

Имперфект глаголов **имѣти** и **быти**

Глагол **имѣти** в языке Цамблака мог иметь две разные формы имперфекта, ср.:

и **сѧ оубо тако имѣху** (ЖСД 60.10); **и хъже въ области имѣше** **пѣдвигъ** (ЖСД 89.29); **потѣаемыи же, жже въ тайнѣ имѣше** и **в(ог)оу единомуу вѣдомъ доверодѣтель** (ПЕ 21.4)⁴; **тѧко волею скорбеноу ѿ нѣжноу ѿ оудавнѣ свою на земли имѣша** **жизнь**. (89a-89б);

благы же нажѣжде въ всѣмъ имаше (ЖСД 63.23); **оудари его по лицу и прѣсехъ лампадою, юже въ роукоу имаше** (ЖСД 91.10); **не токмо во ѿ прѣльсти люди словѣ имаше**. **но ѿ самъ насоудница прихода, ѿвидимыа исхыцааше**. (18a);

Вероятно, основа **има-** была характерна для разговорного языка [Сване 1981: 103].

Цамблук употребляет известные из старославянского языка формы имперфекта от глагола **быти**: **вѣхъ**, **вѣ**, **вѣ**...⁵ Но в 3 лице ед. ч. параллельно используется и форма **вѣше** (<**вѣаше**>), более позднего происхождения [Мирчев 1978: 219-220]:

И ц(а)рь оубо искаше от него, еже не вѣ, он же показовааше сѧ, еже и вѣше (ПЕ 21.3); **И тѣхъ д(оу)шамыи любили вѣ** и **желательнъ** (ЖСД 704a); **малым вѣдом вѣше**

4 Во всём ПЕ представлен только такой облик.

5 В значении аориста также используются традиционные формы **быхъ**, **бы**, **бы(сть)**...

(ПЕ 24.6); ѿ бѣ чюдна ѿ премнога моужа добродѣтель (18а); ѿрываемѣ в немже бѣ токмо стамна ѿмоуца манноу (5б); ниже бо понеже знаменѣа творахоу ѿсюдоу велици бѣша, но ѿ ѿсправленѣи (93а); ѿ познан кто бѣ первѣе ѿ кто еси нѣѣ. не врагъ ли бѣше первѣе бжѣи ѿ нѣѣ дроугъ, премѣненъ кровѣю завѣта сѣа еѣго (8а).

Следует отметить, что старая форма у Цамблака используется значительно чаще новой⁶. Обе формы есть и у Евфимия, но никакой последовательности в употреблении писателями двух форм обнаружить пока не удалось. Возможно, Цамблак воспринимает вторую форму по причине её широкого распространения в среднеболгарских памятниках в соответствии с третьим принципом, лежащим в основе языковой реформы Евфимия Тырновского, а именно с учётом этапа, которого достигла в своём развитии старославянская (и древнеболгарская) языковая норма к среднеболгарской эпохе, новых черт, получивших *широкое распространение* в среднеболгарских памятниках. [Харалампиев 1984: 231].

УПОТРЕБЛЕНИЕ ПРИЧАСТИЙ

В классических старославянских памятниках используется пять различных причастных форм: (1) действительное причастие настоящего времени, (2) действительное причастие прошедшего времени I, (3) действительное причастие прошедшего времени II (в том числе в составе сложных времён), (4) страдательное причастие настоящего времени и (5) страдательное причастие прошедшего времени. Достаточно рано под действием аналитических тенденций причастия начинают исчезать из живой речи и, вероятно, в XIV веке уже не являются категорией разговорного языка [Мирчев 1978: 236]. На фоне сказанного ранее о строгом сохранении языкового синтетизма в языке тырновских писателей неудивительно, что в языке Цамблака сохраняются и весьма активно используются все пять причастий:

но ѿ великии мѣисни сѣи прѣиде пѣтѣ к вѣа іако да не слышавше (2) ѿца ѿмоуца (1) сѣа, сѣрно вѣмѣнитѣ бжѣтвное. ѿже телца ѿлиавше (2) и законъ даѣоуѣ (1) бѣоу на горѣ прѣкоу; ѿ вѣпѣюще (1) се вѣси твои ѿзрѣю ѿзвешен (2) та ѿ земля еѣгѣпетьскыа, но прѣмоудро съложи вѣ единно бжѣтвныа трѣнца гѣство, ѿ краткыи оубо многъ же разѣмъ ѿмоуцими (1) слѣвеси наоучи. рѣкъ, слыши ѿзрѣю гѣ вѣтъ твои гѣ, единъ еѣ. еѣже бо рѣши гѣ. по

⁶ Этот вывод мы делаем из наблюдений за использованием глагола в проповедях.

четверослѣвномоу ѣже ѡ вѡсѣ пишѣмомъ (4). ѣже ѿ на плочнѣ же на челѣ ношаше архііерен написано (5) вѣ. ѡца сказоуеть (106-11a); ѿ аще кого прѣбидѣлъ (3) вѣращѣ четверіцею (6a); а не ѿ еще конечно ѡрыновеніе вѣіе на вѣ прѣшло (3) вѣ (146).

Действительные причастия прошедшего времени I

В существующих исследованиях по языку Цамблака обсуждался лишь один вопрос, связанный с системой причастий, а именно, - распределение двух форм действительного причастия прошедшего времени I, образованных от глаголов IV класса на -ити [Гъльбов 1971; Давидов 1973; Тихова 1975; Сване 1981; Харалампиев 1984].

В классическом старославянском языке параллельно существовали две формы причастия: 1) на -ь; 2) на -ивѣ. Исторически формы первого типа считаются более ранними. Частота их использования различается по памятникам, например, в сборнике Клоца и Ассеманиевом евангелии используются только формы первого типа, в Мариинском и Зографском евангелиях и в Саввиной книге они преобладают, в Супрасльской же рукописи причастий нового типа в пять раз больше, чем старого [Вайан 1952]. В Манассиевой хронике, хронологически близкой сочинениям Цамблака, почти без исключений используется второй тип на -ивѣ. Признак использования двух видов причастий считался важным для датировки того или иного памятника. Данные языка Цамблака так же, как и его учителя и других его современников тырновского круга, ставят под сомнение этот признак.

В языке Григория Цамблака встречаются оба причастия. В употреблении разных типов у Цамблака можно усмотреть некоторые закономерности.

1. И. Гъльбов экцерпировал материал из двух памятников – «Похвального слова Евфимию Тырновскому» и «Мучения Иоанна Нового». Полученный материал позволил сделать некоторые частные выводы:

В целом незначительно преобладают причастия на -ивѣ (25 и 5 примеров соответственно в двух произведениях против 19 и 6 примеров причастий на -ь).

Некоторые глаголы образуют исключительно причастия старого типа. Особенно показательно использование причастий от глаголов **ѡвити** (3 примера, все типа **ѡвль**, **ѡвльше**) и **-ставити** (7 примеров типа **оставль**, **оставльша**, **наставльшего**, **прѣдставль** и др.).

Материал из проповедей в целом подтверждает эти данные. Действительно, Цамблук практически всегда использует старые формы

причастий от этих глаголов. Примеров множество. Приведём лишь некоторые из них:

ѡставльше (10б, 17а, 54а, 60б); **съста́вльше** (54а);
поставльша (59б, 81а); **прѣставльше** (62а); **ѡвльши сѧ** (76а,
90б); **оуставльшааго** (136а) и др.

Однако нам всё же удалось обнаружить в проповедях два примера отступления от этого (в целом верного) правила:

1) **пѣтръ камень вѣры послѣдовавыи преже ѡны ѡучаю.**
ѡставивыи кóрабль ѡ цркъвь въспрїемыи. повергыи мрежоу
ѡуѡиѣ распространивыи. ѡриноувыи мóре, ѡ вселеноу
ѡудержавыи. иже рыбное ловленїе **презрѣвъ.** и члкъ ловити
наоучив сѧ. градѣте во рѣ по мнѣ спсѣ, ѡ сѣтворю вы лóвца
члкомъ. (170а-б).

2) **послѣже же ѡ едва въспрїемъ себе.** ѡ ѡростъ
ласканїемъ **растворивъ.** ѡ нестора близъ се бе **поставивъ,** ѡ
кто лїеа глааше ѡ ѡтроче слышанъ бы **повѣдивъ** ѡ ѡхже по
слнцемъ **вѣ.** (268а).

В обоих случаях причастия, образованные от рассматриваемых глаголов, находятся в окружении нескольких причастий на **-ивъ**, поэтому можно предполагать, что их использование обусловлено или стилистическими причинами, или аналогией (не исключено действие двух причин одновременно).

Не менее важные наблюдения делает Г. Сване, изучая причастия в «Житии Стефана Дечанского». Исследователь выделяет особенности распределения разных форм среди глаголов с основой на лабиальный согласный (а), с основой на **-нити** (б), с основами на **-жити**, **-стити**, **-рнти** (в):

а) Для глаголов с основой на лабиальный согласный (лабиал + **-ити**), очевидно, предпочтителен старый тип:

погоуѡвльше (ЖСД 74.26); **споудѡвльше се** (ЖСД 76.20);
сѡвькоупль (ЖСД 73.24, 92.24); **присѡвькоупль** (ЖСД 71.22);
расцѣпльшиимъ се (ЖСД 92.7); **избавль се** (ЖСД 82.25);
оуѡговль (ЖСД 62.8); **оудивльша се** (ЖСД 54.28); **оставль**
(ЖСД 57.17, 62.22, 72.26); **поставль** (ЖСД 73.25); **поставльше**
(ЖСД 75.2); **прѣдставль** (ЖСД 83.23); **ѡвлки се** (ЖСД 50.20);
ѡвлъшаго се (ЖСД 58.10); **ѡвль се** (ЖСД 58.11); **ѡвльшее се**
(ЖСД 81.4-5); **изѡвльшихъ се** (ЖСД 80.21).

Во всём житии исследователь находит лишь одно исключение из правила:

възлюбивїи (ЖСД 43.20)

Легко заметить, что большую половину составляют причастия от тех же глаголов **ѡВѢСТИ** и **-СТАВѢТИ**.

Данные из проповедей не подтверждают в полной мере замеченную Г.Сване тенденцию. Исключая уже оговоренные глаголы, нам удалось обнаружить достаточное число примеров причастий на **-Ѣ**:

ѡВНОВАВЪШЕ (75б); **ПРОСЛАВЪШЫЙ** (103б); **ИЗБАВЪШАГО** (113а); **ѠУГОТОВАВЪШОУ** (235а); **СЪПРОТИВЪШЕ** (260а); **СОВОКОУПЪВЪ** (80а); **СПОДОВАВЪ СѦ** (102б); **ИСТОУПЪВЪШЕ** (144а); **ѠУПОДОВАВЪ СѦ** (200а, 212а); **ѠУКРЪПЪВЪ СѦ** (211б); **СПОДОВАВЪШОИ СѦ** (224б); **РАСТЪПЪВЪШИ СѦ** (222б); **ѠВЪСТОУПЪВЪШЕ** (228а); **ИСТЪПЪВЪ** (228б).

Однако немалое число подобных глаголов образуют причастия нового типа:

ѠУЛОВИВЪ (88б); **БЛГОСЛОВИВЪ**, **ПРЕЛОМИВЪ** (118б); **ѠУМЕРТВѢВИШИ СѦ** (229б); **ПОГОУБИВЪ** (87б); **ИСТОПИВЪ** (93б); **ѠУКРЪПИВЪ** (68б); **ЗАЛЪПИВЪ** (79а); **РАСЪСЛАБИВЪШЕ СѦ** (99б); **ВЪЗОПИВЪШОУ** (174б); **ПОТОПИВЪШАМЪ** (270а).

Эти данные позволяют усомниться в том, что выведенная исследователем закономерность характеризует в полной мере язык Григория Цамблака. Видимо, и в этой группе наблюдается нерегулярность в образовании форм причастий.

б) от глаголов на **-НИТИ** встречаются обе формы причастий:

на **-Ѣ**: **ПРЪКЛОНИВЪ** (ЖСД 74.14); **ИСПЪТЪВЪШЕ** (ЖСД 74.25).

на **-ИВЪ**: **ВЪСКЛОНИВЪ СЕ** (ЖСД 50.3, 76.26); **ПРЪКЛОНИВЪ** (ЖСД 82.2); **ИСПЪТЪВЪШИ** (ЖСД 83.23).

Проповеди Цамблака дают больше примеров:

на **-Ѣ**: **ИСПЪТЪВЪ** (14а, 157б); **ИСПОЛНЪ СѦ** (96а); **ПРЕКЛОНИВЪ** (181а); **ПРЕКЛОНИВЪ СѦ** (219б).

на **-ИВЪ**: **ИСПОЛНИВЪШОУ** (77а); **ИСПОЛНИВЪИ** (84б); **ѠУКЛОНИВЪ СѦ** (86а); **ИЗМЪТЪВЪШИ СѦ** (93б); **ИЗМЪТЪВЪШИ СѦ** (111а); **ПЛЪТЪВЪШИШОИ** (110б); **ИЗМЪТЪВЪШЕ** (124а); **РАСПРОСТРАНИВЪИ** (170б); **СЪТЪСКИВЪШЕ** (198б); **ИСПОЛНИВЪШОУ СѦ** (199б); **СЪХРАНИВЪИ** (201а); **СЪХРАНИВЪШЕМОУ** (213б); **СЪТЪСКИВЪШИ СѦ** (216б); **СЪХРАНИВЪШАГО** (220б); **ПЛЪТЪВЪШЕЕ** (224б).

Легко заметить, что старый облик имеют причастия от тех же двух глаголов, что и в ЖСД (**ИСПОЛНИТИ**, **ПРЪКЛОНИТИ**). Возможно, в этой группе, так же как и в предыдущей, существовали ограничения лексического характера для образования старых причастных форм.

в) от глаголов на **-ЖИТИ**, **-СТИТИ**, **-РИТИ** встречаются оба вида причастий:

ВЪЗЛОЖИШИМЪ (ЖСД 46.3); **ПОЛОЖЪ** (ЖСД 82.23); **СЛОУЖЪШИМЪ** (ЖСД 53.7); **ОЧИЩЪШОУ** (ЖСД 55.14); **СЪТВОРИШИМЪ** (ЖСД 86.20),

определила его языковой вкус... Тот факт, что в отношении форм действительных причастий эта школа исходит не из состояния хронологически более близких школ старославянского литературного языка, а ищет образцы в ранних памятниках, является важным указанием на то, что и в этом отношении процессы, управляющие преобразованиями, не могут быть идентифицированы с естественными языковыми изменениями, протекающими в строгой временной последовательности» [Гъльбов 1971: 64]. Не имея соответствующих исследований по функционированию двух типов причастий в языке нескольких писателей тырновского круга, нельзя судить о том, были ли какие-либо строгие нормы употребления этой категории, актуальные для всех авторов, или же их использование определялось литературным вкусом того или иного автора при общей склонности к архаизации.

Известно, что в старославянском языке не было специальных форм **будущего времени**, но существовали некоторые средства для выражения будущих действий. Одним из таких средств, в дальнейшем практически утраченном в болгарском языке (если исключить употребление временных форм в некоторых видах придаточных), были спрягаемые **формы настоящего времени глаголов совершенного вида**. По нашим наблюдениям, Григорий Цамблак активно использует это средство для обозначения будущих действий. Приведём лишь некоторые примеры, которые нам удалось обнаружить в ПЕ:

малыми нѣкомми въспоминанїи оустршим познати мѣжа (ПЕ 4.3); не много ли паче нашъ шт(ь)ць съпротѣжжще сѧ лѣтѣмъ стажит бл(а)гоухваленїе (ПЕ 32.1); Къто дас(ть) намъ пѣти его насытити сѧ? (ПЕ 47.3); гарѣцоу сѧ варварѣ, прѣтѣцоу, огнемъ съсизати, на оуды съсѣцати обѣцаважцоу сѧ и инымъ ноужднымъ съмр(ъ)темъ прѣдаати, аще тако прѣбѣждѣт неповинѣжще сѧ (ПЕ 50.4); ѡ, кто безъ слъзь сїе помѣнеть! (ПЕ 62.1); въплемъ горкыныхъ слъзь послѣднее издадече бл(аго)с(ло)венїе призываахъ и прѡщенїе прошаахъ, извѣщенїе въ д(оу)ши имѡще, тако не к томоу того тѣлѣ оузрѣт (ПЕ 62.2).

Принято также говорить об особых **описательных конструкциях**, используемых для передачи будущих действий. Как показала в своём исследовании будущего времени в истории болгарского языка Д. Иванова-Мирчева, в старославянском языке едва ли можно говорить об описательных формах будущего времени, так как во всех трёх известных конструкциях с глаголами (**въ-,на-,за-)чати, имѣти, хотѣти** перечисленные глаголы полностью сохраняют модальное значение [Иванова-Мирчева 1962: 79]. Развитие форм будущего

времени из данных конструкций знаменуется постепенной утратой модального компонента значения за счёт усиления собственно темпорального. Однако проследить этот процесс весьма сложно, в силу того что единственным критерием при анализе является семантический, что неизбежно влечёт за собой субъективность трактовок и оценок. Пожалуй, как правильно замечает Иванова-Мирчева, единственным надёжным (в силу его формальности) критерием для констатации чистого темпорального значения в подобных конструкциях является критерий одушевлённости/неодушевлённости субъекта действия.

Григорий Цамблак, следуя нормам классического литературного языка, использует конструкцию **хотѣти** + инфинитив с явно модальным значением (желания):

Свободно шествовати, таможе и хощет (ПЕ 59.5); **и блюдѣте съ каковою съ вѣстїю прїстоупати хощете** (5a)

С другой стороны, Г. Сване приводит контекст из ЖСД, в котором, по его мнению, указанная конструкция грамматикализована и указывает исключительно на отнесённость действия к будущему:

и паки Николаѣ! паки обычнаа полза! паки лоуцша хощеть благовѣстити!

Как грамматикализованные конструкции (с частичным сохранением, однако, модального оттенка возможности, необходимости, желания) трактуются в издании ПЕ конструкции **хотѣахъ** + инфинитив, из которых в дальнейшем развивается болгарский *futurum in praeterita* [Похвално слово: 424]:

Иж и с(ва)щенныи Евѣміѣ, тако прѣдоувѣд(ѣ)въ вола г(оспод)на, бываемое званїа не штевѣгнет, понеже послѣжде тако дроугыи Моуси къ прѣдстателствѣ людїи послати сѧ хоташе (ПЕ 14.1); **И понеже до мѣста прїдоша, идеже и нехотѧ разлжчннн хотѣше шт ннх пастырь** (ПЕ 62.1); **Понеже еш въ штчѣствн н посрѣд(ѣ) своего града тако просїа н по вѣсен без мала вѣселенѣи хотѣше лювождрыныа онож д(оу)шж слоух простирати сѧ** (ПЕ 65.1).

Последний контекст, на наш взгляд, содержит иной семантический компонент – начало действия.

Видимо, очень слаб модальный оттенок значения в следующем примере из проповеди Цамблака, где глагол **хотѣти** с инфинитивом входит в состав конструкции *dativus absolutus*:

їбо и на горѣ` синїаистен хотѣшѣ сходити бгѣ, прѣбчїстити сѧ людемѣ повелѣ мойсѣн, н їзмыти рїзы и не прикоснѣти сѧ женѣ (6б).

Так же трактуются контексты с заимствованной из греческого языка конструкцией действительное причастие настоящего времени **хотѣа** + инфинитив:

болѣзнь нѣкаа цареви въ напраснѣ прїиде, и такоже оцоуцаше се злѣ имѣк, юже не живъ хотѣ быти, въ свои емоу монастырь повѣлѣ отнесеноу быти (ЖСД 63.27); **Не тъкмо хотѣ мѣздѣ съврѣшенѣ прїѣти от г(осподи)на стадоу, нѣ и многыа части** (ПЕ 38.4); **Не постом ли м(о)л(и)твами б(о)га прѣжде оумоливши, въспалившїи сѣ гнѣвъ мидїйскаго ц(а)рѣ оутоли и сѣрѣдники изѣт І(зра)ильты, въ единъ д(ь)нь измѣти хотѣщїих пѣскоу морскому приоуподоблѣважще сѣ множество?** (ПЕ 62.12).

Полностью отсутствует модальный компонент в контексте, где конструкция с причастием обозначает не желательное действие, а то, которое «могло бы произойти, чуть было не произошло»:

И сїх поборники прїемь, множайшим подвигомь въдаеть себѣ, неже прѣвѣе, сѣмартѣа, како съхраниль би людї варварскаго гѣвнелства непрїатни, наказѣа, ѣтѣшаа, ниспадающаа въздвижа, потокившїим сѣ роукѣ простираа, лежащїих въставѣа, хотѣщїих сѣ пастї поддрѣжа... (ПЕ 54.2).

Интересным представляется обнаруженный нами пример из проповеди Григория Цамблака:

Патъ днїи посрѣ соутъ, ѣ празникъ прїходї. ѣ празникѣ начало. и хочеть страшнаа трапеза прѣлагати сѣ ѣмоуци тѣло влчнне ѣ кровь. (5а).

Здесь субъектом действия является неодушевленное существительное **трапеза**, что, как было упомянуто ранее, есть несомненное свидетельство грамматикализации обсуждаемой конструкции.

Конструкция **хотѣах + инфинитив с кондициональным значением**

Другой тенденцией в развитии конструкции **хотѣах** + инфинитив в болгарском языке является приобретение ею, напротив, подчёркнуто модального (условного) значения; именно эта форма (**цях** + да конструкция), характеризуемая современными грамматиками как “будущее в прошедшем”, используется при образовании ирреальных условных периодов. Такое семантическое преобразование конструкции имеет параллели и в других балканских языках [Сване 1981: 107]. Г. Сване обнаруживает в ЖСД несколько подобных случаев. Группа

глаголов может появляться в главной части предложения с придаточным условием:

аще прѣродителкво въ ран великомудріе прѣможе женскаа лѣсть, здѣ что не хотѣше сътворити ѡ тыцаемыхъ (ЖСД 45.14-15); нѣ како хотѣше мѹченикъ быти съвершень, аще не сице (ЖСД 80.2-3); и елмаже въ тоужден странѣ и заточеніи сін таковоу дыхааше о православіи ревность,.. что оубо не сътворити хотѣаше ѡ своен воли дрѣжавоу имѣк (ЖСД 55.23).

Здесь модальная конструкция в главном предложении выражает известный оттенок потенциальности. В иных случаях глагол в главном предложении стоит в условном наклонении:

ниже рожденію ми ниже въ мирѣ ты виновнъ быти хотѣаше, аще не внѣ даль би (ЖСД 63.7); аже бо не было бы сице, хотѣше въсако такоже енохъ прѣставленъ быти (ЖСД 87.5).

Модальная конструкция в главном предложении здесь передаёт ирреальное условие.

В одном редком примере конструкция с хотѣахъ стоит в придаточном предложении, а в главном используется глагол в индикативе; при этом придаточное имеет скрытое (потенциальное) условие и передаёт допустимую возможность:

тѣцаше бо се внѣ присно, аще моцно быти емоу хотѣше. земьныхъ прѣмѣнити се мѣвъ (ЖСД 77.9).

И наконец, модальная конструкция может использоваться в самостоятельном предложении:

нѣ како хотѣше добръ послушати съвѣтъ ниже единою на зло ѹстрѣмившіа се дѹша (ЖСД 78.7).

Интересно, что Цамблак, при всём стремлении к архаизации языка, допускает явный балканизм, вероятно, уже достаточно развитый в народном языке. Было ли это отклонением от тырновской литературной нормы, или это языковое явление было закреплено ею (по третьему принципу, предложенному И. Харалампиевым), пока нельзя судить с определённой степенью. Поиск и исследование подобных конструкций во всём наследии Цамблака, а также в произведениях других писателей его круга могло бы прояснить этот вопрос.

Литература / References

1. *Вайан А.* Руководство по старославянскому языку, издание второе, стереотипное. М., 2002.
2. *Велчева Б., Даскалова А.* Народни черти в езика на Григорий Цамблак // ТКШ т. 3. С., 1984.

3. *Велчева Б., Тодорова А.* За езика на Григорий Цамблак (Наблюдения върху Житието на Стефан Дечански) // Българският петнайсети век. Сборник с доклади за българската обща и културна история през XV век. С., 1993.
4. *Гълъбов И.* Цамблаковото слово за Евтимий и българският книжовен език в края на XIV век // *Русев П., Гълъбов И., Давидов А., Данчев Г.* Похвално слово за Евтимий от Григорий Цамблак. София, 1971.
5. *Давидов А., Данчев Г., Дончева-Панайотова Н., Ковачева П., Генчева Т.* Житие на Стефан Дечански от Григорий Цамблак. С., 1983.
6. *Давидов А.* За някои стилистични особености на Цамблаковата реч (Върху материал от «Мъчение на Йоан Нови» и «Похвално слово за Евтимий») // Славистични проучвания. С., 1973.
7. *Иванова-Мирчева Д.* Развой на бъдеще време (futurum) в българския език от X до XVIII век. С., 1962
8. *Мирчев К.* Историческа граматика на българския език. С., 1978
9. Похвално слово – *Русев П., Гълъбов И., Давидов А., Данчев Г.* Похвално слово за Евтимий от Григорий Цамблак. София, 1971.
10. *Радченко К.* Религиозно и литературно движение в България в епоху перед турецкото завоевание, Киев, 1898.
11. *Русев П., Давидов А.* Григорий Цамблак в Румъния и в старата румънска литература. С., 1966
12. *Сване Г.* Новосъздаденото и унаследеното в езика на Григорий Цамблак // БЕ, 1981, 2.
13. *Спасова М.* Химнографските части в Слово на Успение Богородично от Григорий Цамблак // Българистични проучвания. В.Търново, 1996.
14. *Спасова М.* Влияние на говоримия български език от XIV в. върху лексиката на Цамблаковите проповеди // Българистични проучвания. В.Търново, 1997.
15. *Сърку П.* Къ истории исправления книгъ въ Болгаріи въ XIV вѣкѣ, т.1, вып.1, Спб., 1898.
16. *Хараламчиев И.* По история на българския глагол (възникване на а-спрежение) // БЕ, 1983, 1.
17. *Хараламчиев И.* Основни принципи на евтимиевата езикова реформа и езикът на Григорий Цамблак // ТКШ, т.3. Григорий Цамблак: живот и творчество, София, 1984.
18. *Ягич И. В.* Рассуждения южнославянской и русской старины о церковнославянском языке. // Исследования по русскому языку. ч.1, СПб., 1885-1895.
19. *Яцимирский А. И.* Григорий Цамблак. Очерк его жизни, административной и книжной деятельности, СПб., 1904.

ГЕТЕРОГЕННОСТЬ ПРАСЛАВЯНСКОЙ ОСНОВЫ СЛОВАЦКОГО ЯЗЫКА КАК ПОСЛЕДСТВИЕ СКЛАВИНСКО-АВАРСКОГО ВОЗДЕЙСТВИЯ

М. Браксаторис, М. Ондрейчик

HETEROGENEITY OF PROTO-SLAVIC CORE OF THE SLOVAC LANGUAGE AS A CONSEQUENCE OF THE SCLAVENI-AVARIAN INFLUENCE

M. Braxatoris, M. Ondrejčík

ABSTRACT:

The purpose of this research is to propose a basis of theory, the aim of which is to clarify the casual nature of the relationship between the West Slavic and non-West Slavic of Proto-Slavic core of the Slovak language. The authors link the absolute chronology of the Proto-Slavic language changes to the information about Prague and Penskovskaya archaeological culture, as well as to information about the history of Slavs and Avars, known thanks to the written sources. The proposed theory connects the ancient West Slavic core of Proto-Slavic base of Slovak language with Sclaveni (linked to Prague archaeological culture) and non-West Slavic core with Antes, integrated into ruling class and administration of the Kaganate. The paper also contains a periodization of particular language changes related to the conditions emerged in the Kaganate of that time.

Keywords: Slovak language; West Slavic, non-West Slavic, Proto-Slavic core; Sclaveni; Antes; Avars

АННОТАЦИЯ:

В представленном тексте авторы предложили базис теории, целью которой является разъяснение каузальной природы взаимоотношения между западнославянской и незападославянской праславянскими основами словацкого языка. Авторы соотносят абсолютную хронологию праславянских языковых изменений со сведениями о пражской и пеньковской археологических культурах, а также со сведениями об истории славян и аваров, известных благодаря сохранившимся письменным источникам.

Предложенная теория связывает древнее западнославянское ядро праславянской основы словацкого языка со склавиными (носителями пражской культуры) и незападославянское ядро с антами, интегрированными во властвующие и управляющие структуры каганата. Она содержит также периодизацию отдельных языковых изменений относительно условий, сложившихся в тогдaшнем каганате.

Ключевые слова: словацкий язык; западнославянская, незападославянская, праславянская основа; склавины; анты; авары

Данная статья представляет собой введение в теорию, которая нацелена на предоставление междисциплинарного разъяснения взаимоотношений между западнославянской и незападнославянской праславянскими основами словацкого языка. В связи с этим можно лишь согласиться с мнением Рудольфа Крайчовича касательно важности конфронтации лингвистических и экстралингвистических фактов, а также необходимости проследить развитие праславянской основы в ее непрерывной длительности [Krajčovič 1981:13]. Соотнесение исторических процессов и языковых изменений мы воспринимаем как нужное и продуктивное и рассматриваем в свете предположения, что результат фонетического изменения легко распространяется особенно во время собственно протекания данного изменения (когда оно является «живым», активным). В таком случае на его результат может сильно повлиять фактор территориальной дифференциации в политической, военной и социально-экономической сферах, а также фактор престижности¹; причем и без выразительного воздействия со стороны каких-либо миграционных процессов. К этому предположению мы еще неоднократно вернемся в рамках предлагаемого текста.

При объяснении происхождения праславянской основы словацкого языка на сегодняшний день, как правило, используется миграционно-интеграционная теория, которую выдвинул Рудольф Крайчович [Krajčovič 1981], согласно которой гетерогенное ядро словацкого языка сформировалось уже в эпоху Великого переселения славян вследствие заселения территории современной Словакии с разных направлений: запада и востока с севера и северо-востока, а центра с южного или юго-восточного направления [Krajčovič 1981: 15]. По теории Крайчовича, это ядро было далее подвергнуто влиянию интеграционных процессов, начало которых определяется на основе противостояния западных славян аварскому господству [Krajčovič 1981: 16]. В конечном итоге должны были иметь место процессы, ведущие к окончательному формированию словацкого языка как самостоятельного [Krajčovič 1981: 17]. Вразрез теориям, предполагающим миграционное распространение славянских языков, к которым относится и теория Крайчовича, существуют попытки объяснить распространение праславянского языка на основании его использования в качестве *lingua franca* в регионах нижнего и среднего Дуная [Curta 2004]; эти попытки нередко воспринимаются с определенной степенью недоверия [Curta 2004; Lunt 1985: 185–204]. И хотя мы не придерживаемся мнения, что теория праславянского *lingua franca* была бы в целом приемлемой, в данном тексте предоставим преимущество теории, которая предполагает миграционное происхождение

---

¹ Данную категорию использует для объяснения распространения некоторых языковых (частности, лексических) особенностей Габриела Мучкова [Múcsková 2014: 70]

древней западнославянской праславянской основы и отчасти немиграционное происхождение древней незападнославянской праславянской основы словацкого языка. Данное разъяснение основывается на мнениях некоторых экспертов касательно первой (склавинской) и второй (антской) волн славянской колонизации территории центральной Европы [Botík 2007: 33²; Měřinský 2004: 12; Šalkovský 2009, 43].

ДВЕ ВОЛНЫ СЛАВЯНСКОЙ КОЛОНИЗАЦИИ ЦЕНТРАЛЬНОЙ ЕВРОПЫ

Упомянутое разграничение совпадает с археологическими сведениями, согласно которым склавины были носителями пражской материальной культуры³; в сфере нематериальной культуры, при определенном упрощении, их можно представить в качестве предков западных славян. Во время миграционного и послемиграционного периода их поселения наиболее концентрировано располагались на территории восточной Словакии, куда они добирались через перевалы на севере восточной Словакии, и на территории западной Словакии, куда мигрировали через Судетские перевалы [Бирнбаум 1986: 25]; Габриель Фусек предполагает, что перемещение славян сюда состояло из трех фаз, начиная с 70-х годов 5 столетия [Fusek 2008: 645–656; Ivanič 2011: 26]. Значит, археологические сведения опровергают теории, которые пытаются доказать зависимость прихода славян от аварского вторжения, и подтверждают, что славяне заселили обширные территории центральной и западной Европы за полстолетия до прихода аваров [Chropovský 1985: 88]. Упомянутые сведения можно успешно привязать к концепции миграционно-интеграционной теории.

С другой стороны, однако, кажется, что, в отличие от склавинского передвижения, археологические сведения не указывают на славянскую миграцию, которая бы вела на территорию Словакии с юга и юго-востока до момента покорения Паннонии аварами. Территория Словакии (за исключением Загорья) после заселения склавиной не принадлежала ни одной германской империи [Steinhübel 2004: 20], однако на юге соседствовала с территориями гепидов (на юго-востоке), и лангобардов (на юго-западе), или же с территориями, которыми поочередно обладали гепиды и лангобарды (регионы междуречья Дуная и Тисы). Склавины в данной ситуации представляли собой третью силу, помощь

---

² Страницы указываем по электронному изданию: <https://is.muni.cz/el/1421/jaro2012/ETVB18/um/32940095/>

³ Понятие ввел в 1940 году чешский археолог Иван Борковский [Borkovský 1940] как основное в рамках своей теории относительно старейшей славянской керамики в центральной Европе; его теория подтвердилась во время дальнейших археологических исследований. См. [Ivanič 2011: 25].

которой требовалась враждующим лангобардам и гепидам [Steinhübel 2004: 20]. Кроме того, славяне из корыстных побуждений вступали в союзы с гепидами против Византии [Steinhübel 2004: 22-24]. В 536 году гепиды захватили Сирмий (главный город Нижней Паннонии в области современной Сремской-Митровицы) [Bystrický 2008: 151]. Через Сирмий, который гепиды уверенно держали в своих руках, проходило большинство склавинских кампаний против Византии [Bystrický 2008: 158]. Вопреки существующим союзам не имеется подтверждений тому, чтобы склавины занимали территории гепидов; исходя из этого можно предположить, что гепиды не разрешали славянам занимать свои территории [Fusek – Olexa – Zábajník 2010: 354]. Это, однако, не значит, что склавины не занимали территории, лежащие южнее Словакии. Как пример можно указать регион верхнего Потисия, археологические исследования которого указывают на то, что территории гепидов и территории с наличием остатков пражской культуры не пересекаются [Fusek – Olexa – Zábajník 2010: 354]. Допускается при этом возможный более ранний приход славян на территории верхнего Потисия, конкретнее во второй трети, или же во второй половине 6 столетия, т.е. еще до прихода аваров; с точки зрения исследования начал славянской колонизации приход аваров считается несущественным [Fusek – Olexa – Zábajník 2010: 354]. Кроме того, имеются сведения о миграции склавинов через Дунай и альпийские долины на территории современной Австрии в Словению [Luthar 2008: 83],⁴ а также некоторые другие сведения о славянских поселениях южнее Словакии. По существующим археологическим сведениям Паннония на тот момент не имела следов пребывания славян [Udolf 1987: 167–173; Седов 1994: 287–289], лишь небольшое количество следов нахождения славян обнаружено на всей территории Венгрии, да и те более поздней датировки (приблизительно первая треть 7 столетия) [Ivanič 2011: 30, 33], что объясняется актуальным состоянием научного знания [Ivanič 2011: 30]. Важным здесь является тот факт, что речь идет об имеющихся данных относительно движения склавинов на юг, а не движения славян иного происхождения (с которыми бы можно было связать западных славян) на север.

В 567 году произошло обострение традиционный лангобардо-гепидского конфликта. Чаша весов склонялась в пользу гепидов, поэтому король лангобардов не колебался в заключении союза с аварами; король гепидов пал в бою, а авары уничтожили его империю и заняли ее территорию [Steinhübel 2004: 25]. Гепиды потеряли все свои территории после поражения от лангобардов и последующего заселения их аварами на переломе 567/568 годов [Fusek – Olexa – Zábajník 2010: 18]. В последующем году прекратила свое существование и империя лангобардов.

Паннония досталась аварам, и в начале апреля 568 года оставшиеся лангобарды сбежали на территорию Италии [Steinhübel 2004: 25; Deacon 1974: 62]. После ухода лангобардов моравские славяне имели возможность занять южную Мораву, Загорье, Вайнфиртель и Ругиланд [Steinhübel 2004: 25]. Что касается Моравы, то она заселялась славянами уже во второй половине 6 столетия и позднее; ее южную часть славяне смогли занять лишь после ухода лангобардов [Galuška 2004: 13–15]. Вместе с лангобардами отступили и гепиды, а также другие этнические группы (свевы, сарматы и болгары) [Bystrický 2008: 161]; на их место пришли авары, славяне и кутригуры [Bystrický 2008: 161]. Выселение лангобардов из Паннонии несло за собой признаки полного и быстрого выселения или же бегства от аваров [Bystrický 2008: 161].

Авары представляют собой элемент, который в нашей истории является мистифицированным и демонизированным [Zábojník 2004: 9]. Даже в той части научного сообщества, в которой подобный подход воспринимается критически, как минимум предполагается, что роль аваров в истории славянской общности в общем нельзя оценивать позитивно [Zábojník 2004: 9]. При этом, однако, кажется, что приход западных славян на территорию центральной Европы, а также особенности словацкого языка по сравнению с остальными западнославянскими языками, прямо зависят от аварской экспансии. Авары с 558 года стали господствовать над причерноморскими степями и раздробили болгарские племена кутригуров и утугуров [Steinhübel 2004: 25], опустошили земли антов и не переставали грабить и похищать людей; тогда под власть аваров попало множество славянских племен [Steinhübel 2004: 25]. На Среднедунайскую низменность авары не пришли сами; кроме болгарских кутригуров они привели с собой завоеванные или союзные славянские племена [Steinhübel 2004: 25], включая антов [Седов 1979: 127]. После заселения Паннонии и прилегающих территорий был создан Аварский каганат. Это политическое формирование имело заметное влияние на протекание исторических событий в центральной Европе на протяжении длительного отрезка времени от момента возникновения каганата (567/568) до периода происходящих на протяжении приблизительно 15 лет франко-аварских войн (788-803) во время правления Карла Великого, вследствие которых Аварский каганат прекратил свое политическое существование [Tóth 2011]. Во время указанного периода события на территории Словакии развивались в двух отдельных планах: как составляющей каганата, так и самостоятельно. Процесс ее включения в каганат на протяжении 150 лет (вторая половина 7 – 8 ст.) был довольно динамичным, и территория, которая была частью каганата, в зависимости от политических движений в центральной Европе часто менялась [Tóth 2011] (подробнее см. ниже).

При этом является очевидным, что под именем аваров скрывается множество понятий, часть которых имеет этническую, социально-экономическую или же археологическую основу. К политической структуре Аварского каганата относилось большое количество этнических групп, поэтому понятие «аварский» (с точки зрения периодизации) не имеет ничего общего с этническим происхождением [Older 2012: 18]. В социально-экономическом смысле под именем аваров объединился разнообразный конгломерат различных наезднических и мародерских групп со схожей экономической и социальной структурой [Tóth 2011]; речь шла в основном о воинах, дружине и каганатской вооруженной силе [Pohl 2002: 215–221]. В этническом смысле мы говорим о нематериальной культуре, определенной в первую очередь использованием аварского языка. В данном направлении стоит обратить внимание на то, что, вопреки длительности существования каганата и интенсивности влияния аваров, на обширной территории не сохранилось никаких отчетливых лингвистических следов аварского языка, например в виде слоя лексических аваризмов в славянских языках - прежде всего топонимов тюркского происхождения (тюркское происхождение аварского языка считается наиболее правдоподобным, хоть и в данном вопросе не был достигнут консенсус). Существует довольно мало лингвистических данных, говорящих о возможном контакте славян с тюркскими племенами, которые бы не датировались позднее [Curta 2004: 140]. Например, тюркские топонимы в Венгрии датируются значительно позднее, причем практически все довенгерские топонимы имеют славянское происхождение [Curta 2004: 141]. Уолтер Пол упоминал, что в венгерском и в немецком языках отсутствуют топонимы, которые бы имели отношение к аварам [Pohl 2002: 215–221]. Флорин Курта выражает мнение, что праславянский язык играл роль *lingua franca* в рамках аварского каганата [Curta 2004: 132] и приводит аргументы в пользу того, что авары могли общаться с антами без помощи переводчика [Curta 2004: 142]. Теория Курты предполагает, что славянский язык исполнял роль *lingua franca* в 6 столетии на территории нижнего Дуная, а в Аварском каганате лишь продолжал исполнять эту роль [Curta 2004: 146]. Данные предположения базируются на большом количестве частично спорных утверждений. При этом теория имеет масштаб, который по отношению к нашей теории является нецелесообразным; чем меньшим количеством спорных предположений мы будем оперировать, тем устойчивее будут основы нашей теории. Однако, вразрез с мнением некоторых археологов, которые целенаправленно не принимают в расчет лингвистические аргументы, так как распространение языков для археолога является своего рода «черным ящиком» [Older 2012: 75], предположим, что праславянский язык исполнял роль основного языка общения в Аварском

каганате. Считается, что статус праславянского языка в каганате был связан с интеграционным влиянием на праславянские диалекты [Curta 2004: 148]; относительно исчезновения праславянского языка, опять-таки говорится, что оно было связано с коллапсом Аварского каганата [Curta 2004: 146]. Евгений Хелимский полагал, что начало создания постулированного паннонско-славянского койне наступило уже во время существования каганата [Хелимский 1988: 362], причем эта гипотеза предполагает высокий уровень языковой интеграции на данной территории, основанной на праславянском языке. Полагаем, что гетерогенная праславянская основа словацкого языка не свидетельствует о том, что праславянский язык должен был стать основным языком общения в каганате исходя лишь из существования «славянской окрестной стражи» на краю каганата [см. Older 2012, 73] или славянизации аваров от второй половины 7 столетия [Botík 2007: 34]. Как мы будем пытаться доказать ниже, она указывает на то, что авары (в социально-экономическом смысле) внедрили в свои ряды множество антов, которые после заселения Паннонии представляли собой, помимо прочего, важный элемент (с хозяйственной и военной точек зрения необходимой) коммуникации аварской элиты и склавинов. Анты, интегрированные в аварскую властвующую элиту, таким образом сыграли значительную роль в появлении словацкого языка.

Анты пришли с территорий между Дунаем и краем, где проживали утигуры вблизи Азовского моря [Седов 1979: 124]. Ряд доказательств говорит в пользу того, что они являлись остатками иранского населения, предположительно сарматского происхождения, которое в начале Великого переселения народов славянизировалось и впоследствии представляло одну из двух главных ветвей славян в период их исторической экспансии [Měřinský 2004, 12]. На территории нижнего Дуная в 6 столетии они вошли в контакт и частично перемешались со славянами, с которыми у них были общие речь и обычаи, и это несмотря на различное происхождение, племенную принадлежность, лидеров, войско и политическую деятельность [Седов 1979: 124].⁵⁶⁷⁸ Именно с антами, или дальнейшими славянскими племенами завоеванными аварами или же заключившими с ними союз, связана вторая волна славянского заселения территорий центральной Европы (см., напр., [Botík 2007: 33; Měřinský 2004: 12; Šalkovský 2009: 43], см. также работы [Седов 1979, Седов 1979]. В археологической литературе была зафиксирована связь

⁵ Správy o starých Slovanoch. Prokop Cezarenský. Maurikios (Strategikon); [Stanislav 1967b: 13, 14].

⁶ Prokopios o vojne gótskej; см. [Ratkoš 1964: 34].

⁷ Prokopios o vojne gótskej; см. [Ratkoš 1964: 36].

⁸ Jordanove Getica a pravlast' Slovanov; [см. Ratkoš 1964: 28]

между материальной культурой, происходящей с северного Причерноморья и нижнего Дуная; связь объясняется передвижением антов, обусловленным аварской экспансией [Седов 1979: 119 - 143, 127].⁹ Получается, что авары западных и западных славян не разделили (на что указывает представление об аварском клине) [Marek 2011: 76], а наоборот, соединили. Этот факт бы мог представлять основу коррекции понимания аваров в нашем историческом сознании.

Анты, после битвы с аварами в 602 году, исчезли с исторических источников как племя [Curtis 2001: 105; Седов 1988: 103–104], однако их было очевидно слишком много, чтобы быть полностью ликвидированными; отсутствие упоминаний о них в византийских источниках объясняется тем, что Дунай перестал быть границей Византии, и происходящие в северном Причерноморье события перестали иметь для византийцев прежнее значение [Седов 1988: 103–104]. С другой стороны, их возможное политическое исчезновение не означало бы их аннигиляцию в качестве этнического фактора. Авары вербовали в ряды своего войска и славян, причем после окончания походов славяне возвращались на свои территории, однако некоторые оставались в каганате [Pohl 2002: 114–117] и принимали идентичность связанную с их существованием в рамках аварского общества [Older 2012: 54]. Мы предполагаем, что часть антов была поглощена еще до завоевания Сирмия аварами, а после основания каганата служила, помимо прочего, для удержания господства над склавинами, которые по отношению к аварской элите находилась в вассальской зависимости, причем считались экономическим базисом, без которого номады не смогли бы удержать такую сильную империю на протяжении более двух столетий [Tóth 2011]. Славянско-аварский симбиоз [Хелимский 1988: 350; Older 2012, 65; Tóth 2011] в центральном регионе Дуная, результатом которого являются исчерпывающие археологические сведения о смешанной славянско-аварской материальной культуре [Седов 1979: 126–128; Хелимский 1988: 350; Tóth 2011], вел к культурно-экономическому превосходству славян [Tóth 2011]. Этнические авары во время существования каганата удержали за собой ведущую роль в административной структуре каганата [Older 2012: 65] (что, однако, не значит, что значительная часть аваров – в социально-экономическом смысле – не могла бы иметь славянское происхождение и этническую принадлежность). Помимо вербования воинов из славянских рядов, в результате которого ряды аваров (в общественно-хозяйственном смысле) расширялись, имел место другой вид контакта

---

⁹ С этой культурой (помимо типа жилищ и захоронений) связана также керамика среднедунайского типа, причем и в нашей литературе [Čilinská 1992: 16–22] обточенная керамика среднедунайского типа приписывается славянам, а изготовленную вручную керамику – аварам. См. также [Eisner 1952: 248–278].

между ними – дань, передача аварам части награбленного славянскими воинами, а именно сельскохозяйственных и ремесленных продуктов деятельности [Older 2012: 54]. Мы считаем весьма вероятным, что при взыскании дани от склавинов с ними контактировали авары в основном антского происхождения (т.е. славянской лингвоэтнической принадлежности). Можно придти к заключению, что в Аварском каганате помимо общей материальной культуры в определенной форме существовала славянско-аварская нематериальная культура. Поскольку население каганата состояло из разнообразного конгломерата этнических аваров, славян (включая склавинов и антов) и протоболгар, то, по всей вероятности, взаимное понимание (и не только) аварских элит со склавиновыми обеспечивали именно анты. Результатом взаимного общения является появление праславянского наречия с гетерогенной праславянской основой.

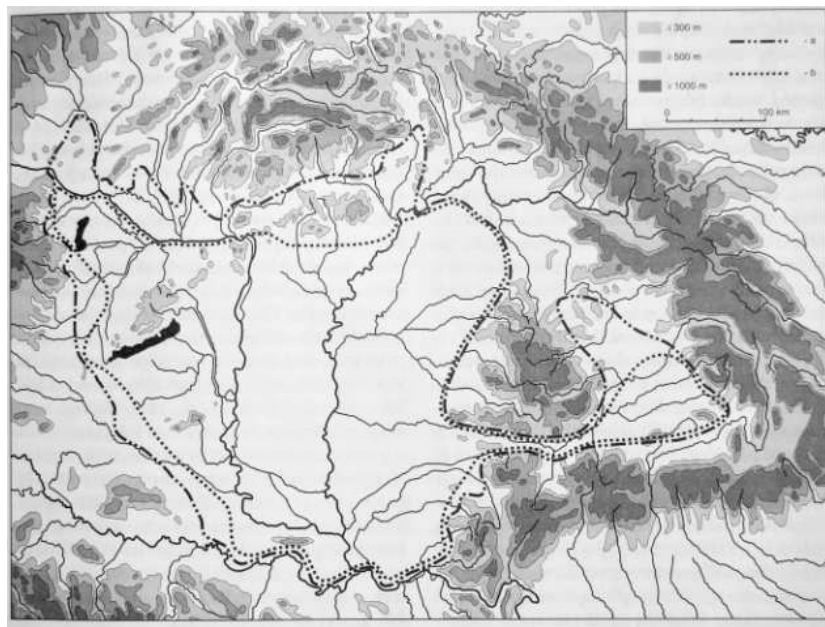
СООТНОШЕНИЕ ЛИНГВИСТИЧЕСКИХ И ИСТОРИЧЕСКИХ СВЕДЕНИЙ. ПЕРИОДИЗАЦИЯ

Целью нашей статьи не является периодизация истории Аварского каганата; подробное изложение в этом направлении можно найти в археологической [Zábojník 2004: 16–19] и исторической литературе. Мы представим только упрощенную классификацию отдельных этапов развития каганата, учитывая, главным образом, взаимосвязь времени осуществления языковых изменений и исторических событий, подтвержденных письменными историческими источниками и археологическими сведениями.

- **ДОАВАРСКИЙ ПЕРИОД.** Первая эпоха началась после начала склавинской миграции в 70-х годах 5 столетия [Fusek 2008: 645–656; Ivanič 2011: 26] и предшествовала приходу аваров в Паннонию в 568 году. В этот период начала закладываться склавинская материальная и нематериальная культура, особенно на территориях западной и восточной Словакии (см. ниже).
- **ПЕРИОД РАННЕГО АВАРСКОГО КАГАНАТА.** Вторая эпоха определялась первой аварской экспансией на просторах центральной Европы; начало датируется 568 годом, а конец – приблизительно 623. В этот период произошло основание каганата на территории, граничащей с землями склавинов и частично на них же. После заселения аваров, антов и остальных завоеванных или союзных племен можно наблюдать типологические изменения праславянского языка в указанных регионах.
- **ПЕРИОД СКЛАВИНСКО-АВАРСКОЙ ДЕЗИНТЕГРАЦИИ.** Третью эпоху характеризует склавинско-аварская дезинтеграция и

территориальные потери каганата после восстания Само (623 – 658) и кризиса в Аварском каганате (приблизительно 650 – 680 годы) [Tóth 2011] в результате конфликта с протоболгарами (кутригурами) после пресечения правящей династии Баянов (результатом конфликта стало основание собственного государства протоболгарами, которое тем не менее вплоть до 9 века поддерживало дружеские отношения с Аварским каганатом; существуют предположения об изменении этнического типа аваров в результате влияния со стороны протоболгар) [Эрдели 1982: 51–52].

- ПЕРИОД ПОЗДНЕГО АВАРСКОГО КАГАНАТА. Четвертую эпоху можно характеризовать на основе второй аварской экспансии после смерти Само и после преодоления кризиса в каганате [Tóth 2011]. Он ограничивается прекращением существования каганата в период между 791 и 795 годами, когда власть в каганате заполучили славянские князи; или окончательно 803 годом, когда авары были повержены в результате нападений франков и болгар под началом хана Крума [Older 2012: 56]. Во время четвертой эпохи каганат достиг небывалого территориального величия, его частью являлось приблизительно 15% территории Словакии [Zábojník 1999: 16–19].

Территориальные границы Аварского каганата. Условные обозначения: а – границы раннего Аварского каганата; б – границы позднего Аварского каганата [Zábojník 2004: 9].

ДОАВАРСКИЙ ПЕРИОД

Уже в доаварский период были образованы условия дальнейшей дистрибуции западнославянских явлений. В результате того, что склавинская культура брала свое начало и утверждала себя на западе и востоке Словакии, западнославянские явления на этой территории впоследствии вытеснялись намного труднее. При этом низменности в области западной и восточной Словакии представляли собой пригодное пространство для хозяйственной деятельности наших склавинских предков. С точки зрения расстановки сил, эти регионы были полностью независимыми, и только на территории Загорья (и прилегающих регионов южной Моравы, Вайнфиртеля и Ругиланда) заселению славянами препятствовали германцы [Steinhübel 2004: 20, 25]. Горные регионы центральной Словакии (с центром в своей менее горной области, т.е. южной части) [Krajčovič 1981: 15] были менее заселенными, а заселение северной части произошло лишь немного позже (см. напр. [Uhlár 1992: 324, 326; Pieta 1972: 67–82], что создавало условия для податливости

относительно влияния аварско-антской нематериальной культуры и более поздних миграционных процессов [Uhlár 1992: 324].

ПЕРИОД РАННЕГО АВАРСКОГО КАГАНАТА. ВОССТАНИЕ САМО

Во время раннего Аварского каганата на нашей территории начинаются процессы языковой дифференциации, которые связаны с приходом западных славян на территорию каганата и на его границы. В период раннего каганата был заселен лишь центр аварской территории: междуречье Дуная и Тисы, область Сегеда и Сентеша на обоих берегах Тисы, Паннония до Литавы; на землях к северу от Дуная находилась буферная зона, без доказательств ее заселения, а севернее находились поселения склавинов [Older 2012: 49]. С точки зрения податливости влиянию каганата заслуживает внимания факт, что территория центральной Словакии представляет собой природо-географическое устье *междуречья Дуная и Тисы*, причем *центр каганата находился* где-то в центральной трети этого междуречья [Older 2012: 61]. Стоит обратить внимание также на то, что авары заселяли исключительно низменности [Older 2012: 61], и в таком случае горные регионы центральной Словакии могли находиться лишь в зоне влияния каганата, а не могли стать его непосредственной частью. Контакт аваров со славянами на этой территории мог быть реализован путем вербовки воинов, их возвращения на заселенные ранее территории, взыскания дани и других взаимоотношений, причем как результат взаимного контакта мы можем указать древние западнославянские явления в праславянской основе словацкого языка. Помимо барьера в виде склавинской культуры, укорененной в западной и восточной Словакии, наиболее значительным препятствием для распространения западнославянских явлений в дальнейшем являлось восстание Само (623 – 658) и кризис в Аварском каганате (приблизительно в 650 – 680 годах) [Tóth 2011].

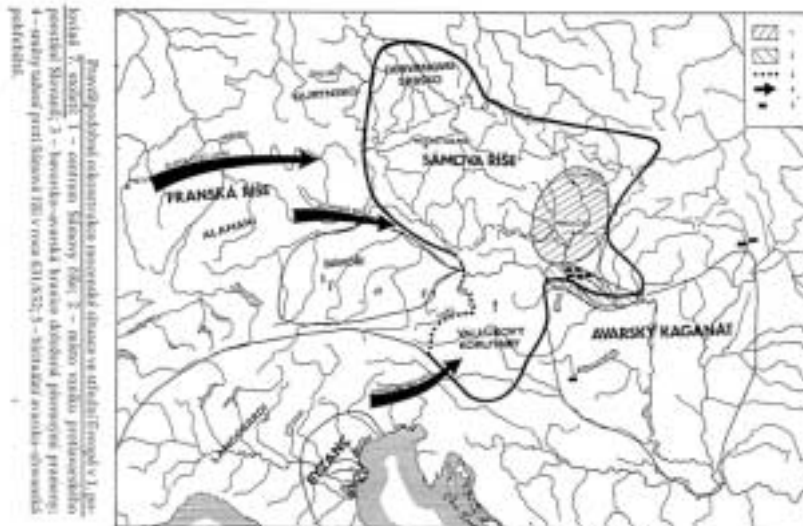
Из языковых изменений данного периода уместно указать II. палатализацию (с точки зрения абсолютной хронологии датируемую приблизительно 575 – 650 годами [Lamprecht 1973: 117; Lamprecht – Šlosar – Bauer 1986: 54, 32], или же 6. – 7. столетием [Shevelov 1964: 302]), и связанное с ней изменение $k'v', g'v' > c'v'$ [Lamprecht 1985: 35], которое, по всей вероятности, произошло в то же время [Lamprecht 1985: 35], и которое в словацком языковом пространстве отсутствует. Результатом II. палатализации в словацком языке является *s* вместо праславянского *ch'* в формах имен существительных [Krajčovič 1981: 22]. К этому же периоду принадлежит изменение праславянского *ch'* в *š* в местоимении *вьшь* [Lamprecht 1985: 117; Lamprecht 1973, 117], которое можно отнести к результатам III. палатализации (ср. [Pauliny 1963: 21a; Stanislav 1967a:

128, 132]. В эпохе раннего аварского каганата помимо западнославянских языковых изменений (сохранение групп *kv* и *gv* перед *ě*, изменение *ch' > š* в местоимении *všьb*) произошло проникновение незападнославянских явлений в праславянский язык на нашей территории, особенно изменение *ch' > s* по II. палатализации. Другим западнославянским изменением является изменение *dl, tl > l*, которое сегодня является характерным для части центрально-словацких наречий. Это изменение можно ограничить 550 – 800 годами, или же, более конкретно, 575 – 650 годами [Lamprecht 1973: 122]. Топонимы в Венгрии свидетельствуют о том, что в Паннонии присутствовали оба *l < dl* и *dl* [ср. Stanislav 1967a, 217-218]. Подобно тому венгерские апеллятивы славянского происхождения, которые Евгений Хелимский интерпретирует как субстратную лексику, свидетельствуют о присутствии обоих *dl (> ll)* и *l* [Хелимский 1988: 358, 359; Zoltán 2013: 212]. Правда, Хелимский в том же месте развивает – по всей вероятности неправильную – мысль о возможной интерпретации *l < dl* как позиционного варианта *ll* [ср. Pauliny 1963: 31], и Андраш Золтан [Zoltán 2013: 212] предлагает интерпретацию *l < dl, tl* в славянских заимствованиях в современном венгерском в смысле принадлежности исходного праславянского диалекта к болгарскому типу наречий; последнее толкование считаем антиисторическим¹⁰.

Стоит обратить внимание на то, что *s < ch'* по II. палатализации и *l < dl, tl* (в отличие от более поздних западнославянских изменений, как, например, метатеза **ort, *olt* под циркумфлексной интонацией) не пересекают границы центральной Словакии. При просмотре исторической карты, отображающей распределение сил в регионе во время государства Само,¹¹ кажется, что расположение изоглосс не зависело лишь от укоренения склавинской культуры на западе и востоке Словакии и от географических особенностей центральной Словакии (включая позицию относительно междуречья Дуная и Тисы), но зависело также от расположения границ государства Само. Хотя данное политическое формирование и существовало всего лишь на протяжении недолгого промежутка времени, но, все-таки, оно представляло собой результат стратификации общества на нашей территории, которая могла повлечь за собой ситуацию, в которой языковые явления, характерные для лиц из среды власть имущих и представителей административных структур каганата, были в силу их связанности с врагом непопулярными и непрестижными в склавинской среде северо-западнее каганата.

¹⁰ Изменение *dl, tl > l* прошло, скорее всего, значительно раньше начала существования славяно-болгарского типа; см. также ниже.

¹¹ Карта доступна в [Lutovský – Profantová 1995].

Уже в предыдущих периодах развития праславянского и праиндоевропейского языков произошли процессы, ведущие к диалектной дифференциации **sotъ*, **setъ* > *sú*, *sa* [Pauliny 1963: 34] в 3 лице множественного числа глаголов и, вероятно, **-mes*, **-mos* ([Бабаев 2008: 92], хотя такое разъяснение не является бесспорным; см. [Дыбо 2009: 149]) > *-me*, *-to* в 1 лице множественного числа глаголов, результатом которых является незападославянский характер некоторых центральнославянских диалектных глагольных форм. В данном случае, в отличие от явлений «живших» в период раннего Аварского каганата, речь идет о дистрибуции уже готовых результатов древних языковых изменений в рамках праславянских диалектов, причем довольно сложно установить, на основании каких механизмов и в каком периоде они распространились (это могло произойти, например, и в эпоху позднего Аварского каганата).

ПЕРИОД ПОЗДНЕГО АВАРСКОГО КАГАНАТА

Приблизительно в половине 7 столетия авары начинают проникать на территории юго-западной Словакии, постепенно увеличивается густота славянско-аварского населения и на территории современной северо-западной Венгрии, нижней части Австрии и в Бургенланде; в южной Мораве и на большей территории Загорья сохранилось чисто славянское население [Tóth 2011]. Чисто славянское население очагово сохранилось и на территориях Словакии, находящихся за северной границей кагана-

та [Zábojník 2002: 29–39], частью которого стало 15% территории Словакии [Zábojník 1999: 190]. При этом увеличивается культурное влияние аваров на население исключительно славянских территорий: в регионе сегодняшней юго-западной Словакии и на южной Мораве с 7 столетия находили аварские предметы в славянских погребениях [Lutovský – Profantová 1995: 41; см. также Pukanec 2013: 27]. Моравские славяне использовали аварские предметы как модные и стильные, чем они подражали элитам в каганате [Poláček, 2008: 579–589]. Влияние аварской материальной культуры в конце столетия распространяется на территорию Чехии и Польши ([Curta 2004: 145] - там указаны и другие источники).

Можно заключить, что славяне в период позднего Аварского каганата воспримали явления материальной культуры, связанные с аварской элитой, как престижные. То же самое, по всей вероятности, касается и явлений нематериальной культуры. Хорошим примером является результат метатезы **ort*, **olt* под циркумфлексной интонацией. Метатеза плавных была «живой», возможно, в 7, но точно еще в 8 столетии [Stanislav 1967a: 133; Lamprecht 1978: 145; Супрун 1989: 137; Karović 2008: 260]. Факт того, что Рудольф Крайчович относит ее к числу древнейших явлений в праславянской основе словацкого языка [Krajčovič 1981: 16], возможно, связан с влиянием мнения русского слависта Самуила Бернштейна, который метатезу плавных, в силу, помимо прочего, ее зависимости от закона открытых слогов, относит к явлениям 3 – 5 столетия [Бернштейн 2005.:220]. Не похоже на правду, чтобы подобное изменение происходило на протяжении 5 столетий. С уверенностью можно сказать, что речь идет об изменении, которое датируется значительно более поздним периодом (также и [Pukanec 2008: 55]). Результат метатезы плавных, по словам Яна Станислава [Stanislav 1967: 129], свидетельствует о сближении „в этой части западных славян с южными“; причем, как Станислав метко констатирует, предки словаков в Паннонии и в регионах вдоль Дуная на то время находились под контролем аваров. Интересным является то, что единичные слова с незападнославянским протеканием метатезы **ort*, **olt* (под циркумфлексом) > *rat*, *lat* некомпактно разбросаны по разным частям Словакии. И хотя речь идет о типичном центрально-словацком явлении, слова, которые мы сюда относим, не имеют равного распространения. Область, которой ограничено данное явление, включает в себя Ораву, Липтов, Турец, восточную и северную Нитру, Теков, Зволен, Гонт, Новоград и западную часть Гемера; некоторые из включенных в эту группу слов встречаются в центрально-словацкой форме глубоко на западе Словакии, и проникли в дальнейшие части Гемера [Pauliny 1963.:31–32; Krajčovič 1981: 22]. Вместо предположения, что подобные случаи являются не

коренными, а скорее всего привнесенными позднее колонистами из центральной Словакии, или же распространившимися сюда с территории центральной Словакии намного позднее [Paulíny 1963: 32], мы предлагаем понимать их присутствие как следствие территориальной дифференциации в политической, военной и социально-экономической сферах (часть юго-западной Словакии, на которой в отдельных случаях метатеза плавных протекала незападославянским образом, представляла собой часть каганата) и главным образом престижа говора, присущего лицам из властных и управляющих структур каганата. Предложенное разъяснение также является уместным для объяснения происхождения подобных апеллятивов и топонимов в чешском языке.¹² Сохранившийся престиж этой особенности также дает нам интерпретационный ключ к данным следующего исторического периода, точнее - того факта, что в высшем моравском обществе в 9 столетии использовались собственные имена с *rat* (*Rastic*, *Razmene*) [Pukanec 2013: 86]. При этом существуют и другие сведения, косвенно подтверждающие популярность в среде славянских князей 9 века обычаев, связанных с аварской элитой [Pukanec 2013: 27; Lutovský – Profantová 1995: 86; Měřinský 2004: 15].

Из оставшихся языковых явлений большое значение имеют изменения «перед йотацией», особенно отсутствие эпентетического *l* и палатализация альвеолярных. Эпентетический *l* возник в инославянской среде, возможно, около 750 года [Lamprecht – Šlosar – Bauer 1986: 55]; в праславянском языке в регионах центральной Европы этот процесс все-таки не осуществился (до конца); следствием этого можно считать отсутствие данного звука в словацком языке [Krajčovič 1981: 19; Stanislav 1967: 132]. Существующие примеры его присутствия [Stanislav 1967: 347–348; Paulíny 1963: 23–24; Pukanec 2010: 39] могут свидетельствовать лишь о том, что в западославянской среде имела тенденция к его возникновению; в некоторых случаях о более поздних колонизационных влияниях, или же о словообразующих процессах, результатом которых лишь якобы являлся эпентетический *l*. Он в это время, по всей вероятности, отсутствовал также на большинстве территории Паннонии, или же, намного шире, сегодняшней венгерской территории, относительно которой в качестве примера заимствования с сохранением изменения **bj > bl* приводится слово *gereblye* (грабли); *l* здесь, однако, могло появиться как словообразующая морфема (как и в словацком языке) [Paulíny 1963: 23; Machek 1968: 182]. В пользу данной точки зрения свидетельствуют и сведения о топонимах в Паннонии, которые эпентетический *l*, как правило, не содержат [Stanislav 1958: 132; Stanislav 1967:

---

¹² Нанр. *ratolest* (< *letorastl*), *racochác* (< *raz-sochác*), *Ráztoky*, *Raveň*, *Rasochy*, *Rastice*, *Ralsko*; см. [Lamprecht – Šlosar – Bauer 1986: 38].

349].¹³ Его формирование не было завершено на всей болгарско-македонской территории, где позднее он исчез и с территориями своего прежнего возникновения [Дуличенко 2014: 284; Lamprecht 1973: 118], в отличие от других южнославянских территорий. Тенденция к его возникновению и сохранению, очевидно, не была достаточно сильной для того, чтобы он закрепилось в нашем регионе.

Палатализация альвеолярных на западнославянской территории следовала сразу за II. палатализацией [Lamprecht 1973: 118] и протекала в 675 – 750 годах [Lamprecht 1985: 35]. Предположительно она началась на западе славянской территории и волнами распространялась на восточнославянские и югославянские территории [Zábranský 2014: 11]. Ее результатами в словацком языке можно считать изменение праславянских d_l , t_l , или $g't$, kt' в dz , c [Krajčovič 1981: 20]. Весьма вероятно изначально появились праславянские t' , d' (t' :, d' :), которые в дальнейшем изменились в t^s , d^{sz} [Lamprecht – Šlosar – Bauer 1986: 55] и в дальнейшем в c' , $dz' > c$, dz . В чешском языке и загорских наречиях d^e изменилось в z' и в дальнейшем в z (речь идет об одном из древнейших чешско-словацких отличий [Lamprecht – Šlosar – Bauer 1986: 57]; кажется, что мнение Станислава по поводу раннего намного более широкого распространения $z < d_l$ на словацкой территории [Stanislav 1967: 353; Stanislav 1978: 144] в свете научных дискуссий по данной проблематике [Uhlár 1989: 262, 263; Vavro 1963: 68; Krajčovič 1964; Krajčovič 2011: 288] нельзя признать правильным). В сербском языке t' , d' изменились в $ć$, $đ$ через промежуточное звено в виде t^s , d^e , в восточнославянских языках в $č'$, $ž$ через звено t^s , d^e , в болгарском языке в $št$, $žd < s't$, $ž'd < s't$, $z'd$ и т.д. [Иванов 1990: 117; ср. Хелимский 1988: 360]. Можно предположить, что в процессе распространения этих изменений территория Аварского каганата занимала особое место. С одной стороны, представляется уместным оградить себя от интерпретаций, в рамках которых gy , cs (чит. d' , $č'$) в венгерских словах славянского происхождения интерпретируются однозначно как сербизмы ([Moór 1962: 273]; ср. также [Хелимский 1988, 359]); в этом направлении является корректной аргументация Яна Станислава, согласно которой на основании состояния в венгерском языке невозможно отличить исходную форму (так как в древневенгерском языке не было c , который фонетически адаптировался как $č$; таким же образом в нем не было dz , адаптированного впоследствии как d').¹⁴ С другой стороны, является корректным (в отличие от вышеуказанной неисторической интерпретации $dl > l$) [Zoltán 2013: 212] интерпретиру-

¹³ Примеры сохранения эпентетического l' указывает [Stanislav 1967a: 170, 177, 180, 217, 218, 349]

¹⁴ *Paludya* вместо *Paludza*, *Privigye* вместо *Prievizda*, *Nevégy* вместо *Nevedza*, *Szabolcs* вместо *Sobolec* и т. п.; см. [Stanislav 1967a: 351].

вать рефлексy *št*, *žd* в венгерской лексике славянского происхождения в плане принадлежности к болгарскому диалектному типу [Zoltán 2013: 212]. При этом в отличие от результата метатезы **ort*, **olt* под циркумфлексом (незападнославянское протекание которой, как мы указывали выше, в силу изложенных исторических причин было более широко распространенным) речь идет о специфическом фонетическом изменении в болгарском языке. В связи с данной проблематикой является важным и упомянутый выше факт живой интеракции населения Болгарии и Аварского каганата вплоть до 9 столетия [Эрдели 1982: 51–52]. При этом палатализация альвеолярных, возможно, осуществилась еще не совсем до конца, когда хан Крум напал на аваров и Болгария завладела огромным количеством территорий каганата, включая земли, которые мы считаем местом происхождения нашей народной истории.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

В представленном тексте мы предложили базис теории, целью которой является разъяснение каузальной природы взаимоотношения между западнославянской и незападнославянской праславянскими основами словацкого языка. Эта теория основывается на предположении, что результат фонетического изменения легко распространяется особенно во время собственно протекания данного изменения; в таком случае на его результат может сильно повлиять фактор территориальной дифференциации в политической, военной и социально-экономической сферах, а также фактор престижности; причем и без значительного воздействия со стороны каких-либо миграционных процессов.¹⁵ Результатом применения упомянутого подхода стало соотнесение абсолютной хронологии праславянских языковых изменений со сведениями о пражской и пеньковской (связанной с антами и славянско-аварской культурой) археологических культурах, а также со сведениями об истории славян

---

¹⁵ Например, разъяснение, что *l < dl, tl* достигло Дольной Лужицы вследствие распространения нитрианского койне при власти Святополка I [Rukanec 2012: 84, 100], с точки зрения нашего подхода не может быть приемлемым, поскольку изменение *dl, tl > l* осуществилось, скорее всего, в 575 – 650 годах. Приемлемое объяснение распространения этой особенности могло бы заключаться в территориальной дифференциации в политической, военной и социально-экономической сферах во время осуществления этого изменения (подобная ситуация все же не настала) или (вернее) в миграционных процессах после ее реализации. Некоторые сведения из области археологии свидетельствуют о том, что сербы (предки так балканских, как и лужицких сербов), подобно антам, изначально обитали в регионе северного Причерноморья и свое название получили вследствие обстоятельств славянско-иранского симбиоза. Импульсом для их миграции стало аварское нашествие, в результате которого часть сербов переместилась на Балканы, а другая часть в центральные области Дуная, которые все же покинули перед заселением Лужицы. См. [Седов 1995: 332].

(склавинов, антов) и аваров, известных благодаря сохранившимся письменным источникам. Предложенная теория связывает древнее западнославянское ядро праславянской основы словацкого языка со склавинами (носителями пражской культуры) и незападнославянское ядро с антами, интегрированными во властвующие и управляющие структуры каганата. Она содержит также периодизацию отдельных языковых изменений относительно условий, сложившихся в тогдашнем каганате. В заключение авторы констатируют, что и после исчезновения каганата не перестает быть актуальной проблематика контакта и взаимного влияния западнославянских и незападнославянских диалектов на соответствующей территории, которое продолжало происходить во время дальнейшего существования славянских княжеств и в течение первых веков существования Венгерского королевства.

Литература / References

1. *Бабаев К.В.* Происхождение индоевропейских показателей лица: исторический анализ и данные внешнего сравнения. М.-Калуга: ИП Кошелев А.Б. (Издательство "Эйдос"), 2008. – 298 с.
2. *Бернштейн С.Б.* Сравнительная грамматика славянских языков. М.: Изд-во Москов. ун-та, Наука, 2005. – 352 с.
3. *Бирнбаум Х.* Праславянский язык: Достижения и проблемы в его реконструкции. М.: Прогресс, 1986. – 512 с.
4. *Дуличенко А.Д.* Введение в славянскую филологию. М.: Флинта, 2014. – 715 с.
5. *Дыбо В.А.* Происхождение индоевропейских показателей лица : Исторический анализ и данные внешнего сравнения // Journal of Language Relationship. Вопросы языкового родства, 2009. № 1. С. 143–154.
6. *Иванов В.В.* Историческая грамматика русского языка. Издание третье переработанное и дополненное. М.: Просвещение, 1990. – 400 с.
7. *Савченко А.Н.* Сравнительная грамматика индоевропейских языков. М.: УРСС, 2003. – 410 с.
8. *Седов В.В.* Происхождение и ранняя история славян. М.: Наука, 1979. – 158 с.
9. *Седов В.В.* Исчезнувшие народы. Анты // Исчезнувшие народы. М.: Наука, 1988. С. 102—109.
10. *Седов В.В.* Славяне в древности. М.: Изд-во «Научно-производственное благотворительное общество «Фонд археологии», 1994. – 344 с.
11. *Седов В.В.* Славяне в раннем средневековье. М.: Фонд археологии, 1995. – 416 с.
12. *Супрун А.Е.* Введение в славянскую филологию. Минск: Вышэйшая школа, 1989. С. 135–155.
13. *Хелимский Е.А.* Венгерский язык как источник для праславянской реконструкции и реконструкции славянского языка Паннонии / Славянское языкознание: X Международный съезд славистов. София, 1988 г. Доклады советской делегации. М.: Наука, 1988. С. 347—368.
14. *Эрдели И.* Исчезнувшие народы. Авары // Природа, 1982. № 11. — С. 51—52
15. *Borkovský I.* Staroslovanská keramika ve střední Evropě : studie k počátkům slovanské kultury. Praha: Tiskárna protektorátu Čechy a Morava. – 113 s.
16. *Botík J.* Etnický obraz Slovenska. Etnická história Slovenska. K problematike etnicity, etnickej identity, multietnickeho Slovenska a zahraničných Slovákov. Bratislava: Lúč, 2007. – 349 s.

17. *Bystrický P.* Sťahovanie národov (454 - 568). Bratislava: Historický ústav SAV, 2008. – 201 s.
18. *Curta F.* The Making of the Slavs: History and Archaeology of the Lower Danube Region, c. 500–700. Cambridge: Cambridge University Press, 2001. – 463 p.
19. *Curta F.* The slavie lingua franca (Linguistic notes of an archaeologist turned historian) // East Central Europe, 2004. 31. S. 125–148.
20. *Čilinská Z.*, Slovania a avarský kaganát. Výpoveď staroslovanského pohrebiska v Želovciach. Bratislava: Bradlo, 1992. – 109 s.
21. *Deacon P.* History of the Lombards. Philadelphia: University of Pennsylvania Press, 1974. – 334 p.
22. *Eisner J.* Devínska Nová Ves: Slovanské Pohřebiště. Bratislava: Nakl. Slovenskej akademie vied a umení, 1952. – 411 s.
23. *Fusek G.* Slovensko vo včasnოსlovanskom období. Nitra: Archeologický ústav SAV, 1994. – 383 s.
24. *Fusek G.* Frühe Slawen im Mitteldonauegebiet / Kulturwandel in Mitteleuropa. Langobarden– Awaren – Slawen. Bonn: Dr. Rudolf Habelt GmbH, 2008. S. 645–656.
25. *Fusek G., Olexa L., Zábojník J.* Nové sídliskové nálezy z Nižnej Myšle // Slovenská Archeológia, 2010. LVIII. S. 337–363
26. *Galuška L.* Slované. Doteky předků. O životě na Moravě 6. - 10. století. Brno: Moravské zemské muzeum v Brně, 2004. – 148 s.
27. *Chropovský B.* Včasnოსlovanský a predveľkomoravský vývoj na území Československa/Velká Morava a počátky československé státnosti. Praha—Bratislava: Academia, 1985. Obzor 1985. S. 81–106.
28. *Ivanič P.* Západní Slovania v ranom stredoveku: história, kultúra, hospodárstvo, náboženstvo. Nitra: Univerzita Konštantína Filozofa, 2011. – 195 s.
29. *Kapović M.* Uvod u indoeuropsku lingvistiku. Pregled jezika i poredbeno fonologija. Zagreb: Matica Hrvatska, 2008. – 365 s.
30. *Krajčovič R.* Pôvod juhozápadოსlovanských nářečí a ich fonologický vývin. Bratislava, Slovenské pedagogické nakladateľstvo, 1964. – 113 s.
31. *Krajčovič R.* Pôvod a vývin slovenského jazyka. Bratislava: Slovenské pedagogické nakladateľstvo, 1981. – 240 s.
32. *Krajčovič R.* Z lexiky stredovekej slovenčiny s výkladmi názvov obcí a miest (29) // Kultúra slova, 2011. №5. s. 84–91.
33. *Lamprecht A.* K chronologii foneticko-fonologických zmien v praslovanštině // Slovo a slovesnosť, 34, 1973. № 2. S. 115–123.
34. *Lamprecht A.* Praslovanština a její chronologické členění // Praha: Academia, 1978. S. 141–150
35. *Lamprecht A.* Praslovanština a etnogeneze Slovanů // Sborník prací Filozofické fakulty Brněnské univerzity Studia. Minora Facultatis Philosophicae Universitatis Brunensis. Brno: Filozofická fakulta Brněnské univerzity 1985. S. 31 – 38.
36. *Lamprecht A., Šlosar D., Bauer J.* Historická mluvnice češtiny. Praha: Státní pedagogické nakladatelství, 1986. – 423 s.
37. *Lunt H.G.* Slavs, Common Slavic and Old Church Slavonic // Litterae Slavicae Mediae Aevi. München: Francisco Venceslas Mares Sexagenario Oblata, 1985. P. 185–204.
38. *Luthar O.* Early Middle Ages // The Land Between: A History of Slovenia. Frankfurt am Main: Peter Lang, 2008. S. 83–112.
39. *Lutovský M., Profantová N.* Sámova říše. Praha: Academia, 1995. – 89 s.
40. *Máček V.* Etymologický slovník jazyka českého. Druhé vydání. Praha: Academia nakladatelství Československé akademie věd? 1968. -- 868 s.
41. *Marek M.* Národnosti Uhorska. Trnava: Filozofická fakulta Trnavskej univerzity, 2011. – 459 s.
42. *Měřínský Z.* České země od příchodu Slovanů po Velkou Moravu II. Praha: Libri, 2004. – 968 s.

43. *Moór E.* Zur Geschichte südslawischer Völkerschaften im Karpatenbecken // *Studia Slavica Academiae Scientiarum Hungaricae*, 8. 1962. S. 267—312.
44. *Múcsková G.* Prestíž ako motivačný faktor pri preberaní cudzích jednotiek a špecifiká nárečovej adaptácie (na príklade historických germanizmov) // *Jazyk a jazykoveda v interpretácii*. Bratislava: Univerzita Komenského, 2014. S. 68–8.
45. *Older M.* Avarské sídliská v strednej Európe: problémová bilancia // *Studia Mediaevalia Pragensia*, 11, 2012. S. 17–96.
46. *Pauliny E.* Fonologický vývin slovenčiny. Bratislava: Vydavateľstvo Slovenskej akadémie vied, 1963. – 358 s.
47. *Pieta K.* Slovanské osídlenie Liptova v 9. - 12. stol. // *Liptov. Vlastivedný zborník 2*. Martin: Osveta, 1972. S. 67–82.
48. *Pohl W.* Die Awaren: ein Steppenvolk im Mitteleuropa 567–822 n. Chr. München: C.H.Beck, 2002. – 540 s.
49. *Poláček L.* Mikulčice und Awaren. Zur Interpretation „awarischer“ Funde von Mikulčice // *Kulturwandel in Mitteleuropa. Langobarden – Awaren – Slawen*. Bonn: Dr. Rudol Habelt GmbH, 2008. S. 579–589.
50. *Pukanec M.* Od indoeurópciny k praslovančine. Brno: Tribun EU, 2010. – 134 s.
51. *Pukanec M.* *Praslovanská lexika v nárečiach slovenských kmeňov*. Brno: Tribun EU, 2008. – 178 s.
52. *Pukanec M.* *Svätoplukovo kniežatstvo a stará slovenčina*. Nitra: Univerzita Konštantína Filozofa v Nitre, Filozofická Fakulta, 2013. – 116 s.
53. *Ratkoš P.* Pramene k dejinám Veľkej Moravy. Bratislava: Slovenská akadémia vied, 1964. – 460 s.
54. *Shevelov G.* A Prehistory of Slavic: The Historical Phonology of Common Slavic. Heidelberg: Carl Winter Universitätsverlag, 1964. – 662 p.
55. *Stanislav J.* Slovanský miestopis v neslovanských krajinách // *Slovenská reč*, 23, 1958. № 3, s. 129 – 136
56. *Stanislav J.* Dejiny slovenského jazyka. I. Úvod a hláskoslovie. Tretie, doplnené vydanie. Bratislava: Vydavateľstvo Slovenskej akadémie vied 1967. —712 s.
57. *Stanislav J.* Dejiny slovenského jazyka III : Texty. 2. dopl. vyd. Bratislava: Vydavateľstvo SAV, 1967. – 512 s.
58. *Stanislav J.* Starosloviensky jazyk I. Bratislava: Slovenské pedagogické nakladateľstvo, 1978. – 372 s.
59. *Steinhübel J.* Nitrianske kniežatstvo. Budmerice: Rak, 2004. – 575 s.
60. *Šalkovský P.* Najstaršie formy domov u Slovanov // *Zborník Filozofickej fakulty Univerzity Komenského Musaica*. Bratislava: Univerzita Komenského, 2009. S. 35–48.
61. *Tóth P.* Slovansko-avarské pohrebiská na severnej periférii avarského kaganátu. Centrum experimentální archeologie a živé historie (online).URL: <http://cea.livinghistory.cz/zivotvm/navodyclanky/clanek.php?clanek=Slovansko-avarske%20pohrebiska>. 2011
62. *Udolph J.* Kamen die Slaven aus Pannonien? // *Studia nad etnogenezą Słowian i kulturą Europy wczesnośredniowiecznej*. Wrocław: Polska Akademia Nauk, 1987. S. 167–173.
63. *Uhlár V.* Toponymá utvorené od etnických mien a názvy Slovincy, Slovincy a Sklabiňa // *Slovenská reč*, 54, 1989. № 5. S. 257—266.
64. *Uhlár V.* Osídlenie Liptova a dolnoliptovské nárečia // *Slovenská reč*, 57, 1992. № 6. S. 324–336
65. *Vavro J.* Miestne mená typu Prievidza, Nevidzany, Lazany // *Jazykovedný časopis*, 14, 1963. № 1. S. 65—68.
66. *Zábojník J.* Materiálna kultúra nálezísk z obdobia avarského kaganátu na Slovensku // *Slovensko a európsky juhovýchod. Medzikultúrne vzťahy a kontexty*. Bratislava: Katedra všeobecných dejín a katedra archeológie FFUK, 1999. S. 189-222.
67. *Zábojník J.* Slovensko a avarský kaganát // *Slovensko vo včasnóm stredoveku*. Nitra: Archeologický ústav SAV, 2002. S. 29—39.

68. *Zábojník J. Slovensko a avarský kaganát.* Bratislava: Filozofická fakulta Univerzity Komenského, 2004. – 168 s.
69. *Zábranský L. STARÁ ČEŠTINA /opora k předmětu/.* Hradec Králové: Univerzita Hradec Králové, 2014. – 180 s.
70. *Zoltán A. Славянские диалекты Карпатского бассейна во время прихода венгров (IX в.).* // *Studia Slavica Hung.*, 58, 2013. № 1. S. 209–218.

«ОБЩЕСЛАВЯНСКИЙ ЛИНГВИСТИЧЕСКИЙ АТЛАС» (ОЛА) И ПРОБЛЕМЫ ЛИНГВИСТИЧЕСКОЙ ГЕОГРАФИИ В XXI В.

Т. И. Вендина

THE SLAVIC LINGUISTIC ATLAS (OLA) AND THE PROBLEMS OF LINGUISTIC GEOGRAPHY IN THE XXI CENTURY

T. Vendina

ABSTRACT:

The article deals with the analyses of linguistic geography problems in terms of the new dialect data. Assessing the preliminary results of the OLA project, the author focuses on the new facts in linguistic geography theory which the Atlas gives.

Keywords: The Slavic Linguistic Atlas; dialectology; lingvogeography

АННОТАЦИЯ:

Статья посвящена анализу проблем лингвистической географии в свете новых данных «Общеславянского лингвистического атласа». Оценивая предварительные итоги этого международного проекта, автор говорит о том, какие коррективы вносят карты Атласа в теорию лингвогеографии.

Ключевые слова: общеславянский лингвистический атлас; диалектология; лингвистическая география

*Посвящается Натальи Евгеньевне Ананьевой,
много и плодотворно занимавшейся славянской диалектологией и
лингвистической географией*

XX век в истории диалектологии ознаменован своеобразной «диалектологической революцией» (Ж. Фурке), обеспечившей победу лингвистической географии. Он открывается знаменитыми атласами Франции Ж. Жильерона и Э. Эдмона (*Atlas linguistique de la France*. Paris 1902-1910), Германии Г. Венкера (*Sprachatlas der Rheinprovinz*. Marburg 1926), Румынии Г. Вейганда (*Linguistischer Atlas des daco-rumänischen Sprachgebiets*. Leipzig 1889-1909), а заканчивается публикацией очередных томов *Общеславянского и Европейского лингвистических атласов*.

Процесс становления лингвогеографии как науки был довольно трудным и не всегда триумфальным: в начале XX в. результаты лингвистической географии часто ставились под сомнение. Известно, например, что карты атласа Г. Венкера, вдохновленного идеями младограмматиков, не подтвердили их тезиса о регулярности действия фоне-

тических законов, так как не обнаружили четких ареалов континуантов этих фонетических законов. Спорными оказались и результаты картографирования лексики в лингвистическом атласе Франции Ж. Жильерона: они были настолько неожиданными, что заставили создателя атласа высказать даже сомнения в существовании диалектов. Только лишь в конце XX в. лингвистическая география прочно заняла свои позиции, став одним из важнейших источников лингвистической информации о внутренней динамике языковых, этнических и культурных процессов.

Современное состояние славянской лингвистической географии может быть охарактеризовано как чрезвычайно перспективное, ибо она переживает сейчас период своеобразного “ренессанса”: во всех славянских странах идет интенсивная работа по созданию диалектологических атласов самого разного типа (территориальных, национальных, межнациональных, проблемных, уровневых и проч.).

Это позволяет не только усовершенствовать приемы и методы лингвогеографического анализа, но и расширить саму парадигму исследований. Такой теоретический прорыв в лингвистической географии, наметившийся в конце XX в., во многом способствовал ее переходу от экстенсивного изучения диалектов к интенсивному погружению в сущность лингвоареальных явлений.

Фиксация диалектно-языковых фактов на картах атласов все чаще становится предметом теоретического осмысления, декодирования их в логически последовательные цепи, отражающие реальную связь изучаемых явлений в пространстве и во времени. Поэтому современный этап развития лингвистической географии можно с полным основанием охарактеризовать как этап становления «объясняющей лингвогеографии» [Гриценко 1993: 7], имеющей своей целью глубинную интерпретацию лингвистической карты и сопряженный с ней анализ эксплицированных языковых явлений.

Об этом в свое время писал О.Н. Трубачев. Обратившись к истории лингвистической географии восточной Славии, он указывал на то, что «лингвистическая география не сводится лишь к картографированию, будучи сугубо исторической наукой, а значит, это не составление атласов, а их интерпретация, использующая понятие ареала, изоглоссы, очага распространения и такой критерий, как обращенность в прошлое» [Трубачев 2002: 7].

Таким образом, само развитие лингвистической географии требует сегодня разработки методики интерпретации выявленных диалектных фактов, поскольку эта методика имеет свою специфику по отношению к методологии общего языкознания.

Существующий сегодня разрыв между эмпирическими успехами лингвистической географии и состоянием разработки ее теоретическо-

методического аппарата является одним из ее парадоксов. Будучи увлеченной своими реальными достижениями в решении масштабных задач, связанных с изучением территориального варьирования единиц того или иного языка, лингвистическая география довольно долго шла по пути экстенсивного развития, оставляя без должного внимания вопросы, связанные с используемым ею методическим инструментарием. В результате сложилось неадекватное соотношение диапазона накопленных диалектных фактов и их интерпретации, которая в лучшем случае имеет описательный характер. «Отдельные фрагменты теории и некоторые удачные методические находки еще не сложились в стройную и строгую систему... Выработать свою научно обоснованную методологию и методику – нет задачи для ареальной лингвоэтнографии более острой, более важной и более трудной», – писал еще в 80-е годы В.А. Никонов [Никонов 1983: 24].

Однако в настоящее время разработка методов лингвистической географии является по существу своеобразным «побочным» продуктом ареальных исследований, хотя нельзя не признать, что ее успехи были бы более впечатляющими при целенаправленной разработке теории и методов (например, методов отграничения праязыковых истоков некоторых инноваций от процессов развития новообразований, возникающих параллельно и являющихся фактами собственной истории отдельных славянских языков или методов хронологической стратификации эксплицируемого на карте материала и т.д.).

Поэтому на современном этапе лингвогеографических исследований основной задачей является переход от эмпирических наблюдений к анализу карты как объекту исследований, т.е. от простой констатации соответствий отдельных элементов и структур к типологической интерпретации этих явлений. «Пока лингвистическая география ограничивалась картографическим изображением языковых фактов, она имела для лингвистики значение лишь вспомогательного, иллюстрирующего средства. Новая фаза развития лингвистической географии началась в тот момент, когда приступили к интерпретации лингвистических карт, объяснению изображенных на этих картах языковых явлений» [Немировский 1926: 236]. Эти слова М.Я. Немировского, написанные им почти 100 лет назад, актуально звучат и сегодня.

Несмотря на то, что этот методологический ориентир был определен еще в начале XX в., карта по-прежнему является часто лишь иллюстрацией, а не самостоятельным объектом исследования. Объясняется это, по-видимому, тем, что для такого рода работ необходим большой полевой материал, который, к сожалению, долгое время отсутствовал. Между тем ситуация изменилась с выходом в свет «Общеславянского лингвистического атласа» – грандиозного лингвогеографического проекта

сравнительно-исторического языкознания XX в., аналога которому славистика не знает. Благодаря Атласу славистика вышла за рамки национальных филологий, и, преодолевая атомарность и поверхностность отдельных славистических штудий, обратилась к изучению праславянских явлений в общеславянском масштабе.

Работа над созданием «Общеславянского лингвистического атласа» продолжается уже более 50 лет. Несмотря на то что процесс создания Атласа растянулся во времени и при этом знал разные коллизии, его коллективу удалось опубликовать восемь томов фонетико-грамматической серии – «Рефлексы *ě» [Београд 1988], «Рефлексы *ę» [Москва 1990], «Рефлексы *ǫ» [Warszawa 1990], «Рефлексы *ьг, *ьг, *ьл, *ьл» [Warszawa 1994], «Рефлексы *ь, *ь. Вторичные гласные» [Скопје 2003], «Рефлексы *ь, *ь» [Загреб 2006], «Рефлексы *о» [Москва 2008], «Рефлексы *е» [Москва 2010] и восемь томов лексико-словообразовательной серии («Животный мир» [Москва 1988], «Животноводство» [Warszawa 2000], «Растительный мир» [Минск 2000], «Профессии и общественная жизнь» [Warszawa 2003], «Домашнее хозяйство и приготовление пищи» [Москва 2007], «Человек» [Kraków, 2009], «Сельское хозяйство» [Братислава 2012], «Народные обычаи» [Москва 2015] и это при том, что в 80-х годах публикацию Атласа пришлось «заморозить», так как в процессе работы возникли сложности экстралингвистического характера, преодолеть которые удалось практически только спустя двадцать пять лет.

В настоящее время во всех странах-участницах этого международно-го проекта ведется работа по подготовке к печати очередных томов Атласа лексико-словообразовательной серии («Степени родства», «Пути сообщения, транспорт», «Человек, его личные черты и свойства», «Гигиена и медицина», «Рельеф», «Метеорология и измерение времени» и др.) и фонетико-грамматической серии («Рефлексы *а», «Рефлексы *i, *у, *ц», «Рефлексы *tort, tert, tolt, telt», «Местоимения», «Существительные» и др.).

Оценивая предварительные итоги проделанной работы, следует отметить, что Атлас предоставил исследователям богатейший диалектный материал, который является главным итогом международного проекта. Публикация Атласа доказала, что реконструкция системы праславянского языка, решение вопроса о его диалектной дифференциации и локализации прародины славян невозможны без изучения современного славянского диалектного континуума методами лингвогеографии.

Картографирование языкового материала на огромном пространстве terra Slavica придало картам Атласа статус особо значимого источника лингвистической информации, так как чем больше территория, тем надежнее информация о специфике диалектного ландшафта и вероятнее

получение новых сведений. Материал «Общеславянского лингвистического атласа» представляет особую ценность еще и потому, что он дает возможность по-новому взглянуть на межславянские лексические параллели и обратиться к изучению специфики отдельных славянских диалектов как компонентов славянского континуума в целом. Ценность материалов Атласа определяется также и тем, что карта позволяет визуально оценить значимость (*valeur*) каждой изоглоссы в общеславянском масштабе, так как география и характер ареала многое проясняют в природе возникновения этих схождения.

При этом карта дает возможность не только выявить ареальные связи славянских диалектов, но и рассмотреть их во временном плане. В соответствии с постулатом лингвистической географии карта, являясь пространственной проекцией элементов языковой системы диалектов, позволяет исследователю описать формирование диалектных различий в их исторической перспективе, поскольку фактор пространства всегда неразрывно связан с фактором времени. Языковые различия в пространстве тождественны языковым различиям во времени: «существование языка в пространстве и существование языка во времени – одно и то же явление существования языка во времени-пространстве» [Степанов 1975: 304]. Поэтому возможность пространственной визуализации межъязыковых схождения делает реальной и временную стратификацию картографируемых лексем подобно той, которой располагает славистика, предлагая относительную и даже абсолютную хронологию для многих фонетических и грамматических явлений праславянского языка.

Вместе с тем работа над Атласом высветила некоторые проблемы современной лингвогеографии, которые требуют своего решения.

1. ПРОБЛЕМА ИНТЕРПРЕТАЦИИ АРЕАЛОВ

Как известно, задача любого атласа состоит в том, чтобы дать представление об общей картине распространения изучаемых явлений с целью выявления изоглосс и определения их топографической и лингвистической значимости. «Лингвогеограф интересуется прежде всего современное состояние явлений, место, которое они занимают в наши дни, и взаимоотношения их в пространстве. Только после подробного географического их исследования и на основе этого исследования лингвогеограф считает себя вправе обратиться к их истории» [Теньер 1966: 118].

Задача исследователя при этом заключается не только в том, чтобы локализовать диалектные материалы в географическом пространстве, но и в том, чтобы их интерпретировать. А для этого необходимо заставить «заговорить» пространство, научиться «читать» и понимать язык карты, так как каждая карта несет информацию самого разного характера, скрытую под слоем эмпирических фактов.

Однако в отечественной диалектологии (как, впрочем, и в зарубежной) еще довольно плохо проработаны методологические основы приемов и принципов научного осмысления картографических данных в лингвогеографическом аспекте, а тем более методика чтения разных типов карт. Возможно, именно поэтому материалы атласов еще довольно медленно вводятся в научный оборот. И в этом смысле слова С.Б. Бернштейна о невостребованности диалектологических атласов, высказанные им более тридцати лет назад, остаются актуальными и сегодня [Бернштейн 1986: 3-4]. Причина, по мнению С.Б. Бернштейна, кроется в том, что пока еще не разработана новая методика чтения лингвистических карт, в связи с чем исследователи, и особенно историки языка, не могут в полной мере использовать все факты, которые им дают диалектологические атласы.

Характерно, что об этом же говорилось и в 60-е годы XX в., однако в лингвогеографии мало что изменилось (ср., в связи с этим следующий пассаж: «Важность лингвистических атласов как ценнейшего материала для построения истории языка бесспорна. Несмотря на это в славистике еще мало работ, в которых делались бы попытки воссоздать историю системы языка или ее фрагментов на основе соответствующей интерпретации изоглосс картографируемых в атласах явлений. Невнимание к данным лингвогеографии в работах исторического плана может быть отчасти объяснено тем, что методика ретроспективного изучения фактов, представленных в атласах, по сути дела, отсутствует» [Клепикова, Попова 1968: 98] и она по-прежнему остается в известной степени «закрытой» областью языкознания, а атласы имеют сравнительно ограниченный круг пользователей).

Следует, однако, признать, что лингвистическая карта трудна для восприятия, причем не только для неподготовленного читателя, но и для специалиста, так как это довольно «специфический текст, несущий слишком большой объем разноплановых языковых сведений, зачастую не только не известных ранее из других источников информации, но и противоречащих устоявшимся языковедческим стереотипам и постулатам» [Гриценко 2004: 86].

Карты Атласа с развернутой на них экспозицией лексико-словообразовательных и фонетико-грамматических явлений являются сложными как в структурно-типологическом отношении, так и по своим хронотопическим характеристикам с наложением и пересечением векторов изоглосс, имеющих различные направления. Поэтому топография изоглосс, их реальная пространственная «наполненность» оказывается не одинаковой, что свидетельствует об их разном историческом прошлом и соответственно разной хронологии.

Это прекрасно видно на картах «Общеславянского лингвистического атласа», которые со всей очевидностью показали, что эксплицированный на них материал в хронологическом плане оказывается разнородным, так как изоглоссы межславянских соответствий проецируются в разновременные плоскости:

- одни из них детерминированы факторами генетического порядка (они имеют глубокие корни и восходят часто к периоду праславянской языковой общности);

- другие определяются факторами ареально-типологическими, связанными с независимым и параллельным развитием сходного явления;

- третьи – факторами пространственно-генетическими (они во многом порождены явлением интерференции славянских диалектов и восходят к эпохе самостоятельного развития славянских языков).

А это значит, что праславянские языковые явления сосуществуют на картах Атласа в одном хронологическом срезе с более поздними образованиями, являющимися фактом уже собственной истории отдельных славянских языков.

Поэтому перед читателем предстает довольно сложная ареалогическая картина связей и отношений славянских языков. Несмотря на то, что в основу «Вопросника» Атласа был положен принцип диахронического тождества общеславянских корней и лексем, на его картах наряду с праславянскими оказались и лексемы более позднего образования, являющиеся свидетельством собственной истории славянских языков и их диалектных контактов. Поэтому истинная картина связей и отношений славянских языков периода праславянской эпохи оказалась во многом затемнена более поздними временными напластованиями.

Для осмысления этой картины простое суммирование выявленных изоглосс мало что дает, ибо происходит отождествление разных по времени изоглосс, которые отличаются друг от друга и по своей древности, и по устойчивости, и по количеству и употребительности охватываемых ими слов, и по своему значению для разных уровней языка (см., например, [Жирмунский 1954: 23]).

Особенно остро встает эта проблема при хронологической интерпретации лексических изоглосс. Что касается фонетики, то здесь само фонетическое явление, его история указывает на время его возникновения (например, явление непоследовательности палатализаций заднеязычных согласных, сохранение фонологической индивидуальности *ě или слоговых сонантов, судьба сочетаний *tort, *tert, *tolt, *telt и т.д.). При решении же вопроса о хронологической стратификации лексического материала возникают определенные трудности, поскольку «в лексике более чем в какой-либо иной области языка, имеют значение междуа-

лектные контакты, в результате чего может явиться экспансия одних лексем и утрата других» [Клепикова, Попова 1968: 106].

Встает вопрос: какие критерии являются надежными, необходимыми и достаточными при хронологической интерпретации материала, представленного на карте? Можно ли вообще найти такие критерии или, вслед за Н.С. Трубецким,¹ следует признать, что «каждое слово распространяется в своих собственных границах», а потому оно имеет и свою собственную топографическую историю. А это значит, что от поисков таких критериев следует отказаться.

К сожалению, мы должны признать, что лингвистическая география XXI в. пока не располагает надежными критериями для хронологического расслоения языкового материала.

Сформулированные когда-то основателем «неолингвистической» школы М. Бартоли «закономерности соотношения типов ареалов и хронологии самих явлений на материале романских языков, имеют скорее индикативный характер, т.е. они лишь указывают на *возможность* истолкования явления, например, как архаического, если оно зафиксировано в изолированных, периферийных или в значительных по территории областях» [Клепикова 2008: 363]. Трудности диахронической интерпретации фактов порождены, в частности, тем, что информация о временной стратификации представлена на картах в «закодированном» виде. Поэтому на современном уровне развития лингвогеографии приходится использовать далеко не совершенные трактовки ареальных ситуаций, предложенные неолингвистикой.

В этом отношении Атлас, несомненно, явится теоретическим полигоном лингвистической географии XXI в. для апробации ее идей и методов, в частности, разработки общей теории ареалов.

2. ПРОБЛЕМА ТИПОЛОГИИ АРЕАЛОВ

Карты «Общеславянского лингвистического атласа» реально доказали, что многочисленные лексические изоглоссы и ареалы не являются чем-то случайным, индивидуальным, характерным лишь для одного слова, напротив, они повторяются на славянском лингвистическом ландшафте, и в этой повторяемости прослеживаются определенные закономерности. Поэтому материал Атласа заставляет обратиться к поискам таких закономерностей в организации лингвистического пространства Славии с целью разработки типологии ареалов. И это еще одна задача лингвогеографии XXI века, решение которой позволит

---

¹ «Всякое отдельно взятое слово, которое обнаруживает какое-то звуковое изменение, распространяется в своих собственных границах и поэтому границы географического распространения звуковых изменений никогда не могут быть установлены надежно и точно» [Трубецкой 1987: 32].

соотнести генетический и ареальный критерий и установить относительную хронологию ареальных структур.

Так, в частности, среди множества лексических ареалов, представленных на картах Атласа, отчетливо просматривается несколько групп:

- первую группу ареалов образуют слова, которые восходят к периоду праславянской языковой общности (это ареалы общеславянских лексем или слов, которые распространены в трех славянских языковых группах);

- вторая группа ареалов детерминируется факторами пространственно-генетическими (они во многом порождены явлением интерференции славянских диалектов, их образуют ареально ограниченные диалектизмы, восходящие часто к эпохе самостоятельного развития славянских языков);

- существование третьей группы ареалов определяются факторами ареально-типологическими, связанными с независимым и/или параллельным развитием того или иного языкового явления;

- наконец, четвертая группа ареалов связана с формированием этнополитического самосознания, стремлением через язык выразить свою культурно-национальную специфику (это ареалы так называемой эксклюзивной лексики).

Опубликованные материалы Атласа убедительно говорят о том, что распространение того или иного слова происходит не в его собственных границах, а определяется закономерностями, позволяющими говорить о типологии ареалов. Более того, между типом ареала, его локализацией в пространстве и временем образования существует определенная связь, так как один и тот же тип ареала может иметь разную интерпретацию в плане его хронологической отнесенности в разных пространственных контекстах (подробнее см. [Вендина 2015]).

Все это подтверждает тезис о том, что ареалы – это пространственно-временные образования, ибо время – лишь одна из форм существования материи, тогда как другой ее формой является пространство. Поэтому разные временные фазы находят соответствия в своих пространственных структурах. Задача лингвистической географии XXI века заключается, таким образом, в том, чтобы провести «лингвистические раскопки» terra Slavia и заставить заговорить пространство. А для этого необходимо продолжать поиски закономерностей организации лингвистического пространства, так как именно пространство является центральным понятием для всего комплекса проблем, связанных с диалектной интерпретацией карты.

3. ПРОБЛЕМА ЦЕНТРАЛЬНО-ПЕРИФЕРИЙНОЙ ПРОТИВОПОСТАВЛЕННОСТИ АРЕАЛОВ ИННОВАЦИЙ И АРХАИЗМОВ

Существование различных типов ареалов картографируемых лексем в славянских диалектах говорит о том, что разные временные фазы находят соответствия в своих пространственных структурах. Это заставляет по-новому оценить некоторые постулаты лингвистической географии XX века и, в частности, проблему центрально-периферийной противопоставленности ареалов архаизмов и инноваций. Как известно, проблема эта берет свое начало в «теории волн» И. Шмидта. Благодаря работам романской нелингвистической школы в лингвистической географии получила широкую известность теория М. Бартоли, согласно которой центр, являющийся креативной зоной, рождает инновации. Распространяясь радиально на окружающие территории, они оттесняют архаизмы на периферию. Однако материалы многочисленных лингвистических атласов (в том числе и «Общеславянского лингвистического атласа») часто входят в противоречие с этими представлениями. Так, в частности, типология ареальных сценариев архаизмов и инноваций, представленных на картах «Общеславянского лингвистического атласа» убедительно свидетельствует о том, что противопоставление центрального и периферийного ареалов в современной Славии как зон инноваций и архаики в славянском диалектном континууме является упрощенной схемой их отношений, которые в действительности оказываются значительно сложнее.

Карты Атласа говорят о том, что ареалы инноваций могут локализоваться не только в центре диалектного континуума того или иного языка, но и на периферии. Периферийная зона менее устойчива и более проницаема для внешних влияний. Более того, именно на периферии, где наблюдается меньшее давление со стороны системы и большая свобода в междиалектных контактах, складываются наиболее благоприятные условия для зарождения новых языковых явлений. Что касается ареалов архаизмов, то они могут сохраняться не только на периферии, но и в центре. Кроме того, они могут иметь не только островные, но и обширные ареалы. Причем при их разрушении центр иногда оказывается даже более архаичным, чем периферия, где чаще всего происходит зарождение новых диалектизмов. Разрушенные ареалы праславянских лексем красноречиво свидетельствуют о том, что явление более древнее нередко занимает большую площадь, чем явление более позднее, ибо оно начало распространяться значительно раньше, поэтому часто становится причиной возникновения нового явления.

«Миф» о центрально-периферийной противопоставленности ареалов инноваций и архаизмов не работает не только на территории Славии, но и, как показала М.А. Бородина, в Романии. Описывая лексические осо-

бенности лотарингского диалекта по данным «Лингвистического атласа Франции» Ж. Жильерона, она обнаружила, что «вопреки обычной картине, когда на окраинах сохраняются архаизмы, а неологизмы распространяются из центра, неологизмы оказываются на периферии; эти зоны образовались в конце XVIII - в начале XIX вв.; из всех рассмотренных зон это самые молодые зоны» [Бородина, 1966: 103].

В демифологизации нуждается **и теория волн** И. Шмидта, в основе которой лежит идея постепенных, незаметных переходов между не имеющими четких границ диалектами индоевропейских языков, поэтому каждый отдельно взятый и.-е. язык по отношению к другому можно рассматривать как переходный. Карты «Общеславянского лингвистического атласа» заставляют внести в эту теорию ряд поправок, поскольку они красноречиво свидетельствуют о существовании четких границ в распространении того или иного языкового явления. Яркой иллюстрацией существования подобных границ служат ареалы эксклюзивных лексем, которые иногда могут покрывать обширные пространства диалектов того или иного языка, но при этом не выходить за их пределы, т.е. идея «колышущейся нивы», лежащая в основе этой теории, здесь явно не работает (подробнее см. [Вендина 2015]).

Все это убедительно свидетельствует о том, что необходимо продолжать поиски закономерностей организации лингвистического пространства, так как именно пространство является центральным понятием для всего комплекса проблем, связанных с диалектной интерпретацией карты. «Знание типологии ареалов дает возможность осуществить предварительную интерпретацию карт» [Бородина 1980: 108].

Это особенно важно в связи с тем, что материалы «Общеславянского лингвистического атласа» позволяют не только выявить пространственную локализацию межъязыковых схождений, но и, что самое главное, в отличие от праславянских этимологических словарей, оценить их с ареальной точки зрения, так как география и характер ареала, его конфигурация, размер, континуальность многое проясняют в природе возникновения этих схождений. Более того, нередко именно ареал может свидетельствовать об архаичности или, наоборот, вторичности картографируемого явления.

Поэтому на современном этапе развития лингвистической географии следует обратить самое серьезное внимание на создание фактографической базы межславянских диалектных связей, особенно сепаратных схождений, с целью их генетической и ареально-типологической интерпретации. Думается, что только в этом случае появятся объективные предпосылки для перехода от единичных (нередко случайных) констатаций отдельных лексико-семантических схождений к их системному описанию в сравнительно-историческом аспекте. Накопление изоглосс

самого разного характера даст возможность ответить на вопрос, ЧТО в диалектной структуре современных славянских языков является продолжением праславянского наследия, а ЧТО сложилось позднее, в эпоху миграций, под влиянием факторов культурно-исторического характера.

4. ПРОБЛЕМЫ СЛАВЯНСКОЙ ДИАЛЕКТОЛОГИИ

Обосновывая идею создания «Общеславянского лингвистического атласа», А. Мейе в своем докладе на первом съезде славистов предлагал рассматривать славянские диалекты в аспекте единого языка, т.е. речь шла не об атласе различных славянских языков, а об атласе единого славянского языкового континуума в его противопоставлении романским и германским языкам. А это значит, что публикация ОЛА требует осмысления *terra Slavia* с позиций славянской диалектологии. Закономерно встает проблема релевантности диалектных признаков, которые должны быть положены в основу классификации славянских диалектов с целью выявления междиалектных сходств и различий. Опубликованные фонетические тома Атласа говорят о том, что в их число должны входить такие признаки, как аканье и оканье, еканье и иканье (в связи с судьбой *ě), палатальности/ палатализованности согласных и др. Рассмотренные в общеславянском контексте, эти признаки должны пролить свет на ряд нерешенных проблем сравнительно-исторического языкознания, и в частности, на проблему происхождения аканья, которая, как известно, до сих пор не имеет своего окончательного решения.

Лексико-словообразовательная серия Атласа поможет выявить лексико-семантические противопоставленные и непротивопоставленные диалектные различия, которые позволят говорить о дифференциации славянских диалектов в синхронно-типологическом плане. Уже сейчас во многих томах лексико-словообразовательной серии Атласа отчетливо просматривается разделение Славии по линии север ~ юг: (ср., например, следующие карты: т. 1 «Животный мир» карта 30 'ящерица': север //ašč-er- (//ašč-er-ь, //ašč-er-ic-a, //ašč-er-ьk-a) ~ юг gušč-er- (gušč-er-ь, gušč-er-ic-a, gušč-er-ьk-a); т. 2 «Животноводство» карта 4 'некастрированный самец овцы': север *baran-ь* ~ юг *ov-ьn-ь*; т. 3 «Растительный мир» карта 6 'тень под деревом': север *těn-ь* ~ юг *xold-ь*; карта 11 'лес': север *lěs-ь* ~ юг *šum-a*; карта 17 'сосна': север *sos-ьn-j-a* ~ юг *bor-ь*; т. 9 «Человек» карта 76 'слово': север *slov-o* ~ юг *besěd-a* (слн.), *dum-a* (блг. мак.), *reč-ь* (хрв., серб.), *sb-bor-ь* (мак.); т. 10 «Народные обычаи» к. 7 'счастье': север *sb-čest-ьj-e* ~ юг *sb-rět-j-a*, *sb-rět-j-a*; к. 19 'курит': север *kur-i-ть* ~ юг *puš-i-ть* и т.д.).

Материалы «Общеславянского лингвистического атласа», несомненно, могут и должны стать базой для создания исторической диалектологии славянских языков, что в свою очередь позволит усилить общесла-

вянский фон при написании исторических грамматик отдельных славянских языков.

Итак, лингвистическая география XXI в., критически освоившая опыт предшествующего поколения, оказалась перед фактом ограниченности знаний, касающихся пространственной интерпретации проекции языковых явлений. Продолжая традиции науки о языке, она ставит перед исследователями новые задачи, связанные с осмыслением полученных данных.

Как показало время, современная лингвистическая география является матрицей будущего. Об этом свидетельствует четко прослеживаемая тенденция к расширению ее границ. Благодаря прорыву в лингвистической географии, произошло укрупнение компаративистских исследований, расширилась сама их парадигма, так как предметом изучения стала не просто структура слова, его этимология, но и его ареал и время возникновения. Пространственный дискурс вместе с описанием структуры и функции языковых единиц в синхронии и диахронии создали своеобразное гносеологическое триединство лингвистики XXI в., исследующей язык в трех измерениях – структуры, пространства и времени.

Литература / References

1. *Бернштейн С.Б.* Размышления о славянской диалектологии // Славянское и балканское языкознание. Проблемы диалектологии. Категория посессивности. М., 1986.
2. *Бородина М.А.* Проблемы лингвистической географии. М., 1966.
3. *Бородина М.А.* Развитие ареальных исследований и основные типы ареалов // Взаимодействие лингвистических ареалов. Л., 1980.
4. *Вендина Т.И.* Типология лексических ареалов Славии. М.-СПб., 2015.
5. *Гриценко П.Е.* На подступах к объясняющей лингвогеографии // Арэалогія. Праблемы і дасягненні. Київ, 1993.
6. *Гриценко П.Е.* Об интерпретации лингвистических карт // Общеславянский лингвистический атлас. Материалы и исследования. М., 2004.
7. *Жирмунский В.М.* О некоторых проблемах лингвистической географии // Вопросы языкознания. 1954. № 4.
8. *Клепикова Г.П., Попова Т.В.* О значении данных лингвистической географии для решения некоторых вопросов истории болгарского языка // Вопросы языкознания. 1968. № 6.
9. *Клепикова Г.П.* Очерки карпатской диалектологии: Предисловие. Введение // Исследования по славянской диалектологии. Вып.13. Славянские диалекты в ситуации языкового контакта (в прошлом и настоящем). М., 2008.
10. *Немировский М.Я.* Лингвистическая география и ее значение // Известия горного педагогического института. Владикавказ. 1926. Т. III.
11. *Никонов В.А.* Оптимизация методов ареальной лингво-этнографии // Ареальные исследования в языкознании и этнографии. Язык и Этнос. Л., 1983.
12. *Степанов Ю.С.* Методы и принципы современной лингвистики. М., 1975.
14. *Теньер Л.* По вопросу о диалектологическом атласе русского языка // Вопросы языкознания 1966, № 5.

15. *Трубачев О.Н.* Из истории и лингвистической географии восточнославянского освоения // Материалы и исследования по русской диалектологии. М., 2002.
16. *Трубецкой Н.С.* Фонология и лингвистическая география //Трубецкой Н.С. Избранные труды по филологии. М., 1987.

**МОДЕЛЬ ОБРАЗОВАНИЯ СТЕПЕНЕЙ СРАВНЕНИЯ
ПРИЛАГАТЕЛЬНЫХ В СОВРЕМЕННОМ
ПОЛЬСКОМ ЯЗЫКЕ (РЕЗУЛЬТАТЫ
КВАНТИТАТИВНОГО АНАЛИЗА) / SYNTETYCZNY
MODEL STOPNIOWANIA PRZYMIOTNIKÓW WE
WSPÓŁCZESNEJ POLSZCZYŹNIE (UWAGI NA
PODSTAWIE BADANIA ILOŚCIOWEGO)**

M. Гембка-Воляк

**THE SYNTHETIC MODEL OF COMPARISON OF CONTEMPO-
RARY POLISH ADJECTIVES (REMARKS BASED
ON QUANTITATIVE RESEARCH)**

M. Gębka-Wolak

ABSTRACT:

The paper describes the course and the results of a quantitative analysis concerning the comparison of adjectives in contemporary Polish. Our research was designed, taking into consideration the needs of teachers of Polish as a Foreign Language. The article verifies and completes the existing knowledge on the impact of phonological factors (i.e. the number of syllables) and morphological factors (i.e. the existence of alternations and word-forming morphemes in the adjective root) on the choice made by the speaker who decides to use a synthetic model of adjective comparison. Our results may serve as the basis for formulating simplified grammar rules, helping foreigners to choose between a synthetic and an analytic comparative form and allowing them to opt for a form which is correct and statistically more frequent.

Keywords: contemporary Polish; descriptive grammar; quantitative research; comparison of adjectives

АННОТАЦИЯ:

В статье представлен ход и результаты количественного анализа использования форм степеней сравнения прилагательных в польском языке. Исследование проводилось с мыслью об использовании в обучении польскому языку как иностранному. Была подвергнута верификации и дополнена информация относительно влияния фонологических (число слогов) и морфологических (чередования и наличие словообразовательных морфем в основе прилагательного) факторов на выбор синтетического способа образования степеней сравнения. Полученные результаты могут быть основой для формулирования упрощенных правил, которые помогут иностранцам образовывать правильные и статистически более частые формы.

Ключевые слова: современный польский язык; описательная грамматика; количественные исследования; степени сравнения; прилагательные

STRESZCZENIE

W artykule omówiono przebieg i wyniki badań ilościowych dotyczących stopniowania przymiotników we współczesnej polszczyźnie. Badania przeprowadzono z myślą o zastosowaniu w nauczaniu języka polskiego jako obcego. Artykuł weryfikuje i uzupełnia wiedzę na temat wpływu czynników fonologicznych (liczba sylab) i morfologicznych (alternacje i morfemy słowotwórcze w temacie przymiotnika) na wybór syntetycznego modelu stopniowania. Otrzymane wyniki mogą być podstawą do formułowania uproszczonych reguł, które pomogą cudzoziemcom utworzyć taką formę stopnia wyższego, która będzie poprawna i statystycznie częstsza.

słowa kluczowe: współczesny język polski; gramatyka opisowa; badanie ilościowe; stopniowanie; przymiotniki

1. WPROWADZENIE

Badania, których wyniki przedstawiono w artykule, zostały przeprowadzone z myślą o zastosowaniu w nauczaniu języka polskiego jako obcego. Ich zadaniem było sformułowanie wskazówek pomagających obcokrajowcom uczącym się języka polskiego typować przymiotniki, które powinni stopniować syntetycznie. Innymi słowy, chodziło o ułatwienie uczącym się polskiego dokonywania samodzielnego wyboru między wyrażeniami *grzeczniejszy* i *bardziej grzeczny*, *częstszy* i *bardziej częsty*, tj. wyboru bez posiłkowania się informacją pochodzącą ze słowników lub od rodzimych informatorów. Ze względu na założony cel dydaktyczny w badaniach przyjęto szereg ograniczeń i uproszczeń.

1.1. PRZEDMIOT OPISU

Przedmiotem opracowania jest zjawisko różnicowania ilości cech za pomocą operacji fleksyjnej, tj. z wykorzystaniem morfemów dodawanych do form przymiotnikowych, np. *stary*, *starszy*, *najstarszy*, *łatwy*, *łatwiejszy*, *najłatwiejszy*, bądź za pomocą operacji składniowej, polegającej na tworzeniu konstrukcji składającej się z leksemu wskazującego na większą lub mniejszą ilość cechy i bazowej formy przymiotnikowej, np. *bardziej siwy*, *najbardziej siwy*, *mniej zapracowany*, *najmniej zapracowany*. Pierwsza operacja tradycyjnie określana jest mianem stopniowania prostego (syntetycznego), druga – stopniowania opisowego (analizy) ¹. Należy przy tym

---

¹ Przyjmujemy za Maciejem Grochowskim, że „stopniowanie jest operacją semantyczną, która polega na porównywaniu obiektów/stanów rzeczy, wykrywaniu różnic między nimi i komunikowaniu, w czym się te różnice ujawniają. Podstawą kategorii stopnia jest więc

dodać, że mimo że komponentami konstrukcji o funkcji gradacyjnej mogą być różne elementy leksykalne², np. *niesamowicie ciekawy, okropnie ciekawy, niewiarygodnie ciekawy, piekielnie ciekawy, diablo ciekawy*, w opracowaniach przygotowywanych do celów dydaktycznych informacje o stopniowaniu opisowym koncentruje się wokół konstrukcji najbardziej regularnych, mianowicie tworzonych z wyrażeniami *bardziej, najbardziej, mniej, najmniej* (zob. np. [Kaleta 1995: 246-250]; [Jędrzejko, Kita 2000: 158-160]). Jako że i temu opracowaniu przyświeca cel dydaktyczny, zakres stopniowania opisowego ogranicza się do konstrukcji typu *bardziej zdrowy, najbardziej zdrowy*.

Perspektywa badawcza została zawężona do przymiotników, które podlegać mogą obu mechanizmom gradacji, czyli są stopniowane w sposób syntetyczny i analityczny. Tym samym, poza polem obserwacji znalazły się przymiotniki stopniowane tylko analitycznie. Będą to przede wszystkim genetyczne imiesłowy przymiotnikowe, np. *bardziej interesujący, bardziej wyspany, najbardziej skryty*, a także homonimy przymiotników tzw. relacyjnych, mające znaczenia przenośne, np. *bardziej bezpłciowy, bardziej drewniany, najbardziej polski*, zob. (1)-(3).

(1) Po bezpłciowym ponurym urzędniku o nazwie, nomen omen, Bida, jeszcze bardziej bezpłciowy minister o nazwisku, nomen omen, Łopatka. (NKJP)³

(2) W miarę upływu czasu jego pogodny ton zaczął robić się coraz bardziej drewniany [...] (NKJP)

(3) Celtic – najbardziej polski zespół w Lidze Mistrzów – jechał do Kopenhagi pewny udziału w fazie pucharowej rozgrywek. (NKJP)

Ponadto niewielką grupę przymiotników stopniuje się tylko opisowo ze względu na czynniki fonetyczne, a mianowicie możliwy po dodaniu morfemu stopnia wyższego zbieg spółgłosek tych samych, por. *gorzki* i **gorzszy*, lub mało fonetycznie zróżnicowanych, por. *śliski* i **ślisszy*, *lasy* i **lasszy*⁴. Stopniowanie opisowe niektórych przymiotników, jak np. *cierpki, sypki, szorstki*, jest motywowane także czynnikami zwyczajowymi (zob. [Buttler, Kurkowska, Satkiewicz 1986: 256]).

---

porównanie co najmniej dwóch obiektów lub stanów rzeczy. Dotyczy ono różnicy ilościowej między cechami obiektów lub między cechami stanów rzeczy i stanowi odpowiedź na pytanie, o ile dana cecha obiektu X (lub stanu rzeczy X) różni się od tej samej cechy innego, co najmniej jednego, obiektu Y (stanu rzeczy Y).” [Grochowski 2008: 61].

² Listę leksykalnych wykładników stopniowania synonimicznych względem *bardzo* przedstawia E. Janus [Janus 1977].

³ Przykłady opatrzone skrótem NKJP pochodzą z Narodowego Korpusu Języka Polskiego, udostępnionego na stronie internetowej <http://www.nkjp.pl/>. Zawartość i możliwości wyszukiwawcze korpusu są opisane w pracy [Przepiórkowski et al. 2012].

⁴ Wymienione ograniczenia stopniowania syntetycznego są opisane w literaturze, zob. np. [Dick 1976], [Klebanowska, Kochański, Markowski 1985: 134], [Buttler, Kurkowska, Satkiewicz 1986: 254-255], [Jadacka 2005: 79], [Marcisz 2009].

1.2. ZAŁOŻENIA I CEL BADAŃ

Ze względu na planowane zastosowanie wyników badań i stosowaną metodę konieczne jest przyjęcie kilku założeń opisu.

Uznajemy, że każdy przymiotnik, który można stopniować syntetycznie, podlega także stopniowaniu analitycznemu. Nie ma bowiem systemowych ograniczeń w tworzeniu konstrukcji *bardziej głośny, bardziej nudny, bardziej ciekawy, bardziej ciężki, bardziej dokładny, bardziej długi, bardziej miły*. W praktyce zakres użycia modelu analitycznego ogranicza norma językowa, skodyfikowana, tj. zapisana w kompendiach poprawnościowych, lub naturalna, czyli odpowiadająca poczuciu językowemu użytkowników języka⁵. Tym samym, jeśli mówimy, że dany przymiotnik stopniuje się tylko / przeważnie syntetycznie, mamy na uwadze ograniczenia normatywne, a nie systemowe.

Należy przy tym podkreślić, że w kompendiach poprawnościowych – mimo odnotowywania upowszechniania się modelu opisowego – pierwszeństwo przyznaje się modelowi prostemu, czego wyrazem jest zalecenie posługiwania się formami syntetycznymi „w tych wszystkich wypadkach, w których ich tworzenie jest możliwe” [Buttler, Kurkowska, Satkiewicz 1986: 257], gdy „można korzystać z tradycyjnych, regularnych form stopniowania syntetycznego” [Jadacka 2005: 80]. W istocie jednak norma wyboru modelu stopniowania jest nieco bardziej skomplikowana. Na podstawie komentarzy normatywnych zawartych w NSPP, podstawowym źródle informacji o normie skodyfikowanej, zbiór przymiotników stopniowalnych można podzielić na 3 podzbiory: 1) przymiotniki, które zaleca się stopniować tylko syntetycznie (opatrzone komentarzem „nie: *bardziej* + forma przymiotnika”), np. *głośny, głęboki, bliski, brzydki, dobry, korzystny, obfity, potworny, trwały*, 2) przymiotniki, dla których dopuszcza się dwa modele stopniowania, z których pierwszeństwo przyznaje się modelowi syntetycznemu (opatrzone komentarzem „forma syntetyczna *a. bardziej* + forma przymiotnikowa”), np. *bolesny, charakterystyczny, dynamiczny, gwałtowny, negatywny, serdeczny, zieleńszy*, 3) przymiotniki, dla których dopuszcza się dwa modele stopniowania, z których pierwszeństwo przyznaje się modelowi analitycznemu (opatrzone komentarzem „*bardziej* + forma przymiotnikowa *a. forma syntetyczna*”), np. *agresywny, dyspozycyjny, jednoznaczny, sumienny, wyborny*. Dodajmy, że podzbiory pierwszy i drugi są w NSPP zdecydowanie liczniejsze niż trzeci, co zgadza się z ogólnym zaleceniem posługiwania się przede wszystkim stopniowaniem syntetycznym⁶.

⁵ Podział na normę naturalną i skodyfikowaną zaproponowała Danuta Buttler w artykule *Zróżnicowanie współczesnej normy językowej* (podają za: [Markowski 2005: 30]).

⁶ Jak podaje A. Marcisz [Marcisz 2009: 297], spośród 427 przymiotników odnotowanych w NSPP 140 podlega stopniowaniu tylko analitycznemu. Z kolei zalecenie posługiwania się stopniowaniem prostym jako jedynym lub podstawowym sposobem intensyfikacji cechy pojawia się przy 282 przymiotnikach, co stanowi 66,43% całego zbioru przymiotników.

Jak pokazuje przeprowadzona przez autorkę tekstu analiza danych z NKJP, w odniesieniu do podgrupy pierwszej intuicja rodzimych użytkowników języka na ogół pokrywa się z normą skodyfikowaną w NSPP. Więcej rozbieżności między oceną normatywną a użyciem w tekstach notujemy w odniesieniu do podzbioru drugiego⁷. Jest jasne, że intuicyjny wybór, który rodzimemu użytkownikowi języka zasadniczo nie sprawia trudności, dla obcokrajowca bywa kłopotliwy. Obcokrajowca trzeba bowiem nauczyć – w programie maksymalnym – które przymiotniki musi / powinien stopniować syntetycznie, które analitycznie, a dla których równie dobre są oba sposoby stopniowania. Zadaniem minimum jest nauczenie, które przymiotniki trzeba stopniować syntetycznie. Najmniej efektywnym rozwiązaniem jest podanie odpowiednich list przymiotników. Zdecydowanie korzystniejsze byłoby odwołanie się do reguł czy chociażby wskazanie prawidłowości związanych z wyborem wzorca stopniowania. Tymczasem nie tylko w materiałach do nauczania jppjo, ale także w gramatykach języka polskiego o zasadach wyboru sposobu stopniowania mówi się niewiele (zob. [Dick 1976], [Bartnicka, Rybicka 1984]). Stąd zrodził się pomysł, by przeprowadzić badania, które uzupełniłyby wiedzę z tego zakresu.

Celem badań było zweryfikowanie hipotezy o istnieniu korelacji między wybranymi cechami przymiotników, stanowiącymi w badaniu zmienne niezależne, a sposobem stopniowania danego leksemu przymiotnikowego, stanowiącym zmienną zależną. Wykorzystane zostały dane ilościowe, a w ich analizie posłużono się programem komputerowym IBM SPSS Statistics 22 (PS IMAGO), pozwalającym na ich obróbkę statystyczną i wyciąganie wniosków nt. tego, które zmienne należy uznać za relewantne.

Ze względu na ograniczoną objętość artykułu dokładne omówienie przeprowadzonych badań nie jest możliwe. Ograniczymy się więc do krótkiego przedstawienia etapów prac, a następnie zaprezentujemy wyniki dotyczące roli wybranych czynników formalnych.

2. WSTĘPNY ETAP BADAŃ – USTALENIA, TRUDNOŚCI, WYNIKI

Badanie zostało podzielone na 3 etapy: 1) ustalenie wyjściowej listy przymiotników objętych obserwacją, 2) ustalenie normy dotyczącej sposobu stopniowania przymiotników wytypowanych na pierwszym etapie prac i przygotowanie ostatecznej listy przymiotników wchodzących w skład próby badawczej, 3) weryfikacja hipotezy o istnieniu korelacji między określonymi zmiennymi a typem stopniowania.

Każdy z etapów był przeprowadzany z wykorzystaniem innych narzędzi badawczych.

---

⁷ Istnienie rozbieżności między normą skodyfikowaną a uzusem pokazują także wyniki ankiety przeprowadzonej przez A. Marcisz [Marcisz 2009].

2.1. ZESTAWIENIE WYJŚCIOWEJ LISTY PRZYMIOTNIKÓW OBJĘTYCH OBSERWACJĄ

Informację o tym, które przymiotniki są stopniowalne, zawiera kilka słowników języka polskiego, np. ISJP, USJP, NSPP. O wyborze źródła materiału zdecydowało przede wszystkim kryterium techniczne, tj. łatwość automatycznego wyszukania materiału do badań i przeniesienia do przygotowywanej w programie EXCEL bazy danych. Najwygodniejszym źródłem materiału okazała się internetowa wersja *Słownika gramatycznego języka polskiego* (SGJP), opracowywanego przez Zygmunta Saloniego, Marcina Wolińskiego, Roberta Wołosza, Włodzimierza Gruszczyńskiego i Danutę Skowrońską⁸.

Autorzy SGJP syntetyczny stopień wyższy przymiotników traktują jako odrębny leksem, stanowiący osobne hasło w słowniku. Leksemy te daje się z kolei automatycznie wyszukać za pomocą wbudowanego do internetowej wersji SGJP narzędzia filtrowania materiału, a otrzymaną listę można skopiować. Automatycznie wyszukany materiał zawierał 658 przymiotników stopniowalnych syntetycznie. Trzeba jednak pamiętać, że część wybranych przymiotników odnosi się do znacznie większej liczby jednostek leksykalnych, gdyż przeprowadzone badania nie uwzględniły kwestii homonimii. Przykładowo, wyrażenie *świeży* na liście materiału wybranego do badania zanotowano tylko raz, mimo że w ISJP [ISJP 2000: 2, 796] w hasle *świeży* opisano aż 13 jednostek leksykalnych fundowanych na tym kształcie, np. 1) 'to, co pojawiło się lub zostało zrobione niedawno, czasem zastępując coś starego', np. *świeży śnieg*, 2) 'takie, które przygotowano niedawno i które są teraz najlepsze, a później mogą być niesmaczne lub zepsute', np. *świeże jedzenie*, 3) 'świeże owoce, warzywa, mięso, ryby itp. pochodzą prosto od producenta lub plantatora i nie były gotowane, mrożone, wekowane ani w inny sposób konserwowane' itd. Z punktu widzenia prowadzonych badań ważne jest to, że homonimiczne jednostki notowane w poszczególnych hasłach mimo różnic semantycznych lub pragmatycznych nie tracą cechy stopniowalności. Tak więc nieuwzględnienie homonimii niewątpliwie upraszcza opis, ale istotnie nie wpływa na otrzymane wyniki.

Przyjęto ponadto założenie, że jeśli dla danego przymiotnika SGJP notuje formę stopnia wyższego, to przymiotnik ten tworzy też regularnie (formalnie i semantycznie) formę stopnia najwyższego.

---

⁸ Korzystano z wersji roboczej, w czasie przeprowadzania badania dostępnej na stronie internetowej <http://sgjp.pl/kuznia/slownik/>. W momencie pisania artykułu internetowa wersja *Słownika gramatycznego języka polskiego* jest już gotowa i można z niej korzystać za pośrednictwem strony <http://sgjp.pl/>.

2.2. USTALENIE NORMY DOTYCZĄCEJ SPOSOBU STOPNIOWANIA WYTYPOWANYCH PRZYMIOTNIKÓW

Jak wspomniano we Wprowadzeniu, nie ma systemowych ograniczeń w analitycznym tworzeniu stopnia, zakres użycia stopniowania analitycznego ogranicza jednak norma. Drugi etap prac polegał więc na zebraniu informacji normatywnych. Jeśli chodzi o źródło normy, ze względu na to, że kształt kodyfikacji zaproponowany w NSPP w interesującym nas zakresie stopniowania budzi dyskusje (zob. [Maciak 2009]), zdecydowano, że materiał referencyjny będzie stanowił Narodowy Korpus Języka Polskiego. Tym samym omawiane badanie uwzględni nie normę skodyfikowaną (postulowaną), ale naturalną, a zasadniczo szerzej – uzus.

Do wyszukania przykładów użycia form stopnia przymiotników zgromadzonych w bazie przygotowanej na pierwszym etapie prac zastosowana została wyszukiwarka korpusowa IPI PAN-u⁹. Przeszukiwano podkorpus zrównoważony, obejmujący 300 milionów segmentów. Na tej podstawie zebrane zostały dane liczbowe na temat użycia stopniowania syntetycznego i analitycznego. Ustalono frekwencję w korpusie syntetycznych i analitycznych form stopnia wszystkich wytypowanych do badania przymiotników, tj. 658 wyrażeń. Dodatkowo obliczono: 1) łączną liczbę form stopnia wyższego odnotowanych w korpusie oraz 2) procentowy udział form stopnia syntetycznego.

Wnioski z obserwacji danych z NKJP zostały wykorzystane do ograniczenia materiału poddanego dalszym badaniom oraz do jego podziału.

Ograniczenie materiału wynikało z faktu, że w NKJP poświadczono zostało użycie form stopnia wyższego nie wszystkich badanych jednostek, a dla części jednostek odnalezione zostały tylko pojedyncze przykłady użycia. W NKJP nie znaleziono ani jednego przykładu użycia form stopnia wyższego 60 przymiotników, przypomnijmy, mimo że systemowo możliwy jest dla nich zarówno model syntetyczny, jak i analityczny. Liczba przymiotników, dla których znaleziono nie więcej niż 10 przykładów użycia form stopnia wyższego, łącznie syntetycznego i analitycznego, w próbie 300 milionów segmentów wyniosła 198. Jako że opracowanie ma służyć uczącym się języka polskiego jako obcego, te dwie podgrupy przymiotników, obejmujące 258 wyrażeń, zostały wyłączone z próby będącej podstawą dalszych analiz. Poza polem obserwacji znalazły się takie wyrażenia, jak *bajeczniejszy*, *częstotliwszy*, *dbalszy*, *drętwiejszy*, *kapitałniejszy*, *kurczliwszy*, *lesistszy*, *muzykalniejszy*, *nieomylniejszy*, *oftarniejszy*, *okropniejszy*, *rumieńszy*, *sekretniejszy*, *tendencyjniejszy*. Liczebność badanej próby po wyłączeniach wyniosła 400 przymiotników.

---

⁹ Wyszukiwanie odbywa się za pośrednictwem strony: <http://nkjp.pl/poliqarp/>.

2.3. WYODRĘBNIENIE PODKLAS PRZYMIOTNIKÓW ZE WZGLĘDU NA KRYTERIUM PROCENTOWEGO UŻYCIA SYNTETYCZNYCH FORM STOPNIA WYŻSZEGO

Ważnym, aczkolwiek spodziewanym wnioskiem z badań korpusowych było to, że udział syntetycznych przymiotnikowych wśród form stopnia wyższego jest mocno zróżnicowany i waha się od 100% dla przymiotników typu *głupi, brzydki, chudy, mały, niski, drogi, wczesny*, do 0% dla przymiotników typu *odważny, oporny, dziecinny, typowy, osobisty, pomysłowy*. To zróżnicowanie użycia form syntetycznych stało się podstawą do wyróżnienia w badanym materiale podklas wyrażań. Należy wyjaśnić, że przeprowadzony podział był niezbędny, by przeprowadzić zaplanowane na następnym etapie prac badania statystyczne z uwzględnieniem zmiennych niezależnych.

Podstawą wyróżniania podklas przymiotników było kryterium procentowego udziału w materiale NKJP syntetycznych form stopnia wyższego. Zasadniczy problem polegał na tym, ile podklas wyróżnić i o jakim zakresie. Żeby pokazać potwierdzone w materiale płynne przejście od przymiotników, dla których w materiale potwierdzono model stopniowania tylko syntetyczny, do przymiotników, dla których w materiale potwierdzono stopniowanie tylko wg modelu analitycznego, należałoby wyróżnić kilkanaście podklas. Mogłoby to być np. 11 podklas, o zmniejszającym się o 10 % zakresie użycia danego modelu stopniowania, tj. przedział 1. =100% użycie modelu syntetycznego, przedział 2. < 100% i ≥ 90%, przedział 3. <90% i ≥ 80%, przedział 4. < 80% i ≥ 70%, przedział 5. < 70% i ≥ 60%, przedział 6. < 60% i ≥ 50%, przedział 7. < 50% i ≥ 40%, przedział 8. < 40% i ≥ 30%, przedział 9. < 30% i ≥ 20%, przedział 10. < 20% i ≥ 10%, przedział 11. < 10% i ≥ 0%. Nie ma jednak merytorycznego uzasadnienia dla zastosowania podziału wg kryterium 10-procentowego czy zresztą innego, co 5% czy co 20%. Niewątpliwie lepszy, bo uzasadniony logicznie, byłby podział dychotomiczny na 2 wzajemnie rozłączne podklasy, tj. podklasę 1.: przymiotniki, których 100% użycie notowanych w NKJP to użycia syntetyczne, i podklasę 2: przymiotniki, dla których nie odnotowano 100-procentowego użycia modelu syntetycznego. Z punktu widzenia zastosowania wyników badań w nauczaniu jppo podział poprawny logicznie ma jednak istotne ograniczenia. W klasie 1. znalazło się stosunkowo niewiele przymiotników: z 400 wyrażań jedynie 23 (np. *mały, niski, drogi, głupi, wczesny, późny, świetny, cienki, głodny, brzydki, chudy, prędko*). Z kolei klasa 2. objęła nie tylko dużo materiału, ale także mocno zróżnicowanego. Obok przymiotników, dla których poświadczono w korpusie użycie modelu syntetycznego bliskie 100% (np. 99,9% dla przymiotników *wysoki, duży, szybki, krótki, ładny, lekki, gruby, łatwy*, 99,8% dla przymiotników *tani, dawny, dobry*, 99,7% dla przymiotników *ubogi, długi, częsty*, 99,6% dla przymiotników *drobny, słaby, mocny*), w klasie 2. znalazłyby się przymiotniki, dla których w NKJP poświadczono użycie

jedynie modelu analitycznego (np. *typowy, charakterystyczny, pilny, obiektywny, obszerny, energiczny, odważny, odporny, chaotyczny, lojalny, pomysłowy, zasadny*). W tej sytuacji podjęta została decyzja o odstąpieniu od podziału logicznego i arbitralnym wyznaczeniu granicy między klasami pierwszą a drugą, zob. tab. 1.

TABELA 1. Podklasy przymiotników ze względu na kryterium procentowego użycia syntetycznych form stopnia wyższego

		kategorie ze względu na % form syntetycznych			
		Częstość	Procent	Procent ważnych	Procent skumulowany
Ważne	100%-85%	150	37,5	37,5	37,5
	poniżej 85%	250	62,5	62,5	100,0
Ogółem		400	100,0	100,0	

Podklasa pierwsza objęła przymiotniki, dla których stopniowanie syntetyczne jest jedynym lub dominującym modelem stopniowania (przedział od 100% do 85%), a więc polecanym obcokrajowcom do stosowania. Podklasa druga (przedział poniżej 85%) obejmuje natomiast przymiotniki, dla których model analityczny jest modelem, który z powodzeniem można polecać obcokrajowcom do stosowania.

3. BADANIE KORELACJI MIĘDZY WYBRANYMI ZMIENNYMI A TYPEM STOPNIOWANIA

Następny etap badań polegał na weryfikacji hipotezy o istnieniu korelacji między przynależnością przymiotnika do podklasy 1. lub 2. a przyjętymi zmiennymi niezależnymi, ustalonymi na podstawie literatury i intuicji językowej autorki badań. Pod uwagę wzięto następujące czynniki: 1) alternacja w temacie formy stopnia wyższego (zob. [Dick 1976]), 2) obecność przyrostka słowotwórczego w temacie (zob. [Dick 1976]), 3) liczba sylab formy przymiotnikowej stopnia równego w mianowniku, 4) frekwencja przymiotnika, od którego tworzymy formę stopnia, 5) cechy semantyczne przymiotnika, takie jak: a) nazywanie cechy fizycznej (wielkość, ilość, kształt, wrażenia zmysłowe, relacje czasowe i przestrzenne) np. *mały, gładki, wysoki*), b) nazywanie cechy abstrakcyjnej przypisywanej głównie obiektom, nie ludziom, np. *abstrakcyjny, realny, ekonomiczny*, c) nazywanie cech przypisywanych przede wszystkim człowiekowi (charakter, stany fizyczne i umysłowe), np. *spokojny, życzliwy, mądry*, d) cechy zawierające element oceny, np. *głupi, pomyslny, słuszny*.

Pierwsze badania, podczas których testowano wagę poszczególnych czynników, doprowadziły do wniosku, że ostatni czynnik – cechy seman-

tyczne przymiotnika – zasadniczo nie jest relewantny. Inaczej rzecz się ma z frekwencją przymiotnika, która okazała się czynnikiem skorelowanym z typem stopniowania. Przymiotniki często używane w polszczyźnie mają bowiem tendencję do stopniowania syntetycznego. Rodzimy użytkownik języka jest w stanie wypowiedzieć się na temat przybliżonej frekwencji wyrażeń z leksykonu i orzec, że przymiotniki typu *płytki, ubogi, grzeczny* mają niższą frekwencję niż *niski, szybki, krótki*. Takiej intuicji nie ma natomiast obcokrajowiec, stąd reguły typu *stopniuj syntetycznie te przymiotniki, które mają w polszczyźnie wysoką frekwencję*, aczkolwiek zgodne z wynikami badań, dla uczących się języka polskiego nie będą przydatne. Tym samym w dalszych badaniach wzięto pod uwagę rolę trzech pierwszych z wyżej podanych cech przymiotników.

3.1. PODZIAŁ BADANEJ PRÓBY ZE WZGLĘDU NA UWZGLĘDNIONE ZMIENNE NIEZALEŻNE

Kryterium alternacji w temacie formy stopnia wyższego stało się podstawą do wyróżnienia 2 podklas przymiotników, jednej z alternacjami, do której należą przymiotniki typu *tęgi - tęższy, rzadki - rzadszy, daleki - dalszy, silny - silniejszy*, drugiej bez alternacji, np. *prosty - prostszy, ciekawy - ciekawszy, żywy - żywszy*. W badanej próbie dominuje typ pierwszy, co pokazują dane zawarte w tabeli 2.

TABELA 2. Podział badanej próby ze względu na alternacje w temacie

		Alternacje w temacie			
		Częstość	Procent	Procent ważnych	Procent akumulowany
Ważne	brak alternacji w temacie	77	19,3	19,3	19,3
	alternacja w temacie	323	80,8	80,8	100,0
	Ogółem	400	100,0	100,0	

Na korelację między obecnością w temacie bazowego przymiotnika morfemu słowotwórczego a wyborem modelu stopniowania zwrócił uwagę Dick [Dick 1976]. Zdaniem badacza brak sufiksu słowotwórczego sprzyja stopniowaniu syntetycznemu, np. *blady, cichy, dobry, długi, duży, gruby, mały, miły, nowy, słaby, stary, zły*. Zdecydowana dominacja stopniowania syntetycznego jest ponadto związana z obecnością w temacie sufiksów -k, -ek, -ok, np. *bliski, niski, daleki, głęboki, szeroki*. Zasada ta nie działa jednak bezwyjątkowo, por. *obcy, szary*, stopniowane opisowo.

W omawianym badaniu kryterium obecności przyrostka słowotwórczego w temacie stało się podstawą do wyróżnienia 4 podklas przymiotników: 1) bez przyrostka, np. *cichy, twardy*, 2) z przyrostkami -k-, -ek-, -ok-, np. *bliski, daleki, szeroki*, 3) z przyrostkiem -n-, -ń-, np. *celny, pogodny, dostatni*,

4) z innym przyrostkiem, np. *mglisty, postępowy, dokuczliwy, formalny*, zob. tab. 3.

TABELA 3. Podział badanej próby ze względu na obecność i typ przyrostka tematycznego

		Przyrostek			
		Częstość	Procent	Procent ważnych	Procent skumulowany
Ważne	bez przyrostka słowotwórczego	109	27,3	27,3	27,3
	k/-ek/-ok	20	5,0	5,0	32,3
	-ni/-ń	176	44,0	44,0	76,3
	inny przyrostek	95	23,8	23,8	100,0
	Ogółem	400	100,0	100,0	

Jeśli chodzi o liczbę sylab formy stopnia równego w mianowniku, to w badanej próbie znalazły się przymiotniki, które miały od 1 do 6 sylab, przy czym najwięcej zanotowano przymiotników dwu- i trzysylabowych, zob. tab. 4.

TABELA 4. Podział badanej próby ze względu na liczbę sylab formy mianownikowej

		Liczba sylab			
		Częstość	Procent	Procent ważnych	Procent skumulowany
Ważne	1	1	,3	,3	,3
	2	162	40,5	40,5	40,8
	3	161	40,3	40,3	81,0
	4	67	16,8	16,8	97,8
	5	7	1,8	1,8	99,5
	6	2	,5	,5	100,0
	Ogółem	400	100,0	100,0	

3.2. WYNIKI KLASYFIKACJI PRZEPROWADZONEJ METODĄ DRZEWA DECYZYJNEGO

Ostatni etap analizy miał na celu weryfikację hipotezy o istnieniu związku między wymienionymi w 3.1. zmiennymi niezależnymi a zmienną zależną, odnoszącą się do klasy przymiotnika ustalonej ze względu na kryterium procentowego udziału w NKJP syntetycznych form stopnia wyższego (zob. p. 2.3.). Innymi słowy, chodziło o zbadanie, jakie czynniki sprzyjają wyborowi stopniowania syntetycznego (podklasa 1), a jakie mają

związek ze stopniowaniem opisowym (podklasa 2). Badanie zostało przeprowadzone za pomocą narzędzi wbudowanych w program komputerowy IBM SPSS STATISTIC 22. Zastosowano klasyfikację metodą drzewa decyzyjnego. Procedura ta polega na kojarzeniu obiektów na podstawie ich charakterystycznych cech (zmiennych opisujących) z odpowiednimi wartościami pewnej jakościowej zmiennej celu, którą nazywamy kategorią lub klasą. Metoda jest stosowana do kojarzenia obiektów na podstawie ich charakterystycznych cech, zmienne nie są ilościowe (nominalne, porządkowe), a z takimi mamy tu do czynienia. Wykorzystano jeden z popularniejszych algorytmów budowania drzewa, tj. algorytm CRT. Wyróżnia się on tym, że budowane drzewa są binarne, a w wyniku klasyfikacji otrzymujemy reguły decyzyjne o postaci *jeżeli..., to ...* Parametry zastosowane w modelu prezentuje poniżej tabela 5.

TABELA 5. Podsumowanie modelu

Model - podsumowanie

Specyfikacja	Algorytm budowy drzewa	CRT
	Zmienna zależna	kategorie ze względu na % form syntetycznych
	Zmienne niezależne	Liczba sylab, Przyrostek, Alternacje w temacie
	Walidacja	Losowy podział zbioru
	Maksymalna głębokość drzewa	5
	Minimalna ilość obserwacji w węźle nadrzędnym	20
	Minimalna ilość obserwacji w węźle podrzędnym	5
Wyniki	Uwzględnione zmienne niezależne	Liczba sylab, Przyrostek
	Liczba węzłów	3
	Liczba węzłów końcowych	2
	Głębokość	1

Należy podkreślić, że spośród trzech wziętych pod uwagę zmiennych, tj. liczby sylab, obecności i typu przyrostka i alternacji w temacie, tylko dwie zostały wzięte pod uwagę podczas klasyfikacji. Pominięta – jako mniej istotna dla podziału – została zmienna alternacje. Waga zmiennych nie jest jednakowa, co pokazuje tabela 6. Liczba sylab jest cechą donioślejszą niż typ przyrostka.

TABELA 6. Ważność zmiennych niezależnych

Ważność zmiennej niezależnej

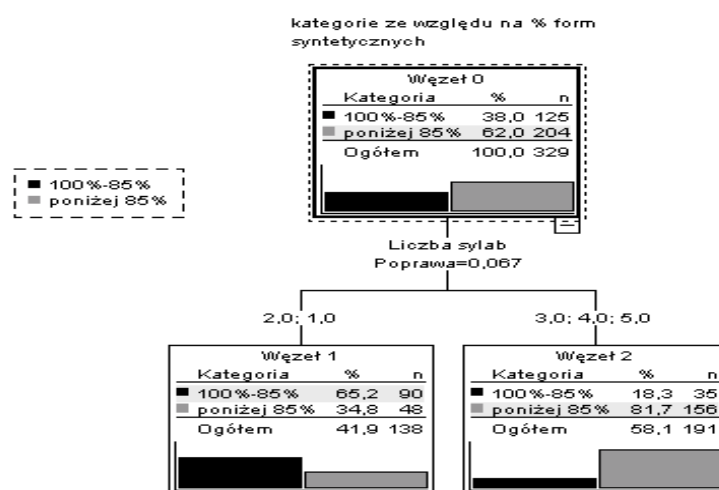
Zmienna niezależna	Ważność	Znormalizowana ważność
Liczba sylab	,067	100,0%
Przyrostek	,055	82,0%

Algorytm budowy drzewa: CRT

Zmienna zależna: kategorie ze względu na % form syntetycznych

W wyniku klasyfikacji otrzymujemy drzewo decyzyjne, zob. schemat 1., i reguły.

Schemat 1. Drzewo decyzyjne

Węzły drzewa nie są czyste, a to oznacza, że zastosowane kryteria nie stanowią podstawy podziałów binarnych. Pokazują więc pewną tendencję, na której podstawie można sformułować jedynie wskazówkę, która w programie standardowo jest nazywana regułą. W wyniku klasyfikacji otrzymaliśmy dwie reguły decyzyjne, zob. Reguły 1, i 2.

REGUŁA 1. Odnosi się do węzła pierwszego.

IF (((Liczba sylab = 2 OR Liczba sylab = 1) OR (Liczba sylab != 3 AND Liczba sylab != 4 AND Liczba sylab != 5) AND (Przyrostek = "bez przyrostka słowotwórczego" OR Przyrostek = "k/-ek/-ok")))
THEN Node = 1 Prediction = 1 Probability = 0.600000

Jeżeli liczba sylab równa się 2 lub nie równa się 3 i nie równa się 3,4, 5 i kategoria przyrostek ma wartość 'bez przyrostka' lub '-k/-ek/-ok', to przymiotnik należy do kategorii pierwszej, tj. z wyraźną przewagą w tekstach współczesnej polszczyzny form syntetycznych. Takie przymiotniki zaleca się stopniować syntetycznie. Zwróćmy uwagę, że prawdopodobieństwo, że przymiotnik będzie miał formę stopnia syntetycznego wynosi 60%.

REGUŁA 2. Odnosi się do węzła 2

IF (((Liczba sylab = 3 OR Liczba sylab = 4 OR Liczba sylab = 5) OR (Liczba sylab != 2 AND Liczba sylab != 1) AND (Przyrostek != "bez przyrostka słotwórczego" AND Przyrostek != "k/-ek/-ok")))
THEN Node = 2 Prediction = 2 Probability = 0.782609

Jeżeli liczba sylab równa się 3 lub 4, 5 lub liczba sylab nie równa się 2, 1 i kategoria przyrostek nie ma wartości 'bez przyrostka' i '-k/-ek/-ok', wtedy z prawdopodobieństwem 78,26% mamy do czynienia z przymiotnikiem należącym do kategorii drugiej, to jest takiej, dla którego wzrasta procent użycia form analitycznych.

Program dostarcza nam też informacji na temat jakości naszego modelu. Świadczą o tym dane zawarte w dwóch tabelach, zob. Tab. 7. i 8.

TABELA 7. Ocena ryzyka

Ryzyko Próba	Ocena	Błąd standardowy
Ucząca	,282	,053
Testowa	,252	,024

Algorytm budowy drzewa: CRT

Zmienna zależna: kategorie ze względu na % form syntetycznych

Ocena ryzyka dla próby testowej (omawianej) wynosi 0,252, co oznacza, że 25,2% przykładów w próbie testowej zostało źle zakwalifikowanych.

Macierz klasyfikacji pokazuje z kolei procent poprawnych kwalifikacji.

TABELA 8. Macierz klasyfikacji

Macierz klasyfikacji		Przewidywana		Procent poprawnych
		100%-85%	poniżej 85%	
Próba	Obserwowana			
Ucząca	100%-85%	15	10	60,0%
	poniżej 85%	10	36	78,3%
	Procent ogółem	35,2%	64,8%	71,8%
Testowa	100%-85%	90	35	72,0%
	poniżej 85%	48	156	76,5%
	Procent ogółem	41,9%	58,1%	74,8%

Algorytm budowy drzewa: CRT

Zmienna zależna: kategorie ze względu na % form syntetycznych

Co ciekawe, procent poprawnych kwalifikacji jest nieco wyższy dla drugiej podklasy przymiotników, tj. tych, dla których to model analityczny statystycznie staje się donioślejszy i jako taki może być polecany obcokrajowcom do stosowania.

4. WNIOSKI

Przeprowadzone badania zweryfikowały tezę Dicka [Dick 1976] o roli czynnika morfologicznego w wyborze modelu stopniowania przymiotników. Okazało się, że czynnik ten jest mniej istotny, niż sądził Dick. Potwierdzono natomiast, że w języku polskim przy wyborze modelu stopniowania ważny jest czynnik fonologiczny, mianowicie liczba sylab bazowego przymiotnika. Należy dodać, że zależność zjawisk morfologicznych od fonologicznych, która jest podstawową tezą kierunku badawczego określanego mianem morfologii prozodycznej (zob. [Szyra-Kozłowska 2000: 60])¹⁰, nie jest w językach czymś rzadkim. Potwierdzona dla języka polskiego korelacja liczby sylab z modelem stopniowania, która jest czynnikiem ważniejszym niż budowa morfologiczna, na tle innych języków nie jest więc niczym wyjątkowym.

Otrzymane wyniki uprawniają do sformułowania 2 uproszczonych reguł pomagających cudzoziemcom utworzyć taką formę stopnia wyższego, która będzie poprawna i statystycznie częstsza, niezależnie od tego, czy istnieje druga możliwość:

1) jeśli przymiotnik ma 1 sylabę lub 2 sylaby, stopnij go syntetycznie, np. *slaby* – *slabszy*, *mlody* – *mlodszy*, *cichy* – *cichszy*, *biały* – *bielszy*;

2) jeśli przymiotnik ma 3 sylaby lub więcej sylab, to stopnij go analitycznie, np. *uparty* – *bardziej uparty*, *różowy* – *bardziej różowy*, *nieszczęśliwy* – *bardziej nieszczęśliwy*, *niespokojny* – *bardziej niespokojny*, *wartościowy* – *bardziej wartościowy*.

Badanie ujawniło szereg trudności, z którymi trzeba się zmierzyć podczas analizy materiału językowego metodami ilościowymi, m.in. związane z doborem próby i zmiennych niezależnych, a także z ryzykiem błędu, jakim obarczone są otrzymane wyniki.

Литература / References

1. *Balabaniak D.* Kategoria intensywności na tle wykładników stopnia // *Polonica*. 2007. № 28. P. 13–21.
2. *Bartnicka B., Rybicka H.* Analiza statystyczna form stopnia opisowego w języku polskim, czeskim i słowackim // *Zagadnienia kategorii stopnia w językach słowiańskich*. 1984. Vol. 4. P. 137–150.
3. *Buttler D., Kurkowska H., Satkiewicz H.* *Kultura języka polskiego. Zagadnienia poprawności gramatycznej*. Warszawa : Państwowe Wydawnictwo Naukowe, 1986.

¹⁰ Szyra-Kozłowska [Szyra-Kozłowska 2000: 60] przytacza wyniki badań Szymanka, który badał związek między morfologią a fonologią, tj. związek między długością przymiotnika a wyborem sufiksu przymiotnikowego. Szymanek pokazał go na przykładzie derywacji przymiotników za pomocą sufiksu *-ski/-cki*, np. *prezydent* > *prezydencki*, *minister* > *ministerski*. Okazuje się, że model działa na podstawach więcej niż jednosylabowych. Do baz jednosylabowych dodaje się bowiem przyrostek *-owski*, np. *szpieg* > *szpiegowski*.

4. *Dick J.H.* Stopniowanie przymiotników i przysłówków we współczesnej polszczyźnie kulturalnej // Zagadnienia kategorii stopnia w językach słowiańskich. 1976. Vol. 1. P. 43–52.
5. *Grochowski M.* Operatory metatekstowe o kształcie superlatiwu przysłówka // Јужнословенски Филолог, 2008. № 64. P. 61–72.
6. Inny słownik języka polskiego / Red.: *Bańko M.* Warszawa: Wydawnictwo Naukowe PWN, 2000.
7. *Jadacka H.* Kultura języka polskiego. Fleksja, słotwórstwo, składnia. Warszawa: Wydawnictwo Naukowe PWN, 2005. – 256.
8. *Janus E.* Wykładniki intensywności cechy we współczesnej polszczyźnie // *Polonica*, 1977. № 3. P. 47–57.
9. *Jędrzejko E., Kita M.* Gramatyka polska : podstawy wiedzy o budowie języka polskiego. Warszawa : Ex Libris, 2000. – 330 s.
10. *Kaleta Z.* Gramatyka języka polskiego dla cudzoziemców. Kraków : Wydawnictwo Uniwersytetu Jagiellońskiego, 1995. – 487 s.
11. *Klebanowska B., Kochańk, W., Markowski A.* O dobrej i złej polszczyźnie. Warszawa: Wiedza Powszechna, 1985. – 380 s.
12. *Marcisz A.* Normatywne założenia użycia form stopnia gramatycznego a faktyczny stan języka // *Prace Filologiczne*, 2009. № 56. P. 293–301.
13. *Markowski A.* Kultura języka polskiego. Teoria, zagadnienia leksykalne. Warszawa: Wydawnictwo Naukowe PWN, 2005. – 294 s.
14. Nowy słownik poprawnej polszczyzny / Red. *Markowski A.* Warszawa: Wydawnictwo Naukowe PWN, 1999.
15. *Przepiórkowski A. et al.* Narodowy Korpus Języka Polskiego. Warszawa: Wydawnictwo Naukowe PWN, 1999. – 322 s.
16. *Szpyra-Kozłowska J.* Słotwórstwo bez morfemów // *Biuletyn PTJ*, 2000. № 56. P. 59–78.
17. *Saloni Z. et al.* Słownik gramatyczny języka polskiego. Url: <http://sgjp.pl> (data обращения: 26.09.2016).
18. Uniwersalny słownik języka polskiego / Red. *Dubisz S.* Warszawa: Wydawnictwo Naukowe PWN, 2004.

ОРФОЭПИЧЕСКИЕ ОСОБЕННОСТИ ПОЛЬСКОЙ РЕЧИ МОЛОДЕЖИ В ЗАПАДНОЙ УКРАИНЕ / ОРФОЕПІЧНІ ОСОБЛИВОСТІ ПОЛЬСЬКОГО МОВЛЕННЯ МОЛОДІ В ЗАХІДНІЙ УКРАЇНІ

М.З. Зелинская / М.З. Зелінська

ORTHOEPIC PECULIARITIES OF THE POLISH SPEECH OF YOUTH LIVING IN WESTERN UKRAINE

M. Zelinska

ABSTRACT:

The author of the article analyses the orthoepic peculiarities registered in the Polish speech of Ukrainian youth declaring Polish descent. The paper focuses on Polish vowels and consonants which are pronounced in a different manner than in the Polish language spoken in Poland. The peculiarities are supposed to be the result of the interference of Ukrainian orthoepy.

Keywords: orthoepy; the Polish language; youth; Polish descent; bilingualism; interference

АННОТАЦИЯ:

Статья посвящена анализу орфоэпических особенностей польской речи украинской молодежи, которая декларирует польское происхождение. Рассмотрена дифференциальная на фоне общепольского языка реализация польских гласных и согласных звуков. Предполагается, что зафиксированные особенности возникают вследствие воздействия украинской орфоэпии.

Ключевые слова: орфоэпия; польский язык; молодежь; польское происхождение; двуязычие; интерференция

АНОТАЦІЯ:

Стаття присвячена аналізу орфоепічних особливостей польського мовлення української молоді, яка декларує польське походження. Розглянуто диференційну на тлі загальнопольської мови реалізацію польських голосних і приголосних звуків. Припускається, що зафіксовані особливості виникають унаслідок впливу української орфоєпії.

Ключові слова: орфоєпія; польська мова; молодь; польське походження; двомовність; інтерференція.

На території України польська мова функціонує в умовах постійного контакту із східнослов'янськими мовами – українською і російською. Польську мову тут вивчають у багатьох навчальних закладах як

іноземну або ж – на деяких теренах – передають від старшого покоління молодшому в межах родинного спілкування. Об'єктом нашого наукового зацікавлення є другий випадок, а саме польська мова, „винесена з дому”. В західноукраїнських областях (Львівській, Івано-Франківській, Тернопільській), охоплених нашими дослідженнями, носії польської мови – особи, що мають (декларують) польське походження, використовують у більшості комунікативних ситуацій у щоденному спілкуванні українську мову, а їхня польська мова позначена інтерферентними впливами. Вона має характерні фонетичні, морфологічні, синтаксичні, лексико-стилістичні і лінгво-прагматичні особливості, якими вирізняється на тлі загальнопольської (літературної) мови. Нас цікавитимуть особливості польської вимови молодих білінгвів.

Польську мову т. зв. пограниччя („кресів”) вивчало багато мовознавців у Польщі і поза її межами. Південно-східний різновид польської мови пограниччя станом на початок ХХ ст., зокрема його особливості на рівні фонетики, були предметом досліджень Р. Кубінського [Kubiński 2010], З. Курцової [Kurzowa 1997; Kurzowa 1983; Kurzowa 2007], Т. Лера-Сплавінського [Lehr-Spławiński 2006; Lehr-Spławiński 2010], Я. Яніва [Janów 2010] та ін. Диференційні, порівняно з нормативною вимовою, способи реалізації польських голосних і приголосних знаходять також своє підтвердження на сучасному етапі в польському мовленні представників польської національної меншини, які проживають в Україні (напр. праці Н. Ананьєвої [Ананьєва 1983а; Ананьєва 1983б; Ананьєва 1984], Е. Дзенгель [Dzięgiel 2001; Dzięgiel 1996], А. Кравчик [Krawczyk 2006], О. Остапчук [Ostapczuk 2001], Н. Поплавської [Popławska 2006], Я. Рієра [Rieger 1993; Rieger 2002], І. Цехош-Фелчик [Cechosz 1999; Cechosz 1996а; Cechosz 2000; Cechosz 1996b], А. Швець [Швець 2012], А. Шульган [Szulgan 2006] та ін.).

Однак, незважаючи на активне зацікавлення науковців польською мовою, яка функціонує на території сучасної України, на сьогодні відсутні дослідження комплексного характеру, присвячені особливостям польського мовлення наймолодшого покоління її носіїв.

Отже, актуальність пропонованої статті вбачаємо в дослідженні ще не вивченого досі сегмента польської мови поза межами Польщі – орфоепічних особливостей польського мовлення молоді – учнів позашкільних навчальних закладів, т. зв. польських суботніх (недільних) шкіл, що функціонують при українських загальноосвітніх школах, товариствах польської культури або римо-католицьких парафіях.

Мета статті – проаналізувати вибрані (переважно інтерферентного походження) орфоепічні особливості в реалізації голосних і приголос-

них звуків, зафіксовані в польському мовленні учнів згаданих навчальних закладів. Дослідження охоплено молодь віком від 14 до 17 років, яка декларує польське походження. Узято до уваги передусім усні висловлювання¹. Уважаємо, однак, що, аналізуючи особливості польського мовлення молоді на рівні фонетики, доцільно звернути увагу й на писемні висловлювання учнів, оскільки вони, на нашу думку, відображають певною мірою артикуляційні навички.

РЕАЛІЗАЦІЯ ГОЛОСНИХ

Особливістю польського мовлення молоді у сфері реалізації голосних є вимова другого елемента дифтонгів *eu*, *ai* у словах іншомовного походження як [ʃ] або [v] замість [u]²: [Evropa]: [ʃ **evrop**'e žyjoʊ l'ep'ej]³; [Efro]: [bo iest pšygotovaŋe do **efro**]; [aftobus]: [aftobus nas n'e benže čekać]; [aftor]: [n'e v'em **aftora** tego v'erša]. Наведеним прикладам в українській мові відповідають слова з буквосполученням *ev* або *av*: **Еуропа** – **Європа**, **euro** – **євро**, **autobus** – **автобус**, **auto** – **автомобіль**, що, припускаємо, є причиною вживання приголосного *w* ([ʃ] або [v]) в зареєстрованих польських лексемах.

У загальнопольській мові т. зв. носові *ą*, *ę* можуть мати синхронну або асинхронну вимову. В найновіших дослідженнях учені трактують ці носові як поєднання двох звуків (асинхронна вимова): *ę* [ẽũ] || [ẽĩ] та *ą* [õũ] || [õĩ] [Ostaszewska, Tambor 2012: 60]. На думку А. Нагурко, „на сучасному етапі переважає інтерпретація польських носових як складених звуків, дво- або і трифазових” [Nagórko 2010: 49]. У кінці слова *ę* може втрачати свій носовий резонанс і вимовлятися як чисте *e* або – з незначним носовим резонансом, напр.: *maluje* [malujẽ//malujẽ], *widzę* [v'ize//v'izẽ]. Кінцевому голосному *ą* в загальнопольській мові притаманна вимова [ɔ] ([õũ] [26, с. 60]): *idą* [ido]//[idõũ].

У досліджуваному мовленні фіксуємо переважно у формах дієслів третьої особи множини теперішнього часу та у формах орудного відмінка іменників, прикметників і займенників жіночого роду, вимову *ą* як [oũ] або як [om].

¹ Автор статті працює вчителем в одному з позашкільних навчальних закладів, а також є методистом Загальноукраїнського координаційно-методичного центру вивчення польської мови і культури, який координує працю суботніх (недільних) шкіл України, що, своєю чергою, забезпечує контакти з молодими носіями польської мови в Україні.

² У загальнопольській мові останній елемент буквосполучення *eu* в запозиченнях вимовляється, залежно від його позиції у слові, як [u] (на межі складів: *liceum*) або [ũ] (в середині складу: *Europa*) [Karpowicz 2012: 47].

³ В аналізі фонетичних особливостей приклади усних висловлювань подасмо у фонетичній транскрипції. Усі приклади, які походять з писемного мовлення, наводимо в оригінальній графічній формі.

Приклади першого типу реалізації *q* в кінці слова як поєднання [o] та нескладового [u]: [ońi **ne znaio**u, co rob'ic]; [f sobote **iado**u do lvova]; [ńeχ **poprošo**u]; [ide s **tobo**u]. Така ж реалізація *q* в кінці слова поширена також серед носіїв польської мови з етнічної Польщі, зокрема й у мовленні інтелігенції. Таку вимову голосного *q*, на думку Т. Карповича, слід було б прийняти як допустиму „принаймні на нижчому рівні норми” [Karłowicz 2012: 38] (йдеться про т. зв. ужиткову норму, яку, поряд із „вищою” – т. зв. зразковою нормою – кодифіковано в Польщі 1999 р., див. Nowy słownik poprawnej polszczyzny [NSPP 1999]).

Натомість друге виявлене нами поширене відхилення від норми – вимову *q* як [om], наприклад: [zapoznaćam **še s tom źefčynom**]; [iade s **šo**strom]; *trzeba pomalować **far**bon*; *bo ja jestem na piw **ukrain**kom na piw **pol**kom*; *tszeba iść **tom** ulicom*; *musze z **tobom** porozmawjać* мовознавці-нормативісти вважають неправильною. Реалізація закінчення *q* як [om] у формах орудного відмінка однини іменників жіночого роду, аналогічно до закінчення давального відмінка множини (напр. *woda* – *wodom*) поширена, однак, і в мовленні носіїв польської мови з центральної та південної Польщі [Polański 2010: 351; Handke 2008: 278].

У польському мовленні білінгвів трапляються також приклади деналізації носового *q* в кінці слова: [ńeχ sob'e iuš **ido**]; [al'e fai'ne **tańčo**]; [može oni **bendo** roskażyvac' v'eršy]; *jestem na pól **pol**ko*. Вимова на кшталт [ido sto kob'ieto] притаманна й діалектному мовленню на сході Польщі [Karłowicz 2012: 38].

Носові *q*, *ę* перед середньоязиковими щілинними [ś] і [ź] у загальнопольській мові вимовляються як [ōĩ] і [ēĩ]: *gałqź* [gaũōĩś], *geś* [gēĩś] [Ostaszewska, Tambor 2012: 60]. У мовленні молоді фіксуємо приклади реалізації цих носових перед [ś] як [oń], [eń]: [**ukońsiua** go pščoqa]; [*my teras **čeńścei** vyiežžamy do polski*] або [on], [en]: [*po polsku to nazywa **še gonsen'ica***]; *jak każda dziewczynka marze* [ja] o **szczęśliwym losie**. Непритаманна загальнопольській орфоєпії вимова *q*, *ę* в позиції перед [ś] може мати своє джерело у відсутності носових голосних в українській фонетичній системі.

У загальнопольській мові голосні *q*, *ę* перед [k], [g] вимовляються як [oŋ], [eŋ]: *kraq* [kroŋ], *pęk* [peŋk]. Приклади, які походять з усного та писемного мовлення молодих білінгвів, свідчать про реалізацію *ę* перед задньоязиковим [k] як [eń]: [*tšeba **poźeńkovać** za zaprošeńe*]; [*barzo vat **źeńkuje***]; [*vižimy **p'ieńkny** obras*]. Згідно із загальнопольською нормою, вимова носових *q*, *ę* як [o], [e] + м'який [ń] відбувається перед середньоязиковими [ć] та [ź]: *pięć* [p'ieńć]; *bądź* [bońć], а не перед задньоязиковим [k]. Не виключаємо, що вимова голосного *ę* як [eń] в польському

мовленні молоді може підтримуватися українським суфіксом *-еньк*: *біленький*, де виступає м'який [н'].

РЕАЛІЗАЦІЯ ПРИГОЛОСНИХ

Однією з вагомих фонетичних особливостей реалізації приголосних звуків у польському мовленні молоді є вимова [l] або [v] замість нескладового [ɫ]: [*nie slyxać dobże*]; [*to ta d'evčyna z krutk'im'i vlosam'ij*]; [*vlašnie skończył'ismy rysunek*]; *Czy chciawał by pójść ze mnow dzisiaj do kawiarni?* Я. Янув і З. Курцова аналізують таку особливість вимови (написання) носіїв польської мови кінця XIX ст. та початку XX ст., як вживання *w* замість *ł* в деяких іменниках (напр. *pu dewko*) та у формах однини дієслів минулого часу (напр. *ja byw, ty widziasz*) [Janów 2010: 338; Kurzowa 1997:143–144]. І, навпаки, в польському мовленні мешканців т. зв. південно-східного пограниччя на початку XX ст. траплялася також реалізація *w* як [ɫ] в позиції після голосного (напр. *peyno, zabaony, lwoyski*) [Lehr-Splawiński 2010: 283; Lehr-Splawiński 2006: 192–193; Kurzowa 1983:91, 365, 417; Kurzowa 2007: 118]. Аналогічні відхилення від загальнопольської нормативної вимови, а саме вимова [ɫ] замість [v] в кінці складу і слова, а також у закінченні родового відмінка множини (напр. *zausze, koliektu, kolieguu*), характерні на сучасному етапі для польського мовлення мешканців м. Київ та польських говірок на території Західної України і мають, на думку дослідників, інтерферентне походження [Rieger, Cechorz-Felczyk, Dzięgiel 2002: 36; Cechorz 1996b: 262; Cechorz 1999: 119; Cechorz 1996a: 291].

Відхилення від загальнопольської орфоепічної норми у вимові [ɫ] виникає, ймовірно, частково під впливом українських лексичних відповідників, в яких виступає буква *л* або *в* (*волосся, власне, повно*). З іншого боку, причину „уникання” нескладового [ɫ] можна вбачати у складності вимови цього звука, оскільки, незважаючи на його існування в українській мові, на практиці він є рідковживаний [Кравчук 2011: 151].

Інша типова риса досліджуваного мовлення – пом'якшення приголосного [l], наприклад: [*ja vyjde na ɫf'il'e*]; [*może jest źel'ony kolor*]; [*nie lub'e čarnego ɫl'eba*]; [*il'e mamy času*]; [...] *życzę zdrowia i wszystkiego najlepszego; w naszej kliasie jest teraz dużo dzieci [...]; dzieńkuje alie ja nie chce*.

У досліджуваному мовленні спостерігаємо напівпом'якшену вимову приголосних [c'], [s'] і [ʒ'] перед голосним та в кінці слова: [*fčoraĭ byuo c'ep'l'eĭ*]; [*my tu iuš s'ez'imy*]; [*ʒ'adek ma karte pol'aka*]; [*nie umem dobże p'isac' po pol'sku*]. У сучасній польській мові напівпом'якшена вимова приголосних *ć, dź, ś, ź* (напр. *ciemny* – [*cjemny*]) поширена серед молодих польок і є, на думку Г. Ядацької, наслідком модної тенденції

[Jadacka 2012: 50–51]. У досліджуваному мовленні вимова загальнопольських приголосних [č], [ś] і [ź] як [c'], [s'], [z'] має, як припускаємо, інтерферентний вплив української вимови.

У польському мовленні молоді фіксуємо й низку інших відхилень від загальнопольської орфоепічної норми. Серед них, зокрема:

- депалаталізація приголосного [ń] перед [c] і [č], наприклад: [učyту še do **konca** maj^a]; [teras iuš **syonce** ɯadńe śv'eći]; ja nie umiem **tanczyć** і перед [s]: [uče še χistori*i* **panstfa** polskiego]; [to χyba iakaś **panstfova** učełńa]; *liubie języki **ukraiński** i polski*. В українських відповідниках наведених прикладів: *кіця, сонця, танцювати, український* перед приголосними [ц'], [с'] виступає твердий [н], що, вважаємо, є причиною реалізації загальнопольських буквосполучень *ńc* та *ńcz* як, відповідно, *nc, ncz*;

- вимова фарингального [ɣ] замість [g]: [**b'eɣamy** do škocy pšes park]; [no to **boɣate** l'uži tu žyjo]; [žeby ia **moɣca** postomp'ić do pol'ski]. Фіксуємо вимову приголосного [ɣ] у лексемах, які мають формальні лексичні відповідники в українській мові (*бігати, багатий, мозги*), що дає підстави вбачати вплив української мови як домінантної на території західно-українських областей на польське мовлення молоді;

- уживання щілинного [š] замість [ś] в лексемах *ślub, wiśnia, czereśnia, sierść*: [ia byca na **ślub'e** sostry w polsce]; [i^{est} teš sok s v'**išńi**]; *mój pies ma długą szeršć* і [s] замість [ś] перед губним і середньоязиковим приголосним на початку слова: [i^{ak} benzę dužo **sńegu**, to ...]; [na **sf'ięnta** na v'igilie to do babći]; в особових формах дієслів *spać* і *śpiewać* в теперішньому часі: [ia zvykl'e **sp'e** do usmei]; [**sp'evamy** f škol'e take p'osenki]; ... **spimy** w hotelu. На початку ХХ ст. вагання в реалізації приголосних *s, z* // *ś, ź* та *š, ż* // *ś, ź* (*spiwał* // *śpiwał, czereśnia* // *czerešna*) у мовленні мешканців т. зв. південно-східного пограниччя фіксує З. Курцова. Дослідниця зазначає, що вони були притаманні насамперед мовленню неосвічених осіб, в польському мовленні інтелігенції спостерігалися лише в окремих лексемах, зокрема *spieva, sp'i*, інколи *Śląsk*. Цю особливість, на думку дослідниці, можна трактувати як архаїзм, який зберігся в польській мові пограниччя початку ХХ ст. і етнічних польських діалектах, натомість, з іншого боку, тут простежується вплив української фонетики [Kurzowa 1983: 88 – 89, 365; Kurzowa 2007: 114–115, 118–119]. Ми схиляємося до думки, що реалізація [š] замість загальнопольського [ś] і [s] замість [ś] в польському мовленні учнівської молоді є наслідком впливу відповідних лексем української мови. В українських відповідниках наведених прикладів: *сніг, свята, сплю/спимо* та *співаємо* виступає передньоязико-

вий [c], як результат – вимова [s] замість [ś] в польських *śnieg, święta, spię*. Форми *szlub, szerść, wiszni* є, відповідно, результатом впливу лексем з приголосним [w]: *шлюб, шерсть, вишня*;

- тверда вимова задньоязикового приголосного [k] замість [k̄]: [*kedy pojeżemy do skl'epu*]; [*kedyś moi żadek ucyu mnie po polsku*]; [*to było take śm'ešne*]. Причину вимови [k] замість нормативного [k̄] у прикладах, які походять з польськомовних висловлювань молоді, слід, на нашу думку, вбачати у впливі українських лексем *коли, колись* та *take*, де приголосний [k] є твердий. На початку ХХ ст., навпаки, спостерігалася тенденція до пом'якшення (в польському мовленні неосвіченої варстви мешканців довоєнного Львова) польських приголосних [k], [g], [χ] перед [e] (напр. *kiempa, gięś*) [Kurzowa 1983: 89–90; Kurzowa 2007: 33, 119; Kurzowa 1997: 130; Kubiński 2010: 333]. М'яка вимова цих приголосних у буквосполученні *kę, gę* простежується в мовленні носіїв польської мови в Україні і на сучасному етапі (напр. *córkie, mogie, trochie*) ([Rieger, Cechorz-Felczyk, Dzięgiel 2002: 37–38; Cechorz 1996a: 291]).

Отже, з-поміж зафіксованих у досліджуваному польському мовленні **679** випадків відхилень від загальнопольської (т. зв. зразкової) норми **291** стосується реалізації голосних, а **388** – реалізації приголосних звуків. Серед аналізованих особливостей реалізації голосних (100%) приклади вимови *q* як [ou], [om] чи [o] ([*maioy*], [*našom*], [*so*]) становлять **54%**. У **14%** випадків трапляється реалізація *ę* перед [k] як [eń] ([*reńka*]) і в **13,5%** слів іншомовного походження *u* в дифтонгах *eu, au* вимовляється як [ff] або [v] ([*aftobus*]). Ненормативну вимову носових *q, ę* перед [ś] як [oń], [eń] або [on], [en] ([*čeńść*], [*ščenśl'ivy*]) виявлено, відповідно, в **11,5%** і **7%** матеріалу. Майже всі зафіксовані особливості мовлення носіїв польської мови не є новими явищами (напр. деназалізація носового *q* в кінці слова, його вимова як [ou], [om], вимова носових *q, ę* перед [ś] як [oń], [eń] або [on], [en], а також реалізація *ę* перед [k] як [eń]), а були представлені в попередніх працях, присвячених дослідженню стану функціонування польської мови на території сучасної України на початку ХХ століття. До нових, не представлених досі в доступних нам наукових дослідженнях, особливостей мовлення поляків або їхніх нащадків, які проживають за східним кордоном Польщі, належить вимова другого елемента дифтонгів *eu, au* як [ff] або [v]. Труднощі у нормативній вимові польських *q, ę* (напр. *q* як [ou], або – рідше [om], [o] чи [ov], [of]) мають і українці, які вивчають польську мову [Кравчук 2011: 148–149].

Серед відмінних на тлі загальнопольської орфоепічної норми способів реалізації приголосних (100%) виділяємо: вимову нескладово-

го [u] як [l] або [v] (18%), пом'якшення приголосного [l] (26%), напівпом'якшені загальнопольські приголосні [ć], [ś] і [ź] (20%), депалаталізація приголосного [ń] перед [c], [č] та [s] (8%), фарингальний приголосний [ɣ] на місці нормативного [g] (13%), вживання щілинного [š] замість [ś] (6%) і [s] замість [ś] (4%) та вимова приголосного [k] замість [k] (5%). Низка аналізованих відмінностей від загальнопольської мови, характерних для досліджуваного мовлення (напр. [l'] (і пом'якшення l на письмі), пом'якшення приголосних [ć], [ś] і [ź], вимова фарингального [ɣ] і т. д.), мають довгу традицію в польській мові т. зв. східного пограниччя і спостерігалися на цих теренах ще століття тому. Як наслідок перенесення артикуляційних навичок з рідної мови або ж відсутності аналогічних звуків в українській (чи російській) мові, помилки у вимові польських приголосних часто трапляються також у мовленні осіб-носіїв східнослов'янських мов, які вивчають польську мову як іноземну [Кравчук 2011: 151–154].

Отже, понад половина аналізованих прикладів полягають у нетиповій для загальнопольської орфоепічної норми реалізації приголосних (57%), дещо менше (43%) – голосних. Назагал вони є результатом функціонування польської мови в іншомовному оточенні. На нашу думку, представлені особливості вимови загалом не послаблюють успішності комунікації молодих білінгвів з носіями польської мови з етнічної Польщі, оскільки не призводять до перекручування чи зміни значення слів. Проте, навіть незважаючи на нормативність висловлювання на лексико-граматичному рівні, „видають” мовця, свідчать про нього як про носія польської мови „не звідси”.

Литература / References

1. Ананьева Н. Е. К вопросу о диалектной принадлежности польского говора двух сел на территории Украинской ССР // *Studia nad polszczyzną kresową*. Т. II. 1983. S. 31–47.
2. Ананьева Н. Е. Некоторые особенности фонетической интерференции у полилингвов одного польского говора // *Studia nad polszczyzną kresową*. Т. II. 1983. S. 65–72.
3. Ананьева Н. Е. Об изменении k', g' в t', d' в польском говоре двух сел Хмельницкого района Хмельницкой области УССР // *Studia nad polszczyzną kresową*. Т. III. 1984. S. 127–131.
4. Кравчук А. М. Лексикологія і культура польської мови: У 2 т. Т. 2: Культура мови: Підручник для вищих навч. закладів. – К.: Фірма «ІНКОС», 2011. 520 с. (польською мовою).
5. Швець А. Деякі особливості фонетико-фонологічного рівня польської мови мешканців міста Дніпродзержинська // *Дослідження з лексикології і граматики української мови. Збірник наукових праць за редакцією доктора філологічних наук, професора Попової І. С.* Вип. 11, 2012. [Електронний ресурс]. – Режим доступу:

http://www.dnu.dp.ua/docs/zborniki/ffil/program_56d351a243ce4.pdf (дата звернення 25.09.2016)

6. Cechosz I. O języku polskim w dzisiejszym Kijowie // *Język polski dawnych Kresów Wschodnich*. T.2. Studia i materiały. Warszawa: Wydawnictwo Naukowe Semper, 1999. S. 115–137.
7. Cechosz I. Teksty gwarowe z Gródka Podolskiego z komentarzem językowym // *Język polski dawnych Kresów Wschodnich*. T.1. Studia i materiały. Warszawa: Wydawnictwo Naukowe Semper, 1996. S. 289–296.
8. Cechosz I. Uwagi o języku polskim w Felsztynie na Podolu // *Kontakty językowe polszczyzny na pograniczu wschodnim*. Prace ofiarowane Profesorowi Januszowi Riegerowi. Warszawa: Wydawnictwo Naukowe Semper, 2000. S. 23–29.
9. Cechosz I. Uwagi o sytuacji językowej w Oleszkowcach na Podolu // *Język polski dawnych Kresów Wschodnich*. T.1. Studia i materiały. Warszawa: Wydawnictwo Naukowe Semper, 1996. S. 257–265.
10. Dzięgieł E. Polska gwara Sąsiadowic pod Samborem: Fonetyka // *Studia nad polszczyzną kresową*. T. X. Warszawa: Wydawnictwo Naukowe Semper, 2001. S. 105–124.
11. Dzięgieł E. Sytuacja językowa w Zielonej koło Wołoczysk // *Język polski dawnych Kresów Wschodnich*. T.1. Studia i materiały. Warszawa: Wydawnictwo Naukowe Semper, 1996. S. 267–281.
12. Handke K. Socjologia języka. Warszawa: Wydawnictwo Naukowe PWN, 2008. – 384 s.
13. Jadacka H. Współczesne błędy wymawianiowe // *Poradnik Językowy*, 2006. Z. 10. S. 47–52.
14. Janów J. Błędy ortograficzne i gramatyczne w zadaniach polskich rusinów lwowskich [przedruk] // *Język polski dawnych Kresów Wschodnich*. T.4. Warszawa: Wydawnictwo Naukowe Semper, 2010. S. 335–341.
15. Karpowicz T. Kultura języka polskiego. Wymowa, ortografia, interpunkcja. Warszawa: Wydawnictwo Naukowe PWN, 2012. – 197 s.
16. Krawczyk A. Kilka uwag o sytuacji socjolingwistycznej oraz o starym polskim ementarzu w Murafie koło Szarogrodu // *Język polski dawnych Kresów Wschodnich*. T.3. Warszawa: Wydawnictwo Naukowe Semper, 2006. S. 87–95.
17. Kubiński R. Błędy ortograficzne i gramatyczne w zadaniach uczniów lwowskich [przedruk] // *Język polski dawnych Kresów Wschodnich*. T.4. Warszawa: Wydawnictwo Naukowe Semper, 2010. S. 331–334.
18. Kurzowa Z. Historia i współczesność języka polskiego na Kresach południowo-wschodnich // *Historia i współczesność języka polskiego na Kresach wschodnich*. Warszawa: Slawistyczny Ośrodek Wydawniczy, 1997. S. 111–165.
19. Kurzowa Z. *Polszczyzna Lwowa i kresów południowo-wschodnich do 1939 roku*. Warszawa-Kraków: PWN, 1983. – 474 s.
20. Kurzowa Z. *Ze studiów nad polszczyzną kresową*. Wybór prac. Kraków: UNIVERSITAS, 2007. – 516 s.
21. Lehr-Splawiński T. O mowie Polaków w Galicji Wschodniej [przedruk] // *Język polski dawnych Kresów Wschodnich*. T.3. Warszawa: Wydawnictwo Naukowe Semper, 2006. S. 189–199.
22. Lehr-Splawiński T. Wzajemne wpływy polsko-ruskie w dziedzinie językowej [przedruk] // *Język polski dawnych Kresów Wschodnich*. T.4. Warszawa: Wydawnictwo Naukowe Semper, 2010. S. 279–291.
23. Nagórko A. *Podręczna gramatyka języka polskiego*. Warszawa: PWN, 2010. – 335 s.
24. *Nowy słownik poprawnej polszczyzny* [pod red. A. Markowskiego]. Warszawa: PWN, 1999. (skrót NSPP).
25. Ostapczuk O. Uwagi o języku inteligencji polskiej w warunkach zanikania polszczyzny // *Kontakty językowe polszczyzny na pograniczu wschodnim*. Prace ofiarowane Profesorowi Januszowi Riegerowi. Warszawa: Wydawnictwo Naukowe Semper, 2000. S. 161–167.

26. Ostaszewska D., Tambor J. Fonetyka i fonologia współczesnego języka polskiego. Wydanie II, 8 dodruk. Warszawa: Wydawnictwo Naukowe PWN, 2012. – 142 s.
27. Polański E. Zasady pisowni // *Polszczyzna na co dzień*. Warszawa: Wydawnictwo Naukowe PWN, 2010. S. 347–472.
28. Popławska N. Język polskiej inteligencji w Kijowie // *Język polski dawnych Kresów Wschodnich*. T.3. Warszawa: Wydawnictwo Naukowe Semper, 2006. S. 109–127.
29. Rieger J. Język polski na Wschodzie // *Współczesny język polski*. Wrocław: Wiedza o Kulturze, 1993. S. 547–560.
30. Rieger J., Cechosz-Felczyk I., Dzięgiel E. Język polski na Ukrainie w końcu XX wieku. Cz. 1. Stan i status. Cechy charakterystyczne. *Polszczyzna w lwowskim, tarnopolskim i na Podolu. Teksty*. Warszawa: Wydawnictwo Naukowe Semper, 2002. – 373 s.
31. Szulgan A. Język polski starszego pokolenia polonijnego w Krzemieńcu na Ukrainie // *Poradnik Językowy*, 2006. Z. 5 (634). S. 58–67.

НОВЫЙ САМОУЧИТЕЛЬ ЧЕШСКОГО ЯЗЫКА ДЛЯ РУССКОЯЗЫЧНОЙ АУДИТОРИИ

А.И. Изотов

NEW MANUAL OF CZECH LANGUAGE FOR RUSSIAN SPEAKING

A. Izotov

ABSTRACT:

A new communicatively oriented manual of Czech language for Russian students is presented. The proximity of Czech and Russian allows the author to situate into the Preface the grammatical minimum sufficient for understanding of sister language (according to the John Comenius' comparative principle of language teaching / learning the differences and affinities of Czech and Russian in the field of phonetics, word-building, morphology and syntax are taken into account). The body of manual presents Czech language in the form of dialogues and micro-dialogues chiefly. Ethno-cultural information is presented by passing remarks and by dozens of original texts about famous Czech politicians, organizations, buildings and other linguo-cultural phenomena illustrated by applicable photographs. The dictionary in fine contains about 3 000 Czech expressions with Russian equivalents and about 2 000 Russian expressions with Czech equivalents.

Keywords: color term, linguistic worldview, comparative analysis, Polish, Russian.

АННОТАЦИЯ:

Предлагается новый самоучитель чешского языка для русскоязычных студентов, подача материала в котором последовательно учитывает близость современных чешского и русского языков. Содержащейся во вводной части самоучителя грамматической информации вполне достаточно для того, чтобы последующий материал студент мог просто «подбирать» („to acquire“), не обращая особого внимания на грамматику, которая, впрочем, также компактно излагается в конце каждой из глав, при этом автор ориентировался на известный принцип Я.А. Коменского опоры на уже известный язык, в данном случае на русский. В основной части самоучителя чешский язык представлен прежде всего в виде диалогов и микродиалогов (среди них около 500 аутентичных), имитирующих ситуации повседневного общения. Лингво-культурологическая информация регулярно подается как в виде ремарок и комментариев, так и с помощью коротких неадаптированных текстов (о святом Вацлаве, о Национальном театре, о Масарике и т.д. – всего 61 сюжет), иллюстрируемых авторскими цветными фотографиями. Словарь в конце самоучителя включает в себя около 3000 чешских слов и выражений в чешско-русской части и около 2000 в русско-чешской части.

Ключевые слова: чешский; русский; диалог; микродиалог; коммуникативно ориентированная грамматика; культурологическая информация

Немаловажной особенностью научной и учебной деятельности Н.Е. Ананьевой является, безусловно, то, что она не только впечатляет числом и масштабом затронутых вопросов, но и пробуждает стремление к творчеству у людей, её окружающих. Так, на последующих страницах будет рассмотрен самоучитель чешского языка, к появлению которого Н.Е. Ананьева имеет самое непосредственное отношение, возможно, об этом и не догадываясь.

Когда восемь лет назад Н.Е. Ананьева и Т.С. Тихомирова оказали честь автору настоящих строк, пригласив его в качестве редактора для своего самоучителя польского языка, написанного ими для издательства АСТ-ПРЕСС КНИГА, руководство данного издательства тут же захотело и самоучитель языка чешского. Прекрасно осознавая как масштабы подобной работы, так и её неблагодарность, я долго отнекивался, однако, вдохновленный редактируемым текстом, решил всё же попробовать. В результате появилась рукопись с минимумом грамматики и максимумом аутентичных текстов (чего изначально требовало издательство), получившая положительную рецензию профессора Санкт-Петербургского университета Г.А. Лилич. Выяснилось, однако, что для той юной девушки, которая со мной от имени издательства общалась, «коммуникативный принцип подачи материала», как и многие другие избыточные в её речи лингвистические и лингводидактические термины – лишь модные словосочетания, не имеющие никакого отношения к реальности. В результате по требованию издательства в самоучителе сначала появилась грамматика (в качестве компактного приложения, благо нечто подобное автору уже приходилось составлять, см., например, [Изотов 2011]), потом это грамматическое приложение было расчленено на фрагменты, каждый из которых был привешен к концу той или иной главы, потом для этих грамматических пассажей были написаны упражнения и так до тех пор, пока в авторе не проснулись запорожские гены и он не расторг договор с издательством, воспользовавшись тем единственным пунктом данного договора, который предоставлял данное право, то есть право расторжения договора, самому автору. В итоге самоучитель был опубликован лишь в 2016 году в Москве в издательстве Филоматис, специализирующемся на выпуске филологической литературы.

При написании данного самоучителя автор исходил из того, что он может и должен принципиально отличаться от самоучителя для иной целевой аудитории, например, от аудитории англоязычной, на которую и ориентируются в основном современные весьма качественные издания, см., например, [Holá 2016]. Носителю русского языка, в отличие от носителя языка английского, не нужно мучительно объяснять значения падежей, совершенного и несовершенного видов, сущность «тыканья» и

«выканья» и т.д. Зато можно с самого начала отметить более тонкие различия между соотносимыми категориями, например, то, что в чешском языке, в отличие от русского, для передачи регулярно повторяющихся действий могут использоваться формы не только несовершенного, но и совершенного вида, ср. пример из классического учебника, где глаголы несовершенного и совершенного вида идут вперемежку: *Ráno vstávám pravidelně v šest hodin. Umyji se, vyčistím si zuby a učešu se. Pak se oblékám.* ‘Утром я встаю регулярно в шесть часов. Я умываюсь [букв. умоюсь], чищу [букв. почищу] себе зубы и причесываюсь [букв. причешусь]. Потом я одеваюсь’. [Чешский язык 1988: 100].

Поэтому, исходя из близости чешского и русского языков, автор счел возможным собрать во вводной части самоучителя весь тот грамматический и лексический материал, которого вполне достаточно для того, чтобы последующий материал студент мог просто «подбирать» („to acquire“), не обращая особого внимания на грамматику.

Начало этой вводной части (сразу после чешского алфавита) выглядит следующим образом:

ПРАВИЛА ПРОИЗНОШЕНИЯ ГЛАСНЫХ И СОГЛАСНЫХ

Ударение

Ударение в чешском языке всегда падает на первый слог, а у слов с предлогом – на предлог, при этом **ударные** и **безударные** гласные звуки произносятся **одинаково отчётливо**.

☛ Упражнение 1. Прослушайте и повторите за диктором следующие слова.

ruka, oko, ucho, kompas, forma, barva, karta, cesta, kapka, maso, matka, sama, kočka, kapsa, pokus, jaro, guma, koza, mapa, sako, chata, karas, socha, bajka, obrok, kakao, akrobat, aktovka, bačkora, opora, balada, kapusta, pokapat, baletka, omakat, maraton, masopust, balalajka, na mapu, na kartu, na kočku.

Краткие и долгие гласные

Гласные звуки в чешском языке могут быть **краткими** и **долгими**, при этом долгота гласного на письме **всегда обозначается** – в большинстве случаев значком, похожим на русский знак ударения (**á, ó, ú, í, ý, é**), а в случае с долгим [ū] также маленьким кружком над буквой (**ů**). Запомните, что буквы **ů** и **ú** обозначают один и тот же звук! Долгие гласные приблизительно в два раза длиннее кратких. Надо следить за правильным произношением долгих и кратких гласных, потому что от

того, долгий или краткий гласный мы произнесли, может зависеть значение слова, например:

sár 'лоскут'	car 'царь'
lák 'рассол, маринад'	lak 'лак'
pás 'пояс'	pas 'загранпаспорт'
rudá 'красная'	ruda 'руда'
plochá 'плоская'	plocha 'поверхность'
děkují 'они благодарят'	děkuji 'я благодарю'
pátá 'пятая'	pata 'пятка'
drahá 'дорогая'	dráha 'дорога'
vratká 'неустойчивая'	vrátka 'калитка' vratka 'экон. возвращаемая сумма'

☞ **Внимание!**

Нельзя путать русский знак ударения и чешский знак долготы гласного!

Чешское ударение на письме не обозначается!

☞ **Упражнение 2. Прослушайте и повторите за диктором следующие слова и словосочетания, обращая внимание на ударение, а также на произношение долгих и кратких гласных.**

Bůh, pás, sát, spát, stát, trám, káva, máma, táta, nástroj, lákat, pára, látka, právo, průchod, průkaz, únik, průvoz, půdorys, únava, úprava, kabát, randál, tabák, rukáv, voják, samá, brokát, naráz, prorůst, cukárna, kaviár, manuál, uragán, umačkávat, rámovat, párátko, úniková cesta, krátká zpráva, krásná váza, dobrá rada, stará brána.

Произношение согласных перед буквой ě

Чешские буквы e и ě обозначают один и тот же звук – краткий [e]. Разница состоит в том, что некоторые буквы перед ними читаются неодинаково:

ne, te, de – приблизительно как русское **нэ, тэ, дэ**

ně, tě, dě – приблизительно как русское **не, те, де**

pe, be, ve, fe, me – приблизительно как русское **пэ, бэ, вэ, фэ, мэ**

pě, bě, vě, fě, mě – приблизительно как русское **пье, бье, вье, фье, мне.**

☞ **Внимание!**

Сочетание **mě** может читаться как **мье** только в Южной Чехии и в Моравии. Большинство чехов произносит это сочетание как **мне!**

Сразу же надо отметить, что если чешский твердый звук [t] очень похож на русский т (при его произнесении кончик языка касается зубов), при произнесении чешских твердых [d] и [n] кончик языка касается не зубов, как в русском, а альвеол, как в английском.

Чешские мягкие звуки [nʹ], [tʹ], [dʹ] произносятся ещё мягче, чем русские **нь**, **ть**, **дь**, при этом надо стараться, чтобы при произнесении [tʹ], [dʹ] не возникал свистящий призвук¹.

☞ **Cvičení 3. Vyslechněte a opakujte slova a slovní spojení.**

nemá, němá, krásně, stejně, báječně, vůně, banálně, barevně k němu, dej, děj, děd, děti, děvčata, dělat, vděčně, beznadějně, anděl, pozdě, po pravdě, ve vodě, sedět, těsto, ještě, deště, po cestě, v celém světě, pět, pěna, pěst, zpěv, čpět, pěkně, nazpět, o lampě, oběd, běžně, běžet, po sobě, nevěsta, květ, věc, věta, v hlavě, člověk, zvědavost, o katastrofě, město, měna, odměna, umět, směnka, změna, úsměv.

Далее подобным же образом говорится о произношении согласных перед *i* (*í*) и *y* (*y*); об употреблении букв *Ň* (*ň*), *Ť* (*t*), *Ď* (*d*), согласных *š*, *ž*, *č*; о дифтонгах *au*, *eu*, *ou*; о согласном *l* и слогаобразующих *l* и *r*; букве *ř*; о букве *h* и диграфе *ch*; о букве *g*; о сочетаниях *ji* и *jí*; о не обозначаемом на письме согласном [j] в словах типа *rádio*; о буквах *q*, *w*, *x*; о сочетаниях *sh*, *nk* и *ng*; о придыхании перед начальным гласным, о произношении иностранных имен типа *Shakespeare*, *Feuchtwanger*, *Wałęsa*, *Grünwald*, включая имена с буквами, отсутствующими в чешском алфавите, о правилах чтения графически не освоенных заимствований типа *airbag* или *notebook*.

Далее описываются некоторые регулярные графические и фонетические соответствия между чешским и русским языками, например, чешское *h* – русское *г* (*host* - *гость*), чешское *ř* – русское мягкое *р* (*řeka* - *река*), чешские *e*, *i* после мягких согласных – русские *а*, *у* (*naše ulice* - *наша улица*, *řekl otci* - *сказал отцу*), чешское *ů* – русское *о* (*sůl* - *соль*), чешское *ou* – русское *у* (*moucha* - *муха*) и приводятся некоторые чешско-русские «ложные друзья переводчика»:

¹ В русских словах типа *тучо* или *темнота* этот призвук не такой сильный, как в белорусском или, тем более, польском, однако чехи его слышат.

<i>rodina</i>	семья	<i>rodina</i>	<i>vlast</i>
<i>vlast</i>	родина	<i>vlast</i>	мощь
<i>život</i>	жизнь	<i>život</i>	<i>břicho</i>
<i>pozor</i>	внимание	<i>pozor</i>	<i>hanba</i>
<i>vůně</i>	аромат	<i>voně</i>	<i>zápach</i>
<i>krásný</i>	красивый	<i>krásný</i>	<i>červený</i>
<i>chudý</i>	бедный	<i>худой</i>	<i>hubený</i>
<i>žádný</i>	никакой	<i>жадный</i>	<i>lačný</i>
<i>čerstvý</i>	свежий	<i>чёрствый</i>	<i>tvrdý</i>
<i>lakomý</i>	скупой	<i>лакомый</i>	<i>mlsný</i>

После графики и фонетики приходит черед глаголов *být* ‘быть’ и *mít* ‘иметь’ включая устойчивые сочетания типа *mám hlad, mám strach, mám obavu, mám pravdu, mám se dobře*, а также этикетных слов и выражений типа *Dobrý den! Dobrý večer! Na shledanou (zítra)! Ahoj! Nazdar! Čau!*, способов обращения к собеседнику типа *Pane!/Mladý pane! Paní!/Mladá paní! Slečno! Chlapče! Nochu!* включая правила употребления фемининных вариантов названий лиц по профессии (*Pane inženýre! > Paní inženýrko! Pane doktore! > Paní doktorko! Pane řediteli! > Paní ředitelko! Pane profesore! > Paní profesorko! Pane docente! > Paní docentko! Pane učíteli! > Paní učitelko! Pane poslanče! > Paní poslankyně! Pane ministře! > Paní ministryně!*) а также деминутивов от наиболее распространенных чешских имен (*Josef > Josefe! > Pepík! Pepičku! Jan > Jane! > Honzo! Honzíku! Honzíčku! Václav > Václave! > Vencle! Vašku! Karel > Karle! > Kájo! Bedřich > Bedřichu! > Běďo!*).

Включение во вводную часть описания спряжения основных типов чешских глаголов было обусловлено как важностью предикации для формирования высказывания, так и относительной простотой чешского глагольного словоизменения в сравнении, например, с чешским именным словоизменением или даже с польским глагольным словоизменением, ср.:

Настоящее и будущее время глагола

В чешском языке, как и в русском, формы **настоящего** времени образуются от глаголов несовершенного вида, а формы **будущего** времени **с теми же окончаниями** – от глаголов совершенного вида, например: *nesu – přinesu, несу – принесу*.

Запомните формы настоящего времени глаголов **nést** ‘нести’, **psát** ‘писать’, **pracovat** ‘работать’, **dělat** ‘делать’, **prosit** ‘просить’, **umět** ‘уметь’:

	nést	psát	pracovat	dělat	prosit	umět
já	nes <u>u</u>	pí <u>š</u> <u>u</u>	pracuj <u>í</u>	děl <u>á</u> <u>m</u>	pros <u>í</u> <u>m</u>	um <u>í</u> <u>m</u>
ty	neseš	píšeš	pracuješ	děláš	prosíš	umíš
on, ona, ono	nese	píše	pracuje	dělá	prosí	umí
my	neseme	píšeme	pracujeme	děláme	prosíme	umíme
vy	nesete	píšete	pracujete	děláte	prosíte	umíte
oni, ony, ona	nesou	píšou	pracují	dělají	prosí	umějí

Как мы видим, многие чешские формы очень похожи на русские, например: **nesu** – *несу*, **neseš** – *несеешь*, **nesete** – *несете*, **píšu** – *пишу*, **píšeš** – *пишешь*, **píšete** – *пишете* и т.д.

Кроме того, из приведенной таблицы видно, что различия между чешскими окончаниями разных глаголов касаются в основном формы I лица ед. числа, поэтому она и отмечается обычно в словарях дополнительно к неопределенной форме глагола, например:

nést, nesu *nedok.* нести

psát, píšu *nedok.* работать

umět, umím *nedok. s inf.* уметь *s inf.*

prac|ovat, -uji *nedok.* работать

pros|ít, -ím *nedok. koho oč* просить *koho o čem, u koho čeho*

⇒ Упражнение 32. Трансформируйте данные предложения по образцу:

Čtu knihu. ‘Я читаю книгу.’ → **Čteme knihu** ‘Мы читаем книгу.’

Studuji na univerzitě. ‘Я учусь в университете.’

Studuji každý den. ‘Я учусь каждый день.’

<...>

☞ **Внимание!**

В разговорной речи вместо форм 1 лица ед. числа типа **žijí, pracuji** вы можете услышать формы типа **žijú, pracuju**,
а вместо форм 3 лица мн. числа типа **žijí, pracují** – **žijou, pracují**.

Как и в русском языке, **будущее время от глаголов несовершенного вида** образуется сочетанием формы будущего времени глагола **být** ‘быть’ и инфинитива смыслового глагола:

já	budu dělat
ty	budeš dělat
on, ona, ono	bude dělat
my	budeme dělat
vy	budete dělat
oni, ony, ona	budou dělat

⇒ **Упражнение 36. Переведите на чешский язык следующие предложения:**

Я буду жить в Москве. Мы будем жить в Москве. Моя сестра будет жить в Москве. Они тоже будут жить в Москве. А вы будете жить в Москве?

<...>

☞ **Внимание!**

В отличие от русского, в чешском языке **возвратная частица se** или **si** не только пишется **отдельно от глагола**, но также может стоять **и до, и после** него, а также отделяться от соответствующего глагола другими словами.

Эти частицы стремятся занять место как можно ближе к началу предложения, однако не в самом начале, например:

Vrátím se domů večer. – Я вернусь домой вечером.

Večer se vrátím domů. – Вечером я вернусь домой.

Čemu se směješ? – Ты чему смеешься?

Čemu se zase směješ? – Ты чему опять смеешься?

Чешская возвратная частица **se**, как и русская возвратная частица **-ся**, была когда-то формой *винительного* падежа возвратного местоиме-

ния, сравним, например, чешское **myji se** и **myji sebe** или русское **моюсь** и **мою себя**. Чешская возвратная частица **si** была формой *дательного* падежа того же местоимения, поэтому она и сейчас может выражать значение ‘для себя, в своих интересах’, например: **Kupuji si košili** ‘Я покупаю (для себя) рубашку’.

Обе чешские частицы (**se** и **si**) могут выражать взаимно-возвратное значение, например:

Kde se sejdeme? ‘Где мы встретимся?’

Večer si popovídáme ‘Вечером мы поговорим (друг с другом)’

Впрочем, иногда возвратная частица **se** или **si** не выражает никаких особых оттенков значений и употреблена лишь потому, что соответствующий глагол без неё не употребляется, например:

dívat se ‘смотреть’

ptát se ‘спрашивать’

myslet si ‘думать’

přát si ‘желать’

Прошедшее время глагола

В отличие от русского языка, в котором прошедшее время состоит из простой «эловой» формы (например: *был, была, было, были, пришел, пришла, пришли*), в чешском языке к такой «эловой» форме смыслового глагола в первом и втором лице присоединяется соответствующая форма глагола **být** настоящего времени. В третьем лице прошедшее время образуется, как и в русском, чистой «эловой» формой смыслового глагола:

	dělat	prosit	psát	umět	pracovat	být
já	dělal jsem	prosil jsem	psal jsem	uměl jsem	pracoval jsem	byl jsem
ty	dělal jsi	prosil jsi	psal jsi	uměl jsi	pracoval jsi	byl jsi
on	dělal	prosil	psal	uměl	pracoval	byl
my	dělali jsme	prosili jsme	psali jsme	uměli jsme	pracoval i jsme	byli jsme
vy	dělali jste	prosili jste	psali jste	uměli jste	pracoval i jste	byli jste
oni	dělali	prosili	psali	uměli	pracoval i	byli

Когда формы глагола **být** используются **в составе прошедшего времени**, на них никогда не падает ударение и они, подобно возврат-

ным частицам **se** и **si**, располагаются как можно ближе к началу предложения, однако не в самом начале, например:

Pracoval jsem. ‘Я работал.’

Včera jsem pracoval. ‘Вчера я работал.’

Včera jsem celý den pracoval. ‘Вчера я целый день работал.’

Včera jsem pracoval celý den. ‘Вчера я работал целый день.’

Já jsem pracoval. ‘Я работал.’

Já jsem včera pracoval. ‘Я вчера работал.’

Já jsem včera celý den pracoval. ‘Я вчера целый день работал.’

Já jsem včera pracoval celý den. ‘Я вчера работал целый день.’

Образование некоторых форм прошедшего времени у возвратных глаголов имеет свои особенности. Если в позицию второго лица единственного числа прошедшего времени попадает глагол с возвратной частицей **se** или **si**, эта возвратная частица сливается с вспомогательной формой **jsi**:

jsi se → **ses**

jsi si → **sis**

Kdy ses vrátil? ‘Когда ты вернулся?’ (**vrátit se** ‘вернуться’)

Na co ses ptal? ‘О чём ты спрашивал?’ (**ptát se** ‘спрашивать’)

No co sis myslel? ‘О чём ты думал?’ (**myslet si** ‘думать’, ‘полагать’)

Co sis koupil? ‘Что ты себе купил?’ (**koupit si** ‘купить себе’)

Как и в русском языке, «эловые» формы различаются по роду, например:

Pracoval jsem. ‘Я работал.’

Pracovala jsem. ‘Я работала.’

При этом, в отличие от русских, чешские «эловые» формы различаются по роду также и во множественном числе (хотя в случае с формами типа **pracovali** и **pracovaly** речь идет только о правописании, ведь произносятся они, как мы помним, одинаково):

Muži pracovali. ‘Мужчины работали’

Ženy pracovaly. ‘Женщины работали’

Děvčata pracovala. ‘Девушки работали’ (чешское слово **děvče** – среднего рода)

🔊 **Упражнение 37. Прослушайте и повторите за диктором следующие вопросы и ответы, обращая внимание на интонацию.**

Co jsi dělal včera? ‘Что ты делал вчера?’ – **Včera jsem byl doma.**
‘Вчера я был дома.’

<...>

🔊 **Внимание!**

В отличие от русского языка, чешская «вежливая» форма в прошедшем времени образуется сочетанием **множественного** числа глагола **být** и **единственного** числа смыслового глагола:

Co jste dělali včera? Что Вы делали вчера? (обращение к собеседнику на «Вы»)

Co jste dělala včera? Что Вы делали вчера? (обращение к собеседнице на «Вы»)

Co jsi dělal včera? Что ты делал вчера? (обращение к собеседнику на «Ты»)

Co jsi dělala včera? Что ты делала вчера? (обращение к собеседнице на «Ты»)

Co jste dělali včera? Что вы делали вчера? (обращение к нескольким людям)

➔ **Упражнение 40. Переформулируйте вопросы из упражнений 37 и 38 так, как если бы собеседники были между собой «на Вы»:**

Co jsi dělal včera? → **Co jste dělali včera?**

Co jsi dělala včera? → **Co jste dělala včera?**

Как мы видим, имеющие широкое хождение нелитературные формы в самоучителе отмечаются (в примечаниях), однако основное внимание уделяется именно литературному языку в силу причин, замечательно изложенных в [Hrdlička 2010: 74 след.].

Подробно основные особенности собственно чешского обиходно-разговорного койне (obecná čeština) описываются в последней главе основной части самоучителя на с. 337-342.

В вводной части рассматриваются и чешские модальные глаголы, потому что конструкции с ними являются основным средством выражения модальных значений в чешском языке (в отличие от языка русского,

где функционально нагруженными оказываются прежде всего неглагольные модальные квалификаторы. Завершается вводная часть таблицей с названиями чешских и русских падежей, а также сообщением, что в чешском языке, как и в русском, существительные бывают мужского, женского и среднего рода, причем прилагательные, а также некоторые местоимения и числительные могут совпадать с тем или иным существительным в роде, числе и падеже.

Ну а чтобы обучаемый при изучении всей этой грамматики не уснул, каждый или почти каждый параграф (как во вводной части, так и в части основной) иллюстрируется юмористическим мини-диалогом или несколькими мини-диалогами – анекдотами, которые были отобраны из приблизительно пяти тысяч анекдотов из чешского интернета, из фильмов, из художественной литературы и т.д. С их помощью, в частности, выполнялось изначальное требование издательства максимального использования аутентичных текстов. Мы браковали анекдоты неприличные, а также чересчур сложные содержательно либо по форме, так что в результате была использована где-то десятая часть общего массива. Каждый анекдот снабжен русским переводом с максимальным сохранением внутренней структуры исходного текста, поскольку они приводились не в качестве упражнений на понимание, а для того, чтобы помочь запомнить ту или иную грамматическую или лексическую деталь, ср.:

[Произношение иностранных имен]

Babička se ptá lékaře:	Бабушка спрашивает у врача:
„Pane doktore, jak se jmenuje ten Němec, co mi pořád schovává moje věci?“	«Господин доктор, как зовут того немца, который всё время прячет мои вещи?»
„Alzheimer, babi, Alzheimer!“	«Альцгеймер, бабуля, Альцгеймер».

[Обращение к собеседнику]

„Pane Nováku, má ten váš pitbull rád děti?“	«Господин Новак, ваш питбуль любит детей?»
„Ten žere všechno, paní.“	«Он жрет всё, мадам!»

[Диминутивы]

„Tak co, Honzíku, jak dopadlo vysvědčení?“ chce vědět maminka.	«Ну что, Гонзик, как там табель успеваемости?» – интересуется мама.
„Ale mamí, hlavně že jsme zdraví!“	«Мама, главное, что мы живы и здоровы!»

Jaroslav: To se mi ulevilo. Ale taky jsem nevěděl, že máš nějakou sestru. Myslel jsem, že máš jenom mladšího bratra Emanu.

Alena: No, je to trochu složité. Eva je totiž má nevlastní sestra. Je dcerou mého otce z prvního manželství. Ale jinak mám více příbuzných. Třeba mám v Brně strýce Ludvu a tetu Emu – jsou to bratr a švagrová mé matky. Ti mají pět dětí – dvě dcery a tři syny, takže mám ještě dvě sestřenice a tři bratrance. Pak v Brně žijí rodiče strýce Ludvy – totiž moje babička a můj dědeček, kdyžto rodiče tety Emy žijí na venkově a mají příbuzné snad v celém okolí.

Jaroslav: No, na Moravě vždycky měli početné rodiny.

Alena: To není všechno. Můj otec má v Ostravě neteř a synovce – jsou to děti jeho starší sestry a švagra. Ten jeho synovec ještě chodí do gymnázia, ale moje sestřenice je už vdaná a má dceru. To snad je moje neteř nebo co?

<...>

Словарик в конце каждого такого диалога включает **все** содержащиеся в нем полно-знаменательные слова, а не только новую лексику, что, во-первых, существенно облегчает жизнь студента, который вполне может забыть то или иное пройденное на предыдущих занятиях слово, а во-вторых, позволяет проходить данные главы в произвольном порядке. Ср. начало словарика к диалогу, начало которого приводилось выше:

a и

absolv||ovat, -uji *сов.* окончить; **absolvovat techniku** окончить технический вуз

ahoj! привет!

ale но, однако

babičk||a, -y *ж* бабушка

Berlín, -a *м* Берлин

běž||et, -ím *несов.* бежать; **už musím běžet** мне уже пора

blahopř||át, -eji *несов.* *kotni k četi* поздравлять *kogo s čem*; **~át k**

narozeninám *kotni* поздравлять с днём рождения *kogo*

bratr, -a *м* брат *м*; **vlastní** ~ родной брат; **nevlastní** ~ сводный брат

bratran||ec, -ce *т* двоюродный брат

Brn||a, -a *м* Брно

budoucí будущий

cel||ý весь, целый; **v celém okolí** во всей округе

co что

čím чем; **Čím je?** Кем он/она работает?

dále, dál дальше, далее; **a tak dále** и так далее

dcer||a, -y *ж* дочь

dědeč||ek, -ka *м* дедушка

děl||at, -ám *несов.* 1. работать; **~at inženýra** работать инженером. 2. *со* делать *что*

<...>

Сопровождающие диалог простые упражнения вынуждают вновь и вновь повторять содержащуюся в данном диалоге лексику, например:

↪ **Упражнение 1. Пользуясь материалом диалога, переведите на чешский язык следующие предложения:**

1. Привет, Аленка! Куда это ты так торопишься?
2. Мы должны сделать кучу вещей к свадьбе.
3. Поздравляю, но я не знал, что ты собираешься замуж.

<...>

↪ **Упражнение 2. Пользуясь материалом диалога, ответьте по-чешки на следующие вопросы:**

1. Jak se jmenuje dívka, s kterou Jaroslav právě mluví? / Как зовут девушку, с которой Ярослав в данный момент разговаривает?
2. Jak tu dívku Jaroslav oslovuje? / Как Ярослав обращается к этой девушке?
3. Jak Alena oslovuje Jaroslava? / Как Алена обращается к Ярославу?
4. Kam tak spěchá Alena? / Куда так Алена торопится?

<...>

↪ **Упражнение 3. Ориентируясь на текст диалога, вставьте вместо многоточий пропущенные предлоги k, z (ze), v (ve), na, do, s, o:**

1. To víš, ... té svatbě musíme obstarat spoustu věcí.
2. Je dcerou mého otce ... prvního manželství.
3. Mám ... Brně strýce Ludvu a tetu Emu.
4. Rodiče tety Emy žijí ... venkově.

<...>

Интегральную часть пособия составляют разделы «Полезные слова и выражения», которые автор позаимствовал из собственного чешско-русского разговорника [Изотов 1997] (первое издание вышло в 1997 году, последнее известное автору – в 2007). Например, в главу «Семья» попали слова и выражения из разделов «Родственники», «Жильё», «Профессия», «Образование» данного разговорника, ср.:

Příbuzenstvo Родственники

Jste vdaná?

Jsem svobodná

Mám snoubence

Вы замужем?

Я не замужем

У меня есть жених

Jsem taky svobodný
Jste ženatý
Ano. Už pět let.
Máte děti?
Mám syna a dceru
Máte sourozence?
<...>

Я тоже не женат
Вы женат?
Да. Уже пять лет.
У вас есть дети?
У меня сын и дочь
У вас есть братья и сестры?
<...>

Bydlení Жильё

Kde bydlíte?
Bydlím ve středu města
Bydlíme na předměstí
v rodinném domku
v činžáku

Где вы живёте?
Я живу в центре города
Мы живём в пригороде
в особняке
в многоквартирном до-

Která je to čtvrť?
Náš byt je v přízemí
v prvním poschodí
ve druhém poschodí
<...>

Какой это район?
Наша квартира на первом этаже
на втором этаже
на третьем этаже
<...>

Povolání Профессия

Čím jste?
Kde pracujete?
Jsem v domácnosti
Jsem v důchodu
Jsem architekt (architektka)
dělník, dělnice

Кто вы по профессии?
Где вы работаете?
Я домохозяйка
Я на пенсии
Я архитектор
рабочий

Vzdělání Образование

Jaké máte školy?
Mám univerzitu
lékařskou fakultu
pedagogické učiliště
průmyslovku
Maturoval jsem v roce 2010

Где вы учились?
Я окончил университет
медицинский инсти-
тут
педагогическое учи-
лище
техникум
Я получил аттестат зрелости в 2010

Культурологическую часть самоучителя образуют краткие аутентичные тексты, взятые в основном из чешского сектора Интернета, дополненные словариками, которые включают, так и словарик к откры-

вающим каждую главу диалогам, все содержащиеся в соответствующем тексте полно-знаменательные слова. Всего таких текстов 61, и это тексты Svatý Václav, Národní muzeum, Pražský hrad, Svatý Jan Nepomucký, Matka Boží před Týnem, Pražský orloj, Staroměstská radnice, Novoměstská radnice, Betlémská kaple, Kostel svatého Jakuba, Staronová synagoga, Alfons Mucha, Valdštejnská zahrada, Divadlo Laterna Magika, Národní divadlo, Klementinum, Pražská brána, Katedrála svatého Víta, Emauzy, Královský letohrádek, Mičovna v Královské zahradě, Jelení příkop, Starý královský palác, Svatý Jiří, Bazilika a klášter svatého Jiří, Přemyslovci, Kostel svatého Mikuláše na Malé Straně, Morový sloup s kašnou, Vyšehradský hřbitov, Olšanské hřbitovy, Kostel svatého Mikuláše na Staroměstském náměstí, Církev československá husitská, Kampa – Pražské Benátky, Staroměstská mostecká věž, Kostel svatého Martina ve zdi, Českobratrská církev evangelická, Kostel Zvěstování panny Marie na Slupi, Tomáš G. Masaryk, Edvard Beneš, Dalibor, Břevnovský klášter, Kostel svatého Ignáce z Loyoly, Karlštejn, Pražská Loreta, Strahovský klášter, Petřín, Stavovské divadlo, Pomník císaře Františka I, Kostel svatého Jiljí, Rudolfinum, Bertramka, Rotunda svatého Martina na Vyšehradě, Vyšehrad, Kostel svatého Havla, Pražský obecní dům, Pražská zoologická zahrada, Leteňská pláň, Hanavský pavilon v Letenských sadech, Zemské desky, Bazar, Historický šerm.

Все эти тексты иллюстрированы авторскими цветными фотографиями, расположенными на с. 408-423, ср. первый из этих текстов – о патроне Чешских земель святом Вячеславе (Вацлаве) князе Чешском:

Svatý Václav

Světéc a patron Země české kníže Václav byl šířitelem křesťanství, zakládal kostely a kláštery (za vlády jeho předchůdců křesťané byli pronásledováni). Byl zavražděn 28.09.935 (podle staré liturgie 28.09.929) v rivalitě s bratrem Boleslavem.

klášter , -a <i>м</i> монастырь	pronásled ovat, -uji <i>несов.</i> преследовать; byl pronásledován подвергался преследованиям
kníže , -te <i>м</i> князь	předchůd ce, -ce <i>м</i> предшественник
kostel , -a <i>м</i> храм	rivalit a, -y <i>ж</i> соперничество
křesťan , -a <i>м</i> христианин	svět ec, -ce <i>м</i> святой
křesťanstv í, -í <i>ср</i> христианство	šířitel , -e <i>м</i> распространитель
liturgi e, -e <i>ж</i> литургия; podle staré liturgie в соответствии с древними литургическими текстами	vlád a, -y <i>ж</i> 1. правительство. 2. власть; za vlády во время правления
patron , -a <i>м</i> покровитель; patron Země české покровитель страны чешской	zaklád at, -ám <i>несов.</i> основывать
	zavražd it, -ím <i>сов.</i> убить

В конце каждой главы основной части – грамматический раздел с набором простых упражнений.

Лексико-грамматический словарь в конце самоучителя включает в себя около 3000 чешских слов и выражений в чешско-русской части и около 2000 в русско-чешской части.

Литература / References

1. *Ананьева Н.Е., Тихомирова Т.С.* Польский язык. Самоучитель для начинающих. М.: АСТ-ПРЕСС КНИГА, 2012.
2. *Изотов А.И.* Русско-чешский разговорник. Москва: Филология, 1997.
3. *Изотов А.И.* Материалы к «Чешской грамматике» // Язык, сознание, коммуникация. Выпуск 42. Москва: МАКС Пресс, 2011.
4. *Изотов, А.И.* Самоучитель чешского языка. Уровни А1-А2. Москва: Филоматис, 2016.
5. *Holá L.* Česky krok za krokem 1. – Praha: Akropolis, 2016.
6. Чешский язык: Учебник для I и II курсов / *А.Г. Широкова, П. Адамец, Й. Влчек, Е.Р. Роговская.* 2-е изд. испр. и доп. М.: Высшая школа, 1988.
7. *Hrdlička M.* Kapitoly o češtině jako cizím jazyce. Plzeň: Západočeská univerzita v Plzni, 2010.

ОБУЧЕНИЕ ПОЛЬСКОМУ ПРОИЗНОШЕНИЮ В УКРАИНСКОЯЗЫЧНОЙ СРЕДЕ / NAUCZANIE POLSKIEJ WYMOWY OSÓB UKRAIŃSKOJĘZYCZNYCH

A.H.Кравчук / A. Krawczuk

TEACHING POLISH PRONUNCIATION TO UKRAINIAN SPEAKERS

A. Kravchuk

ABSTRACT:

The article is devoted to the analysis of typical pronunciation difficulties the Ukrainian speaking learners of Polish as a foreign language have. Observations of the articulation habits are mainly based on the speech of Polish studies students of Lviv University. The author makes an attempt to identify the source of typical articulation habits which differ from the standard Polish pronunciation norm as well as describe their possible communication consequences. Structure and content of the Polish pronunciation book with exercises for this group of learners are presented in the article.

Keywords: Pronunciation; Polish as a foreign language; people with Ukrainian as their first language; interference; exercise

АННОТАЦИЯ:

Статья посвящена анализу типичных трудностей, с которыми сталкиваются украинскоговорящие лица при изучении польского языка как иностранного. Наблюдения, касающиеся артикуляционных навыков и их преодоления, проводились в первую очередь в группах студентов, изучающих польский язык во Львовском университете. Мы постарались определить причины типичных расхождений с общепольской произносительной нормой и возможные коммуникативные последствия. В статье представлена также структура и содержание учебника по польскому произношению, включающего упражнения, предназначенные именно для указанной группы учащихся.

Ключевые слова: произношение; польский язык как иностранный; лица, имеющие украинский язык в качестве первого; интерференция; упражнение

STRESZCZENIE

Artykuł poświęcony jest analizie typowych trudności wymawianiowych u osób ukraińskojęzycznych uczących się języka polskiego jako obcego. Obserwacje dotyczące nawyków artykulacyjnych poczyniono głównie na przykładzie studentów polonistyki Uniwersytetu Lwowskiego. Spróbowano określić przyczyny typowych niezgodności z normą wymawianiową ogólnopolską i ich możliwe skutki

komunikacyjne. Przedstawiono układ i treść podręcznika do polskiej wymowy proponującego ćwiczenia dla tej właśnie grupy osób.

Słowa kluczowe: wymowa; język polski jako obcy; osoby z pierwszym językiem ukraińskim; interferencja; ćwiczenie

Rozważania dotyczące nauczania osób ukraińskojęzycznych polskiej wymowy opieram na prawie dwudziestoletniej obserwacji polszczyzny mówionej głównie studentów polonistyki Narodowego Uniwersytetu Lwowskiego im. Iwana Franki (w latach 1998–2016), ale także języka polskiego innych osób (uczniów, osób dorosłych) uczących się języka polskiego jako obcego na Ukrainie. Jak w każdym podsystemie języka, także w zakresie wymowy istnieją typowe dla tej grupy językowej „miejsca trudne”, na których właśnie chcę się dalej skupić. Podam też przykładowe ćwiczenia, najbardziej przydatne do zwalczania typowych trudności wymawianiowych. Warto zauważyć, że obecnie istnieją – choć niezbyt liczne – zarówno książkowe [Maciołek, Tambor 2012] [Biernacka]¹, jak i w formie artykułów [Tambor 2001, 2010; Waclawek 2009; Majewska-Tworek 2006; Majewska-Tworek, Majewska 2014], opracowania dotyczące glottodydaktycznych aspektów polskiej wymowy, w mniejszym zaś stopniu dysponujemy pracami opartymi na analizie trudności wymawianiowych u osób ukraińskojęzycznych², czym motywuję aktualność niniejszego tekstu.

Obecnie, gdy glottodydaktykę polonistyczną zdominowała metoda komunikacyjna, sztuka poprawnej i sprawnej wymowy bywa, moim zdaniem, szczególnie gdy chodzi o grupy osób z pierwszym językiem wschodniosłowiańskim, nieco zaniedbywana. Prawdopodobnie wielu może sądzić, że osoba ze Wschodu nie musi skrupulatnie szlifować polskiej wymowy – braki w tym zakresie nie staną się raczej przeszkodą w pomyślnym porozumiewaniu się z Polakami – głównego celu zakładanego

---

¹ Biernacka M. Znajdź z polskim wspólny język. Fonetyka w nauczaniu języka polskiego jako obcego. – Łódź: Wydawnictwo Uniwersytetu Łódzkiego (w druku) – książka powstała na podstawie tekstu rozprawy doktorskiej pt. „Fonetyka w nauczaniu języka polskiego jako obcego” napisanej pod kierunkiem profesor Bożeny Ostromęckiej-Frączak z Uniwersytetu Łódzkiego. Por. też wydawnictwo adresowane m.in. do dzieci: [Madelska 2010]. Do szerokiego odbiorcy (w tym także obcojęzycznego) może być adresowana książka: [Karczmarczyk 2012].

² Istnieją jednak artykuły dotyczące trudności wymawianiowych innych grup uczących się, np.: [Majewska-Tworek 2006]. Problemom zaś wymowy osób ukraińsko-, białorusko- i rosyjskojęzycznych poświęcone są rozdziały ogólnych poradników glottodydaktycznych adresowanych do osób na Wschodzie: [Dąbrowska, Dobesz, Pasieka 2010]; [Foland-Kugler 1998]. O polskiej wymowie młodzieży polskiego pochodzenia na Ukrainie pisze w swojej pracy doktorskiej (wykonywanej pod moim kierunkiem) poświęconej kompetencji komunikacyjnojęzykowej badanych osób Maria Zielińska; osobny artykuł tej autorki na wspomniany temat zamieszczony został w niniejszym tomie. Błędy wymowy są też obecne w dużym korpusie błędów popełnianych przez osoby ukraińskojęzyczne, który gromadzi Jerzy Kowalewski, jednak w dotychczasowych publikacjach badacza nie były one analizowane.

przez metodę komunikacyjną. Systemy fonetyczne języka rodzimego i docelowego są bardzo podobne, dlatego zniekształcania wymawianiowe wydają się znikome. Ponadto występujące u osób z pierwszym językiem wschodniosłowiańskim odstępstwa od normy wymawianiowej zazwyczaj nie powodują (jak może to być w przypadku z niektórymi innymi grupami cudzoziemców³) zniekształcania znaczeń wyrazów, co wyklucza zaistnienie niefortunnych komunikacyjnych. Nieliczne są przykłady, gdy jakiś typowy błąd artykulacyjny w polszczyźnie osoby ukraińskojęzycznej „seryjnie” zmienia sensy słów, jak np. wymowa *ł* jako *w*, lub, odwrotnie, *ł* zamiast *w*, co może powodować mylenie wyrazów *bywa* i *była*, *brawo* i *bralo*, *stawy* i *stały* etc. Podobnych „serii” wiele się nie znajdzie. Zniekształcenia treści z powodu złej wymowy dotyczą raczej przypadkowych leksemów, co, oczywiście, nie może się stawać przyczyną częstych zakłóceń komunikacyjnych. Wydawałoby się zatem, że można przyjąć, iż w tej sytuacji nie warto się wysilać, by doprowadzać do wysokiego wzorca wymowę poszczególnych głosek – najważniejsze jest bowiem, by błędy wymowy nie zniekształcały znaczeń słów, blokując właściwy odbiór komunikatu.

Warto jednak, moim zdaniem, zastanowić się, jak rozumiemy pojęcie „zakłócenie komunikacyjne”, na ile jest ono „głębokie”. Można je przecież rozumieć jako nieporozumienie całkowite będące niezrozumieniem treści przez odbiorcę. Można jednak, jak się wydaje, owe zakłócenia stopniować, uwzględniając sytuacje związane nie tylko z blokowaniem, lecz także ze spowolnieniem procesu porozumiewania się. Z innej też strony uwzględnić można nie tylko semantyczną stronę wypowiedzi, lecz także całą jej otoczkę pragmatyczną. Załóżmy, że odbiorca rozumie komunikat, ale jednocześnie świadom jest niekompetencji wymawianiowej nadawcy (czuje u niego wyraźny akcent). Taka wymowa jest czytelna semantycznie, ale jej odbiór powodować może niepożądane środki perlokucyjne związane np. z oceną osobowości mówiącego. To też warto uznać za pewien rodzaj niefortunnych komunikacyjnych. Dla wielu odbiorców cechy artykulacyjne nadawcy mogą być istotne w kreacji wizerunku tego ostatniego. Szczególnie ważne stają się to wówczas, gdy błąd wymowy u obcokrajowca przypadkowo pokrywa się z błędem wymawianiowym pojawiającym się w obrębie języka narodowego i wartościowanym w nim negatywnie. Rażące błędy wymowy w polszczyźnie ogólnej mogą być związane z przenikaniem do języka publicznego cech wymowy dialektalnej, mogą też być skutkiem nowych mód językowych. I tak za zakłócenie komunikacji możemy uznać np. fakt, że nadawca komunikatu ze zbyt miękkim *ł* (typowy błąd artykulacyjny osób ze Wschodu) uchodzić może w świadomości natywnego odbiorcy za „wieśniarę”.

---

³ O problemach wymawianiowych poszczególnych grup uczących się zob. np. w: [Tambor 2010]; [Swistowska 2011].

Podobnie ma się z nagminną u Ukraińców wymową labializowaną *o*, tymczasem w polszczyźnie krajowej taka wymowa „zachowała się jedynie w niektórych gwarach i w języku ogólnym uważan[a] jest za realizację nieelegancką, «wiejską»” [Świstowska 2011: 97]. Otóż zbyt miękkie *l* (jak *л* w językach wschodniosłowiańskich) czy labializowane *o* jest komunikacyjnie niebezpieczne w polszczyźnie osób ukraińskojęzycznych pod tym względem, że zagraża twarzy nadawcy. Zła artykulacja nadawcy oddziałuje na skuteczność aktu mowy i na ogólną atmosferę komunikacji poprzez psucie swojego własnego wizerunku kulturalnojęzykowego.

Lekceważenie pracy nad wymową ze Słowianami wschodnimi, w tym Ukraińcami, zwłaszcza gdy znajdują się oni w grupach mieszanych razem z innymi obcokrajowcami (typowa sytuacja w Polsce), mającymi większe problemy artykulacyjne ze względu na obiektywną odległość genetyczną ich języka rodzimego i przyswajanego polskiego, wynika z „pułapki komunikatywności”. Zjawisko to określa Bożena Ostromecka-Frączak: chodzi o spowolnienie przyswajania języka bliskospokrewnionego ze względu na zbyt entuzjastyczną ocenę własnej kompetencji językowej. Uczącym się ze Wschodu wydaje się, że dobrze wymawiają polskie głoski, przecież są „prawie takie same” jak w języku ojczystym [Ostromecka-Frączak 2004: 31]. Nauczyciel zaś może nie zwracać uwagi na drobne szczegóły, bo na ogół wymowa ta bliska jest polskiej i – co najważniejsze – nie zaburza znaczeń słów. Kryteria estetyczne w dobie dynamicznego życia, nastawionego na szybkie osiąganie celów, dla wielu tracą na znaczeniu. Tymczasem zlekceważone w początkowym etapie kształcenia niedociągnięcia w zakresie wymowy bardzo trudno potem nadrobić – błędów wymowy nie poprawia się tak samo szybko i skutecznie jak leksykalnych lub gramatycznych.

Na ogół uważa się, że jeśli osoba zaczyna uczyć się języka obcego w wieku powyżej 12–13 lat, to idealne, czyli bezakcentowe, opanowanie wymowy jest trudne. W tym wieku możliwe są już przeszkody o podłożu fizjologicznym: dźwięki przyswajanego języka obcego są przepuszczane, jak piszą autorki metodyki nauczania języka polskiego jako obcego Anna Seretny i Ewa Lipińska, „przez filtr fonetyczny języka ojczystego, a następnie wymawiane zgodnie z zasadami wymowy tego ostatniego” [Seretny, Lipińska 2005: 29]. Dlatego, przyswajając w starszym wieku polską wymowę, uczący się muszą zwalczać bardzo silne – bo uwarunkowane fizjologicznie – przyzwyczajenia artykulacyjne. Zatem możliwości opanowania poprawnej wymowy zależą już często nie tylko od włożonego przez uczącego się wysiłku (jak np. przy opanowaniu gramatyki lub słownictwa) – ważną rolę odgrywać mogą odpowiednie predyspozycje fizjologiczne.

Piszę „odgrywać mogą”, gdyż wydaje mi się, że dość często w polonistycznej glottodydaktyce ukraińskiej bierność nauczyciela i słaby wysiłek uczącego się powodują, że fizjologiczne czynniki powodujące złą wymowę bywają wyolbrzymiane, a świadomość możliwości ich istnienia staje się rodzajem ucieczki przed żmudną pracą, wymaganą po obu stronach. Doświadczylam w swojej praktyce dydaktycznej licznych przykładów, gdy osoba z dobrą znajomością języka polskiego, a chcąc ją doskonalić, ma złe nawyki artykulacyjne, ale po włożeniu wysiłku zaczyna wymawiać „trudne” głoski znacznie lepiej, a czasami bardzo dobrze. Nierzadkie są sytuacje, że do znacznej poprawy wymowy wystarczy tylko wskazanie na błąd i wyjaśnienie „mechanizmu” artykulacji pewnej głoski przez narządy mowy. Czasami, oczywiście, potrzebne są dłuższe ćwiczenia i wiele cierpliwości (dodam: w życzliwej, przyjaznej atmosferze psychicznej, z ubieganiem się w czasie ćwiczeń do chwytów zabawowych i wszelkiego rodzaju atrakcji dydaktycznych). Ważne jest, żeby pamiętać o wymowie zawsze, ćwicząc wszystkie sprawności językowe (nauczanie zintegrowane): nie „przestawiać” się z ćwiczeń wymowy na ćwiczenia gramatyczne czy komunikacyjne, już nie zauważając w trakcie wykonywania tych drugich „drugorzędnych” błędów artykulacyjnych. Ćwiczeniom fonetycznym warto systematycznie poświęcać czas na zajęciach różnego typu – będzie to swoista chwila relaksu – przełączenia się na inny typ działalności, na jak gdyby zabawowe powtarzanie chóralne i indywidualne wyrazów, fraz, łamańców językowych, rymowanek⁴ zawierających głoski, które sprawiają kłopoty całej grupie i poszczególnym osobom. Dobrze też sprawdza się łączenie „drylowych” ćwiczeń gramatycznych z doskonaleniem wymowy trudnych głosek, które zawierają ćwiczone struktury gramatyczne.

Nauka wymowy osób ze Wschodu może dać, moim zdaniem, dość dobre efekty, jeżeli już w początkowym jej etapie nauczyciel uświadomi uczącym się wagę poprawnej wymowy (byłby to pewien rodzaj motywacji psychologicznej), potrafi wyjaśnić osobliwości artykulacji głosek, których odpowiedników brak w języku rodzimym (nauczy sposobów „szukania” miejsca artykulacji), a także uświadomi subtelne różnice wymowy podobnych głosek polskich i rodzimych i – co jest bardzo ważne – nie będzie w procesie nauki języka lekceważyć usterek wymawianiowych tych spośród uczących się, którzy są zdolni do bliskiej ideałowi realizacji polskiej wymowy.

Kwestia możliwości bezakcentowej wymowy w języku obcym, a także wymagania stawiane w tym zakresie wobec uczących się są dyskusyjne. Cytowane już wcześniej A. Seretny i E. Lipińska piszą na ten temat: „Według niektórych uczących należy dążyć, by uczniowie opanowali wymowę idealną, właściwie identyczną z tą, jaka charakteryzuje rodzimych

⁴ Zob. np. literaturę na ten temat zawartą w części bibliograficznej książki: [Кравчук 2015].

użytkowników danego języka. Inni twierdzą, iż wymowie nie warto w ogóle poświęcać czasu, gdyż w nauczaniu języka są rzeczy o wiele istotniejsze, takie mianowicie jak gramatyka czy słownictwo. Pogląd trzeci mówi, że wymowę należy ćwiczyć na tyle, żeby uczący się nie zniekształcał dźwięków języka, ponieważ zniekształcenia fonetyczne mogą być przyczyną zablokowania komunikacji” [Seretny, Lipińska 2005: 29]. Jestem zwolenniczką, jeśli chodzi o sytuację glottodydaktyczną z osobami ukraińskojęzycznymi, tej pierwszej, nieco może perfekcjonistycznej, postawy. Wieloletnia praktyka pracy ze studentami ukraińskimi, którzy najczęściej mają jako pierwszy język ukraiński, ale też nierzadko język rosyjski, potwierdza, że większość studiujących jest w stanie opanować wymowę polską bardzo dobrze. Włożony wysiłek owocuje dla nich komfortem psychicznym i dużą satysfakcją: nieraz już studenci (czy raczej studentki – bo to one zdominowały ukraińską polonistykę) – zadowoleni, opowiadają, jak Polacy, po krótkiej konwersacji, brali ich za rodzimych użytkowników polszczyzny. A zatem w sytuacji nauki polskiego osób z Ukrainy w bardzo wielu wypadkach można osiągnąć stan wymawianiowy bliski idealnemu, należy jednak zmuszać uczących się do wielokrotnego, żmudnego (ale na różne sposoby uatrakcyjnianego!) powtarzania ćwiczeń, specjalnie przygotowanych ze względu na możliwe interferencje na pograniczu języków.

Na potrzeby grupy ukraińskojęzycznej został przygotowany na Narodowym Uniwersytecie Lwowskim im. Iwana Franki podręcznik zawierający ćwiczenia wymawianiowe na wszystkie głoski, ale szczególnie na te problematyczne dla wskazanej grupy. Jest to książka „Польська вимова з елементами правопису (для українців, що вивчають польську мову)” [Кравчук 2015], będąca poprawioną i uzupełnioną wersją wydanej wcześniej pracy pt. „Читаємо польською, або Практична фонетика польської мови” [Кравчук 2005]. Do książki dołączona jest płyta zawierająca nagrania wszystkich ćwiczeń na wymowę. Nagrań dokonano w Polsce, lektorem jest rodzima użytkowniczka języka polskiego.

W każdym rozdziale najpierw podaje się krótki komentarz w języku ukraińskim wyjaśniający osobliwości wymowy odpowiednich głosek, z uwzględnieniem „tła” ukraińskojęzycznego, później następuje szereg ćwiczeń. Przy okazji nauki wymowy publikacja prezentuje także najważniejsze zagadnienia pisowni polskiej i zawiera (nieliczne) ćwiczenia ortograficzne. Książkę skonstruowano z uwzględnieniem następczości nauczanych treści: materiał prezentowany jest w taki sposób, że w ćwiczeniach nie pojawiają się głoski, których wymowa nie była jeszcze analizowana. I tak np. jeśli ćwiczenie „nosówek” zostało zaproponowane dopiero w dwunastym rozdziale książki, znaczy to, że w ćwiczeniach żadnego spośród wcześniejszych jedenastu rozdziałów nie pojawia się

leksemy zawierające *q* lub *ę*. Taki układ ma swoje zalety i wady. Najważniejszą jego zaletą jest stworzenie komfortu uczącemu się, który nie napotyka wyrazów, skupiających kilka trudnych głosek naraz. Wadą zaś może być strona leksykalna: ze względu na trudność w dobraniu wyrazów o zadanych „parametrach” fonicznych, nieunikniona staje się sytuacja, gdy w pierwszych rozdziałach pojawiać się mogą słowa, trudniejsze komunikacyjnie niż w rozdziałach kolejnych. Zatem zastrzec warto, że książki nie można traktować jako pomocy dydaktycznej o charakterze leksykalnym. Czasami niektórych wyrazów pojawiających się w ćwiczeniach nie warto nawet studentom tłumaczyć, żeby nie obciążać ich pamięciowo nieodpowiednim dla początkowego etapu nauki słownictwem. Te braki nadrabiać można później, wracając do szlifowania wymowy już na wyższych poziomach znajomości języka polskiego.

Omawiany podręcznik zawiera także obszerny suplement proponujący teksty literackie, najczęściej wiersze, w których często pojawiają się wyrazy skupiające pewne głoski. Proponuje się zwłaszcza podrozdziały umożliwiające szlifowanie wymowy: *o, y; l, ł; q, ę; ć, cz; ć, ś, ź, dź*. Są to teksty rozmaite, adresowane i do osób dorosłych, i do dzieci, o różnych stopniach trudności komunikacyjnej, różnych treściach i walorach poetyckich. Autorami są: Adam Mickiewicz, Adam Asnyk, Jan Andrzej Morsztyn, Kazimierz Przerwa-Tetmajer, Jan Kasprówicz, Bolesław Leśmian, Maria Pawlikowska-Jasnorzewska, Leopold Staff, Bruno Jasieński, Jarosław Iwazkiewicz, Czesław Miłosz, Wisława Szymborska, Halina Poświatowska, Zbigniew Herbert, Stanisław Barańczak, Olga Tokarczuk, Ewa Lipska, Artur Górski, Zofia Dąbrowska, Zofia Zarębianka, Zofia Kossak-Szczucka, Selma Lagerlöf, Mira Kuś, Julian Tuwim, Jan Brzechwa, Wojciech Bronowski, Franciszek Klimek, Danuta Gellnerowa, Hanna Łochocka, Roman Pisarski, Emilia Waśniewska.

Układ zagadnień w podstawowej części publikacji jest następujący. Po ogólnym zapoznaniu się z alfabetem (nazwami liter i ich wymową), dwuznakami, ogólną zasadą akcentowania polskich wyrazów, uczący się mają możliwość ćwiczenia zagadnień ortofonicznych w takiej kolejności:

– samogłoski *a, e, u*; spółgłoski *p, b, t, d, c, s, z, f, w, k, m, n, r* (głoski nie sprawiające kłopotów artykulacyjnych, gdyż maksymalnie są podobne do odpowiedników ukraińskich; w tym rozdziale także omawia się i ćwiczy kwestię różnic pisowni *u* i *ó*, z ubieganiem się do „tła” pisowniowego w języku ukraińskim i rosyjskim);

– głoski *i, j* (akcentowane są też problemy pisowni);

– spółgłoski, oznaczane znakami *ch, h, sz, cz, dz, dź, ź, rz*, również z wieloma komentarzami ortograficznymi; jeśli zaś chodzi właśnie o wymowę, to najwięcej uwagi poświęca się wymowie *cz* – głoski bardzo twardej w polszczyźnie na tle języka nie tylko rosyjskiego, lecz także ukraińskiego;

- samogłoska *o* – wbrew pozorom, sprawiająca duże kłopoty wymawianiowe (typowy przykład wspomnianej wcześniej „pułapki komunikatywności” dla Słowian wschodnich);
- samogłoska *y* (podobnie jak wymowa *o* – przykład „pułapki komunikatywności”);
- zbiegi samogłosek i spółgłosek (np. *ee, ea; ss, zz, kk, czcz* etc.);
- dyftongi *au, eu*;
- głoska *ł* (rozdział rozbudowany, ze względu na możliwe trudności wymowy w badanej grupie uczących się);
- głoski *l, l'* (jak wyżej – rozdział rozbudowany ze względu na potrzeby uczących się z pierwszym językiem ukraińskim);
- spółgłoski środkowojęzykowe *ż, ś, ć, dź, ń* (z uwzględnieniem kwestii pisowniowych typu *ś i si, sia* etc.);
- tzw. nosówki *a, e* (ze zwróceniem uwagi na osobliwości pisowni *a – om, on, e – em, en*);
- połączenia *trz, drz*;
- osobliwości wymowy *n* i *ń* w niektórych pozycjach (np. wymowa *n* przed spółgłoskami tylnojęzykowymi *k, g*; wymowa *ń* bliska unosowionemu *[j]* przed spółgłoskami szczelinowymi etc.);
- osobliwości wymowy niektórych głosek w wyrazach zapożyczonych (np. *t', d', s', z', r', c', cz', sz', dź'*);
- różne rodzaje upodobnień i uproszczeń w wymowie spółgłosek i grup spółgłoskowych, wiadomości o regionalnym zróżnicowaniu wymowy;
- akcent w języku polskim (dokładna analiza różnych form gramatycznych i poszczególnych leksemów ze względu na zróżnicowanie normy wymawianiowej – wzorcowej i użytkowej).

Jak zostało już zasygnalizowane, poszczególne rozdziały mogą różnić się liczbą, a także charakterem ćwiczeń. Mimo że podręcznik prezentuje całość zagadnień wymawianiowych (w związku z czym może być także – jako pomoc praktyczna – wykorzystywany na zajęciach z fonetyki i fonologii współczesnego języka polskiego), szczególnie rozbudowane są w nim rozdziały poświęcone wymowie tzw. głosek trudnych dla grupy ukraińskojęzycznej. Proponowane w książce ćwiczenia zilustruję materiałem poświęconym wymowie *ł*. Głoska ta z reguły jest obca osobie ukraińskojęzycznej, mimo że istnieje w literackim języku ukraińskim podobny dźwięk *[j̯]*, np. *Kui[j̯]*. Trudności wymawianiowe często związane są nie z wymową tej głoski w izolacji, lecz w pewnym sąsiedztwie (np. obok *u*). Mogą też być problemy z wymową wyrazów, w których występują głoski *ł* i *w*: wówczas *w* wymawia się błędnie jako *ł*, np. *Wisła – [ł'isła]*. Wszystkie te trudności – stopniowo – mają zwalczać ćwiczenia typu (podkreślmy, że wszystkie one nagrane są na płycie):

1. Proszę przeczytać sylaby zawierające głoskę *ł*:

- a) *ła, ło, łe, ły, łu;*
 b) *ąła, ąło, ąle, ąły, ąłu;*
 c) *oła, oło, ole, oły, olu;*
 d) *ela, elo, ele, eły, elu;*
 e) *yła, yło, yle, yły, yłu;*
 f) *ıla, ilo, ile, iły, ilu;*
 g) *uła, uło, ule, uły, ulu;*
 h) *al, ol, el, yl, il, ul.*
2. Proszę przeczytać wyrazy zawierające sylaby *ła, ło, łe, ły, łu*:
 a) *łapa, lata, ładny, łagodny, łakomy, łasy, łaska, łajdak;*
 b) *łoże, lono, lopata, lodyga, łobuzy, Łotysz;*
 c) *łebek, łeppek, łepetyna;*
 d) *łysy, (on) łyka, łyko, łęczeczka;*
 e) *łuna, łuska, łupina, łubin.*
3. Proszę przeczytać wyrazy z głoską *ł* w różnych pozycjach:
 a) *łan, łyk, łuk, łup, łut, łój;*
 b) *mała, mały, miała, miały, miły, myła, myły, żyła, żyły,*
biła, biły, była, były, cała, cały, goła, goły, doły;
 c) *clo, zło, tło, (ono) szło, szkło, błoto, złoto, słoma, żłobek;*
 d) *masło, hasło, zapłata, chłodny, zły;*
 e) *żarłok, tłok, chłop, płot, Płock;*
 f) *Bałtyk, giełda, (te) ołtarze, pałka, piłka;*
 g) *szał, grał, brał, stał, Michał, był, mył, szył, żył, tył, matoł,*
pił, zrobił, rozbił, topił;
 h) *łza, łzawy, (on) łże, (on) łka, łkanie;*
 i) *biegł, kradł, ukradł, zmarł, darł, tarł, szedł, wiódł, niósł;*
 j) *thumbie, thumbny, tłum, tłusty, tłuc, tłukł, kluty;*
 k) *kółko, sultan, pól, dół, stół, słuch, ułamek, ułożony;*
 l) *Jagiello, Atła, (ona) mella, (ona) pełła.*
4. Proszę przeczytać pary wyrazów, zawierające głoski *w* i *ł* (proszę uważać, aby nie doszło do jednakowej wymowy *ł* i *w*):
 a) *wata – lata, bywa – była, piwo – piło, piwa – piła, piwem – pilem;*
 b) *prawy – prały, prawa – prała, w prawo – prało, prawem – pralem;*
 c) *brawo – brało, brawa – brała, brawem – brałem;*
 d) *pewny – pełny, pewna – pełna, pewne – pełne, pewno – pełno;*
 e) *stawy – stały, stawem – stałem;*
 f) *orała – Orawa, orały – Orawy, orało – Orawo;*

- g) *padła – Padwa, padły – Padwy, padło – Padwo;*
- h) *żyły – żywy, spała – spawa, czuła – czuwa;*
- i) *zmyła – zmywa, ukryła – ukrywa, pokryła – pokrywa, odkryła – odkrywa;*
- j) *słala – sława, stały – sławy, słało – sławo;*
- k) *woły – łowy, połowa – powoła;*
- l) *wysłała – Wisława, stała – stawał, sława – zwała, wyżły – wyżwy, wyszła – tyżwa.*

5. Proszę przeczytać pary wyrazów zawierających głoski *ł* (lub długą *ł*) oraz *w* w różnych pozycjach:

- a) *łódka – wódka (łó[t]ka – wó[t]ka), tarła – trawa, ładna – Wanda;*
- b) *szyło – krzywo, kryły – krzywy, pokryła – pokrzywa, wysyła – wyszywa;*
- c) *mewa – meła, mewo – meło, drzewa – peła, drzewo – pello, brawa – Ała, gniewa – Jagieła.*

6. Proszę przeczytać wyrazy, z których każdy zawiera głoskę *ł* i *w*:

- a) *laskawy, ława, woła, pływa, główny, wył, wół, wał, walek, tyżwy, Wisła, pływa, wołowina, łowi;*
- b) *wyklada, łzawy, łzawo, słowo, słowik, wiosło, bałwan, chałwa, wełna, udlawi, żółwi, Wałbrzych, wykład, wydłubywała, Władysława, wywołuje, wywoływał, wywoływały, bezołowiowy, ołówek;*
- c) *włos, włosy, własny, włamanie, władza, władca, Włoch, Włochy, Władystok, włochaty, włókno, zwłoki, niezwłocznie, obezwładni.*

7. Proszę przeczytać pary wyrazów (a, b) – z głoską *u* i połączeniem *tu*, (c, d) – z głoską *ł* i bez niej:

- a) *sucha – słucha, kuje – kłuje, dużej – dłużej;*
- b) *pukał – płukał, pukala – płukala, pukało – płukało, pukały – płukały;*
- c) *pot – płot, tok – tłok, godny – głodny;*
- d) *młotek – motek, (te) słowa – sowa, złoże – (te) zorze, płaski – (te) paski.*

Następnie proponuje się podobne ćwiczenia, ale już w postaci grup wyrazowych i całych zdań (np.: *Płakała, szyła, myła, prała; Paweł mył tył ławy; „Miałem niemały kłopot” – mówił Paweł Władysławowi i Jarosławowi.*)

Szczególną uwagę w podręczniku przywiązuje się, jak już wspomniano, także do wymowy trudnej (i komunikacyjnie niebezpiecznej) głoski *ł*.

Niemale kłopoty mają osoby ze Wschodu z wymową *cz* – realizują tę głoskę zbyt miękko, w tym kontekście ważne są ćwiczenia par opozycyjnych typu *życie – życzę*.

Jak dla większości cudzoziemców (a czasem i dla samych Polaków), tak i dla Ukraińców kłopotliwa może być wymowa nosówek – tych tzw. idealnych, realizowanych przed spółgłoskami szczelinowymi (*q* – także w wygłosie), jak i występujących w innych pozycjach.

Osobnego komentarza wymaga kwestia wymowy palatalnych spółgłosek środkowojęzycznych *ż, ś, ć, dź*. Niektóre spośród osób ze Wschodu, szczególnie te reprezentujące starsze pokolenie, a zwłaszcza jeśli same uczyły się języka polskiego z książek, mają „wschodni” zwyczaj wymowy tych głosek jako zmiękczonej *z', s', c', dz'* – u obcokrajowców może to być następstwo poznawania polszczyzny drogą pisemną, bez nauczyciela. Spotyka się np. dotychczas taką wymowę w polszczyźnie ukraińskich naukowców (niepolonistów). U starszego pokolenia osób ukraińskojęzycznych to przyzwyczajenie atrykulacyjne wydaje się wręcz niewypleniaalne, osoby te po prostu nie słyszą różnicy w wymowie wadliwej i poprawnej. Młodzież, systematycznie kształcona językowo, mająca w trakcie nauki dostęp do autentycznej polszczyzny mówionej, na ogół nie ma podobnych problemów. Niemniej jednak w ostatnich czasach obserwuje się zjawisko wtórnej „półmiękkiej” artykulacji spółgłosek środkowojęzycznych u młodych osób – najczęściej studentek, które po pobycie w Polsce uległy tej właśnie modzie wymawianiowej, rozpowszechnionej w środowisku młodych Polek w kraju⁵ (zauważmy, że zjawisko to jest uwarunkowane płciowo).

Inne problemy wymawianiowe osób ze Wschodu związane mogą być przede wszystkim z tym, że za mało uwagi na nie się zwraca na zajęciach. Chodzi o takie sytuacje wymowy uwarunkowanej pozycją głoski i jej sąsiedztwem fonetycznym, które nie mają odpowiedników w języku rodzimym. Na takie subtelności wymowy, które trzeba uczącym się uświadomić, na wstępnych zajęciach lektoratowych (w ramach praktycznego kursu języka polskiego) najpierw bywa za wcześnie, później one „umykają” lub po prostu brakuje na nie czasu. Zagadnienia te bywają rozpatrywane na polonistykach w ramach przedmiotu „Fonetyka i fonologia”, ale wtedy bywa już trochę za późno, by doprowadzić do automatyzmu niezbędne nawyki wymawianiowe. Spośród tego typu „lekceważonych” zagadnień można wymienić np.:

- bezdźwięczną wymowę *w* po spółgłosce bezdźwięcznej (*kwiat*) lub po *r* (*trwa*),
- wymowę *ń* jako unosowionego [j] w pozycji przed spółgłoskami szczelinowymi (*państwo*),

---

⁵ Pisze o tym np. Hanna Jadacka: [Jadacka 2006: 50-51].

- wymowę *n* z rezonansem nosowym w pozycji przed spółgłoskami szczelinowymi (*konstytucja*),
- wymowę *ŋ* tylnego przed *k, g* w wyrazach pochodzenia obcego (*ring*),
- udźwięczniającą fonetykę międzywyrazową (*bra[d]ojca*) etc.

Pod wpływem równoległego uczenia się języka angielskiego zdarza się u niektórych osób, przynajmniej w krótkim okresie osvajania się z polską artykulacją, wymowa przydechowa *kh*, np.: *kot* – [*khot*].

W wyniku działania ogólnych tendencji upraszczania i ekonomiczności istnieje (jak i w polszczyźnie rodzimych użytkowników) problem „wyjątkowych” wyrazów lub form gramatycznych akcentowanych na innej sylabie niż druga od końca (np. *muzyka, czterysta*).

Z osobliwościami polskiego akcentu wyrazowego (na ogół stałego, poza nielicznymi wyjątkami) związana jest jakość wymowy samogłosek, które w polszczyźnie nie bywają redukowane. Natomiast zredukowana (osłabiona) wymowa samogłosek w językach ojczystych Słowian wschodnich upodabnia wymowę samogłosek nieakcentowanych do wymowy samogłosek znajdujących się w pozycji akcentowanej. Np. w ukraińskim wyrazie *кожух* (*kożuch*) wymowa [*o*] jest mocno zlabializowana, bardzo bliska akcentowanemu w tym wyrazie [*u*], dlatego Ukraińcy wymawiają polskie [*o*] bliskie [*u*] (osoby rosyjskojęzyczne zaś upodobniają polskie [*o*] do [*a*]). Tak więc artykulacja samogłosek w językach wschodniosłowiańskich jest jak gdyby „mniej wyraźna”, bo uwarunkowana pozycyjnie, w odróżnieniu od „wyraźnej” wymowy samogłosek w wyrazach polskich. „Mało wyraźną” wymowę zredukowaną uczący się przenoszą na polszczyznę, wskutek czego powstaje „śpiewanie”, związane ze wzmocnieniem i podniesieniem tonu samogłosek akcentowanych, a osłabieniem i zwężeniem samogłosek nieakcentowanych. Niestety, zwalczanie tego uchybienia wymowy jest szczególnie trudne. Uczący się często po prostu nie czują, że mówią źle, nie rozumieją, co i jak w swojej wymowie mają zmienić i ćwiczyć. Tu konieczne są ogólne ćwiczenia kształtujące słuch fonematyczny. Mimo wszystko, wydaje się, że o ogólnej barwie „wschodniej” wymowy obserwowanych osób najbardziej decyduje niewłaściwa wymowa samogłosek *o* i *y*, która bywa przez nauczycieli lekceważona, bo „są to samogłoski takie same jak w języku ukraińskim”. W rzeczywistości – właśnie poprzez oddziaływanie „tła” ukraińskojęzycznego – poprawna wymowa tych samogłosek sprawia niemałe kłopoty. Nie każdy uczący się jest w stanie nawet usłyszeć różnice między *o*, *y* ukraińskimi a polskimi. Dlatego praca nad wymową tych „prowokacyjnie bliskich” samogłosek wymaga – wbrew pozorom – dużego wysiłku od nauczyciela i uczącego się (stąd też szczególną wagę do ich wymowy przywiązuje się we wspomnianym podręczniku).

Podsumowując: postawy nauczyciela – bardziej czy mniej liberalne – decydują o tym, na ile wymagający bywa on wobec polskiej wymowy

uczących się. Z kolei naleciałości języka rodzimego w przyswajającym języku obcym są pierwszym sygnałem zdradzającym użytkownika nienatywnego. Poza tym niektóre błędy wymowy bywają źle kojarzone w środowisku polskojęzycznym, co może skutkować uszczerbkiem na wizerunku osoby popełniającej takie błędy. Stąd potrzeba zapoznawania uczących się z subtelnościami poprawnej wymowy polskiej, uświadciania im właściwych wzorców i możliwych komunikacyjnych skutków ich nieprzestrzegania, proponowanie najbardziej odpowiednich w tej grupie ćwiczeń (motywowanych interferencją). Natomiast wybór – doskonalić, szlifować wymowę czy nie – niech stanie się (jeśli, oczywiście, mamy do czynienia z osobami dorosłymi, nie dziećmi) własnym wyborem uczących się: to niech oni sami zadecydują, w jakim stopniu (i w jakim celu) chcą opanować przyswajany język obcy.

Литература / References

1. *Кравчук А.* Польська вимова з елементами правопису (для українців, що вивчають польську мову). Київ: Фірма „ІНКОО”, 2015.
2. *Кравчук А.* Читаємо польською, або Практична фонетика польської мови. – Львів : Видавничий центр ЛНУ імені Івана Франка, 2005.
3. *Biernacka M.* Znajdź z polskim wspólny język. Fonetyka w nauczaniu języka polskiego jako obcego. Łódź: Wydawnictwo Uniwersytetu Łódzkiego (w druku).
4. *Dąbrowska A., Dobesz U., Pasieka M.* Co warto wiedzieć. Poradnik metodyczny dla nauczycieli języka polskiego jako obcego na Wschodzie. Warszawa: Ośrodek Rozwoju Edukacji, 2010.
5. *Foland-Kugler M.* Uczymy się polskiego na Wschodzie. Poradnik metodyczny. Warszawa: Wydawnictwa CODN, 1998.
6. *Jadacka H.* Współczesne błędy wymawianiowe // Poradnik Językowy. 2006. Z. 10. S. 47–52.
7. *Karczmarszuk B.* Wymowa polska z ćwiczeniami. Lublin: Wydawnictwo Asocjacja Logopedic, 2012.
8. *Maciołek M., Tambor J.* Głoski polskie. Przewodnik fonetyczny dla cudzoziemców i nauczycieli uczących języka polskiego jako obcego. Katowice: Wydawnictwo Gnome, 2012.
9. *Madelska L.* Posłuchaj, jak mówię. Materiały do ćwiczenia słuchu i wymowy dla dzieci oraz dla dorosłych, uczących się języka polskiego jako obcego. Wiedeń: Akademia Pedagogiki Specjalnej im. Marii, 2010.
10. *Majewska-Tworek A.* Fonetyczne interferencje i asymilacje w analizie wymowy polskiej u niemieckojęzycznych studentów // Acta Universitatis Wratislaviensis. Studia Linguistica. T. 25. 2006. S. 103–110.
11. *Majewska-Tworek A.* Polska palatalność w procesie przyswajania polszczyzny przez studentów obcojęzycznych // Rozprawy Komisji Językowej / Wrocławskie Towarzystwo Naukowe. T. 33. 2006. S. 91–98.
12. *Majewska-Tworek A., Majewska A.* Nauczanie wymowy polskiej jako obcej – teoria i praktyka // 40 lat wrocławskiej glottodydaktyki polonistycznej. Teoria i praktyka / Pod red. A. Dąbrowskiej i U. Dobesz. Wrocław: Oficyna Wydawnicza ATUT – Wrocławskie Wydawnictwo Oświatowe, 2014. S. 277–290.

13. *Ostromęcka-Frączak B.* Jak Słowianie mówią po polsku? // Wrocławska dyskusja o języku polskim jako obcym / Pod red. A. Dąbrowskiej. Wrocław: Wydawnictwo Wrocławskiego Towarzystwa Naukowego, 2004. S. 29–36.
14. *Seretny A., Lipińska E.* ABC metodyki nauczania języka polskiego jako obcego. Kraków: UNIVERSITAS, 2005.
15. *Świstowska M.* Między logopedią a glottodydaktyką. Zastosowanie metod logopedycznych w nauczaniu języka polskiego jako obcego // Polonistyka bez granic. T. 2: Glottodydaktyka polonistyczna – współczesny języka polski – językowy obraz świata / Pod red. R. Nycza, W. Miodunki i T. Kunza. Kraków: UNIVERSITAS, 2011. S. 93–100.
16. *Tambor J.* Nauczanie wymowy języka polskiego jako obcego. Warsztaty // Inne optyki. Nowe programy, nowe metody, nowe technologie w nauczaniu kultury polskiej i języka polskiego jako obcego / Pod red. R. Cudaka i J. Tambor. Katowice: Wydawnictwo Uniwersytetu Śląskiego. 2001. S. 79–85.
17. *Tambor J.* Nauczanie wymowy polskiej. Trudności różnych grup cudzoziemców // Sztuka i rzemiosło. Nauczyciel Polski i polskiego. T. 2 / Pod red. A. Achtelek, M. Kity i J. Tambor. Katowice: Uniwersytet Śląski, Wydawnictwo Gnome, 2010. S. 30–51.
18. *Waclawek M.* Samogłoskowe problemy polszczyzny (emisja głosu, prawa wymowy w świetle nauczania JPJO) // Sztuka czy rzemiosło? Nauczyciel Polski i polskiego / Pod red. A. Achtelek i J. Tambor. Katowice: Wydawnictwo Gnome, 2009. S. 52–61.

СТОИТ ЛИ ИЗУЧАТЬ РЕЧЬ САМЫХ СТАРШИХ ПОКОЛЕНИЙ?/ CZY WARTO BADAĆ MOWĘ NAJSTARSZEGO POKOLENIA?

X. Красовская

IS IT WORTH IT TO LEARN THE OLDEST GENERATION'S SPEECH?

H. Krasowska

ABSTRACT:

In this article I'm trying to answer the question is it worth it to learn the oldest generation's speech and what values it contains. The problem is analyzed on the example of speech of the most senior Poles living in the Carpathian Bukovina. Because of the constant diminishing of number of archaic Polish speaking people in Bukovina this documentation is required for the preservation of cultural heritage.

The Bukovinian Poles' speech still exists in oral form. It is also still open for influences of foreign language environment, especially of Romanian and Ukrainian languages. This is the main reason for which we should register the sounding of the oldest native speakers' Polish speech.

Keywords: Carpathian Bukovina; oldest generation's speech; Polish dialect; cultural heritage

АННОТАЦИЯ:

В данной статье я стараюсь дать ответ на вопрос, стоит ли изучать речь представителей самого старшего поколения и какие ценности она содержит. Проблема анализируется на примере речи поляков саршего поколения, проживающих в Карпатской Буковине. По причине постоянно уменьшающегося количества носителей архаичной польской речи на Буковине документация их речи необходима для сохранения культурного наследия.

Речь буковинских поляков до сих пор существует в устной форме. Она всё так же открыта для влияний иноязычной окружающей среды, особенно румынской и украинской. Это главная причина, по которой стоит зарегистрировать звучание польской речи наиболее пожилых её носителей.

Ключевые слова: Карпатская Буковина; речь найстаршего поколения; польский говор; культурное наследие

STRESZCZENIE

W artykule tym staram się odpowiedzieć na pytanie czy warto badać mowę najstarszego pokolenia i jaką wartość nosi w sobie ich mowa. Problem analizuję na przykładzie mowy najstarszych Polaków mieszkających na Bukowinie Karpackiej. Z

uwagi na coraz mniejszą liczebność nosicieli archaicznej mowy polskiej na Bukowinie dokumentacja ta jest niezbędna dla zachowania dziedzictwa kulturowego.

Mowa Polaków bukowińskich nadal istnieje w postaci mówionej. Jest ona w dalszym ciągu otwarta na wpływy obcego otoczenia językowego, zwłaszcza rumuńskiego i ukraińskiego. Jest to główna przyczyna dla której warto zarejestrować brzmienie polskiej mowy u najstarszych jej nosicieli.

Słowa kluczowe: Bukowina Karpacka; mowa najstarszego pokolenia; gwara polska; dziedzictwo kulturowe

Pod koniec 2015 roku rozpoczęła się realizacja trzyletniego projektu badawczego pt.: „Mowa polska na Bukowinie Karpackiej. Dokumentacja zanikającego dziedzictwa narodowego” finansowanego ze środków Ministerstwa Nauki i Szkolnictwa Wyższego w ramach Narodowego Programu Rozwoju Humanistyki¹. Badania prowadzi interdyscyplinarny międzynarodowy zespół naukowy składający się z uczonych z Polski oraz Ukrainy.

Głównym celem projektu jest udokumentowanie archaicznej mowy polskiej Polaków żyjących na Bukowinie Karpackiej (Ukraina, Rumunia). Potrzeba pilnego zgromadzenia materiałów dźwiękowych oraz dokonania ich transkrypcji i komentarza językowego uzasadniona jest faktem naturalnego odchodzenia najstarszych użytkowników gwarowej odmiany języka polskiego. Badania wstępne dowodzą, że młodzi przedstawiciele bukowińskiego środowiska polskiego w znikomym stopniu posługują się archaiczną mową polską (gwarą). Ich polszczyzna stanowi współczesny język wyuczony w szkole lub na kursach języka polskiego. Stąd wynika nagła potrzeba kontynuacji badań szczególnie wśród osób reprezentujących najstarsze pokolenie Polaków na Bukowinie w celu udokumentowania ich mowy.

Jest to projekt, który po raz pierwszy zrealizuje w całości badania mowy polskiej na Bukowinie wśród jej mieszkańców. Dotychczasowe badania wskazują, że nie tylko obecna sytuacja społeczna różnicuje język polski w poszczególnych miejscowościach bukowińskich; również sama mowa polska na Bukowinie jest niejednorodna i posiada różne lokalne odmiany. Koncepcja projektu wywodzi się z tradycji badań nad gwarami polskimi poza granicami kraju. Zastosowane metody dialektologicznej w połączeniu z socjolingwistycznymi przyczynią się 1) do pokazania funkcjonowania polskiej gwary w różnych sferach komunikacji; 2) charakterystyki sytuacji socjolingwistycznej społeczności wielojęzycznych, w tym przełączania kodów; 3) analizy funkcjonowania archaicznej mowy polskiej w sytuacji, kiedy znajomość gwary stanowi na poziomie lokalnym umiejętność

---

¹ Publikacja naukowa finansowana w ramach programu Ministra Nauki i Szkolnictwa Wyższego pod nazwą „Narodowy program Rozwoju Humanistyki” w latach 2015-2018.

powszechną wśród przedstawicieli starszego pokolenia lub jest umiejętnością odosobnioną.

Zgromadzenie nagrań i sporządzenie ich transkrypcji oraz analiza językowa tekstów pozwolą udokumentować, a tym samym zachować niematerialne dziedzictwo kulturowe narodu polskiego dla przyszłych pokoleń. Zbiór materiałów powstały w wyniku realizacji projektu będzie stanowił trwałą dokumentację pozwalającą na zapoznanie się poprzez język, który należy do dziedzictwa kulturowego z życiem Polaków na Bukowinie Karpackiej – na Ukrainie i w Rumunii. Archaiczna mowa polska Polaków z Bukowiny stanowi unikatową wartość kultury polskiej z uwagi na aktualną liczbę jej użytkowników.

Bukowina to kraina geograficzno-historyczna rozciągająca się pomiędzy Karpatami a środkowym Dniestrem. Obecnie północna jej część położona jest na Ukrainie, południowa zaś zawiera się w granicach Rumunii. Polacy pojawiali się na Bukowinie już XIV wieku, niemniej większość polskich mieszkańców Bukowiny stanowią potomkowie ludności, która przybyła w kilku prądach migracyjnych (głównie wędrowna zarobkowa, w mniejszym stopniu polityczna) – na przełomie XVIII i XIX wieku i w pierwszej połowie XIX wieku. Wśród kolonizatorów polskich wyróżnić należy prąd „urzędowy” z Galicji (z okresu wspólnych losów administracyjnych Galicji i Bukowiny), migrację górników polskich z Bochni, Kałusza i Wieliczki, nurt migracji zarobkowej z Galicji oraz tzw. okręgu czadeckiego. Wymienić tu można kupców, rzemieślników, ziemian, oficjalistów, służbę dworską, rolników, przedstawicieli wolnych zawodów, służbę domową. Polacy rozproszeni po całym kraju zamieszkiwali przede wszystkim, podobnie jak Żydzi i Niemcy, miasta i miasteczka.

Polacy żyjący na współczesnej Bukowinie to potomkowie migrantów z czasów monarchii Austro-Węgier. Ich rodziny żyją na Bukowinie od kilku pokoleń, tworząc bukowińskie środowisko polskie z charakterystyczną dla niego kulturą i językiem. Polacy na Bukowinie Karpackiej stanowią środowisko niejednorodne pod względem stopnia integracji społecznej i utrzymywania kultury polskiej w życiu codziennym. Wynika to m. in. z liczebności skupisk polskich i stopnia izolacji od środowisk rumuńskich lub ukraińskich. Za przykład tego zróżnicowania mogą posłużyć kontrastowe sytuacje wsi takich jak Nowy Sołonec, Plesza czy Pojana Mikuli, gdzie język i tradycje są zachowane w wysokim stopniu oraz pielęgnowane przez kolejne pokolenia oraz Moara, Paltinoasa, Kaczyka i Ruda, gdzie wskutek silnego wpływu kultury rumuńskiej język i tradycje polskie szybko ulegają zanikowi i są mało przyswojone przez najmłodsze pokolenia rodzin polskich.

Co więcej, badania wskazują, że nie tylko obecna sytuacja społeczna różnicuje język polski w poszczególnych miejscowościach bukowińskich; również sama mowa polska na Bukowinie jest niejednorodna i posiada różne

lokalne odmiany. Stanisław Gogolewski i Elena Deboveanu zaproponowali następującą typologię gwary polskiej na Bukowinie: gwara wsi Kaczyka, gwara tzw. Górali bukowińskich, gwara wsi Ruda (Vicșani) oraz gwara wsi Bulaj i Mihoweny. Autorzy ci pół wieku temu doszli do wniosku, że zróżnicowanie gwary polskiej na Bukowinie wynika ze różnorodności mowy polskich migrantów na Bukowinę: grupy osadników z Polski ze względu na różne okresy migracji oraz pochodzenie z różnych rejonów Małopolski, zróżnicowanej pod względem językowym, były niejednolite pod względem gwarowym.

Według spisu z 2002 r. zbiorowość polonijna w Rumunii liczyła 3559 osób. Język polski jako ojczysty zadeklarowało wówczas 2690 osób, z czego 2188 w województwie Suczawa. Statystyki z 2011 r. wykazują 2583 osoby polskiego pochodzenia, w tym 1909 w woj. Suczawa. W spisie przynależność narodową szacowano według zadeklarowanego języka ojczystego. Dane jednoznacznie wskazują, iż liczebność Polaków maleje, potwierdzają to także statystyki Ambasady Polskiej w Bukareszcie.

Na Ukrainie spadek liczby Polaków wygląda podobnie. Przeprowadzony w 2001 roku ostatni spis ludności wykazał, że mieszkają tam 144 tysiące osób deklarujących się jako Polacy. Wyniki tego spisu wykazały znaczny spadek liczebności tej grupy w porównaniu z rokiem 1989. W obwodzie czerniowieckim w 2001 roku spis ludności wykazał 3367 osób polskiego pochodzenia. Towarzystwo Kultury Polskiej im. A. Mickiewicza w Czerniowcach potwierdza spadek liczby Polaków i znajomości języka polskiego w tym regionie.

Statystyki na Ukrainie i w Rumunii wskazują jednoznacznie na spadek liczby osób utożsamiających się z narodem polskim i jego kulturą (mieści się w tym znajomość języka polskiego). Środowiska polskie na Bukowinie Karpackiej słabną i bez pomocy z zewnątrz ich polskość (kultura, język, pamięć etc.) może zagać.

Pierwszy etap prac zaplanowanych we wspomnianym projekcie został wykonany w 2016 roku w obwodzie czerniowieckim. Badania terenowe zostały wykonane w następujących miejscowościach: Baniłów nad Seretem, Baniłów nad Czeremoszem, Bojany, Czeresz, Czudej, Dawideny, Dawideny Zrąb, Dolne Piotrowce, Stara Huta, Panka, Storożyniec, Czerniowce, Waszkowce, Rarańcza, Łaszkówka, Łukawiec, Komarowce, Sadagóra, Nowa Huta, Zastawna, Zelenyj Gaj, Wyżnica, Żadowa.

Uwagę zwraca zwłaszcza mowa mówiona, która jest przekazem dziedzictwa kulturowego w rodzinach mieszanych oraz w konkretnych wsiach mieszanych etnicznie i narodowo. U polskich górali bukowińskich (Stara Huta i Dolne Piotrowce) gwara jest bardzo ważnym kodem komunikacyjnym i pełni funkcję wyróżniającą jej użytkowników: mieszkańców wsi i rodziny. Trzeba też zaznaczyć, że mieszkańcy tej samej

miejsowości są ze sobą spokrewnieni poprzez zawieranie związków małżeńskich między „swoimi”. Wartość gwary, jako wyznacznika odrębnej grupy językowej, dostrzegają sami moi rozmówcy, np.

Jako my tutaj tylko między sobą gwarime, to kto ma nas inaczej maj nauczyć. My chcemy aby nasza gwara nie zatraciła się, my chcemy aby nasze dzieci i wnuki gwarili po naszymu, to je ładnie jacy takie małe nic nie wi ino gwari .

Inni dostrzegają gwara jako wyznacznik „lepszej kultury” w tekstach piosenek, życzeniach bożonarodzeniowych, utrzymywaniu tradycyjnych zwyczajów związanych z obrzędami:

U nas to je tak ładnie jako my śpiewiemy gwarom (w domu), my szycko gwarime, i to jest tak fajno, szyckim my w domu gwarime aby dobrze sie prowadziło i aby mocki mieli, na zbytki gwarime aby mocki dzieci było (dla młodych).

W Pojanie Mikuli, wsi polsko-rumuńskiej, w jednej z rodzin wyraźnie podkreślano wartość gwary i jej przekazywanie przez pokolenia, by mogła zachować się na zawsze. Moi rozmówcy uważają, że skoro zachowała się ona w ich rodzinach w ciągu 200 lat, powinna dalej trwać jak najdłużej. Respondenci zaznaczają, że jest ona dowodem ich polskości, „lepszej” odrębności, a zarazem znajomości jeszcze jednego systemu językowego. Warto bowiem znać gwara, gdyż później w szkole łatwiej dzieci uczą się poprawnej polszczyzny. Rumuńskiego „i tak nauczą się, bo tu wszędzie po rumuńsku się mówi, a w domu trzeba inaczej”.

U nas u Polaczków to cały czas my gwarili, i to od naszych pradziadków pozostało. Babcia gwarila nam wdycki że to nasza mowa, żeby nie stracić trzeja gwaric niom i tak gwaric do dziecisków aby uni gwarili z swoimi dzieciskami, aby ta mowa nie zatraciła sie. Inac to w szkoli nauczom, potemu w robocie, jak trzeja to sie nauczysz, a gwaric nichto nie nauczy, a wdycki bendzisz wiedzial że ty s Pojany. Jako ino do pracy dalieko od domu, to tam jak i oni gwarisz, a jak chcesz do domu to sobi pogwarisz sam do sebe taj na duszy maj lieko. Trzeja wodno do dziecisków gwaric, aby uni to nie potracili, aby uni wiedzieli eszcze jeden inzyk, to je dobrze wiedziec maj mocki inzyków.

Wartość gwary polskiej wyuczonej w domu i przekazywanej z pokolenia na pokolenie określiła moja rozmówczyni jako bogactwo duchowe, „święte”, tj. to, co jest przekazane przez rodziców. Jeżeli rodzice wzbogacają dziecko o element językowy przekazywany w domu, to – przyjmuje się – że są dobrymi

rodzicami. Gwarę informatorzy uważają również za coś cennego i wyjątkowego właściwego bardzo wąskiej grupie ludzi.

Gwara jest też symbolem własnej małej ojczyzny, która jest położona daleko od Polski. Górale wiedzą, że w Polsce mówi się inaczej – „maj czysto”.

W Polsce maj inac sie gwari, maj czysto. Nasza gwara to je fajna, ale una je taka fajna, tak mocki mamy słów fajnych. Ale jako my gwari, to eszcze dogwarime sie z solonczanami i z pojanczikami i to e nasza mowa, nichto tak nie gwari. W Polsce „maj czysto” się gwari, tam w Suczawie to po rumuńsku. A u nas na Pleszy tak fajno po swojemu, w domu „tako gwarime” po domowemu. To e cosika fajne, ino to co nam ojcowie przekazali to e moc fajno, ta mowa nasza to e moc droga. Nichto nie nauczy tak gwarić, ni w szkoli, ni w Suczawie ino ojcowie. Nu taj na seli u nas szycy tak gwariom i ojcowie chcom aby dzieciska tak gwarili to e moc dobrze.

Pomimo szacunku dla innych języków znanych na terenie Bukowiny każda grupa narodowa starała się zachować własną ciągłość językową i przynależność do swego narodu, a zatem i własnej kultury. Do dzisiaj za grzeczność i szacunek uważa się rozpoczęcie rozmowy wobec sąsiada w jego języku.

W polszczyźnie bukowińskiej można znaleźć stosunkowo nikłe ślady gwary regionu Małopolskiego. Mowa przybyszów z Małopolski uległa więc wyraźnie prestiżowi wymowy przyniesionej przez osadników z Galicji wschodniej, która rozwijała się przede wszystkim w warunkach bilingwizmu polsko-ukraińskiego, ale też trylingwizmu polsko-ukraińsko-rumuńskiego lub nawet polilingwizmu polsko-ukraińsko-rumuńsko-niemieckiego. Polacy posługujący się w różnych sytuacjach różnymi językami wprowadzali do swojej wymowy coraz to nowe cechy artykulacyjne tych języków.

Polszczyzną ogólnobukowińską, która jest odmianą polszczyzny południowo-wschodnich kresów, posługują się mieszkańcy Czerniowiec, Storożyńca, Panki, Zastawny i in. Reprezentanci polszczyzny bukowińskiej na co dzień posługują się językiem ukraińskim w sytuacjach rodzinnych, sąsiedzkich, a także w sytuacjach oficjalnych. Polskiej mowy używają w wyjątkowych sytuacjach, np. w rozmowie z gośćmi z Polski. Zebrania w Domu Polskim w Czerniowcach odbywają się przeważnie w języku ukraińskim. Jeszcze do 1940 r. spora część Polaków mówiła po polsku w rodzinach, w sąsiedztwie, posiadała swoiste cechy fonetyczne, morfologiczne. Podam kilka przykładów z zakresu słowotwórstwa rzeczowników, gdzie zwracam uwagę na regionalne afiksy w mowie Polaków bukowińskich. Podstawę podziału na kategorie stanowią zasadniczo funkcje formantów:

- **ko**, w grupie derywatów rzeczownikowych w polszczyźnie bukowińskiej dużą frekwencję wykazał przyrostek *-ko*, występujący zamiast ogólnopolskiego sufiksu *-ek*:
  - a) w funkcji deminutywno-hipokorystycznej w męskich nazwach własnych i pospolitych, np.: *Tośko, Janko, Staśko*;
  - b) w funkcji tworzenia nazw nosicieli cech od rzeczowników lub przymiotników, np.: *bojko* ‘człowiek prosty, nieokrzesany’, *pućko* ‘osoba o pulchnej twarzy’, *pampuśko* ‘pulchne dziecko’;
  - c) w funkcji tworzenia nazw wykonawców czynności, np.: *zabud’ko* ‘zapominalski’, por. ukr. *забудько*;
  - d) w przyswojonych wyrazach ukraińskich, np.: *bat’ko, dit’ko, buśko*.
  - e) w nazwach pokrewieństwa, np.: *nanaszko* z rum. *năș*; pl. nasi ‘ojciec chrzestny lub świadek weselny’, *tatko*.
- qtko**, występuje m.in. w funkcji tworzenia nazw istot młodych np.: *kurczqtko, cielqtko*.
- ka**, tworzy nazwy wytworów, np.: *pisanka, liepionka* ‘stary dom z gliny’;
  - a) tworzy rzeczowniki odliczebnikowe, np.: *piuntka, dwacatka, czwórka, setka*;
  - b) występuje w funkcji deminutywnej, np.: *drabinka, dziurka, jamka, kwoczek, krówka, koszulka, szopka*; tj. tak jak w polszczyźnie ogólnej. Na uwagę zasługują także formacje typu: *budka – budeczka, furka – fureczka, gurka – gureczka, chatka – chateczka, siekierka – siekiereczka, lampka – lampeczka*. Deminutywny charakter i pozytywne zabarwienie uczuciowe mają, np.: *czyćka* ‘kwiatek’, *czyćka* ‘kurczę’, *taśka* ‘kaczę’, *siuśka* ‘gęsie’, *truśka* ‘królik’, *biećka* ‘jagnię’, *miećka* ‘kocię’. Formy te utworzone są od wyrazów, którymi się przywołuje małe zwierzęta.
  - c) adaptuje wyrazy zapożyczone, np.: *faska, fajderka* ‘sprężynka’, *beretka, krawatka*;
  - d) tworzy nazwy żeńskie od nazw narodowości, np.: *rumunka, ukrainka, mołdowanka, cyganka*.
- anka**, tworzy nazwy istot żeńskich od nazw miast, narodowości itp., np.: *strożynczanka, czerniowczanka, monasterzanka, panczanka, solonczanka*.
- ak**, tworzy nazwy młodych zwierząt, np.: *prosiak, cielak, źrebak, kurczak, łoszak* (obok form z *-qtko*); tworzy nazwy osób nacechowane ujemnie, np.: *gienglak* ‘ma wady wymowy’, *biedniak, bidak, burlak* ‘urwis, psotnik’.

- aka**, tworzy nazwy wykonawców czynności, np.: *rozbijaka*; pojawia się jako wariant ogólnopolskiego –*ak*, np.: *bidaka* : *bidak*, *saraka* : rum. *sărac* ‘nieszczęśliwy, biedny, godzien litości’; por. ukr. buk: *лівака* ‘leworęczna osoba’, *лайдака*.
- yk**, formant –*ek* w rezultacie stałej jego realizacji jako –*yk* (e → y) funkcjonuje samodzielnie. Z jego udziałem powstały takie derywaty, jak *czasnyk*, *szpicyk*. W przypadkach zależnych –*y*- zachowuje się jak „ru-chome” e; w znacznej części przykładów jednak pozostaje, np.: *haczyk* – *haczka*, *drączyk* – *drączka*, *ale czasnyku*, *drutyka*, *spicyka*, *harbuzyka*, *knyszyka*, *dzwonyka*.
- uk**, występuje w nazwach mieszkańców np.: *besarabczuk*; występuje w kategorii nazw istot młodych, np.: *paciuk*, *kociuk*.
- arka**, szczególnie produktywny przy tworzeniu nazw maszyn, np.: *kosiarka*, *koparka*, *siwarka*.
- ar**, –**arz**, występuje w funkcji tworzenia nazw wykonawców czynności; są to nazwy osób charakteryzujących się określonym działaniem, np.: *kominiarz*, *meblarz*, *grybiar* por. ukr. buk. *зпубар*; tworzy nazwy posiadaczy pewnych charakterystycznych części ciała, np.: *brzuchar*, *pulkar*: *pulkarz* ‘o wylupiastych oczach’, *puclarz* ‘o grubej twarzy’.
- an**, tworzy nazwy osób oznaczające mieszkańców miejscowości i krajów lub osoby należące do pewnego narodu, np.: *Besarabian*, *Bukowinian*, *Panczan*, *Moldowan*, *Regacjan*; tworzy nazwy pokrewieństw, w których relacja pokrewieństwa wyrażona tym formantem, np.: *bratan* ‘brat lub najbliższy kuzyn’.
- isko**, tworzy nazwy przestrzenne oznaczające obszary otwarte, na których dokonała się lub dokonuje jakaś czynność, rosną lub rosły jakieś rośliny, np.: *ściernisko*, *malinisko*, *zrębisko*, *barabulisko*, *paświsko*;
  - a) tworzy nazwy trzonów narzędzi, np.: *grablisko*, *gralisko*, *kosisko*;
  - b) informuje o obiektywnej cesze desygnatu, mianowicie o jego dużej wielkości, np.: *chałupisko*, *stodolisko*, *szopisko*, *ogradzisko* ‘podwórze’, *okolisko* ‘zagroda dla owiec’;
  - c) tworzy określenia negatywnych cech ludzi, np.: *babisko* krzyczy, *chłopisko* grube, *kocisko* leniwe, *parubisko* breszy ‘kłamie’.
- yło**, tworzy nazwy ekspresywne oceny negatywnej, o ujemnej emocji np.: *motowyło* ‘człowiek nietowarzyski, mruk’, por. ukr. бурмило; występuje w funkcji tworzenia nazw narzędzi, np.: *toczyło* ‘toczak, okrągły kamień zanurzony w rynnie z wodą, do ostrzenia narzędzi domowych’, *zubyło* ‘uzda’: *zalusz koniu zubyła do peska*.

- cio, -cia**, w funkcji deminutywno-hipokorystycznej tworzy nazwy własne i pospolite, np.: *wujcio, syncio, Jancio, Tadzio, mamcia, Karolcia, Helcia, Jancia, babcia*.
- ica**, tworzy nazwy zjawisk charakteryzowanych przez czynności, procesy i stany, np.: *chlapawica, błyskawica, ślizgawica, lodowica*; tworzy nazwy żeńskie nosicielei cech, stanowiąc żeński odpowiednik formantu –ik, np.: samotnica, kaparnica ‘*niechlujna, brudna kobieta, nie troszcząca się o porządek*’, lubownica ‘*kochanka*’.
- un**, tworzy ujemnie nacechowane wyrazy, np.: brechun ‘*kłamczuch*’, łasun (=od *łasować*), lizun ‘*podlizuch*’, skupun ‘*skąpiec*’.
- inia/-ynia**, występuje w nazwach kobiet, np.: *gospodynia* por. ukr. *господиня*; *gazdynia, hrabinia*; tworzone są od rzeczowników męskich *gazda, hrabia*.
- nia**, tworzy przeważnie nazwy miejsc, np.: *kasarnia* ‘koszary’, stajnia, szklarnia, stolarnia.
- nik**, tworzy nazwy miejsc np. *kurnik*, krilatnik ‘klatka dla królików’, *gołombnik, misnik* ‘szafka na talerze’; tworzy nazwy osób nacechowane ujemnie, np.: *kaparnik, barabulnik* ‘człowiek objadający się ziemniakami, bardzo je lubiący’.
- ija**, występuje w funkcji tworzenia negatywnych cech zbiorowości, np.: saraczija ‘*bieda, nędza, ubóstwo*’, kaparija ‘*bałagan, nieporządek, upadek*’, batiarija ‘*chuliganeria, zgraja uliczników*’.

Z analizy właściwości gramatycznych mówionej polszczyzny bukowińskiej w porównaniu z cechami gramatycznymi języka ogólnopolskiego wynika, że kontakt Polaków z językiem ukraińskim zaznaczył się najsilniej w cechach fonetycznych, a przez nie także we fleksyjnych; widoczny jest także w strukturze słowotwórczej. W zakresie fonetyki, słowotwórstwa i fleksji znikome są ślady występowania wpływów języka niemieckiego (niemiecki był językiem urzędów, szkół do 1918 r.), nieco większe języka rumuńskiego (stopniowanie przymiotników, np. *maj lepszy, maj czerwony*). Podsumowując rozważania o polszczyźnie bukowińskiej, należy podkreślić skomplikowane warunki, w jakich kształtowała się ta właśnie odmiana języka polskiego.

Zmiany językowe zachodzą – jak wiadomo – i w języku ogólnonarodowym, tak i w gwarach. Dlaczego w jednych społecznościach mowa funkcjonuje w codziennych kontaktach, a w innych nie, jakie czynniki decydują o przetrwaniu archaicznej mowy, a jakie o jej zaniku? Przyczyn tych można doszukiwać się w: warunkach historycznych i zmianach kulturowo-cywilizacyjnych, w jakich w ciągu dwóch wieków uczestniczyli nosi-

ciele archaicznej mowy; przynależności państwowo-administracyjnej od czasu osiedlenia się na Bukowinie, a więc wpływ języków urzędów, szkoły, prasy, miejsca pracy, środków masowego przekazu etc.; rodzaju kontaktów po znalezieniu się tej grupy na obcym etnicznie terytorium będący rezultatem składu ludności we wsi, najbliższego sąsiedztwa ludności wsi sąsiednich, stosunków koleżeńskich w pracy; rodzajów zajęć; wspólnych zabaw, wesel i in.; religii, w tym zwłaszcza przynależności do tradycji rzymsko-katolickiej identyfikowanej z polską tradycją; liczebności grupy, jej zwartość lub rozproszenie w każdej z badanych wsi.

Mowa Polaków bukowińskich nadal istnieje w postaci mówionej. Jest ona w dalszym ciągu otwarta na wpływy obcego otoczenia językowego, zwłaszcza rumuńskiego i ukraińskiego. Jest to główna przyczyna dla której warto zarejestrować brzmienie polskiej mowy u najstarszych jej nosicieli, opracować i udostępnić szerszemu gronu czytelników.

ЦВЕТОВОЙ СПЕКТР В ЛИНГВИСТИЧЕСКИХ И АКСИОЛОГИЧЕСКИХ АСПЕКТАХ

В.Г. Кульпина

COLOUR SPECTRUM IN LINGUISTIC AND AXIOLOGY ASPECTS

V.G. Kulpina

ABSTRACT:

The article is devoted to the valuation expressed through the colour terms, which are viewed as an ethno-sociological and cultural product, a fragment of the linguistic worldview. Colour has many functions, including a clearly delineated evaluative one. Similarities and differences between Polish and Russian colour terms are noted as well as the ways in which people's emotional states and personalities are expressed. The axiology of colours and variegation is discussed; the distribution of values within colour spheres is analyzed.

Keywords: linguistic axiology; colour term; language function; contrastive analyses; Russian language; Polish language

АННОТАЦИЯ:

Статья посвящена ценностным аспектам, выраженным терминами цвета, которые рассматриваются как этно-социолингвистический и культурный продукт, как фрагмент языковой картины мира. Цвет выполняет много функций, включая отчетливо выраженную оценочную функцию. Рассматриваются сходства и различия между польскими и русскими терминами цвета, а также способы выражения эмоциональных состояний. Обсуждаются аксиология цвета и цветность, анализируется распределение ценностей внутри цветовых зон¹.

Ключевые слова: лингвистическая аксиология; термин цвета; языковая функция; сопоставительный анализ; русский язык; польский язык

Приступая к рассмотрению обширных аксиологических функций терминов цвета, прежде всего отметим, что ценности не являются одномерной величиной, расположенной на одной шкале координат и про-

---

¹ Статья является русской версией статьи «Аксиология цвета в польском и русском языках: Зоны оценок», опубликованной в органе Люблинской школы этнолингвистики в так наз. красной серии Люблинского университета (публикуемой по традиции в красной глянцевой обложке с черным квадратом посередине), см.: *Aksjologia barw w języku polskim i rosyjskim: Strefy ocen // Wartości w językowo-kulturowym orrazie świata Słowian i ich sąsiadów 1 / Redakcja Maciej Abramowicz, Jerzy Bartmiński, Iwona Bielińska-Gardziel. Lublin: Wydawnictwo Uniwersytetu Marii Curie-Skłodowskiej, 2012. S. 277–288 („czerwona seria”: Instytutu Filologii Polskiej UMCS).*

являющей свои свойства в пределах этой единой шкалы. Эстетические, политические, семейные, нравственные, этические, этнические ценности – это всё разные типы ценностей, по-разному важные для человека и имеющие отличные друг от друга формы языковых манифестаций. Они имеют разную родословную и разнообразные сферы функционирования. Как указывает Ежи Бартмиński, оценочность скрыта в языковых стереотипах (см.: [Bartmiński 2003: 69]), а языковая картина мира в свою очередь „zależy od założonego, w sposób jawny lub ukryty, systemu wartości” [Bartmiński 2003: 63], то есть ‘зависит от заложенной явным или скрытым образом системы ценностей’.

Оценочность является одной из чрезвычайно важных и характерных функций цветоименований, пронизывающей всю их структуру, всю системную организацию. Связь стереотипов и ценностей как основы языковой картины мира находит свое яркое отражение в системе цветообозначений. При этом стереотип в языкознании понимается нами в соответствии с его дефиницией Ренаты Гжегорчиковой: „Termin stereotyp (...) powinien być zarezerwowany dla zbioru społecznie ustabilizowanych konotacji, a więc przekonań i wyobrażeń związanych z danym zjawiskiem (pojęciem), utrwalonym językowo w postaci derywatów, frazeologizmów, połączeń wyrazowych...” [Grzegorzczkova 1998: 114]. ‘Термин стереотип (...) следует забронировать для совокупности социально стабилизовавшихся коннотаций, а значит, убеждений и представлений, связанных с данным явлением (понятием), закрепившейся в языке в виде дериватов, фразеологизмов, словосочетаний’.

Термины цвета развивают целый спектр оценочных значений. Все эти значения в любом случае антропоцентрично ориентированы. Иначе и быть не может в человеческом языке, в котором фиксируются свойства человеческой природы. Вряд ли палитра ценностей, выражаемых с помощью терминов цвета, является полной по сравнению с совокупностью всех маркируемых с помощью языка ценностей. Тем не менее способы обозначить те или иные ценности с помощью цвета выступают в большом разнообразии и пронизывают всю систему языка. К тому же выражаемые с помощью терминов цвета ценности чрезвычайно и даже жизненно важны для человека.

Есть все основания полагать, что аксиологизация сферы цветообозначений – явление весьма древнее, далеко отстоящее от нас по времени. Так, С.В. Кезина, исследующая цветообозначения в истории русского языка, указывает: «Цветообозначения издревле имели оценочное значение. В русском языке нет ни одного цветового слова, которое бы не развило в истории языка значения оценки. Этиология оценочной семы уходит корнями в глубину веков, когда значимые предметы начали оценивать. Эта оценка носила полярный характер: сема оценки была

бинарна и включала в себя семы «положительная оценка» и «отрицательная оценка» [Кезина 2008: 193]. Материал моих исследований истории русских и польских цветообозначений также наглядно демонстрирует аксиологизацию этого языкового сегмента [Кульпина 2007: 126–184; Кульпина 2004: 77–121].

Рассмотрим процессы аксиологизации цветообозначений с учетом следующих направлений, уровней и тематических зон.

I. АКСИОЛОГИЯ СИНКРЕТИЧНЫХ ФОРМ СПЕКТРАЛЬНЫХ ПРЕДСТАВЛЕНИЙ

О синкретичности представлений о цвете и синкретичной оценочности можно говорить в случае отношения к цвету как ценности в самой себе, независимо от ее расчлененности на отдельные цветовые маркеры.

A. ЦВЕТНОСТЬ КАК ЦЕННОСТЬ

Говоря о ценностях в сфере лингвистики цвета, надо отметить, что, во-первых, сама цветность представляет собой в польской и русской языковых картинах мира большую ценность. Такие лексемы, как *kolorowy* – *цветной, цветной*⁷, *barwny* – *красочный*, уже сами по себе внушают нам мысль об эстетической оценке чего-либо, наделяемого такими определениями, по своей сути нередко являющихся эпитетами. Ср., например, такие выражения, как *все краски мира*; *красочная манера исполнения художником его произведения*; *красочное панно*. Обратим внимание на то, что *бесцветные глаза* мы не считаем красивыми именно в силу отсутствия цветности.

Эстетические ценности – это тот тип ценностей, который как бы естественным путем предрасполагает к участию в их формировании терминов цвета. Что касается цветности разного рода артефактов – она может иметь рекламную ценность. А, к примеру, цветность как окрашенность ряда артефактов (дома, садовой скамьи и т.п.) может иметь ценность с точки зрения их лучшей сохранности.

Б. ПАСТЕЛЬНЫЕ ЦВЕТА КАК СПЕЦИФИЧЕСКАЯ РАЗНОВИДНОСТЬ ЦВЕТНОСТИ

Совсем нередко носители польского и русского языков говорят о пастельных цветах, не специфицируя, о каком цвете идет речь. Польские слова и словосочетания *pastele* ‘пастели’, *pastelowe kolory* ‘пастельные цвета’, словосочетания русского языка *пастельные тона*, *пастельные цвета* означают светлые неяркие краски, приглушенные тона. Часто эти слова и словосочетания применяются в колористике интерьера жилища. При этом конкретные цвета, из которых складывается окраска интерьера, можно уже не вычленять. В целом же комбинации цве-

тов, называемых *пастельными*, обладают специфической ценностью: они оцениваются как приятные, не раздражающие и не утомляющие, отсюда их широкое применение в колористике интерьера и окраске зданий.

В. АХРОМАТИКА КАК АНТИПОД ЦВЕТНОСТИ

Ахроматическая гамма может восприниматься как скучная, простоватая. Так, в польском языке *czarno-biały* ‘черно-белый’ в значении 2. означает: „*mający tylko kolor biały, szary i czarny, oddający tylko te barwy* [USJP 1.:505] ‘имеющий только белый, серый и черный цвета, передающий только эти краски’, а в значении 3., переносном, имеет значение „*nazbyt uproszczony, ukazujący jedynie skrajności*” [Ibidem] ‘слишком упрощенный, демонстрирующий лишь крайности’. В русском языке выражение *видеть все в черно-белом цвете* также говорит о своего рода обедненном взгляде на мир, не учитывающем оттенки, нюансы и сложности жизни. Возможные отрицательным коннотации серого цвета могут усиливать модификаторы: «безрадостно-серый» [Словник отражений: 153], «угрюмо-серый» [Там же: 219],

Г. УТРАТА ЦВЕТНОСТИ КАК УТРАТА ЦЕННОСТИ

Оборотной стороной цветности является ее утрата. Утрата цвета, цветности рассматриваются человеком как утрата, по крайней мере, частичная, утилитарной или художественной ценности какого-либо предмета. Утрата цветности может фиксироваться и в отношении самого человека: человек может *поседеть* с ущербом для его внешности. В качестве сходного признака в обоих языках может рассматриваться утрата цвета глаз: такие выражения, как *oczy zbladły* *глаза поблекли*, *глаза выцвели* – *oczy przekwitły* непосредственно сигнализируют утрату эстетической ценности глаз через утрату ими признака *цветности, яркости, цветовой и световой насыщенности*, что косвенным образом говорит о продвинутых процессах утраты человеком молодости.

Утрата *цветности* как утрата эстетической и утилитарной ценности предметов нередко фиксируется в языке в сфере артефактов – ср. в русском языке *порыжевшие от времени сапоги* – *kozaki zrudziałe na skutek działania czasu*, *линялая блузка* – *wyliniała bluzka* (то есть много раз постиранная), *выцветшие занавески* – *wyblakłe zasłony* (от солнца) и т.п. Утрата ценности путем изменения или утраты цветности может касаться также растений: *побуревшая* или *пожелтевшая трава* – *bura* или *pożółkła trawa*, а также животных: сочетание *полинявшая кошка* – *wyliniały kot* говорит о том, что утрата животным шерсти произошло с ущербом для его цветового экстерьера.

У артефактов-произведений живописи утрата ими цветности может практически полностью или частично лишить их художественной ценности, которая непосредственно связана с понятием цветовой гармонии. В задачи хранителей музеев входит заботиться о создании таких условий, чтобы цветность не утрачивалась, а задачей реставраторов живописных полотен и фресок является восстановление такого их качества, как цветность (хроминация). Приведу примеры польских определений, демонстрирующие утрату цветности живописных произведений, выполненных на бумаге. Эти примеры (постоянно повторяющиеся) были почерпнуты мною в июле 2010 г. на световом табло в Национальном музее г. Кракова. Приведу фрагмент содержащего их текста: „...czynnikiem przyspieszającym proces (...) jest światło. Jego działanie potęguje proces destrukcji papieru, powoduje zmiany kolorystyczne, takie jak żółknięcie, brązowienie, utratę wartości barwnych (blaknięcie barwnych papierów)...” ‘...фактором, ускоряющим процесс (...), является свет. Его воздействие усиливает процесс деструкции бумаги, вызывает колористические изменения, такие, как пожелтение, побурение, утрату цветовых свойств (поблеклость красочных произведений на бумаге)...’.

Проблема цветности и ее утраты тесно связана с проблематикой нормы. Так, утрата цветности является своего рода отклонением от зафиксированного в глубинах языкового сознания представления о «норме цветности», действующей в отношении целого ряда объектов окружающей человека действительности.

Н.Д. Арутюнова указывает, что «сравнение с идеалом (нормой) позволяет яснее увидеть и определить разнообразие отступлений от желаемого стандарта» [Арутюнова 1999: 218] и подчеркивает, что «понятие нормы относится практически ко всем (или почти всем) аспектам картины мира» [Там же: 68]. Н.Д. Арутюнова обращает также внимание на то, что в сфере языка норма не имеет точного измерения [Там же: 69].

Д. МНОГОЦВЕТНОСТЬ КАК ЦЕННОСТЬ

Ценностью является также *многоцветность*. Она имеет разнообразные формы выражения. Выражению *многоцветности* как воплощения положительной оценки какого-либо сочетания цветов служат многочисленные метафоры. Так, когда говорят о *стоцветности*, таким часто не буквальным, а гиперболическо-метафорическим образом выражается идея многоцветности. К примеру, в широко известном в польском языковом ареале стихотворении Станислава Рышарда Добровольского „Wuś może, gdzie indziej...” ‘Возможно, где-то еще...’ в качестве одной из красот экзотических краев гиперболически называются *stubarwne motyle* ‘стоцветные бабочки’.

Метафорика цвета нередко базируется на специальных терминах – например, живописи: *цветовая палитра* – *paleta barw*, *мозаика красок* – *mozaika kolorów*; музыкального искусства: *целая гамма красок* – *cała gama kolorów*, физики: *цветовой диапазон* – *zakres kolorów*, *цветовая амплитуда* – *amplituda kolorów*. Терминологическое сочетание *цветовой спектр* – *zakres widmowy* употребляется часто в контекстах, не связанных с физикой.

Метафорическому выражению *многоцветности* нередко служит слово *tęcza* – *радуга*, прилагательное *tęczowy* – *радужный*, а также наречие *tęczowo* – *радужно*. Эти метафорические формации служат выражению оптимистического взгляда на мир, как, например, в словосочетании *patrzeć na świat na tęczo* – *смотреть на мир радужно*. *Радужные мечты* также выражают оптимистический взгляд на будущее. Радуга в данном случае образно символизирует всё хорошее, дающее человеку ощущение счастья. Ср. также сочетание *радуга красок* – *tęcza kolorów*, передающее идею многоцветности как явления, исключительно ценного с эстетической точки зрения, что демонстрирует следующая дефиниция радуги в значении 3: в «Ином словаре польского языка»: „Tęczą nazywamy wielobarwny odbłask czegoś. Słowo książkowe... *Бриллиант переливается радугой красок... Огоньки замигали радугой картинок*» [ISJP P–Ż: 824]. Ср. в российской песне: «Будет радуга!»: «Ничего, что дождь, / Будет радуга» (Песни., с. 53). Этот пример метафорически внушает оптимистическую идею о том, что грусть обязательно сменится радостью (а радость – это большая ценность в жизни человека).

Многоцветность может быть выражена с помощью метафоры ковра – *kobierzec kwiatów* – *цветочный ковер*. Будучи выражением положительной оценки, многоцветность может приписываться целому ряду абстрактных понятий (напр. *Kolorowe życie artysty* [USJP 2: 165]).

ТЕ. ПЕСТРОТА КАК АНТИПОД МНОГОЦВЕТНОСТИ.

Пестрота является отрицанием *многоцветности*, ее антиподом. Ведь употребление этого термина цвета в качестве оценки цвета артефактов является сигналом оценки какой-либо комбинации цветов как хаотического, дисгармоничного нагромождения красок, знаком деаксиологизации цветности. Вместе с тем если мы оцениваем цвет оперения животных как *пестрый*, то оценочная функция данного цветообозначения не выступает; *ptak o pstrym upierzeniu* ‘птица с пестрым оперением’ означает лишь неоднородность цвета у представителя мира пернатых.

Итак, оценочность в сфере синкретичных терминов цвета реализуется, в частности: 1) по признаку наличия цветности как положительной оценки и ее отсутствия – ахроматичности – нередко получающей отрицательную оценку, 2) по признаку многоцветности (положительная оценка) и гармоничности / дисгармоничности (пестрота как признак дисгармонии получает отрицательную оценку), 3) утраты цветности как утраты как утраты эстетических и утилитарных свойств. 4) гармоничности / дисгармоничности (пестрота выступает как признак дисгармонии и получает отрицательную оценку).

II. АКСИОЛОГИЯ ТЕРМИНОВ ЦВЕТА КАК ОТДЕЛЬНЫХ САМОЦЕННЫХ ЛЕКСИЧЕСКИХ ЕДИНИЦ

1. ОЦЕНОЧНОСТЬ КАК СИСТЕМНОЕ СВОЙСТВО РЯДА ЭСТЕТИЧЕСКИ И ЭТНИЧЕСКИ МАРКИРОВАННЫХ ТЕРМИНОВ ЦВЕТА

На необходимость разграничения типов оценочности в исследовательском процессе указывает Я. Пузынина: „a) badań nad sposobem i zakresem wyrażania wartości przez jednostki języka jako systemu; (...) b) badań nad sposobem wyrażania wartości w interesującym nas tekście, ewentualnie typie tekstu” [Puzyńska: 129] «исследования над способом и сферой выражения ценностей единицами языка как системы, (...) б) исследований над способом выражения ценностей в интересующем нас тексте или же типе текста» [Ibidem].

Отметим, что целый ряд терминов цвета представляет собой ценность именно уже на уровне лексической системы языка. Так, термин цвета русского языка *лазурный* и соответствующий ему термин польского языка *lazurowy* сами по себе, без «прикрепления» к обозначаемому ими объекту (коими, впрочем, часто являются эстетически ценные объекты, такие, как небо) эстетически маркированы и являют собой эстетическую ценность. Это касается и, напр., польского цветоименования *błękitny* ‘голубой, синий’.

Термин цвета русского языка *алый* наряду с эстетической являет собой еще и этническую ценность. Всё, что получает этот атрибут (заря, кровь, губы, артефакты), дорого сердцу. В русском языке он семантизируется как *ярко-красный* и *светло-красный*. Его перевод на польский язык как *jasnoczerwony* ‘светло-красный’ ничего не скажет носителю польского языка о его этнической важности, о чувствах, вызываемых этой лексемой в сердце носителя русского языка, а перевод как *jaskrawo-czerwony* может даже вызвать негативную реакцию, потому что *jaskrawy* наряду со значением *яркий* имеет также значение *слишком яркий*. В любом случае для польского языка такое цветообозначение

нерелевантно. Его нет в лексической системе польского языка. Эстетической ценностью обладает, к примеру, сравнение *как маков цвет* – что бы и кого бы мы ни сравнивали с маковым цветом – и щеки девушки или самих девушку или юношу – все объекты оценки видятся в русском языке очень красивыми.

Эстетической и этнической ценностью в лексической системе польского языка обладает польское цветообозначение *kolor wrzos – wrzosowy* ‘цвет вереск – вересковый’. Такой термин цвета отсутствует в системе терминов цвета русского языка. Вряд ли кто-либо из носителей русского языка, кроме заядлых садоводов, мог бы сказать, какого цвета это растение. Но в поэтике польского языка природный цвет вереска исключительно важен, будучи эстетически и этнически маркирован; само это растение поэтизируется польским национальным сознанием. Вспомним в связи с этим стихотворение Константы Ильдефонса Галчинского „Pieśń o żołnierzach z Westerplatte” ‘Песнь о солдатах с Вестерплатте’: „A na ziemi tego lata było tyle wrzосу na bukiety...” ‘А на земле в тот год было столько вереска для букетов...’. Рай для погибших в самом начале второй мировой войны защитников Польши – героев Вестерплатте – выглядит как вересковые поляны: „będziemy grzać się w ciepłe dni na rajskich wrzosowiskach” ‘мы будем греться в теплые дни на райских вересковых полянах’.

Этнической и эстетической ценностью польского языка является польский термин цвета *amarantowy*. Если мы посредством перевода проинформируем носителя русского языка, что это *темно-розовый цвет*, представление о реально-физическом цвете сформироваться может, однако культурно-исторический фон, стоящий за этой лексемой, останется за кадром. Для носителя русского языка такой цвет как бы и не существует.

2. ЗОНАЛЬНАЯ ДИСТРИБУЦИЯ ЦВЕТОВЫХ МАРКЕРОВ КАК ГЛАВНАЯ ФОРМА ЭКЗИСТЕНЦИИ ТЕРМИНОВ ЦВЕТА

Большинство ценностей, маркируемых с помощью терминов цвета, могут быть установлены, выявлены в пределах тематических зон – таких, например, как «Человек», фиксирующих наши стереотипно-оценочные представления о внешности человека, его характере и эмоциональной сфере.

Среди других зон функционирования терминов цвета, в которых проявляется оценочный подход человека к миру, можно назвать жизненную среду человека – окружающую его природу, артефакты, продукты питания... (см. подробнее: [Кульпина 2001]).

Проявления оценки носят исключительно зональный характер у подавляющего большинства цветолексем. Оценка проявляется внутри зон

цветности, отражающих естественную категоризацию природных и социальных объектов окружающей действительности. Так, *покрасневшие ягоды* (вишня, клубника) радуют глаз и небо, а *покрасневшие глаза* наводят на грустные мысли о причине их покраснения (болезнь, слезы и т.п.). Мы не можем эти явления свести к одному знаменателю и говорить об идентичности цвета покрасневших ягод и покрасневших глаз. Ведь значение терминов цвета устанавливается, как правило, в пределах тематических зон объектов в силу оппозитивных отношений между элементами этих тематических зон, определенной дистрибуции значимостей между ними.

Итак, рассмотрим, каким образом распределяются ценностные характеристики между элементами тематических зон. Обратимся за примером к зоне «Человек». Эта зона содержит в себе цветообозначения, экспонирующие внешние данные человека, характеристики его внешности – цвет глаз, цвет лица, рук, ушей, шеи и других частей тела человека.

Колористика зоны «Человек» нередко базируется на метафоре и метонимии. Цвет глаз метонимически может обозначать человека – носителя этих глаз. Ср. песенный образ: «Голубые глаза хороши, только мне полюбилися карие». По умолчанию *мне люб человек с карими глазами*.

Со всей очевидностью, ценностно маркированной является сфера цветообозначения глаз (см. подробнее: [Kulpińska 1999: 78–93]). Эта сфера нередко, через употребление определенных терминов цвета, наглядно показывает наше отношение к носителю тех или иных глаз – нейтральное или, напротив, лично ангажированное. В польском языке и польской культуре источником поэтического восприятия человека является определение цвета его глаз как зеленого. Сравним слова песни, которая, наверное, прочно ассоциируется с исполнявшей ее Эвой Демарчик: „Masz takie oczy zielone, zielone, jak letni wiatr z zaczarowanych lasów i zaczarowanych pól” (Kacper i Rostworowski) ‘У тебя такие зеленые глаза, зеленые, как летний ветер с зачарованных лесов и зачарованных полей’. Сложная оценочная поэма формируется на основе сравнения зеленых глаз с зеленым ветром, который приходит с заколдованных лесов и заколдованных полей. Польская песня „Zielone oczy” [Śpiewnik 2010, s. 110].

‘Зеленые глаза’ – уже самим названием внушает положительный заряд этого словосочетания – „zielone oczy” ‘зеленые глаза’. Именно такие глаза являются в польском языке источником богатых поэтических сравнений и метафор, свидетельствующих о равнодушном отношении к ним носителя польского языка. О цветовых приоритетах жителей Польши свидетельствует, в частности, колористика интерьера в зале заседаний Сейма Республики Польши, представляющая собой совокуп-

ность разных, гармонично подобранных сочетаний оттенков зеленого цвета – и весь мир это видит по телевизору.

Если мы скажем, что у кого-то *szare oczy* – *серые глаза*, такая характеристика нередко является ценностно нейтральной. Но поскольку носителями таких глаз, как вытекает из соответствующих контекстов русского и польского языков, нередко являются люди серьезные, нередко – люди науки (см. [Kulpińska 1999: 78–93]), то такая цветовая характеристика глаз содержит в себе элементы положительной оценочности.

Если мы в русском языке назовем какие-то глаза *синими*, это лишь отчасти даст нам представление о реально-физическом цвете этих конкретных глаз. Такая информация скорее внушит нам мысль об эстетической ценности не только этих глаз, но и их носителя, а также нередко сообщит нам и о состоянии влюбленности в человека, у которого такие замечательные глаза со стороны того, кто называет эти глаза синими. Отметим, что одни и те же глаза могут называться серыми, голубыми или синими в зависимости от нашего отношения к человеку-носителю глаз, цвет которых нами оценивается.

Эталонном синего цвета в русском языке являются цвет неба и цвет васильков, прежде всего васильков, отсюда поэтическое цветообозначение глаз может базироваться на термине цвета *васильковый*: *васильковые глаза*. Метафорические обозначения глаз могут формировать развернутые поэмы, как у Сергея Есенина: «Я все такой же, сердцем я все такой же. Как васильки во ржи, цветут в лице глаза». Свернутое сравнение цвета глаз с васильками приводит Н.Д. Арутюнова, рассуждая о метафорических дериватах (выступающих в родительном субъекта, производных от предложений со сказуемым уподобления): «*васильки твоих глаз*» [Арутюнова 1999: 365]. И хотя в польском языке глаза также могут сравниваться с васильками, сравнения и метафоры рассмотренного типа все же не так распространены, как в русском языке.

В польском языке *niebieskie oczy* ‘голубые/синие глаза’ – без сопутствующих характеристик, касающихся их большого размера и других положительных свойств (напр., *duże wnikliwe niebieskie oczy* ‘большие пронизательные голубые глаза’) – это нейтральная информативная «паспортная» характеристика.

Эстетической ценностью обладают как в русском, так и в польском языках *черные глаза* – польск. *czarne oczy*. По сравнению с *карими глазами* – польск. *brązowe oczy* – нейтральной «паспортной» характеристикой, такие глаза воспринимаются как чрезвычайно красивые, а могут обладать и магическими, привораживающими свойствами. Ср. в польской песне: „Gdybym miał gitarę” ‘Если бы у меня была гитара’: „A wszystko te czarne oczy (...) Za te czarne, czarne oczęta serce, duszę bym dał” [Śpiewnik 2010, s. 44] ‘А всё эти черные глаза (...) За эти черные, черные

глаза я бы отдал сердце, душу'. Ср. в русском языке общеизвестные и всегда актуальные песни: «Очи черные, очи жгучие, очи страстные и прекрасные, / Как люблю я вас, как боюсь я вас, Знать увидел вас / Я в недобрый час»).

При этом одни и те же глаза могут оцениваться нами и как карие, и как черные. Так, Агнешка в романе «Диснейленд» Станислава Дыгата переживает, что ее глаза не кажутся главному герою такими же черными и красивыми, как у Йовиты (польской девушки из Австралии, вымышленной и «сыгранной» на балу-маскараде самой же Агнешкой). Ср. фрагменты о глазах Агнешки и Агнешки-Йовиты, какими их видит главный герой романа Мареk Аренс: „W hallu stała dziewczyna ubrana we wschodni strój. Miała zasłoniętą twarz, widać było tylko jej oczy. (...) W życiu nie widziałem oczu tak czarnych i ogromnych [Dygat 1965: 32] ‘В холле стояла девушка, одетая в восточный наряд. У нее было закрыто лицо, видны были только ее глаза. (...) Я в жизни не видел глаз таких черных и огромных’. Главный герой обращается к девушке, подобрав для ее глаз изысканные сравнения: „Chciałem przekonać się z bliska, czy to, co tak tu świeci i migoce – czy są to gwiazdy czy egzotyczne motyle” (там же) ‘Я хотел убедиться вблизи – то, что так тут светит и мерцает – это звезды или экзотические бабочки’. Герой продолжает описание прекрасных глаз: „Dwoma czarnymi latarniami zaczęła wodzić po mojej twarzy, jakby czegoś na niej szukała. Poczulem, że chodzą mi mrówki po krzyżu. Czegoś podobnego musiał chyba doznawać Romeo, kiedy zobaczył po raz pierwszy Julię” (там же: 33) ‘Двумя черными фонарями она начала водить по моему лицу, словно что-то в нем искала. Я почувствовал, как мурашки пробежали у меня по спине. Наверно, нечто подобное должен был ощущать Ромео, когда впервые увидел Джульетту’. Глаза девушки в восточном костюме не давали покоя главному герою: „Nie mogłem zapomnieć oczu Jowity. Sierpiałem. Nie chciało mi się żyć” (там же: 41) ‘Я не мог забыть глаза Йовиты. Я страдал. Мне не хотелось жить’. Главный герой знакомится с этой же девушкой, но при других, более прозаических обстоятельствах: „Przy bufecie stał Leon Kozak z jakąś dziewczyną. (...) Była ładna. A najważniejsze, że miała ciemne oczy. Nie takie duże i nie takie czarne jak Jowita, ale duże i ciemne (там же: 46) ‘У буфетной стойки стоял Леон Козак с какой-то девушкой. (...) Она была красива. А главное – у нее были темные глаза. Не такие большие и не такие черные, как у Йовиты, но большие и темные’. Главный герой сравнивает глаза Йовиты и глаза Агнешки («придумавшей» и изображившей австралийскую польку Йовиту в восточном маскарадном костюме на карнавале). Это глаза одной и той же девушки, но в разных обстоятельствах, отсюда различия в их восприятии у героя романа: „W dziewczynie, z którą tańczyłem najbardziej podobały mi się jej oczy. Przede

wszystkim z powodu podobieństwa do oczu Jowity. Ale była też między nimi zasadnicza różnica. Oczy Jowity były głębokie i kryły w sobie sprawy, których nie wypowiadała. Oczy tej dziewczyny nie kryły niczego. Patrzała na mnie bezmyślnie i nawet głupstwa, które mówiła, nie znajdowały w tych oczach żadnego odbicia” (там же: 46–47) ‘В девушке, с которой я танцевал, больше всего мне нравились ее глаза. Прежде всего благодаря сходству с глазами Йовиты. Но между ними была также принципиальная разница. Глаза Йовиты скрывали в себе вещи, которых она не высказывала. Глаза этой девушки не скрывали ничего. Она глядела на меня бессмысленно, и даже глупости, которые она говорила, не находили в этих глазах никакого отражения’.

Когда главный герой начинает догадываться, что его разыграли и что Агнешка и Йовита – одно и то же лицо, сила цветового сравнения позволяет Агнешке убедить героя в обратном: „Jowita ma oczy czarne jak węgiel. Ja, zawiadamiam cię, skoro sam się tym nie zainteresowałeś, mam oczy brązowe. Widziałeś tylko jej oczy, a i to nie zapamiętałeś ich dobrze. (...) Popatrzałem jej w oczy. Były ciemnobrązowe. Przymrużyła je i uśmiechnęła się trochę smutnie, jakby żałowała, że nie są czarne ‘У Йовиты глаза черные как уголь. У меня, сообщаю тебе, если ты сам не заинтересовался, карие глаза. Ты видел только ее глаза, да и то не разглядел их как следует. (...) Я поглядел ей в глаза. Они были темно-карие. Она зажмурилась и улыбнулась немного грустно, словно жалея, что они не черные’.

Столь большой фрагмент из художественного произведения приведен нами для того, чтобы показать, что цвет – это в большой мере наше мнение о нем.

Подчеркнем, что в онтологии цвета в Польше и в России радужная оболочка глаз может иметь самые разные оттенки, но приоритетный, любимый цвет глаз далеко отошел от онтологии, так как он отражает цветовые этнопriorитеты. В России даже ёлки (если они искусственные) и их украшения преимущественно синие. Кресла в Большом Кремлевском дворце привлекают взгляд прекрасным васильковым цветом – и весь мир это видит по телевизору. Любимые польские поэты предпочитают и любят зеленый цвет, а русские поэты – синий цвет (см. [Кульпина 2008: 104–140]).

Об оценочной роли терминов цвета можно сказать еще много применительно к описаниям внешности человека (ср., например, такие определения, как *ziemisty kolor twarzy* ‘землистый цвет лица’ и *różowa buzia* ‘розовая мордашка’, представляющие собой своего рода антонимы, обозначающие здоровый и нездоровый цвет лица).

Аксиологию эмоциональной сферы человека и сферы его физического состояния термины цвета выражают и фиксируют через манифе-

станции разного рода соматических проявлений: кто-либо может *покраснеть от мороза, пожелтеть от болезни, почернеть с горя, побледнеть / побелеть от страха* и т.п. Аналогично в польском языке кто-либо может *zrobić się czerwony na twarzy z gniewu* ‘покраснеть лицом от гнева’ и т.п.

Цвет артефактов, в том числе одежды, также может выражать этнические приоритеты народа. Главная (и явно любимая автором) героиня романа Ст. Дыгата «Диснейленд» Агнешка-Йовита явно тяготеет в одежде к зеленому цвету: „Miała na sobie szeroką tweedową spódnicę, o ile dobrze się na tym znam, koloru jasnobrązowego, w kratę, *sweter mohair ciemnozielony pod szyję, zielone pończochy...*” (Dygat 1965: 66) ‘На ней была широкая твидовая юбка, если я хорошо в этом разбираюсь, светло-коричневого цвета, в клетку, *темно-зеленый мохеровый джемпер* под горло, *зеленые чулки...*’. Не вдаваясь в подробности, отметим лишь, что в одежде героини выступает польский этноцвет – зеленый: таковы юбка и чулки героини. Может, эти цветовые акценты не случайны и не случайна игра автора романа с польским этноцветом... Впрочем, интуитивный уровень восприятия этноцвета тоже говорит о многом. Богатая семантика зеленого цвета в польском языке была описана Кристиной Вашаковой [Waszakowa 2003. s. 48–68].

3. ОППОЗИТИВНЫЕ ОТНОШЕНИЯ ВНУТРИ ТЕМАТИЧЕСКИХ ЗОН ЦВЕТОВЫХ МАРКЕРОВ КАК ИХ ВАЖНЕЙШАЯ СОСТАВЛЯЮЩАЯ

Оппозитивные отношения представляют собой распространенную форму существования терминов цвета.

Так, через оппозитивные отношения *светлый – темный, белый – черный* могут выражаться этические ценности и антиценности: *светлая личность, темная личность, темная лошадка* (о человеке), *typ spod ciemnej gwiazdy – букв.* ‘тип из-под темной звезды’ (возможно, о представителе преступного мира). В общеизвестной поэме лауреата Нобелевской премии Виславы Шимборской «Беседа о родной земле» светлым цветом выражены этнические ценности: „Ziemio ojczysta, ziemio jasna, nie będę rowalonym drzewem...” ‘Родная земля, светлая земля. Я не буду поваленным деревом...’.

Оппозиция *белого и черного* может в разных лексических формах – словосочетаний, фразеологизмов, паремий – передавать идею добра и зла. Такая идея содержится и в противопоставлении белой и черной зависти в русском языке. *Я тебе завидую белой завистью* – так может сказать девушка, радуясь успехам подруги – такое чувство в русском языке оценивается как благожелательное, а *черная зависть* оценивается

как чувство, опасное для ее объекта, способное повлечь неприятные последствия.

Анна Вежбицкая подчеркивает семантическую асимметричность понятий black и white. Очевидно, что таковая проступает и в интенционале терминов цвета польского и русского языков biały и czarny – белый и черный. Тем не менее все мы ощущаем их противопоставленность и их общность в пределах оппозиции, как и общность и противопоставленность цветолексем jasny и ciemny – светлый и темный.

Оппозитивные отношения во многих языках, в том числе в русском и польском, выступают между лексемами biały и czerwony, *белый* и *красный*. Русский язык в своих семантических комплексах отражает имевшее когда-то место противопоставление противоборствующих политических сил – *белых* и *красных*.

В польском языке с помощью оппозиции белого и красного цветов могут выражаться патриотические и этнические ценности. Такие ценности выражают цвета польского национального флага и герба, в том числе в их многочисленных модификациях и интерпретациях. Так, многочисленные преломления в коммуникативных процессах имеет сложный термин цвета biało-czerwony ‘бело-красный’, np. drużyna biało-czerwonych ‘команда бело-красных’.

Разные исторические и поэтические интерпретации получает каждый из цветов российского триколора. Так, *синий цвет* может интерпретироваться как цвет Богородицы, *белый* – как цвет справедливости, *красный* – как цвет свободы (есть и другие аксиологически и патриотически ценные интерпретации).

Таким образом, аксиологические значения устанавливаются в пределах тематических зон колористически маркируемых объектов. Частотной формой их функционирования являются оппозитивные отношения между членами таких зон. Явление зональности в сфере экзистенции терминов цвета означает, что отношения между элементами разных тематических зон не могут быть установлены в одной плоскости, в пределах единой оценочной цветовой шкалы, потому что они не являются реально-физическими величинами, но представляют собой лексические единицы социокультурной природы (см. [Кульпина 2001]).

Проиллюстрируем это положение с помощью риторических вопросов, побуждающих к цветовой рефлексии. *Синие глаза* и *синее платье* – разве это один и тот же цвет в реально-физическом измерении? Что синее – *синий василёк* или *синее небо*? *Зеленые глаза* и *зеленая трава* – идентичны ли они с реально-физической точки зрения? *Красные глаза* (от горя или от усталости), *красная свекла* и *красная заря* – могут ли быть установлены реляции между ними с реально-физической точки зрения? Совершенно очевидно, что установить такие реляции невоз-

можно – так как это явления разной социолингвокультурной природы, в оценочном плане представляющие собой неоднородные категории, хотя и маркируемые одними и теми же терминами цвета. Итак, сравнительные реляции между маркируемыми цветом объектами не могут быть установлены – они не подлежат сравнению, так как не имеют общей точки отсчета. Такой точкой отсчета не являются ни колористические образцы, ни длина световой волны – как бы ни хотели некоторые исследователи ввести их в лингвистический оборот. Относительно понятия длины световой волны для языковеда исчерпывающим представляется высказывание Анны Вежбицкой: „Wiedza naukowa o długości fali dla każdego koloru jest niezbędna w podręczniku fizyki, lecz gdy przytacza się ją w książkach i artykułach językoznawczych i jako odpowiedź na pytanie o znaczenie, to jedynie zaciemnia ona istotę rzeczy i w ten sposób przeszkadza tylko w badaniach nad rzeczywistym rozumieniem tego, co ludzie myślą, gdy posługują się terminami kolorystycznymi” [Wierzbicka 1999: 409] ‘Научные знания о длине волны для каждого цвета необходимы в учебнике физики, но когда их приводят в книгах и статьях по языкознанию, к тому же как ответ на вопрос о значении, то они лишь затемняют суть вещей и таким образом лишь мешают исследованиям над истинным пониманием того, что люди думают, пользуясь терминами цвета’.

III. ПАРАЦВЕТОВЫЕ АСПЕКТЫ ОЦЕНОЧНОСТИ

В данном разделе будут рассмотрены парацветовые явления в сфере терминов цвета с точки зрения выражения с их помощью аксиологических аспектов бытия. Считаю нужным обратить на них внимание, потому что фактически термины цвета в оценочной функции способны выступать в первую очередь в процессах коммуникации, а среду их существования, их окружение, составляют параколоронимы, которые и будут рассмотрены ниже.

Оценка как таковая, вне сферы терминов цвета, может устанавливаться без привязки к ситуации данного речевого акта, но может быть ориентирована на «здесь» и «сейчас». Н.Д. Арутюнова указывает: «глагол нравиться, в отличие от глагола любить (мы отвлекаемся от интерперсональной любви), может относиться к конкретным, единичным предметам...» [Арутюнова 1999: 211].

В сфере цветообозначений такая дихотомия конструкций, отражающая оценочное цветовосприятие, проступает со всей очевидностью. Так, если мы говорим *Я люблю этот цвет*, это означает, что этот цвет приятен мне вообще, всегда и всюду. В то же время конструкция *Мне нравится этот цвет* говорит о том, что мне приятен для глаза именно этот цвет, именно данного предмета в данной ситуации, здесь и сейчас. Оценка цвета проявляется как на уровне общего (с помощью глагола

любить), так и на уровне индивидуального, конкретного, частного, в привязке к конкретному времени акта коммуникации.

В польском языке существует, собственно говоря, аналогичная оценочная дихотомия грамматических конструкций, выражающих отношение человека к цвету. Так, генерализованное отношение кого-либо к какому-либо цвету устанавливается с помощью глагола *lubić* 'нравиться, любить', в то время как маркером временно-ситуативного отношения какого-либо человека к данному конкретному цвету является глагол *podobać się* 'нравиться'.

Описывая аксиологию цвета в польском и русском языках, стоит обратиться и к такой группе парацветовой лексики, как модификаторы и их семантическим отличиям в рассматриваемых языках. Так, модификатор польского языка *jaskrawy* указывает на излишнюю цветность, не радующую глаз (то есть содержит элемент отрицательной оценки), а однокоренной с ним модификатор русского языка *яркий* – на контрастность, ясность, рельефность, транспарентность цвета (оценка цвета – положительная).

Рассуждая об оценочности в сфере терминов цвета, целесообразно углубиться в проблему словообразовательных элементов, привносящих в эту сферу аксиологически релевантные смыслы.

На словообразовательном уровне может фиксироваться оценка уровня цветности как недостаточного. Знаком такой оценки в русском языке является суффикс *-оват-*. К примеру, объект, обозначенный как *беловатый*, является недостаточно белым, а *голубоватый* воспринимается как недостаточно голубой. Еще большая степень оценки недостаточности цвета с еще более сильным элементом отрицательной оценки содержится в кратких прилагательных-терминах цвета *беловат*, *голубоват* и других подобных. Отметим, что в польском языке в сфере терминов цвета отсутствуют краткие прилагательные (и вообще они в польском языке имеют реликтовый характер, сохранилось лишь несколько лексем). Их функции в сфере терминов цвета выполняют предложно-падежные конструкции, например, *za szary* 'слишком черный'.

В то же время целый ряд суффиксов может выступать в роли суперлативов, сигнализировать высшую степень цветности: *bieluśki*, *bielusieńki* – аналогично по семантике русск. народно-разговорное *белешенький*, *белехонький*; общелитературное *белейший* – *najbielszy* в эмоциональном плане выражают высшую степень белизны. В то же время высшая оценка качества цвета, например, его белизны, может сигнализироваться также целым рядом компонентов словосочетаний – такими, как *кипенно-*, *молочно-*: *кипенно-белый* (обычно о белье), *молочно-белый* (обычно о коже человека). В русском языке для оценки

качества цвета широко применяется редупликация: *белый-белый, белый-пребелый*.

Употребление уменьшительного суффикса может изменять или как минимум модифицировать оценку. Так, *пестрый*, как правило, содержит в себе семантику цветовой дисгармонии, цветового хаоса (см. выше). На словообразовательном же уровне степень такой дисгармоничности может быть устранена за счет употребления уменьшительного суффикса *-еньк-*. Ср. *пестренькое платье* – оно оценивается как милое, и ничего не говорит нам о дисгармонии.

Словообразовательные возможности, особенно широко используемые в отношении отдельных цветолексем, говорят об особом этноприоритетном положении таких лексем в системе русского языка и об особом отношении к ним носителей русского языка. Ср. словообразовательные средства, используемые в качестве оценки синего цвета: *синий-синий, синий-пресиний, синейший, синющий, наисинейший* – ассортимент этих средств свидетельствует о том, что сама эта лексема оценивается как эстетически ценная. Польский термин зеленого цвета также обладает широчайшими возможностями формирования словообразовательных (и семантических) оценочных дериватов: ср. *zieloniutki, zieloniuski, zieloniuchny* ‘зеленёхонький’, *najzieleńszy* ‘зеленейший’.

В сфере различий в ассортименте словообразовательных средств и возможностей лежат отличия в выражении оценочности между родственными польским и русским языками.

Заключая наш анализ, подчеркнем, что оценка в сфере терминов цвета имеет зонально-тематический характер и осуществляется, как правило, в пределах групп объектов определенного типа. Термины цвета участвуют в создании мира ценностей в самом широком плане. Различия между польским и русским языками в сфере оценки через термины цвета лежат в большой мере в этнолингвистической и социокультурной плоскости и представляют собой явление феноменологической природы.

Литература / References

1. Арутюнова Н.Д. Язык и мир человека. М.: Языки русской культуры, 1998. – 896 с., 1 ил.
2. Bartmiński J. Miejsce wartości w językowym obrazie świata // Język w kręgu wartości. Studia semantyczne / Pod red. Jerzego Bartmińskiego. Lublin: Wydaw. Uniwersytetu Marii Curie-Skłodowskiej. 2003. S. 59–86.
3. Grzegorzewska R.. O rozumieniu prototypu i stereotypu we współczesnych teoriach semantycznych // Stereotyp jako przedmiot lingwistyki. Teoria, metodologia, analizy empiryczne / Pod red. Janusza Anusiewicza i Jerzego Bartmińskiego. Język a kultura. T. 12. 1998. S. 109–115.

4. *Кезина С.В.* Семантическое поле цветообозначений в русском языке (диахронический аспект). 2-е изд., испр. и доп. / Пензенский государственный педагогический университет им. В.Г. Белинского. Пенза, 2008. – 304 с.
5. *Кульпина В.Г.* Лингвистика цвета: Термины цвета в польском и русском языках. М.: Московский Лицей, 2001. – 460 с.
6. *Кульпина В.Г.* Исторические изменения цветообозначений как манифестация динамики социоментальных систем // Паланистыка 2002/2003. Рэд. Аляксандр А.К. Кіклевіч, Сяргей Важнік. Минск: «Права і эканоміка», 2004. С. 77–121.
7. *Кульпина В.Г.* Система цветообозначений русского языка в историческом освещении // Наименования цвета в индоевропейских языках / Отв. ред. А.П. Василевич. М.: КомКнига, 2007. С. 126–184.
8. *Kulpińska W.* Nazwy barw oczu jako fenomen lingwokulturowy // Przegląd rusycystyczny. R. XXII (1999), z. 3–4 (87–88). Katowice, 1999. S. 78–93.
9. *Puzynina J.* Jak pracować nad językiem wartości? // Zagadnienia leksykalne i aksjologiczne / Pod red. Jadwigi Puzyniny i Jerzego Bartmińskiego. Język a kultura. T. 2. Wrocław: „Wiedza a kultura”, 1991. S. 129–137.
10. *Wierzbicka A.* Język – umysł – kultura / Wybór prac pod red. Jerzego Bartmińskiego, 1999. Warszawa: Wydawnictwo Naukowe PWN, 1999. – 594 s.

Источники / Sources

1. Каспер і Ростворовскі. Groszki і róże.
2. Песни на стихи Владимира Лазарева «Любовь моя первая». М.: Музыка, 1972. – 66 с.
3. Словник отражений // *В.В. Краснянский*. Сложные цветообозначения русской речи. Орехово-Зуево, 2000. С. 151–226.
4. *Dygat S.* Disneyland. Warszawa: PIW, 1965. – 246 s.
5. Śpiewnik. Niezapomniane piosenki. Wspomnień czar. Najlepsze piosenki z tamtych lat / Opr.: Zespół redakcyjny. Toruń: Literat, 2009. – 112 s.
6. Śpiewnik, 2010 / Wybór i opr. Bartek Łuczak. Toruń: Literat. – 260 s.

НОВЫЕ ЯВЛЕНИЯ В КАТЕГОРИИ ФЕМИНАТИВОВ (НА МАТЕРИАЛЕ СОВРЕМЕННОГО ПОЛЬСКОГО ЯЗЫКА)

О.О. Лешкова

NEW FACTS IN CATEGORY OF FEMINATIVES (IN MODERN POLISH)

O. Leshkova

ABSTRACT:

Texts of modern polish press witness remarkable increasing of women's professions, ranks and positions derivatives. The article deals with inner- and extralinguistic factors contributing to this phenomenon in comparison with the previous stages of polish feminine's development

Key words: the modern polish language; worldbuilding category; feminatives

АННОТАЦИЯ:

Тексты современной польской прессы свидетельствуют о значительном возрастании числа новых производных наименований женщин по профессии, званию или занимаемой должности. В статье рассматриваются внутри- и внеязыковые факторы, обуславливающие это явление, в сопоставлении с предшествующими стадиями развития категории феминативов в польском языке.

Ключевые слова: современный польский язык; словообразовательная категория; феминативы

В последние десять лет все более распространенным явлением в польском языке становится образование и употребление женских производных от мужских названий профессий, должностей и званий. Эти дериваты относятся к словообразовательной категории *nomina feminina*, по отношению к которым употребляется термин феминативы (или - все чаще – феминитивы); иногда - по аналогии с лично-мужскими существительными – пишут о существовании женско-личных существительных. Слова указанной группы – наглядный пример воздействия экстралингвистических факторов на функционирование системы языка. Такие формы, как *prezeska*, *adwokatka*, *wykładowczyni*, *socjolożka* или же *doktorka* одними считаются проявлением равного (равноправного) восприятия мужчин и женщин в языке, следованием требованиям гендер-корректности, другие же их оценивают как странноватую выдумку феминистических кругов. Спор об этих лексемах не нов. Процессы, про-

исходившие в рамках польских феминативов, в разные периоды времени на протяжении более чем ста лет, были реакцией на изменения в общественной жизни, в прагматике языковых единиц. Славянские языки располагают в целом сходной системой средств, служащих для образования наименований лиц женского пола по профессии, роду деятельности, должности, званию от базовых существительных мужского рода. Различия касаются конкретного инвентаря этих средств, особенностей сочетаемости с конкретными основами, но степень регулярности феминативных производных различна: в чешском и словацком языках она в высшей степени велика; в польском языке уже существуют многочисленные ограничения этого деривационного процесса и – в результате – большое число лексических лакун; в русском, по сравнению с польским, этих лакун будет еще больше (ср. *lekarka*, *towarzyszka*, *koleżanka*, *plastyczka*, *grzeźbiarka*, *autorka*), больше и функциональных ограничений. Первые высказывания, комментарии и размышления о судьбе польских феминативов мы найдем на страницах польских лингвистических периодических изданий еще в начале 20 века. Тогда ситуация казалась понятной и предсказуемой: наступает новая эпоха, эмансипация, женщины начинают осваивать новые социальные и профессиональные роли – язык реагирует на эти стимулы, и появляются новые лексические единицы. Женщины получают доступ к образованию – появляется новая лексема «*studentka*». З.Клеменевич отмечает это как естественный процесс и приводит высказывание из журнала „*Poradnik językowy*” за 1901 г. о том, что теперь следует ожидать других подобных новых слов, например, *magisterka* (*farmacji*), а может быть, и *adwokatka* [Klemensiewicz 1957:106]. Ст.Йодловский и В.Ташицкий тоже давали прогнозы, что по мере достижения женщинами все более значимого общественного и профессионального положения в польском языке будут закрепляться такие формы, *ministerka*, *prezeska*, *profesorka*, *rektorka* или *naczelniczka*. Однако эти прогнозы и ожидания не оправдались – польский язык не пошел по пути регулярного образования феминативных производных. Восполнение терминологических лакун столкнулось с двумя типами препятствий – социального и языкового характера. К первой группе относилось господствующее мнение (и в женской среде в первую очередь), что проявлением равенства полов является употребление для обозначения профессии, должности и звания одного слова, вне зависимости от того, касается это женщины или мужчины. Такие наименования в форме мужского рода воспринимались как обобщающие названия данной профессии, должности или звания и должны были применяться по отношению ко всем, кто занимается данной профессией, занимает данную должность или носит данное звание. Как это оценивали, «женщины насильно хотят стать «мужскими» даже в тех на-

именованиях, которые с давних пор имели устоявшиеся специализированные женские наименования (например, pani kierownik, pani asystent вместо kierownicza, asystentka)[Kupiszewski 1967: 371-72]. От многих мужских наименований профессий, должностей и званий (особенно высокого социального статуса): ambasador, marszałek, minister, premier, rektor, senator – женских наименований так и не возникло. И с сер. 20 века наблюдается явление выхода из употребления уже существующих женских производных: adwokatka, dyrektorka, kierownicza, prezeska или redaktorka.[Jadacka 2001: 128] Причем следует отметить, что если они и употребляются сейчас, то лишь в контекстах, когда говорят о женщине, а не обращаются к ней – современный польский речевой этикет предусматривает употребление в обращениях только неизменяемых форм мужского рода этих существительных в сочетании со словом pani: pani dyrektor, pani kierownik, pani mecenas, pani prezes, pani redaktor. Употребление по отношению к женщинам мужских наименований профессий и т.д. постепенно становилось все более распространенным и в послевоенный период стало уже повсеместным, что негативно оценивалось многими лингвистами, поскольку нарушались правила родового согласования (Nasza redaktor naczelna powiedziała...). Э. Павловский в частности писал, что такие мужские формы представляются скорее проявлением небрежности и спешки и людьми старшего поколения воспринимаются как ненормативные[Pawłowski 1951: 60].

Данный процесс охватывает и женские фамилии – постепенно разрушается система производных женских фамилий: перестают употребляться суффиксы -owa, ówna-, -ina/ -уна, -anka, служившие для образования фамилий жен и дочерей. Для флективного польского языка возникают проблемные ситуации в построении предложения (должны ли остаться несклоняемыми и нарицательное существительное мужского рода, и фамилия или только фамилия: z minister Nowak//z ministrem Nowak; какую форму должно иметь определение при этом нарицательном redaktor naczelny//redaktor naczelna; и если второе, то как образовать форму множественного числа: *redaktory naczelne??). Приемом, позволяющим преодолеть эти трудности, является добавление слова pani, которое берет на себя словоизменительные показатели (z panią rektor; panie profesor przyszły).

Таким образом, в послевоенный период экстралингвистические факторы как будто те же, что и в начале века, однако процессы, управляющие развитием категории профессиональных и титулярных феминативов оказались совершенно обратными: суффиксальные производные (в первую очередь с суффиксом – ka) стали ощущаться как стилистически (разговорные) или экспрессивно (с оттенком пренебрежения или иронии) маркированные, что влияет на сужение сферы их функционирова-

ния. Часто происходит процесс сужения объема обозначаемого феминативом понятия или специализация значения (kierowniczka - не любая руководительница, а только небольших предприятий, чаще – сферы услуг; profesorka - не женщина-профессор, а учительница в школе; dyrektorka - не любой директор, а директор школы).

Снижение производности феминативных типов (вместе с производными формами женских фамилий уходят постепенно из языка и производные наименования жен типа profesorowa, generałowa) и усиление тенденции к использованию неизменяемых форм лично-мужских существительных для обозначения лиц женского пола – таково положение дел в этой группе существительных на конец прошлого века, таким оно зафиксировано (то есть кодифицировано) в большинстве словарей и справочников по культуре речи [NSPP 1999; Jadacka 2016]. Из феминативов «хорошо себя чувствуют» слова, называющие профессии и занятия, которые традиционно были присущи женщинам (ekspedientka, fryzjerka, kasjerka, sprzedawczyni), и, конечно же, те, которые не были произведены от лично-мужских существительных (по сути, принадлежащие не к категории феминативов, а к именам деятеля типа pielęgniarka, sprzątaczką, praczką, dojarką, salowa). Особую подгруппу составляют наименования женщин творческих профессий, дающие регулярные производные: poetka, pisarka, malarka, artystka, aktorka, rzeźbiarka, dizajnerka, kreatorka (mody), reżyserka, scenarzystka, fotografka, operatorka, wykonawczyni, śpiewaczka, wokalistka, skrzypaczka...).

И вот в начале 21 века к концу первого десятилетия ситуация вновь начинает меняться – все чаще на страницах прессы появляются специализированные, морфологически оформленные женско-личные существительные (вот хотя бы данные из текстов за последние несколько месяцев: prozaiczka, prezeska, reżyserka, szefowa, eksministra, prawniczka, socjolożka, użytkowniczką Facebooka, analityczka polityczna, teoretyczka przekładu, antropolożka kulturowa, megafonistka, filolożka, korespondentka wojenna, edukatorka seksualna, ekspertka, superwizorka, społeczniczka, mentorka, mówczyni, programistka, organizatorka, web developerka, polityczka – так представляют своих авторов и героев материалов в изданиях „Gazeta Wyborcza”, „Wysokie obcasy” 2015–2016). И параллельно с этим все чаще тема феминативов появляется в лингвистической прессе, в справочниках по культуре речи, все больше вопросов об их статусе задают носители языка на интернет-порталах, посвященных проблемам языковой нормы. В 2012 году публикуется документ под названием «Позиция Совета по польскому языку при правительстве ПР относительно женских форм наименований профессий и званий»¹, лингвисты

¹ Stanowisko Rady Języka Polskiego w sprawie żeńskich form nazw zawodów i tytułów// http://www.rjp.pan.pl/index.php?option=com_content&view=article&id=1359

по запросу государственных органов (напр.. Сейма) готовят экспертные заключения относительно правил именования женщин, исполняющих государственные функции². В СМИ публикуется обращение министра по вопросам соблюдения равноправия личности к министерствам образования и труда, в котором говорится, что пришло время, чтобы все названия профессий получили наконец свои женские наименования.³ Все это результат, отражение очередной женской экспансии – в первую очередь во властные структуры, усиления влияния феминистских движений и организаций, которые считают, что феминитивы (теперь этот вариант звучания термина более оправдан), их распространение и даже насаждение закрепят изменение положения женщин в европейском обществе и сделает «женщину более видимой». И достичь гендерного равноправия можно, не уравнивая женщину с мужчиной (то есть используя для ее именования слова мужского рода), а предоставляя ей собственное имя. Таким образом, лавинообразное нарастание производных наименований женщин в языке польской прессы последнего времени следует рассматривать не как внутриязыковой процесс, а как результат целенаправленных акций – например, определенной редакционной политики (например, в еженедельнике „Wysokie Obcasy”) или прямых деклараций женщин, облеченных властью (так, министр спорта Й. Муха заявила: „Nie jestem ministrem, jestem ministką” – с подобным заявлением уже выступали и другие дамы, занимающие министерские посты; а депутат Сейма 5 созыва Данута Хоярска настаивала, чтобы к ней обращались «posłanko Hojarska», хотя нормативное обращение звучит: «pani marszałkini»⁴). Депутаты Сейма от фракции «Движение Паликота» активно внедряли в практику употребление производных феминативов, например, к спикеру (маршалу) Сейма Эве Копач обращались «pani marszałkini»⁴). После назначения в 2013 году Эльжбеты Беньковской на пост вице-премьера в прессе активно начали продвигать употребление по отношению к ней слова „premierka”.

Итак, как оценивается нынешний этап развития профессиональных и титулярных феминативов в современном польском языке? Какие нормативные рекомендации дают по этому поводу польские специалисты по

² A. Markowski. Zakres używania form żeńskich nazw zawodów i funkcji w odniesieniu do kobiet-polityków/Kancelaria Sejmu. Biuro studiów i ekspertyz. 1995// biurose.sejm.gov.pl/teksty_pdf_95/e-48.pdf

³ „Najwyższy czas, aby wszystkie nazwy zawodów otrzymały w końcu swoje żeńskie nazwy - tak przynajmniej stwierdziła minister ds. równego traktowania Agnieszka Kozłowska-Rajewicz. Minister zwróciła się już w tej sprawie do resortów edukacji i pracy»// <http://www.fakt.pl/Minister-ds-rownego-traktowania-chce-zenskich-nazw-zawodow,artykuly,184112,1.html>

⁴ Стоит обратить внимание, как это оценивала сама Копач: на вопрос журналистов, она ответила, что «ей это не мешает» („że to jej nie przeszkadza”)// <http://www.polskieradio.pl/51/641/Artykul/560142,Pani-posel-czy-pani-poslanko>

культуре речи? И какие тенденции они усматривают в нынешней ситуации, какие прогнозы формулируют?

В целом надо отметить, что отношение польских лингвистов к стилии феминативных новообразований достаточно сдержанное – от снисходительно-субъективных – так, А.Марковский говорит, что женские производные с – *łożka* от слов на –*log* типа *socjolożka*, *antropolożka* ему не нравятся, поскольку фонетически ассоциируются с деминутивом “*łośzka*”⁵ = „*mała locha*” (букв. «свиноматка; кабаниха»); в свое время В.Дорошевский называл такие образования «несерьезными» (*niepoważne*) – до подробного выделения объективных внутриязыковых факторов, препятствующих свободному, неограниченному созданию феминативных дериватов [Jadacka 2001], как это постулируют поборники гендеркорректности. Из всего арсенала феминативных суффиксов суффиксы –*ica*, –*ini/-uni* и –*owa*, а также некоторые другие (напр., –*nica*, –*ówka*, –*a*) редко находят применение, поскольку могут образовывать феминативы только от ограниченного (формально или лексически) числа мужских основ либо являются стилистически окрашенными (имеют книжный или устаревший характер). Только суффикс –*ka* широко применяется при деривации лично-женских существительных, но и он не имеет универсального характера, поскольку подчиняется ограничениям фонетического характера (труднопроизносимые сочетания: *adiunktka*, *architektka*, *elektka*, *geometrka*, *pediatrka*), семантического (широкая полисемия: *magynarka*, *żołnierka*, *pilotka* и под.) и стилистическим ограничениям (разговорный характер данных дериватов, закрепление за ними иронического или пренебрежительного оттенка).

Что окажется сильнее – давление извне или внутренние законы языка?

В оценке специалистов не все сформулированные внутриязыковые барьеры являются непреодолимыми. Так, Т.Смуклова напоминает, что всякое новообразование сначала непривычно, они должны употребляться, должны примелькаться, тогда «может, и привыкнем и к слову *premiera*, и к *prezydentka*»⁶. Открыта к вхождению в польский язык новых лично-женских существительных и К.Клосинска-Моселек. По ее мнению, помимо социального аспекта (позволяют не закреплять вредные гендерные стереотипы), феминативы обладают важным языковым преимуществом – они облегчают коммуникацию, позволяют избежать трений в согласовании, которые могут привести к двусмысленным или нелогичным высказываниям (например, ср. ??*fizyk zakochał się w*

⁵ wyborcza.pl/duzyformat/1,127290,15957710,Szac4you_jezyk_wolnej_Polski.html

⁶ http://wyborcza.pl/duzyformat/1,137938,15957710,Szac4you_jezyk_wolnej_Polski.html

chemik// w chemiczce; kibice z okazałymi biustami...)⁷ Толерантные к новым феминативам исследователи приходят к выводу, что дискуссия о них должна идти в двух плоскостях: хотим ли мы//следует ли их употреблять и как они должны выглядеть. И если в первой плоскости ответ очевиден – потребность в таких наименованиях есть, однако, поскольку и в женской среде существует сопротивление, то насилие тут неуместно и время постепенно все расставит по своим местам (еще 20 лет назад socjolożka, psycholożka резали ухо, а сегодня уже нет), то относительно второго могут быть различные точки зрения. По мнению К.Клосинской, стоит пропагандировать двуродовые образования (ten/ta sędzia, ten/ta pediatra, ten/ta kierowca). Квалификацию как «неправильные» в оценке экспертов часто получают premiera, ministra, поскольку парадигматические образования в сфере существительных польскому языку не свойственны (или же они оцениваются как «претенциозные»⁸). При этом авторы таких комментариев как-то упускают из виду, что в польском языке не только существуют отдельные пары такого типа (małżonek – małżonka; markiz – markiza; kum – kuma), но и то, что существует модель образования женских имен от мужских (Stanisław – Stanisława; Kazimierz – Kazimiera), которая, правда, оценивается как утрачивающая свою популярность. Представляется, что серьезным недостатком образований типа premiera, ministra является невозможность образования формы множ. числа, поскольку она совпадала бы с depreciативной формой множественного числа лично-мужских существительных (te premierzy, te ministry), а это было бы серьезным нарушением принципов коммуникации.

Закрепление слова sędzina (исходно ‘жена судьи’) в значении «женщина-судья» позволяет предполагать, что такой же процесс возможен и для слова wojewodzina и что именно оно заполнит лексическую лакуну для именованья женщины, занимающей должность главы воеводства (и таким образом смогут быть устранены корявые формулировки типа «władze lokalne reprezentowała wojewoda lubelski prof. dr hab. Jolanta Szoldo-Koguc»⁹). Немаловажно, что категория наименований жен теряет свою продуктивность, поэтому ее показатели могут со временем принять на себя иную функцию. Хотя предпочтение стоило бы отдать тем суффиксам, которые давно служат как средство образования женских наименований профессий – помимо -ka (наиболее частотного) также -

⁷ <http://samorzad.pap.pl/depesze/rol/135424/Zenskie-formy--Nie-zmuszac-kobiet---mowidr-hab--Katarzyna-Klosinska-z-UW>

⁸ http://wyborcza.pl/duzyformat/1,137938,15957710,Szac4you_Jezyk_wolnej_Polski.htm (мнение проф. Я.Медека).

⁹ Postscriptum, 2013

ini/-yni (dozorczyni, wychowawczyni) и –a (как показатель смены парадигмы с мужской на женскую: woźna, księgowia)¹⁰.

По мнению К.Клосинской, не стоит пытаться феминизировать воинские звания и образовывать дериваты типа rozcucniczka, kapitanka, generałka. М.Лазинский считает, что в этом случае можно обратиться к описательным способам (напр., *Ale nikt nie ma wątpliwości, że pojawienie się generała w spódnicy to tylko kwestia czasu* – причем он обращает внимание, что такое употребление не имеет разговорной окраски [Łaziński 2006: 230]).

Наличие полисемии для многих образований с суффиксом –ka не должно быть серьезным препятствием для функционирования в качестве феминатива, поскольку контекст позволяет легко идентифицировать нужное значение. Здесь следует обратить внимание лишь на некоторые лексемы, для которых закрепляется специализированное, суженное значение профессии. Речь идет о таких словах, как sekretarka, nauczycielka, profesorka: serketarka означает вспомогательный персонал с определенными функциями и не может быть женским соответствием для наименования функций секретаря научного общества или секретаря редакции; profesorka - только об учителе в школе, поэтому не может быть омонимична названию должности и звания профессора университета; nauczycielka - тоже ограничена рамками школы, если же речь идет о преподавателе вуза, то это слово не может выступить в качестве феминатива, для преподавателя вуза вне зависимости от пола будет одно наименование: nauczyciel akademicki.

Также важно учитывать, что мужские и женские наименования по профессии, соотносимые с одной основой, могут быть мнимой парой. Таковыми являются, например, слова położnik (рус. акушер-гинеколог) и położna (рус. акушерка) - в словарных дефинициях этих слов в качестве базовых используются соответственно слова lekarz «врач» и pielęgniarka «медсестра», то есть вспомогательный медперсонал)

Нет модели, по которой могли бы свободно образовываться производные от слов на –owiec: суффикс -czyni связан с основами на –ca. И хотя феминистики продвигают слово naukowczyni, которое как будто не вызывает больших возражений, но, по мнению польских специалистов, трудно себе представить такие образования, как bankowczyni, handlowczyni. Что касается фонетических ограничений, то здесь могут быть предложены варианты с другими суффиксами: chirurgka – chirurgini; pediatra – ta pediatra (хотя, как указывает М.Лазинский, слово pediatka все чаще можно услышать в поликлинике, а значит, «труднопроизносимость» здесь вполне преодолима).

¹⁰ <http://www.polityka.pl/tygodnikpolityka/spoleczenstwo/299523,1,feminizm-w-jezyku-polskim.read>

Процесс вхождения в узус и закрепления в языке новых лексем или форм процесс длительный, его результат зависит от многих факторов, однако в польском языке существует достаточно универсальный способ, устоявшийся и позволяющий преодолеть многие точки напряженности, возникающие при отсутствии узуального лично-женского существительного – это введение слова *pani*, которое дает возможность употреблять неизменяемые формы мужского рода во всех косвенных падежах и во множественном числе (*z paniami minister; panie docent przyszły*)[Laziński 2006].

Подробное изучение закономерностей функционирования феминативов и способов их образования необходимо для того, чтобы направить социальную активность феминистских кругов в правильное языковое русло, чтобы дать этим предложениям надлежащую квалификацию, поскольку они могут идти в разрез с характером языка (в нашем случае – польского). Ведь среди них есть и весьма радикальные: Так, утверждается, что если преобладание лично-мужских названий профессий объясняется тем, что мужчины чаще занимались этим родом деятельности, то теперь надо провести ревизию названий профессий в соответствии с реальной гендерной характеристикой – и в случае феминизированных профессий, таких как учитель, библиотекарь, кассир или официант, в качестве базовой давать в словарях женскую форму - *ta polonista/polonistka, bibliotekarka, kelnerka, kasjerka, nauczycielka* и под. Знание закономерностей и действующих тенденций также должно помочь при решении сложных вопросов номинации, например, хорошим примером того, с какими трудностями сталкивается образование женских форм профессий, должностей и титулов, может быть поиск женского эквивалента слова *poseł* (рус. депутат): предлагались, в частности, такие образования, как *posełka, poślina, pośllica, posełkini, posłanka, kobieta-poseł*. Как указывают исследователи, в последнее время побеждает форма *posłanka*, хотя в адресативной функции должно употребляться только сочетание *pani poseł* (кроме обращения к группе депутатов разного пола: *panie posłanki i panowie posłowie*)¹¹. Не меньше дискуссий вызывает вопрос, какую форму признать предпочтительной при именовании женщины-священника (??*kobieta pastor, kapłanka, duchowna...*). Материал для этого дадут масштабные аналитические исследования. Из важных проектов, связанных с изучением современного состояния феминативов следует назвать работу над составлением словаря феминативов современного польского языка, который вышел из печати в начале 2016 г.

---

¹¹ Jakub Karczewski. Prezeska, adwokatka, wykładowczyni – kilka słów o żeńskich formach nazw zawodów, tytułów i stanowisk//<http://prawoaplec.wpia.uw.edu.pl/index.php>.

Литература / References

1. *Jadacka H.* System słowotwórczy polszczyzny (1945-2000). Warszawa, 2001. – 201 s.
2. *Jadacka H.* Kultura języka polskiego. Fleksja, słowotwórstwo, składnia. Warszawa, 2016. – 256 s.
3. *Klemensiewicz Z.* Tytuły i nazwy zawodowe kobiet w świetle teorii i praktyki // *Język Polski* XXXVII, 1957.
4. *Kupiszewski W.* Tytuły i nazwy zawodowe kobiet // *Poradnik Językowy*, 1967. №8.
5. *Łaziński M.* O panach i paniach. Warszawa, 2006. – 356 s.
6. Nowy słownik poprawnej polszczyzny / Red. A.Markowski. Warszawa: PWN, 1999. [сокр. NSPP].
7. *Pawłowski E.* Baran mówi o Kowal. O tworzeniu i odmianie nazwisk i tytułów żeńskich // *Język Polski*, XXXI, 1951.
8. Słownik nazw żeńskich polszczyzny / Red. A.Małocha-Krupa. Wrocław:WUW, 2016.

МОЗАИКА ЯЗЫКОВ И ДИАЛЕКТОВ В ПЬЕСЕ Я. АНДРАШЧИКА «ŠENK PALENČENÍ»

К.В. Лифанов

MOSAIC OF LANGUAGES AND DIALECTS IN J. ANDRAŠČIK'S PLAY DRINKING HOUSE

K. Lifanov

ABSTRACT:

The paper deals with the language of J. Andraščík's play «Šenk palenčení» (1844), which is traditionally considered to be the Šariš Eastern Slovak dialect, although in the early 20th century S. Czambel defined it as a mixture of all Slovak dialects and Czech language. The text analysis confirmed the Czambel's rightness, because speech of the characters in the play is a mosaic created by elements of different Slovak dialects and Czech and Hungarian languages. The presence of certain elements and its degree depend on the ethnic origin of the characters.

Keywords: East Slovak dialect; graphics; spelling innovations; genetically diverse elements; ethnic origin

АННОТАЦИЯ:

В статье рассматривается язык пьесы Я. Андрашчика «Šenk palenčení» (1844), который традиционно считается шарийским говором восточнословацкого диалекта, хотя еще в начале XX в. С. Цамбел определил его как смесь всех словацких диалектов и чешского языка. Анализ текста подтвердил правоту С. Цамбела, поскольку речь персонажей пьесы представляет собой мозаику, которая создается элементами разных словацких диалектов, а также чешского и венгерского языков. При этом наличие тех или иных элементов и его степень зависят от этнического происхождения героев.

Ключевые слова: восточнословацкий диалект; графика; орфографические инновации; генетически разнородные элементы, этническое происхождение

Имя Я. Андрашчика (1799-1853) широко известно в Словакии. В восточнословацком городе Бардеёв в его честь названы улица, Академия гостиничного дела и средняя школа. Я. Андрашчик вошел в историю Словакии как яркий представитель движения за просвещение народа путем создания воскресных школ и библиотек. Особую известность он приобрел как основатель и в 30-50-х гг. XIX в. активный член обществ трезвости, целью которых была борьба с пьянством, которому в наибольшей степени было подвержено население Восточной Словакии. Эта проблема его волновала самым существенным образом, поскольку он сам был родом из Восточной Словакии (родился в шарийском селе

Липовце под Прешовом) и большая часть его деятельности протекала в Шарише, расположенном на северо-востоке восточнословацкой территории. После обучения в 1817-1821 гг. в католической семинарии в Пеште Я. Андрашчик сначала был частным воспитателем в дворянской семье, с 1827 г. преподавал догматику в епископской семинарии в Кошице, а с 1832 г. стал приходским священником в Бардеёве.

Я. Андрашчик увлекался литературной деятельностью. Наибольшим успехом пользовалась его рифмованная пьеса «Питейный дом» (*Šenk palenčeni*), направленная против пьянства и первоначально вышедшая в 1844 г. анонимно, но конфискованная по соображениям цензуры, а затем в 1845 г. в Кошице повторно с указанием имени автора [Sedlák 1965: 21]. В следующем году пьеса издается М. М. Годжей на словацком литературном языке, только что кодифицированном Л. Штуром. После этого пьеса публикуется практически в авторском варианте еще пять раз в Будапеште, а также в США для мигрантов из Восточной Словакии. Как отмечает И. Седлак, наиболее близкими кошицкому изданию являются будапештские публикации, поскольку издатель не вносил в текст пьесы существенных изменений [Sedlák 1965]. Объектом нашего исследования является текст первого будапештского издания 1886 г.

Во время выхода первых изданий пьесы языковая ситуация в Словакии оставалась сложной. Католики продолжали использовать в функции литературного языка бернолаковщину, евангелики же именно в это время переживали переломный момент перехода от чешского литературного языка к шутовщине: в 1844 г. появляются первые публикации на новом литературном языке, хотя сами кодификаторские работы Л. Штура вышли только в 1846 г. Поскольку Я. Андрашчик адресовал свою пьесу прежде всего простому народу, проживавшему в Восточной Словакии, и вследствие сложной языковой ситуации в Словакии в целом, основу языка его пьесы составляет восточнословацкий диалект. Это и не удивительно, поскольку действие пьесы происходит на севере Шариша, в смешанном словацко-русинском селе¹, находящемся недалеко от Бардеёва. Этот факт, вероятно, стал причиной того, что после выхода оригинальной версии пьесы в Словакии укрепилось мнение, что она написана на восточнословацком диалекте (шаришском говоре), однако еще С. Цамбел отмечал, что это не так: «„Šenk Palenčeni“ Андрашчика у нас считают образцом восточнословацкого диалекта... Это ошибочное мнение. В этой небольшой публикации герои говорят пошаришски, по-русски (читай: по-русински – *К. Л.*), по-венгерски, а сам создатель смешал со своим „шаришским говором“ все говоры словацко-

---

¹ Вывод об этом можно сделать на основе реплики одного из членов сельского совета, этнического русина: *My z nžneho kınca – to nás neumogj* (с.20) „Мы с нижнего конца, нас это не уничтожит“.

го языка („včul“; „dedina“, стр. 15. и т. п.) и чешский язык [Czambel 1906: 190]. Авторы работ, в которых в той или иной степени анализировался язык пьесы, по сути подтверждали вывод С. Цамбела и объясняли причину этого „смешения“. Так, О. Р. Галага пишет следующее: «Во времена, когда в остальном мире царит ненависть к другим народам, у нас на Востоке выходит словацкая книга, в которой национальный характер каждого из действующих лиц раскрывается с помощью речи и профессии: русин – русинский дротарь, венгр – венгерский солдат (по крайней мере с помощью нескольких вкраплений), западный словак – западнословацкий кастратор и житель Шариша – никто иной как шарийский извозчик» [Halaga 1948: 83]. Аналогичное наблюдение делает и И. Седлак: «Отдельные персонажи характеризуются также языком: в речи Тамаша наряду с шарийским говором появляются элементы венгерского языка; Павел говорит на среднесловацком диалекте, но не чистом; Василь, Гриц, поп и некоторые второстепенные персонажи используют восточнословацкую форму украинских диалектов; остальные герои (Лайзер, Рахля, Насон, Катка, Йожко и особенно Дзура) используют шарийский говор... Речь здесь, однако, не идет о чистом шарийском говоре, поскольку в их речь часто проникают слова и формы других восточнословацких диалектных областей..., и часто используются даже среднесловацкие элементы [Sedlák 1965: 28]. Несмотря на приведенное замечание С. Цамбела и выводы других словацких исследователей, восприятие языка пьесы не изменилось, и утверждение о том, что пьеса написана на шарийском диалекте, осталось чрезвычайно распространенным и проникло даже в научные работы: «Во время штуровских устремлений в просвещении народа доктор Ян Андрашчик написал *на шарийском говоре* (курсив наш – К. Л.) антиалкогольную брошюру *Šenk palenčeny* (1845) [Pauliny 1948: 91; 1971: 87; 1983: 153]. «Еще большее значение Андрашчик приобрел тогда, когда в интересах пропаганды борьбы с пьянством и алкоголизмом в 1844 г. опубликовал *на шарийском говоре* (курсив наш – К. Л.) рифмованную драму „*Šenk Palenčení*“, предназначенную обществу трезвости» [Hajeková 2004: 5].

В действительности же язык пьесы представляет собой сложную мозаичную картину разных языков и диалектов, сложившуюся на разных языковых уровнях и обусловленную разными причинами.

Взаимодействие различных идиомов проявляется уже в графике и орфографии языка пьесы. Текст издан позднеготическим шрифтом фразатурой, что представляется абсолютно естественным для словацкой католической полиграфической практики вплоть до прекращения использования бернолаковщины в 50-е гг. XIX в. Иначе складывалась ситуация у евангеликов, которые в первой половине XIX в. пользовались чешским языком. Замена фразатуры антиквой в Чехии происходит в

20-е гг. XIX в. [Šlosar, Večerka, Dvořák, Malčík 2009: 107], а оттуда распространяется и среди словацких евангеликов. В частности, например, уже два первых выпуска издававшегося в Буде в 1835-36 гг. альманаха «Зора» были напечатаны антиквой. Замена фраттуры антиквой в Чехии сопровождалась целым рядом инноваций, изменивших старочешскую (чешско-братскую) орфографию: устранением удвоенного ss, обозначающего фонему [š], графемы j, обозначающей фонему [j], графемы g, обозначающей фонему [g], графемы ě, обозначающей фонему [ě]² [Šlosar, Večerka, Dvořák, Malčík 2009: 107]. Официально приведенные изменения были одобрены Матицей чешской в 1842 г. Замена же графемы au на ou и w на v была принята несколько позже, в 1849 г. [Cuřín 1985: 80-81]. В Словакии ряд подобных изменений был осуществлен еще в кодификации А. Бернолака 1787 г. с сохранением фраттуры. Так, А. Бернолак рекомендует писать вместо „консонантного“ j графему g (allelluga, Gán), вместо j – í (krásní, stogí), вместо s и s с двумя точками сверху – соответственно ss и š (*masso*³, činiš), вместо V v – U u (učedlňík, učení), y ú – i, í (pekni, giba) [Bernolák 1964b: 101].

При этом в пьесе наблюдается попытка контаминации двух орфографических систем, чешско-братской и бернолаковской, с введением некоторых оригинальных особенностей. Так, мы обнаруживаем общие черты обеих названных орфографических систем при использовании графем g, ě и w для обозначения соответственно фонем [j], [g] и [v]. Ср. примеры:

- Ssednjce že Dzuro, – essčik mám w piwnicy: Co lem pre Wás trjmam – z dawneg sśliwowici (6)⁴; Wtedy sse mi židze – mug rozum nawracil: Gak som ku palence – skerz múdrosc chut ztracil (7); Tak celo, gak dussu, – s gedom napelňuge, Chudobu, a horosc, – i smerc pricahuge (12);

- Ked naňho Tamássku – baĝnet wycahnece, W noci Wás obosskám – gak ho orežece (8); W bitky pod Lajbcjĝom – náš reĝement ztracil Dwacec – tricec chloпоч – kterych zbrog wywracil (14); I mne sse už teráz – oči otwjragu, Preco po fassenĝoch – majstre umjragu (15);

- Dag wám Bože zdrawe – či sce dobre spali (10); Ta keby palenka – udy zmocňowala, Nikdiby čloweka – z nohach nezrucala (16); Wjtagce richtare! – ssednjce do kola, Dze wasso tri halwy kolo teho stola (27).

Некоторые явления показывают очевидную связь текста пьесы с чешско-братской орфографией. Так, несмотря на отсутствие фонологи-

² Замена графемы v, обозначающей [ú] или [u] в начале слова осуществилось несколько раньше [Šlosar, Večerka, Dvořák, Malčík 2009: 107].

³ В приведенном слове диграф ss обозначал удвоенное ss, характерное для ряда говоров западнословацкого диалекта, однако в форме дат. и предл. падежей ед. числа оно обозначало š: blcha – blsse [Bernolák 1964a: 77].

⁴ Цифра в скобках означает номер страницы пьесы, на которой находится приведенный пример.

ческой долготы в восточнословацком диалекте, в тексте пьесы отражаются долгие гласные⁵, хотя и очень непоследовательно, но при этом часто верно, причем долгота некоторых гласных, как в чешско-братской и бернолаковской орфографии, обозначается вправо наклоненной палочкой либо при помощи иных графем в соответствии только с чешско-братской орфографией, как при обозначении [ú] графемой ů⁶ и [i] графемой j:

• Do druhého žida – *můg ůprimný* Tamáš! My dwogičko podzme – tam co chceš zemne máš (10); Slowá furmanowo – wčul *sů* otewrené, Gak wečer powjdał, – že sme otrowené (9); Žeby ga pre neho – prissahu prestupil?! Ku mogeg otrowe – ged od Tebe *kůpil* (8);

• Hto nesslerý *widzj*, – že gsme gako nory: Bez farby, bez mesa, – palenka nás *morj* (13); Kurduple, gak nalpy, – bez zrostu bez *drjkoch*; Že král neodluha – z nás nema *konjkoch* (13); Tim hoclem trecinu – wsse sme *pripjsali*, Tak i s *tjm* sme sse barz – dobre spomahali (23).

Примечательным является широкое использование Я. Андрашчиком графем у и ů, выведенных из словацкого литературного языка А. Бернолаком. При этом, однако, правила правописания i, í и y, ů Я. Андрашчиком не соблюдаются и наряду с верным использованием этих графем широко представлено и ошибочное, в ряде случаев обусловленное спецификой восточнословацкой морфологии: Zaráz wam prinessem, – *essčik gest kus w bečky* (6); Ssednjce že Dzuro, – *essčik mám w piwnicy*: Co lem pre Wás trjmam – z dawneg *ssliwowici* (6); Gak som towár wezol – z Pesstu do *Morawi*, Z *Morawi* do *Moskwi* – z tadzy do *Warssawi* (12); A pre mne Lagzerku – *sladkeg palenečky* (6); To pray nepochopjm – *takežto pratele!* Neb my wssecknj *boli* – *palenki ctitele* (7); Gak te mǔdre ludze, – tak *Wy* s nima žice, S *flassku sssliwowici* – s *každým* sse zdobrjce (8); Ked *oni Krescanských* – *ojwetlja sprostackoch*, Nebudze na *sswece* – už *weceg pigakoch* (22).

Некоторые другие особенности орфографии пьесы, напротив, демонстрируют ее связь с бернолаковщиной, что представляется вполне естественным. Как отмечает И. Седлак, католическое течение, которое сначала имело сильные позиции в Восточной Словакии и распространялось из Трнавы, имело свои опорные пункты в Кошицком университете, в епископствах в Рожняве, Спишска-Капитуле, Кошице и Ягре, а также в филиалах бернолаковского «Словацкого ученого товарищества» (Рожнява, Соливар, Ягер) [Sedlák 1965: 6]. Я. Андрашчик, вероятно,

⁵ Данный факт не является уникальным, поскольку долгие гласные обозначались как в более ранних текстах, например в кальвинских книгах середины XVIII в. [Лифанов, в печати], так и в более поздних, например в грамматике А. Урбана 1875 г. [Лифанов 2016].

⁶ Фонема [ú] лишь sporadически обозначается графемой ů: Už sů tu Pan wogák! – od karčmi beželi, Bo už na palenku – dwa *sůdy* skončeli (12).

хорошо владел бернолаковщиной, выучить которую он имел возможность во время обучения на теологическом факультете Пештского университета с богатыми библиотеками ценных книг, среди которых выделялась библиотека семинарии, где было большое количество словацких печатных изданий, написанных на бернолаковщине [Sedlák 1965: 10]. Так, в языке пьесы, как и в бернолаковщине, отсутствуют графемы ě и ě, а фонема [š] обозначается либо как ss, либо как š⁷. Я. Андрашчик использует графему š преимущественно в глагольных формах 2 лица ед. числа настоящего времени, тогда как в остальных случаях – диграф ss: *Nemáš* Ty Lagzeru – telio nadobytku, Pri tjm hoc i *strassiš* – s gegich hrozňu bitku (8); Co tu *hledáš* Ciĝan – ozda *ssliwowicu?* (11); Mne len bars w žaludku – tak i w hardle horj; Lagzer to *zahassj*, – gak *flassku* otworj (9); Ale ga *mussjm* isc – teraz od richtara. Žeby s Burĝarami – *prissol* od kačmara (11); No! na mogu *dussu!* – ga to lem teraz znám: Preco po *wesselioc* – ga *wsse* zlŭ horosc mam (14); Dag mi owsa, *ssena* – Rok sce tu nebuli – to od *Wás* *nessumne* (6). Зафиксирована она была и в венгерском вкраплении в противоречии с венгерской орфографией: *Hát nekem šints* rozum? – kutya szedte vette! *Melč* parast, bo *mindjárt'* – budze teremťette (7). Изредка обнаруживаются также неверные обозначения этой фонемы: *Lagzerku!* znám ga to – sserco we mne puká, Bo widzjm, že psota – z bljska na *nás* kuká (22).

Мягкость согласных ĥ и ħ фиксируется непоследовательно и довольно редко. При этом Я. Андрашчик отдает предпочтение собственной системе ее обозначения при помощи гласного i, ср. примеры: Tam som sse naučil – od welkých müdercoch, *Moskalioc*, *Poliakoch*, – gako i od Nemcoch (12); *Diabol* gu dal židom – do rukoch od chwjli, Žeby s *niu* Krescanoch – za redem trawjli (14); Weceg už palenka – ludzy ussmercila, Gako prach pusskowy, – a *ssablia* zabila (14); Hocby me bul dahto – obil s kopitami, Netrapilby som sse – s *telio* bolescami (9); *Melč* adta Ciĝane! – ga bul pod *ssabliami*. Pod pusskami často, gak i pod dzelami (14). Ср. примеры без обозначения мягкости: Pri statečnych ľudzoch – sebe odpočnjce, Donessem hned *flassu*, – z teg w pokogu pjce (6); Od karčmi na *hussloch* – hrac wsse idzem zdrawy, A nazád od domu už som barz *horlawý* (14); Vo mne müdre *ludze* – od neg odučili (6).

Обозначение мягкости при помощи диакритического знака единично: Ked *naňho* Tamássku – baĝnet wysahnece, W noci *Wás* obosskám – gak ho orežece (8); Tak celo, gak *dussu*, – s gedom *napelňuge*, Chudobu, a horosc, – i smerc pricahuge (12).

Мягкие ħ и ħ в речи почти всех персонажей за исключением Павла⁸ не фиксируются вовсе, поскольку названные согласные подверглись

⁷ См. выше.

⁸ См. ниже.

ассибилляции, т. е. изменению соответственно в с и dz. При этом графема *ť* появляется в фиксации речи солдата Тамаша, главным образом в мадьяризмах, но знак мягкости здесь является избыточным, так как никакого особого звука эта графема не обозначает: *Hát nekem šints rozum? – kutya szedte vette! Melč parast, bo mindjárt – budze terem'ette* (7). Отсутствуют и типичные восточнословацкие мягкие *š* и *ž*, вместо которых фиксируются согласные *š* и *ž*, характерные для абовского говора, но не шаришского; ср. примеры: *Teráz tým dám pokog – bo ju otrowené, Powgem gim gak budŭ – ráno wytržbené* (8); *Ozda sce na draže – rozum utracili* (6); *Od karčmi na hussloch – hrac wsse idzem zdrowy, A nazád od domu už som barz horlawý* (14); *No! na mogu dussu! – ga to lem teráz znám: Preto po wesseliach – ga wsse zlŭ horosc mam* (14).

Спорадически в речи некоторых персонажей пьесы появляются дифтонги, которые обозначаются по-разному. Во-первых, дифтонг [ie] фиксируется в речи шаришского извозчика Дзуры в форме 1 лица ед. числа глагола *rovedat'* – *roviem*, который обозначается, как в бернолаковщине, диграфом *ge*. Примечательно, что данная форма была кодифицирована А. Бернолаком. Ср.: *Teráz tým dám pokog – bo ju otrowené, Powgem gim gak budŭ – ráno wytržbené: Powgem gim pričiny – preto som prjssahal; Žeby za palenku – som nikdy nessahal* (8). Возможно, в речи разных персонажей появляется также дифтонг [ia], который восходит к среднесловацкому диалекту, так как в кодификации А. Бернолака он отсутствует, и обозначается как *ia* или *ja*: *Heg! w tedy za blazna – ho tržbe trjmagu. Wssecko na njm hwalja, – wssecko prisswečugu* (18); *Lem wy roce skoro, – bo sse ponahliame Na druhu dzedzinu – na obid isc máme* (20). Кроме того, дифтонг представлен в типичной среднесловацкой форме им. падежа ед. числа существительного среднего рода, омонимичной форме им. падежа: *Staňme už, leženia – nič nám neosožj* (9). От данного дифтонга следует отличать сочетание *ja*, обозначаемое как *ga* и представленное в восточнословацком этнониме *Slovjak* и в русинских словах после губных: *Mocné gako duby, – zdrowé gak orlowe, Buli gak lilie – Slowgakoch predkowe* (13); *Pgat holwy palinky – dagce Lagzer skoro* (12). Не является дифтонгом также обозначение *gá*, соответствующее среднесловацкому дифтонгу *ia*, так как представляет собой восточнословацкий рефлекс долгого *ę* – йотированное *a* (*ja*)⁹ с обозначением реально не существующей долготы: *Katku powgázanŭ – od rukoch mi oddal, A essčik gednoho – Ciğana ku mne dal* (11).

Мозаичность языка пьесы затрагивает не только орфографию. Как справедливо отмечали исследователи, действующие лица пьесы имеют разное происхождение, что непосредственно отражается в их речи. Уже говорилось о том, что солдат Тамаш, этнический венгр, вставляет в

⁹ Ср. восточнословацкое *viazac* [Štolc 1994: 106].

произнесенные фразы венгерские слова и выражения: *Hát nékem šints rozum? – kutya szedte vette! Melč parast, bo mindjárt’ – budze terem’ette* (7); *Eñ nehodzen dnessa – daleg massirowac, Budzem sse tu – adta – řotim prislůhowac* (10); *Melč adta Ciřane! – ga bul pod ssabliami. Pod pusskami často, gak i pod dzelami* (14).

В тексте пьесы довольно широко представлены разного рода русинские элементы, представленные в речи русинских жителей села. Ср. примеры: *Dobrý tobi powjil, – ga wsse budu piti. Wasil: Dobrý Hricu! i ga – dokol budu řiti* (6); *Ssto? ga twogu na mati! gá rozum nماغu?* (7); *Gakby sgem (gsem!) bol s drotom – tuho obcahnuty, Tak mnia bolj wssicko – nemořu ssa hnuti* (9); *Teper i ga hoču – už Wás poslůhati, Gak ssa mi začala – holowa ssčipati* (10); *Nič by nám nedali – oba ztarřitele, Bo znate, nماغut, – krom lachy na tele* (20); *Tam na wysssnjm kincy – Norá Iwan horj* (20).

Примечательно, что и в речи русинов также фиксируются долгие гласные, которые в действительности в русинском языке отсутствуют.

Сложнее по речи идентифицировать происхождение кастратора Павла. Как мы уже отмечали выше, О. Р. Галага считает, что Павел происходит из Западной Словакии, и даже называет г. Скалицу. Аргументом в пользу этого он считает употребление Павлом западнословацких слов, причем в неверном значении, лишь для создания впечатления хотя и понятной, но „чужеродности“, поскольку его задачей было, чтобы восточнословацкий читатель хорошо понимал его речь. Так, например, слово *praí* он употребляет в значении „действительно“, „в самом деле“, „таким образом“, но ни разу в реальном значении „мол“ (зсл. *prař*, чешск. *prý*) [Halaga 1948: 85]. Вероятно, заключение о западнословацком (скалицком) происхождении Павла О. Р. Галага делает также на основе того, что кастраторы в Словакию приходили преимущественно из сел Бойнице, Питин и Славчин в Моравской Словакии, на границе с которой находится Скалица [Tradičná <http://www.ludovakultura.sk/index.php?id=4241>]. И. Седлак же утверждает, что Павел родом из Средней Словакии, однако доказательств этого не приводит [Sedlák 1965: 28]. В действительности же в речи Павла мы находим элементы всех трех словацких диалектов, а также генетические богемизмы, которые, вероятно, проникли в текст пьесы с помощью бернолаковщины. К их числу отнесем, например, стяженные формы притяжательных прилагательных мужского и среднего рода, а также притяжательное прилагательное *jejich*: *Taká mi nařdy – welká mdloba zassla, Gakoby sa nemoc – na mjm tele pasla* (9); *Nemáš Ty Lagzerku – telio nadobytku, Pri řjm hoc i strassiř – s gegich hroznů bitku* (8). Чужеродность речи Павла подчеркивается наличием в ней отдельных слов со слоговым, отсутствием ассибиляции согласных *ř* и *dř*, рефлексом *ř* о в форме

jedon, наличием специфической западнословацкой формы *není*, частицы *nech* (восточнослав. *naj*) и т. д.: *Twrdo, lemby sme včul – dobré zdravé mali* (10); *Kde ga sem d'ediny – widel pohorené, Nagwgac skerz pigačky – boli podpalené* (26); *Taká mi naúdy – welká mdloba zassla, Gakoby sa nemoc – na mjm tele pasla* (9); *Pray ani gedon z nas – nenj celkom zdravý* (19); *Nech ho pray každý z nás – wen z kerčmi wyweržj* (7). При этом и в его речи находим типичные особенности восточнословацкого диалекта, например формы с отсутствием слогового или типичную неизменяемую форму притяжательного прилагательного: *A ga gu pray deržál – za welky dar Božský* (13); *Slowá furmanowo – wčul sů otewrené, Gak wečer powjdal, – že sme otrowené* (9).

Специфическим предстает язык шарошских словаков и местных евреев, владельца питейного дома и его жены. Поскольку Бардеёв расположен на территории Северного Шароша, было бы логичным, если бы названные персонажи говорили на северошарошском говоре, обладающем рядом специфических локальных особенностей. Эти особенности в действительности либо употребляются параллельно с общевосточнословацкими формами, либо вообще отсутствуют. Можно предположить, что автор пьесы намеренно их употребляет в весьма ограниченном объеме лишь для создания колорита, но во избежание осложнения понимания текста другими восточными словаками. В результате речь шарошских жителей также отличается мозаичностью, поскольку в ней соединяются элементы разных говоров восточнословацкого диалекта. К их числу относятся, например,

- омонимичные формы предл. падежа мн. числа всех существительных с флексией *-ach*, характерные для северошарошского говора, и соответствующие общевосточнословацкие формы с флексией *-och*: *Ta keby palenka – udy zmočnowala, Nikdiby čloweka – z nohach nezrucala; Gak tedy čloweka – ona z nohoch zriwá, Tak i ssické udy – gak hrobak podžriwá* (16);

- формы причастия на *-l* со вставным гласным *o*, распространенные в спишском говоре [Štolc 1996: 109], и формы без конечного *-l*, наиболее характерные для восточнословацкого диалекта: *Gak som towár wezol – z Pesstu do Morawi, Z Morawi do Moskwi – z tadzy do Warssawi* (12); *Prissol pan Orsacky – stanul u Kasnara; Rozkazal žeby som – priwedol richtara* (21); *Nedawno gu prines – na sswet kunsst diabolský* (13);

- наиболее распространенная в восточнословацком диалекте, включая шарошский говор, огласовка с упрощением сочетания *dl* и земплинская с его сохранением [Atlas 1968: 291]: *Kelo skerz palenku – harlo podrezali?! Kelo už na draže – pozamarzowali?!* (14); *Mne len barz w žaludku – tak i w hardle horj; Lagzer to zahassj – gak flassku otworj* (9).

Конкурируют в речи шаршских жителей также среднесловацкие и общесловацкие особенности с восточнословацкими. Так, например, обнаруживаем оба возможных рефлекса праславянского сочетания *ort при циркумфлексной интонации got (в западнословацком и восточнословацком диалектах) и rat (в среднесловацком диалекте): Kurduple, gak nalpy, – bez zrostu bez drjkoch; Že král neodluha – z nás nema konjkoch (13); Welke gak Olbrini – oni vyrastali, Židzy gich z palenku – nezakertowali (13). Сказанное относится и к словообразовательному уровню языка, так как в речи одного и того же персонажа слово может выступать с восточнословацким и невостоочнословацким аффиксом: Sucha – wodna horosc, – zlá – časka (!) horoba, Často palenčaroč – ge krasná ozdoba (14). Более того, в речи шаршских жителей появляются лексемы в чешских огласовках, что еще более разнообразит ее генетический состав; ср., например, употребление лексем mezy (слов. medzi) и gegich (слов. ich): I w caleg stolicy – už za Ğranatira Mezy parobkami – barz ge rjeka mjra (13); Moga líúbo Rachlio! – Teho sse nebogjm. Vo s gegich chluposcu – essče sse kus kogjm (23).

Таким образом, наш анализ подтверждает правоту заключений С. Цамбела относительно языка данной пьесы, который представляет собой причудливое сочетание „несочетаемого“, поскольку в речи ее персонажей соседствуют элементы разных говоров восточнословацкого диалекта, разных диалектов словацкого языка и даже разных языков (словацкого, чешского и венгерского), а орфография отражает особенности разных письменных традиций. При этом соотношение генетически разнородных элементов меняется в зависимости от этнического происхождения персонажа. Все это дает основания в языковом отношении рассматривать данную пьесу как изолированное явление, находящееся вне общей тенденции развития письменной традиции в Словакии в целом, и в Восточной Словакии в частности.

Литература / References

1. *Лифанов К. В.* Сопоставительный анализ языка двух восточнословацких грамматик // *Rojena v narečje. Akademikinji prof. dr. Zinki Zorko ob 80-letnici. Zora 114.* – Maribor, Bielsko-Biala, Budapest, Kansas, Praha: Mednarodna založba Oddelka za slovanske jezike in književnosti, Filozofska fakulteta, 2016. С. 503-513.
2. *Лифанов К. В.* Язык восточнословацких кальвинистских книг как результат языковых контактов // *Миноритарные и региональные языки и культуры Славии.* – М. (в печати).
3. *Atlas slovenského jazyka. I. Vokalizmus a Konsonantizmus. Časť prvá – mapy.* Bratislava: Vydavateľstvo Slovenskej akadémie vied, 1968.
4. *Bernolák A.* Dissertatio philologico-critica de litteris slavorum, de divisione illarum, nec non accentibus // *Gramatické dielo Antona Bernolíka.* Bratislava: Vydavateľstvo Slovenskej akadémie vied, 1964a. S. 26-85.

5. *Bernolák A.* Linguae slavonicae orthographia // Gramatické dielo Antona Bernolika. – Bratislava: Vydavateľstvo Slovenskej akadémie vied, 1964b. S. 88-111.
6. *Cuřín F.* Vývoj spisovné češtiny. Praha: Státní pedagogické nakladatelství, 1985. – 180 s.
7. *Halaga O. R.* Andraščíkov „Šenk palenčení“ z r. 1845 // Svojina, 1948, 1-2. S. 79-88.
8. *Hajduková, T.* Literát a národný buditeľ JÁN ANDRAŠČÍK 6.8.1799-24.12.1853 (Personálna bibliografia). Prešov: Knižnica P. O. Hviezdoslava v Prešove, 2004. – 26 s.
9. *Paulíny E.* Dejiny spisovnej slovenčiny. Bratislava: Slovenská akadémia vied a umení, 1948. – 103 s.
10. *Paulíny E.* Dejiny spisovnej slovenčiny. I. Od začiatkov až po Ľudovíta Štúra. Bratislava: Slovenské pedagogické nakladateľstvo, 1971. – 135 s.
11. *Paulíny E.* Dejiny spisovnej slovenčiny od začiatkov až po súčasnosť. Bratislava: Slovenské pedagogické nakladateľstvo, 1983. – 256 s.
12. *Šedlák I.* Ján Andraščík. Košice: Východoslovenské vydavateľstvo, 1965. – 82 s.
13. *Šlosar D., Večerka R., Dvořák J., Malčík P.* Spisovný jazyk v dějinách české společnosti. Brno: nakladatelství Host, 2009. – 180 s.
14. *Štolc J.* Slovenská dialektológia. Bratislava: Vydavateľstvo Slovenskej akadémie vied, 1994. – 179 s. + 37 máp.
15. Tradičná ľudová kultúra Slovenska slovom a obrazom. Elektronická encyklopédia. Bratislava: Ústav etnológie SAV, Centrum tradičnej ľudovej kultúry, SEUK, 2011 (<http://www.ludovakultura.sk/index.php?id=4241>, доступ 19.07.2016).

ДОРОГИ, КОТОРЫЕ МЫ ВЫБИРАЕМ. К БИОГРАФИИ ХАЛИНЫ ГУРСКОЙ*

O.P. Медведева-Нату

THE PATHS WE HAVE CHOSEN. UNKNOWN EPISODES OF HALINA GORSKA'S BIOGRAPHY

O. Medvedeva-Nathoo

ABSTRACT:

This article is dedicated to Halina Górska, (1898-1942; murdered by the Nazis in Lvov) who was a popular Polish author in the interwar period and one of the key figures of Lvov's pre-war cultural landscape. Through her biography, Górska's devotion to the idea of social justice becomes clear. This idea was embodied in her books as well as in social-cultural monthly "Sygnały" (Signals) that was established by her along with her colleagues, and in her broadcast program on "unknown Lvov", a city of poor. This idea was also implemented on a great scale in her philanthropic activity. The article unveils previously unknown and untold episodes of Halina Górska's life.

Keywords: Halina Górska; Lvov; Polish prose of interwar period; WWII

АННОТАЦИЯ:

Статья посвящена Халине Гурской (1898-1942; расстреляна нацистами во Львове), популярной польской писательнице межвоенного двадцатилетия, одной из ключевых фигур культурной жизни довоенного Львова. Особое внимание уделяется жизненному выбору Гурской: ее преданности идее общественной справедливости. Эту идею она воплощала как в творчестве (в ее собственных книгах, в основанном ею вместе с коллегами журнале «Сигналы», в радиопередачах о «неизвестном Львове» - городе бедноты, а также в публикациях в прессе), так и в общественной деятельности, в частности в организованных ею масштабных благотворительных акциях. В статье представлены малоизвестные и уточненные факты биографии писательницы.

Ключевые слова: Халина Гурская; Львов; польская межвоенная проза; Вторая мировая война

---

* Публикуется с сокращениями. Полный вариант статьи "Właściwe tory: o życiu polskiej pisarki Haliny Górskiej" опубликован в варшавском журнале "Midrasz" No 4 (192), 2016.

ВАНКУВЕРСКАЯ БИБЛИОТЕКА ХАЛИНЫ ГУРСКОЙ

За тридцать земель от Польши, на Западном побережье Канады, в Ванкувере, в просторном доме под подпирающими небо кедрами, мне неожиданно открылось уникальное собрание книг Халины Гурской, польской писательницы и общественной деятельницы, широко известной в стране до второй мировой войны. Здесь живет ее дочь Кристина Эндельман, урожденная Гурская. Она бережно хранит прижизненные и более поздние издания произведений Гурской, переводы, монографии и воспоминания о ней, а также россыпь фотографий. Это все, что осталось дочери в наследство от матери, талантливого прозаика и замечательного человека – Халина Гурская была расстреляна нацистами под Львовом, на Лычаковских Песках, 4-го июня 1942 г.¹ Ей едва исполнилось 44 года.

Как уцелели эти книги? Примерно так, как спаслись преследуемые гитлеровцами евреи, коммунисты, выдающиеся деятели науки и культуры: одним удалось бежать на Восток, другим – на Запад, кто-то выжил в укрытии в Польше. Книги Гурской «спаслись» в Европе. Молодая писательница посылала их своим родным, надписывала свеженькие, еще пахнувшие типографской краской авторские экземпляры. (Под посвящениями даты – последняя 27 февраля 1939 г. – гроза войны уже надвигалась на Польшу). После войны они вернулись к ее осиротевшей дочери.

Книги эти рассыпаются при первом прикосновении. Не мудрено. Вместе с дочерью писательницы они немало попутешествовали, прежде чем прибыть в нехитром багаже иммигранта в Канаду.

Продолжительные беседы с Кристиной побудили меня перечитать произведения Гурской и литературу о ней. Анализ ее творчества весьма точен. Однако этого не скажешь о том, что было написано о ее жизни: написано мало и в этом малом довольно много фактических ошибок. Но главное, на что мне хотелось обратить внимание – это то, что еще не было сказано о Халине Гурской: о частном, о том, какой она была дочерью, женой, матерью, какой была в повседневной жизни – между тишиной, когда склонялась над чистым листом бумаги, и кипучей деятельностью в защиту общественной справедливости.

РОДИТЕЛИ: НА ЗЕМЛЕ И В НЕБЕСАХ

Халя Эндельман родилась в Варшаве 14 мая 1898 г. Ее отец Зыгмунт Эндельман был врачом с именем. Мать Чеслава, урожденная Брауде, – литератором².

¹ Пески или Лычаковские Пески – загородный район Львова.

² Она публиковала свои произведения под псевдонимом Чеслав Халич.

Супружеская жизнь у Эндельманов не сложилась. Доктор Эндельман был невероятно занят: гинеколог, он принимал пациенток в своей клинике, бесконечно разъезжал по вызовам. Для жены, видимо, требовавшей внимания, времени у него почти не оставалось. По всей вероятности, это и послужило причиной развода, который последовал в 1905 г.

После развода мать Хали вышла замуж за Хенрика Розенבלата. Тот был инженером, но человеком артистичным, охотно музицировал и знал толк в живописи. Возможно, это обоюдное увлечение искусством господина Розенבלата и Чеславы Эндельман их и сблизило. Так или иначе, в 1907 г. мать Хали переехала в Бельгию, где муж имел бизнес. Халя осталась с отцом в Варшаве. С отцом и его многочисленной родней.

ЭНДЕЛЬМАНЫ – БЛАГОРОДНЫЕ ЛЮДИ³

Клан Эндельманов относился к ассимилированной польско-еврейской интеллигенции. И. Ольчак-Роникер в книге «Петр», повествующей о Петре Скшынецком (по матери – Эндельман), культовой фигуре в послевоенной Польше, создателе краковского кабаре “*Równica pod baranami*”, пишет, что к роду Эндельманов принадлежали «купцы, промышленники, врачи, юристы, все – интеллектуалы европейского покроя» [Olczak-Ronikier 1998: 10]. Расспрашиваю о них Кристину, вместе пытаемся по крохам восстановить историю этой видной семьи, но наша генеалогическая археология дает скудные результаты: Кристина была подростком, когда потеряла родных из виду. А позже оказалось, что многих из них потеряла навсегда. Вторая мировая война переполовинила и разбросала некогда большую и дружную семью.

БЕЗ ГОРЕЧИ

Халине было девять лет, когда мать уехала за своей любовью в Брюссель. Вскоре и доктор Эндельман обзавелся женой, а Халя – мачехой. Наверное, ей жилось нелегко. В ее книгах, в определенной степени автобиографичных, отец изображен как тот, кто никогда не имел для дочки времени. Однако каким-то удивительным образом Халя избежала горечи в своей душе. Да, отец порой печалил ее своим невниманием, но это искупалось уважением к его труду, знаниям, мудрости. Она на всю жизнь усвоила его уроки человеколюбия, отголоски которых слышны в ее повести «Вторая арка» (“*Druga brama*”) [Górska 1935: 225]. И не в память ли об этих уроках эту – свою любимую – книгу Халина посвятила отцу?

Что доктор Эндельман, несомненно делал для дочери, так это старался дать ей лучшее по тем временам образование. В 1918 г. она за-

---

³ Фамилия Эндельман скорее всего является вариантом фамилии Эдельман, что в переводе с немецкого значит благородный.

кончила гимназию Анели Верецкой в Варшаве. Большое влияние на ее становление оказали подпольные курсы Стефании Семполовской (1869-1944), которые она посещала с восьми лет. Семена, посеянные Семполовской, благороднейшей защитницей просвещения, прав национальных меньшинств, детей, заключенных, попали на благодатную почву.

ОТКРЫТОЕ СЕРДЦЕ

С матерью Халина воссоединилась, когда отправилась в Брюссель изучать общественные науки в Свободном Университете. Халине уже исполнилось 20. Не самое лучшее время для матери и дочери начинать строить отношения, но, видимо, обоим это удалось – иначе Халина не использовала бы в одном из важнейших дел своей жизни – благотворительной «Акции Небесных» («Аkcji Włokitnych») – голубой, небесного цвета бант, символ из детской книги матери «Дом на Журавлиной улице» („Dom przy ulicy Żurawiej”; 1913).

Сердце Халины было открыто всем: она ладила с мачехой и с отчимом; была настоящим другом сводной сестре, дочери матери от второго брака⁴, сводным братьям, сыновьям отца от второго брака, а впоследствии и с сыновьями от первого брака ее собственного мужа, словом, со всеми своими родственниками. Вот пример из единственного сохранившегося в семье письма Халины, отправленного из Брюсселя тетке (сестре отца) в Лондон:

«Моя дорогая, любимая тетушка!

Сегодня получила от тебя открытку и представить себе не можешь, как я обрадовалась. (...) Я так боялась, что в Англии тебе будет неуютно. К счастью, мои опасения не оправдались. Я тебя так крепко люблю, моя маленькая большая тетечка. Напиши о себе подробнее. (...) Завела ли ты знакомых и интересные ли они люди? Часто ли ходишь в театр? (...)

Я приехала в Брюссель на лето, но, похоже, останусь на всю зиму и буду здесь продолжать учебу, ведь так важно получить образование. (...)

Брюссель – не город, а сад (...) А сколько здесь превосходных памятников архитектуры и картин старых фламандских мастеров! Но говорят, что Брюссель – ничто по сравнению с Брюгге, куда я планирую добраться морем. Я уже побывала в Антверпене и представь себе, как я туда попала: самолетом! Только, ради Бога, дорогая моя тетечка, не обмолвись об этом отцу. (...) Целую тебя множество раз. Халя».

---

⁴ Янина Розенблат известна в Бельгии как Жанин Мулен (1912-1998), поэтесса и литературовед.

Письмо это, по-девичьи экзальтированное, переполнено любовью. Халина, безусловно, умела любить. Она носила в себе этот дар и только ждала, с кем его разделить. Ждала и – дождалась.

«Любовь сама по себе есть счастье»

С Марианом Гурским Халина познакомилась в Брюсселе, в доме своей матери. Мать присматривала для дочери подходящую партию: человека интеллигентного, образованного, желательного родом из Польши. Присмотрела: сына своего брюссельского приятеля Мариана Гурского. Как положено, молодые люди были представлены друг другу. Но очень скоро Халина заявила, что самым большим достоинством молодого человека, которого ей прочили в женихи, является... его отец.

Мариан Гурский был вдовцом, почти на четверть века старше Халины (он родился в 1873 г. в городке Белая Церковь на Украине, в мелкопоместной шляхетской семье). Он все еще был хорош собой, с типично польской, «романтической», внешностью, а главное – с весьма романтическим прошлым. Как многие молодые люди на рубеже XIX-XX вв., те, что отличались чистыми помыслами и жаждали общественной справедливости, он, подданный Российской империи, вступил в ряды РСДРП и был готов служить партийному делу. Ему было поручено переправлять в Россию печатавшуюся на Западе газету «Искра». «Гвоздь всего нашего дела – перевозка», - говорили партийные товарищи. Правильно говорили – значение пропаганды для распространения социалистических взглядов в рабочей среде было ключом к успеху. Молодой Гурский свято в это верил. К моменту встречи с университетской студенткой Халиной он успел отсидеть за партийную деятельность в Лукьяновском тюремном замке в Киеве, в котором так называемый политический корпус был переполнен заключенными. Гурский, благодаря своим безукоризненным нравственным качествам, пользовался среди «политиков» авторитетом и даже был избран ими старостой всего корпуса⁵. Но как только он осознал, что эта политика не обойдется без кровопролития, он отошел от партийной работы и поселился - «подальше от греха» – в спокойном и благополучном Брюсселе.

В Халине такое прошлое нового знакомого, его исключительная эрудиция и порядочность вызвали неподдельный интерес. Можно также предположить, что ей, выросшей без матери, с отцом, который, как сказано, был вечно занят, фигуры отца как раз и не хватало. А Гурский к роли мужа-отца подходил как нельзя лучше. Что же касается его самого, то он, по всей вероятности, не устоял перед молодостью, независимостью суждений и страстностью Халины.

---

⁵ Эпизоды пребывания Гурского в тюрьме описаны в книге Сергея Мстиславского «Трач, птица весенняя», Повесть о Баумане, Москва 1937.

Из Брюсселя Халина и Мариан вернулись в Польшу вместе и в 1923 г. сочетались браком во Львове. Выбор города был вынужденным. Они принадлежали к разным конфессиям: Мариан был католиком, а Халина - иудейкой. Оба были не практикующими, но в Варшаве допускались только религиозные браки. Во Львове же, чтобы стать супругами, было достаточно гражданской церемонии.

В 1924 г. у Гурских родилась дочь Кристина.

Так Львов, отчасти случайно, стал городом их судьбы.

Но случайно только отчасти, потому что Мариану, в отличие от Халины, доводилось бывать во Львове и раньше – и это сама по себе любопытная история.

В годы его социал-демократической деятельности именно здесь, в тогдашнем Лемберге, как Львов назывался до 1918 г., он жил под именем Ф. Щеколдина в доме № 22 по Лычаковской улице. Здесь был организован склад «Искровских» изданий. Нелегальная литература перевозилась из Европы в Россию пудами. Гурский был для партийных товарищей находкой – во-первых, прекрасно знал и европейские, и польский, и русский, и украинский языки, во-вторых, великолепно ориентировался в близком к приграничному регионе. Однако одна из миссий транспортера Гурского окончилась неудачей. В марте 1903 г. он был арестован, у него нашли фальшивые паспорта, которые австрийская полиция передала русским жандармам. Что за тем последовало, нам уже известно.

Гурский вернулся во Львов через 20 с лишним лет, теперь не страшась властей – с 1919 г. город был польским. Он без труда нашел работу в британской транспортной фирме, которая переправляла через Атлантику иммигрантов. Через его фирму прошли тысячи тех, кто отправлялся “за хлебом”. Кристина запомнила, что у отца был большой кабинет с моделями кораблей. Если бы она, разглядывая эти модели, могла тогда представить себе, что однажды, после чудовищных испытаний, корабль доставит и ее на американский берег! Если бы Гурский мог тогда предвидеть, что этот путь проделает и иммигранткой станет его любимая единственная дочь!

А пока Гурские жили в любви и согласии. Близкий друг семьи Кароль Курылюк (1910-1967; после войны политик, дипломат, журналист), о котором еще пойдет речь, писал в своих воспоминаниях: «Я ни до ни после не видел более гармоничной супружеской пары».

Кристина помнит, как родители наслаждались присутствием друг друга. Халина не уединялась, даже работая над рукописью (ее литературный дебют состоялся здесь же, во Львове, в 1925 г. в газете “Kurier Lwowski”, где была опубликована юмореска «У меня есть квартира», а в 1930 г. в издательстве “Książnica Atlas” вышла первая книга «О князе

Готфриде, рыцаре рождественской звезды» (“O Księżciu Gotfrydzie Rycerzu Gwiazdy Wigilijnej”), и муж, сидя с книгой в той же комнате, то и дело взглядывал на свою труженицу. И, кажется, Халине это ничуть не мешало.

Мариан часто болел – давал знать о себе возраст, а также заработанный в заключении туберкулез. Когда ему становилось хуже, маленькую Кристину отсылали на время к деду Зыгмунту в Варшаву. Любопытно, что внучке доктор Эндельман запомнился таким же, как и матери: умным, добрым, но невероятно загруженным работой. Познать его глубже Кристине было не дано. Об этом ниже.

Доктор Эндельман, зная чем грозит близким открытая форма чахотки, предлагал, чтобы и Халина какое-то время пожила в Варшаве. Но она наотрез отказывалась оставлять больного мужа. Она писала: «Когда ты рядом с любимым, часы останавливаются, действительность растворяется словно в тумане, сумерки кажутся не серыми, а сапфирово-синими, а улицы пахнут сеном». Эти слова могла написать только женщина, которая любила и была любима.

Львов стал для Халины Гурской городом любви, творческого вдохновения и – тяжелых испытаний в попытке осуществить несбыточную социальную мечту.

«ПОЛЬСКАЯ ПИСАТЕЛЬНИЦА И ДЕЯТЕЛЬНИЦА ЛЕВОГО ТОЛКА»

Какую бы статью о Гурской ни открыть, почти все они начинаются с фразы «польская писательница и деятельница левого толка». Сказано верно, только нельзя забывать, в каком общественном контексте «писала и действовала» Гурская: 1930-е годы, Великая Депрессия, пропасть между положением буржуазии и пролетариата, рабочие, влачившие полунищенское существование, безработные – попросту нищие. Для Гурской «левизна» знаменовала потребность предпринимать реальные шаги для того, чтобы и большой и малый мир вокруг стали лучше.

Еще будучи гимназисткой, Халина начала работать в клубах для рабочей молодежи и детей бедноты. В юности короткое время состояла в Польской Социалистической Партии, программой которой было создание независимой Польской республики. Членство в ППС отчасти объяснялось увлечением девушки невероятно популярной в то время фигурой Юзефа Пилсудского. Позже, в годы зрелости, Гурская ни в какой партии не состояла – хотя ее не раз называли коммунисткой. Ее мечтой было сближение разных общественных слоев посредством преодоления ими равнодушия друг к другу. Иначе говоря, не объединение одних против других, а объединение всех со всеми. Используя сегодняшние социальные категории, Гурскую следовало бы назвать не столько поли-

тической деятельницей («левизна» ассоциировалась с партийной принадлежностью), сколько поборницей прав человека.

У МИКРОФОНА

Для достижения своего идеала Гурская использовала все возможные средства – в частности, радио. Она начала сотрудничать с львовским радио в 1930 г. Поначалу это был цикл передач для молодежи под названием «Ларец Небесных Рыцарей» (“Skrzynka Włokitnych Rycerzy”). Гурская говорила с юными слушателями об обществе и морали.

В начале 1930-х годов она открывает для себя другой Львов – город в городе, где ютилась беднота. Потрясенная увиденным Гурская пишет очерк «Неизвестный Львов». В 1931 г. она выступает с ним по радио. Не просто рассказывает об увиденном – призывает помочь. И находит отклик у молодых слушателей.

Слово становится делом: радиопередача, в адрес которой поступает множество даров, перерастает в благотворительную «Акцию Небесных», а та в свою очередь, в долгосрочную деятельность, направленную на оказание помощи детям рабочих, под названием «Общество друзей акции “Радио – детям”».

Настоящим штабом акции становится вилла на улице Якуба Стшеми 8, где в то время жила семья Гурских. Рассказывает Кристина: «Мы снимали виллу. В связи с маминой бурной деятельностью здесь всегда толпился народ: одни приносили коробки с дарами для бедных, другие их забирали. Отец относился к этой деятельности с пониманием: пониманием того, что мама делает полезное дело и – с пониманием того, что маму остановить невозможно».

«Акция» приобретает невероятный размах: в ней участвуют сотни волонтеров. Но все отчетливее звучат и голоса противников, видевших в Гурской проповедницу коммунистических идей. В 1934 г. по приказу властей «Акция» прекращает существование. Видимо, власти пришли к выводу, что избыток правды и человечности, изливавшийся с антенны, может «повредить» радиослушателям.

На пике «Акцией» было охвачено не менее 1000 детей из 450 семей безработных. Их обеспечивают медицинской и юридической помощью. Им предоставляется земля для возделывания. Открываются клубы для детей улицы. Создается сельскохозяйственная община для малолетних бездомных. Своими руками мальчишки строят для себя жилище. Так многообещающе! Однако средств на поддержание инициативы не хватало. Разочарованные тем, что дело не получает развития, мальчишки поджигают свой собственный дом. Бедность оказывается бездонной бочкой, которую невозможно заполнить. Нет подлинного взаимопони-

мания и между дающими и принимающими подавание. Это заставляет Гурскую страдать.

Никто лучше, чем она сама, не отрефлексовал этой высоконравственной, но тщетной, попытки исправления общества.

ДРУЖБА

В ходе благотворительных акций Гурская знакомится с молодыми увлеченными людьми. Один из них стал ее другом и соратником. Это был ранее упоминавшийся Кароль Курылюк.

В 1931 г., Курылюк, тогда студент Львовского университета, услышал по радио выступление Гурской. Его поразили сила ее слова. Он стал слушать ее передачи регулярно. Далеко не со всем соглашался. Полагал, что он, вечно голодный студент, лучше понимает проблемы бедноты. В решительных выражениях изложил свое мнение в письме и отправил его на радио. Гурская письмо получила и... пригласила студента к себе домой – на разговор. Студент принял вызов. Ему открыла маленькая, худенькая женщина, темноволосая и черноглазая [Kuryluk 1958: 6].

Так началась их дружба.

Александр Ват свидетельствует: «Это была настоящая дружба ... Гурская воспитала Курылюка» [Wat 1990: 293]. Она и в самом деле оказала большое влияние на Курылюка, но думается, что и он был ей нужен: подпитывал ее своим юношеским максимализмом. «Курылюк постоянно сидел у Гурской»,

– добавляет А. Ват. Кристина подтверждает: «Кароль действительно у нас дневал и ночевал. Приходил, чтобы, как говорится, “навсегда поселиться”. Для того, чтобы Курылюк имел основания регулярно у нас обедать, мама попросила его заниматься со мной литературой. Мой “домашний учитель” забавлял меня языковыми играми». Но помимо так называемой репетиторской деятельности, Курылюк помогал Гурской во всех ее начинаниях.

ТРЕВОЖНЫЕ «СИГНАЛЫ»

В 1933 г. Гурская вместе с Курылюком и студентом Львовского Университета Тадеушем Холлендром (1910 -1943; поэт и переводчик; расстрелян нацистами в Варшаве) основывает независимый ежемесячный журнал "Sygnały", посвященный проблемам общества и культуры. Главным редактором журнала был Курылюк, а его душой и одним из ведущих авторов была Гурская. Ее откровенные, неосторожные статьи вызывали разноречивые отклики. Так, например, в двух первых номерах журнала (1933, nr 1,2) была опубликована статья «Молодежь, вождь и лидер». В ней писательница ставила, в частности, вопрос о культуре

вождя, который на фоне победоносного прихода к власти Гитлера, несомненно, призывал читателя задуматься.

НЕУДЕРЖИМАЯ

Но и работа в журнале не исчерпывала энергии Гурской. Масштаб ее деятельности впечатляет: в 1936 г. она занимает активную позицию относительно антиправительственных выступлений пролетариата против безработицы, жестоко подавленных властями (14 апреля вошел в историю Львова как кровавый четверг), – при столкновении демонстрантов с полицией погиб безработный Владислав Козак. 16 апреля Гурская принимает участие в похоронах убитого, переросших в многотысячную политическую манифестацию, приведшую к новому насилию со стороны властей.

В мае того же года она – в числе организаторов Съезда работников культуры в защиту мира, который одни считали антифашистским, другие – прокоммунистическим. Многие члены Коммунистической партии действительно участвовали в нем, но Гурская членом КПП не была. Ее привлекло другое: объединение демократических сил против наступающего фашизма и выражение солидарности с пролетариатом.

В статье «Писатель и массы», опубликованной в журнале “Sygnały” (1936, № 18) вскоре после съезда, Гурская писала: «Писатели должны были стать их [рабочих] голосом. Они должны были выразить все, что сами рабочие не могли исторгнуть из своих пересохших уст: несправедливость, которую они испытывали, их надежды, их стремления». Однако она убеждена, что «нельзя превращать писателя в партийного деятеля...». Очевидно, что для нее этот съезд был возможностью предъявить властям своеобразный манифест интеллигента, небезразличного к судьбе рабочего. И власти все пристальнее следили за тем, что говорила и делала Халина Гурская.

В июле 1936 г. в дом Гурских с обыском наведальсь полицейские. Был произведен обыск. Кристина вспоминает такой эпизод: «Они вмиг опустошили все шкафы, вывалив их содержимое на пол. Отец молча наблюдал за этим безобразием, и вдруг тихим, но твердым голосом сказал: “Будьте любезны положить бумаги на место”. Сыщики словно по команде выполнили его просьбу. Отец никогда не повышал голоса, но его всегда слушали – в этом и состояла его власть над людьми».

Однако обыском дело не ограничилось. В 1937 г. Гурская написала предназначенную для журнала “Sygnały” статью о С. Семполовской «Учитель жизни». Цензура сочла, что статья «прославляет некую подозрительную особу». Статья вышла с купюрами, на месте вырезанного текста тут и там виднелись белые пятна. Существование журнала было под угрозой. Против издания было возбуждено дело, которое, однако,

не привел к его закрытию. А в 1938 г. дошло до прямого физического насилия: на редакцию было совершено нападение боевиков Национально-радикальной организации. Тем не менее, несмотря на все трудности, журнал продолжал выходить до конца августа 1939 г., до самого начала войны.

Помимо работы в журнале, в середине 1930-х годов Гурская активно участвовала в Лиге защиты прав человека и гражданина, вплоть до роспуска этой общественной организации в 1937 г.

В 1938 г. она публично выступает в защиту прав еврейского меньшинства в связи с повсеместным введением так называемого гетто за партами (*getto ławkowe*). Кристина свидетельствует: «Мама была огорчена этими событиями, но как же она радовалась, когда случалось, что польские студенты в знак солидарности со своими еврейскими коллегами, занимали в аудиториях отведенные последним места. Мама говорила об этом с гордостью – гордостью за человека. И печаль сходила с ее лица».

«ПРОБУЖДАТЬ СОВЕСТЬ СЛОВОМ»

Можно сказать, что жизнь Гурской была равна делу. Делу и слову, которые были для нее неотделимы друг от друга.

Она не могла пройти мимо чужой нужды и боли. Если бы наше знание о Гурской исчерпывалось только информацией о ее деятельности, можно было бы предположить, что она была идеалисткой, одержимой заведомо нереализуемым желанием всех осчастливить. Но были ее произведения. И в них все гораздо сложнее.

Все книги Гурской – а всего она их написала шесть – меньше чем за 10 лет, с 1930 по 1939 г.). Кроме упомянутых ранее, это беллетризованные воспоминания о варшавской юности «У черной воды» (*“Nad czarną wodą”*; 1931), повесть «Мальчишки городских улиц» (*“Chłopcy z ulic miasta”*; 1934), «Тупик» (*“Ślepe tory”*; 1937) и «Бегство» (*“Ucieczki”*; 1939) – две первые части трилогии «Барак горит» (*“Barak płonie”*), которую писательнице не дано было завершить. Они воспринимаются как один многотомный текст, в котором воссозданы и отдельные эпизоды ее жизни, и ее противоречивые настроения: разочарование в результатах благотворительной деятельности и неискоренимые иллюзии, сомнения и вера.

И в стиле Гурской отражен этот драматизм: сверхчувствительность и в то же время аналитичность до жесткости. В ее книгах едва ли не документально отражен определенный этап истории польского общества и в то же время они заставляют пролить слезу над краем несчастливых людей. Х. Богушевская писала о творчестве Гурской: «Вряд ли со времен Жеромского найдется писатель, который с большим состраданием,

с большей страстью и отчаянием кричал бы о несправедливости и пробуждал совесть людей» [Boguszevska 1945: 9].

ДОЧКИ-МАТЕРИ

Между тем жизнь во Львове становилась все напряженнее. Конечно, Гурские опасались дальнейшего развития событий, но старались не вносить это напряжение в дом – хотя бы ради дочери.

Небезынтересно, что многие героини произведений Гурской носят имя Кристина – будто писательница, изображая их, таким, литературным, образом «беседовала» с собственным ребенком. Может, так, косвенно, восполняла недостаток общения с дочерью?

Кристина рассказывает: «Вся наша жизнь вертелась вокруг маминой деятельности и творчества. Иногда издатели приезжали во Львов. Их приглашали к нам на скромный ужин – не были никакой помпы и никакого панибратства. Были и встречи с художниками, с переводчиками...». Кристине запомнился визит к Гурской переводчицы из России, которая не преминула упомянуть, что она, как и Гурская, еврейка, на что Халина парировала: «Я – полька, польская писательница».

ЕВРЕЙСКИЙ ВОПРОС

Еврейский вопрос в смешанной семье Гурских то и дело всплывал в разговорах. Присутствовал он и на страницах книг и статей Халины. Будущее евреев в Польше выглядело безотрадным, но возможность эмиграции на Запад или в Палестину не рассматривалась – писательница Гурская не могла остаться без читателя.

Беда пришла в сентябре 1939 г.

ПОД КРАСНЫМ ФЛАГОМ

То, что в разных статьях написано о позиции Гурской в советском Львове (с сентября 1939 г.), не внушает доверия. Например, такое утверждение, заимствованное из польского источника: «После того как Львов был занят СССР, Гурская активно сотрудничала с советской властью, наивно веря в эффективность провозглашаемых идей»⁶. В действительности же, Гурская в любое время и в любых условиях оставалась самой собой.

Одним из поводов для домыслов об ее активном сотрудничестве с властями был факт, что ее работы публиковались в журнале „Nowe Widnokreǳi”, издававшемся в тот период во Львове. Но ведь в нем публиковались фрагменты из ее произведений, в которых она не отступала от своих прежних убеждений.

---

⁶ Ср. Wikipedia. Статья Halina Górska.

Подчеркивается: Гурская переводила на польский язык роман Горького «Мать». Да, переводила – возможно, по заказу властей и из-за необходимости заработка. Но не исключено, что и прониклась симпатией к героине, которая испытывает столь близкие Гурской «сомнение и веру». А затем власти дали пролетарской книге «зеленую улицу»: «Matka» вышла в 1941 г. в издательстве, имевшем красноречивое название «Ukrderzncasmenwydaw». Но кажется более симптоматичным факт, что в учебнике «Literatura polska: wypisy dla klasy X szkoły średniej pod redakcją J. Borejszy», изданном в Киеве и Львове в том же Государственном издательстве национальных меньшинств в 1940 г., для Гурской места не нашлось, в то время как оно нашлось для более покладистых А. Важика и В. Василевской. Любопытную деталь сообщает Кристина: «Мама встретила с Борейшей и выразила ему свое недоумение по поводу отсутствия в книге важнейших польских писателей, хотя бы таких, как Домбровская или Каден-Бандровский, на что Борейша ответил фразой, отрезавшей возможность дальнейшей дискуссии: «Они находятся за границей»».

Еще один аргумент «не в пользу» Гурской: весной 1941 г. Общество полонистов Университета организовало вечер, посвященный ее творчеству, и власти это допустили якобы только потому, что 17 сентября 1940 г. она вступила в Союз Советских писателей Украины. Но ведь известно, что в эту организацию не вступали – в нее записывались или... записывали.

Чтобы понять, как обстояли дела в действительности, вернемся в осень 1939 г.

Гурская была делегатом Народного Съезда Западной Украины, состоявшегося 26-28 октября 1939 г., на котором было принято решение о присоединении Западной Украины к Украинской ССР. Позицию Гурской проясняет участник этих событий А. Ват, подружившийся с ней во Львове: «Гурская была чрезвычайно порядочным человеком, чистая душа, сентиментальная социалистка, любая несправедливость в мире отзывалась в ее душе болью⁷. (...) В этом и состояло несчастье: на нее пал выбор представлять на Съезде. (...) Она не хотела принять это предложение. (...) Мы все умоляли ее не отказываться - это было бы безумием, ведь уже начались аресты». Но сломить Гурскую было невозможно. Как свидетельствует Кристина, искали выход, предлагали сказать больно – это было бы достоверной причиной отказа. Наконец, было принято другое решение: Гурская согласилась участвовать в

---

⁷ Подобное впечатление Гурская произвела и на Станислава Винценца: «Халина Гурская, человек вдохновенный, окрыленный, с совершенно исключительным сердцем, преодолевала любые препятствия, если надо было помочь бедным и униженным» (St. Vincenz. Wiadomości August 13, 1967).

Съезде при условии, что она выступит там с проектом создания Польской автономии с центром во Львове, что позволит местному населению сохранить в регионе свою культуру. Однако выступить ей не дали. О том, что произошло дальше пишет А. Ват: «На съезде (...) Гурская была единственным человеком, воздержавшимся при голосовании за присоединение Западной Украины, что, несомненно, было более рискованным шагом, чем отказ от предложения стать делегатом Съезда» [Wat 1990: 280].

В ноябре того же года в газете "Czerwony Sztandar" была опубликована декларация «Польские писатели приветствуют присоединение Украины». Среди подписантов – имя Халины Гурской. Подписала под давлением? При ее-то бесстрашии? Вряд ли. Скорее всего, подпись была поставлена вообще без ее ведома. Конечно, были и другие, которые подписали – кто из страха, кто из убеждения. А. Ват свидетельствует, что именно они при этом думали: «Если не подпишем, могут быть тяжелые последствия» [Wat 1990: 269]. Но «последствия» все равно наступили: как уже было сказано, шли массовые аресты. Чего Ват никогда не узнал, так это того, что когда его как «националиста» арестовали (в 1940 г.), к Гурской пришел Ежи Путрамент с просьбой подписать письмо с осуждением поэта, Гурская не только не поставила своей подписи – она просто попросила его выйти вон.

ПОД СВАСТИКОЙ

После нападения гитлеровской Германии на СССР 22 июня 1941 г. часть польской интеллигенции левой ориентации успела эвакуироваться в СССР. Каково им там пришлось – это отдельная тема.

Гурская вместе с больным мужем и дочерью осталась в городе.

Немцы вошли во Львов утром 30 июня 1941 г. И уже 1 июля в городе произошел погром. В первые недели немецкой оккупации Халина скрывалась, жила у друзей. Но Мариану стало хуже и Халина вернулась домой. Было решено, что она не будет выходить из дома – «чтобы люди забыли о ее существовании». Гурские надеялись, что это ее уберет. Однако 19 сентября 1941 г. в дверь все-таки постучали. Кристина записала: «Мужчина в штатском уверял, что к маме у властей есть вопросы и после допроса она вернется домой. Больше я никогда маму не видела».

Халина Гурская – одна из ключевых фигур львовской культурной жизни, слишком видная, слишком открыто заявлявшая о своих взглядах, к тому же еврейка. Этого для нацистов было более чем достаточно.

Гурскую поместили в тюрьму на улице Лонцкого.⁸

До жителей Львова доходили слухи, что в этой тюрьме с заключенными обращаются невероятно жестоко. Наверное, и до заключенных доходили слухи о том, что происходит в городе: буквально на следующий день после ареста Халины был отдан приказ о создании гетто.

Тем временем Мариану Гурскому становилось все хуже. Он умер 24 декабря 1941 г.

Кристина осталась во Львове совсем одна. Она говорит: «Согревал только кусочек ткани, вырезанный из подкладки, на котором мама вышила одно слово «Люблю». Это «послание» мне передала женщина, которая освободилась из заключения». Кристина не расставалась с ним, носила его в кошельке. Но кошелек у нее украли. От матери не осталось даже этого маленького, но такого драгоценного свидетельства любви.

ОДНА

Немцы выкинули Кристину из квартиры на ул. Набеляка – дом был новый и его приглядели для себя немецкие офицеры. Кристину переселили в маленькую комнатку на ул. Меньчиньского 28, в которой прежде жили евреи, которых, в свою очередь, переселили в гетто. Немцы тасовали людей словно карты в колоде.

Шестнадцатилетней Кристине помогали чем могли друзья родителей. Чтобы выжить, Кристина продавала газеты на улицах. Участок выбрала в сквере, прямо у тюрьмы, где томилась Гурская. Кристине казалось, что мама увидит ее из окна или хотя бы услышит ее голос – услышит и узнает.

Однажды Кристина случайно наткнулась на знакомую Гурской, и та помогла ей устроиться на работу.

"СПИСОК ВАЙГЛЯ"

Это был Институт изучения тифа профессора Вайгля. Рудольф Вайгль (1883 -1957), польский биолог немецкого происхождения, впервые в мировой практике создал эффективно действующую вакцину для борьбы с сыпным тифом. Для создания вакцины он использовал одежду вошь, которая и была разносчиком тифа. Производство ее было налажено еще в годы советской оккупации в 1939-1941 гг., но значительно расширено в годы оккупации немецкой. Профессор Вайгль согласился руководить Институтом, работавшим для нужд немецкой армии, при условии, что будет сам подбирать сотрудников. Талантливый ученый, Вайгль оказался и невероятно мужественным и благородным

---

⁸ В 2009 г. во Львове был открыт Музей Национальной Памяти “Тюрьма на улице Лонцкого”. Между тем улица Сапехи (угол Лонцкого) переименована в улицу Степана Бандеры.

человеком: он брал на работу студентов, представителей научной и творческой интеллигенции, участников подполья, евреев. Это было для них надежной защитой, ибо они получали удостоверение, что работают на немецкую армию⁹.

Значительная часть сотрудников Института была так называемыми кормителями вшей, то есть теми, кто на своем теле вскармливал вшей для производства вакцины. Одной из них была Кристина. На ее бедрах резиновыми лентами закрепляли специальные клетки, одна сторона которых была сетчатой. В клетках находились вши, которые через сетку впивались в кожу и сосали кровь. Сеанс длился 45 минут один раз в день в течение примерно двух недель. Затем следовал перерыв.

Такое совпадение: еще в советском Львове Институту Вайгля было передано помещение женской гимназии им. Королевы Ядвиги, где до войны училась Кристина. Теперь в своей бывшей гимназии она кормила вшей. Кормила, пока не заработала анемию. (В Институте тщательно следили за здоровьем сотрудников).

Кристина вспоминает: «С мая [1942 г.] я не имела никаких известий о маме. Из тюрьмы никто не выходил, передачи не принимали, санитарка, работавшая в тюрьме и раньше поставлявшая мне от мамы хоть какие-то сведения, меня явно избегала. Я догадывалась, что это значит, но гнала от себя тяжелые мысли».

В ВАРШАВЕ

В январе 1943 г. она решила перебраться в Варшаву. С немецкой кеннкартой в кармане двинулась в путь. В Варшаве Кристину приютила ближайшая подруга Гурской – машинистка, которые печатала ее рукописи. А в августе 1944 г. в Варшаве вспыхнуло восстание.

НЕ СОСЧИТАТЬ ПОТЕРЬ

После поражения восстания Кристина была выслана на принудительные работы в Германию. Работала в военном госпитале в Аспельне, в Рейнской области, прачкой и посудомойкой по 13 часов в день. 1 апреля 1945 г. в Аспельн вошли англичане. Организовали лагерь для перемещенных лиц.

В конце июня Кристина уже была в Бельгии, под крылом у Розенблатов. Поступила в l'Ecole Centrale de Service Social. Тогда же и там написала несколько страничек своих горьких воспоминаний. Тогда же и там попыталась подвести итог военным потерям, которых не сосчитать.

Из самых близких – погиб дед Кристины, отец Халины Гурской, доктор Зыгмунт Эндельман. Погибла его жена Ядвига. Погиб их стар-

---

⁹ В 2003 г. проф. Вайгель был посмертно награжден медалью Праведника мира, присуждаемую институтом Яд Вашем в Израиле.

ший сын Тадеуш, который принял католическую веру 21 июля 1942 г., как раз накануне ликвидации гетто. Надеялся, что поможет? Не помогло. Погиб младший сын доктора Эндельмана, Ежи, новоиспеченный врач, верный друг Кристины с детства и, как позже выяснилось, оставшийся им до самой последней минуты: немцы застрелили его на улице в гетто в 1942 г., в руке он сжимал письмо Кристине, которое собирался отправить ей во Львов.

О том, что Халины Гурской нет в живых, дочь не знала до самого конца войны. Узнала об этом почти случайно. Кто-то из варшавских знакомых привез в Брюссель вышедшую в 1945 г. книжку писательницы Х. Богущевской. Книжка величиной с ладонь. Всего 16 страниц. На последней Кристина прочитала: «Четвертого июня, в праздник тела Господня, чудесным летним утром Халину Гурскую, вместе с другими женщинами, вывели из камеры, погрузили в фургон. Она была спокойна. Узнаваема, но совершенно седая. Ее расстреляли вместе с другими на Песках» [Boguszewska 1945: 16].

Такое «черным по белому», запоздалое и страшное извещение о смерти любимой матери.

Кристине надо было учиться жить, преодолевая нестерпимую боль.

НЕСОКРУШИМАЯ ЖИЗНЬ

С военной поры Кристина ни разу не была в городе своего детства и юности. В советский Львов не стремилась.

Может, в львовских библиотеках сохранились книги ее матери? Если сохранились, то кто сейчас в украинском Львове читает по-польски? Отмечено ли каким-либо образом присутствие в городе замечательной писательницы и исключительного человека, которая, не будучи коренной львовянкой, открыла жителям города «неизвестный Львов»? Может, циклом радиопередач или названием улицы или мемориальной доской, например, на Центральной детской библиотеке, что ныне находится на улице Симона Петлюры, – все-таки когда-то львовские подростки зачитывались книгами Гурской? Справедливости ради, скажем, что в 2014-ом, на городской конференции «Лимуд» был зачитан доклад «Халина Гурская – львовский Корчак»¹⁰. Вполне клишированный заголовок. Впрочем, сходство между героями, безусловно, имеется, ибо все порядочные люди похожи друг на друга.

Прерванное на полуслове творчество Гурской – ее последняя книга «Бегство» – имеет подзаголовок «Жизнь продолжается». Одна фраза, но

---

¹⁰ С докладом выступил украинский историк, переводчик, публицист и преподаватель Католического университета А. Павлышин. Конференция собрала около 700 человек – примерно столько евреев проживает сегодня во Львове. Для сравнения – по статистике 1930 г. в городе проживало около 77 тыс. евреев.

звучит как пролог. Последняя глава этой последней книги называется «Жизнь течет». Не случайная переключка: пролог и эпилог?

Быть может, именно такова была последняя мысль Халины Гурской.

Литература / References

1. *Boguszewska H.* Wspomnienie o Halinie Górskiej. Warszawa, 1945.
2. *Górska H.* Druga brama. Warszawa, 1935.
3. *Kuryluk K.* Wstęp do: H. Górska. Chłopcy z ulic miasta. Warszawa, 1958.
4. *Olczak-Ronikier J.* Piotr. Kraków, 1998.
5. *Wat A.* Mój wiek. T. 1. Warszawa, 1990.

О СПЕЦИФИКЕ ГЛАГОЛЬНЫХ ИМЕН В ОБУЧЕНИИ ПОЛЬСКОМУ ЯЗЫКУ

T. С. Мочалова

ON PECULIARITIES OF VERBAL NOUNS IN THE POLISH LANGUAGE

T. Mochalova

ABSTRACT:

Verbal nouns in Polish are formed with different suffixes. The functioning of verbal nouns ending in *-nie*, *-cie* by virtue of their greater closeness to the verb system than their Russian equivalents has a number of peculiarities. Attention should be drawn to those peculiarities in Polish-teaching classes to avoid mistakes connected with inter-language interference.

Keywords: related languages teaching; Polish language; syntax; verbal nouns; interference; translation

АННОТАЦИЯ:

Отглагольные существительные в польском языке могут быть образованы при помощи разных суффиксов. Функционирование глагольного имени на *-nie*, *-cie* в силу его большей близости к глагольной системе, чем у соответствующих русских образований, имеет ряд особенностей, на которые необходимо обращать внимание в процессе преподавания польского языка, чтобы избежать ошибок, связанных с явлением межъязыковой интерференции.

Ключевые слова: преподавание родственных языков; польский язык; синтаксис; глагольное имя; интерференция; перевод

Проблемы синтаксиса и, в частности, сочетаемости слов при обучении иностранному языку представляются весьма существенными. Они тем более важны при изучении родственных языков, ведь, как правило, синтаксические модели иностранного языка воспринимаются учащимися через призму родного, а это нередко приводит к ошибкам в построении высказывания. Так, уже на начальном этапе изучения польского языка студенты сталкиваются с определенными трудностями при конструировании самых простых фраз, поскольку в силу интерференции родной язык «навязывает» не свойственные польскому языку синтаксические схемы. К ним относятся, например, модель с составным именным сказуемым, порядок слов и местоположение согласованных определений, структура безличного предложения и строение неопределенно-

личных предложений, образование и функционирование страдательных конструкций, на уровне словосочетания массу проблем вызывают несовпадения в родственных языках падежных и предложно-падежных форм зависимого имени при управляющем глаголе, сочетаемостные свойства количественных числительных и др. [Тихомирова 2006: 189]. Перечисленные аспекты должны обстоятельно рассматриваться на занятиях и подкрепляться значительным количеством тренировочных упражнений.

Важной задачей преподавателя должно стать рассмотрение и такого комплекса лексико-синтаксических проблем, каким является сфера функционирования в польском языке глагольного имени на *-nie*, *-cie*, и уточнение приоритета при выборе между ним и, например, инфинитивом в замещении той или иной синтаксической позиции. При всей внешней схожести и однотипности польских и русских конструкций, содержащих формы типа *przyznanie*, *chodzenie*, *szucie* – *признание*, *хождение*, *шутье* (далее ‘девербативы’), между ними существуют значительные расхождения. В польском языке диапазон использования инфинитива в синтаксических моделях гораздо уже, чем в русском, ниже и частотность его употребления в предикативном центре предложения (в функции подлежащего), и в присловной позиции. К сожалению, в учебниках польского языка явно недостаточно упражнений, призванных сформировать у учащихся навыки правильного употребления форм инфинитива и имени действия. Между тем, неоправданно частое употребление инфинитива в польских конструкциях, где ему должны соответствовать иные языковые средства и, в частности, глагольное имя – одна из типичных ошибок русскоязычных учащихся.

Изучение проблематики, связанной с функционированием в языке имен действия, предоставляет преподавателю массу возможностей для решения широкого спектра дидактических задач, связанных со словообразованием, лексикой, грамматикой, стилистикой и переводом. Польские имена действия на *-nie*, *-cie* обладают рядом особенностей, позволяющих рассматривать их наряду с инфинитивом как одну из глагольных форм [Тихомирова 2006: 152-153]. Это возможность беспрепятственного образования девербативов от глаголов (по некоторым данным, приблизительно лишь один польский глагол из ста не образует имени действия рассматриваемой словообразовательной модели [Пчелинцева 2016:162]), их широкая употребительность, ярко выраженное значение действия или состояния, способность выражать такие глагольные категории, как вид (*pisanie* – *napisanie*), возвратность (*rozpoczęcie* – *rozpoczęcie się*), способ действия (*czytanie* – *czytywanie*), соотносённость с субъектом и объектом действия (*podpisanie umowy przez ministrów*), а также специфика синтаксического функционирования. Полезными по-

этому будут, например, упражнения на образование девербативов от глаголов, в том числе, возвратных, составляющих видовую пару (*podpisać – podpisanie, podpisywać – podpisywanie; uśmiechnąć się – uśmiechnięcie się, uśmiechać się – uśmiechanie się*).

Выделяя группу девербативов на *-nie, -cie*, следует учитывать, что они противопоставлены отглагольным существительным иных словообразовательных моделей (ср.: *wyjechanie – wyjazd; modyfikowanie – modyfikacja; wrózenie – wróżba; rozpoczęcie – początek* и т. п.) и омонимичным именам предметного значения (*ogrodzenie deskami – ogrodzenie z desek*) как транспонирующие содержание глагольной основы на уровень субстанции без каких-либо семантических надбавок к значению действия. Задания на образование отглагольных существительных различных словообразовательных моделей и сравнение их контекстуально-употребления с девербативами от тех же глаголов помогут учащимся не только расширить знания в сфере суффиксального словообразования, но и осознать различия между лексическими и синтаксическими дериватами, которыми следует признать польские девербативы¹. Этой же цели могут служить и трансформационные замены предикативных конструкций оборотами-«свертками», включающими в себя имплицитно предикативные глагольные имена с сохранением указания на субъект действия и всех необходимых слов-распространителей (ср.: *Janek przyszedł niedługo po Marcie – przyjście Janka niedługo po Marcie; ona niepotrzebnie wydaje pieniądze – niepotrzebne wydawanie przez nią pieniędzy* и т. п.).

Естественно, что в изоляции от синтаксического контекста девербативы имеют лишь набор потенциальных значений. Свои семантические и синтаксические свойства они реализуют, занимая ту или иную позицию в предложении и выполняя в нем строго определенные функции. Как и инфинитив, польские имена действия на *-nie, -cie* могут входить в предикативную основу предложения, занимая, в частности, позицию подлежащего. Общность категориального значения обуславливает возможность синонимических взаимозамен этих форм в некоторых моделях предложений (ср.: *Podróżować jest przyjemnie. – Podróżowanie jest przyjemne.*). К тому же, в польском языке, в отличие от русского, инфинитив в качестве подлежащего выступает намного реже: эта позиция «резервируется» за девербативом благодаря его субстантивной оформленности (ср. рус.: *Готовить обед было ее обязанностью*; польск.: *Gotowanie obiadu było jej obowiązkiem.*). Важным в предложениях такого типа является значение предиката. Как правило, это глаголы причинно-следственной связи (*warunkować, wywoływać, powodować, umożliwić* и

¹ Признаковая семантика девербативов базируется на номинализации предложения, ср.: *Cieszę się, że on przyszedł – Cieszę się z jego przyjścia.*

др.), а также конструкции с именами того же значения или со значением этической и прагматической оценки (*powstanie takich konstrukcji jest wynikiem określonych procesów; wprowadzenie mikroskopu umożliwiło odkrycie komórki; wyjechanie z miasta było koniecznością/konieczne*).

Однако основную трудность для учащихся представляют конструкции с девербативами, зависимыми от глагола или имени, поскольку именно в присловном употреблении четко разграничить сферу функционирования имен действия и инфинитива довольно сложно [Buttler, Kurkowska, Satkiewicz 1973: 321]. Языковой материал показывает, что выбор между инфинитивом или девербативом обусловлен, в первую очередь, значением предиката. В составе сказуемого, например, инфинитивная форма используется с модальными и фазовыми глаголами (*mógł się spóźnić, musiała pozostać, przestało padać*). Имя действия предполагают глаголы определенных семантических групп, к которым относятся, в частности, глаголы волеизъявления (*prosił o przyjście*), речи-мысли (*mówił o znalezieniu pracy*), восприятия (*nie zauważył jego zniknięcia*), эмоционального отношения (*przeżywał jej odejście*). В то же время многие глаголы допускают после себя обе формы (*wolał milczeć/milczenie; zaczął opowiadać/opowiadanie*). Задача преподавателя сводится в этом случае к демонстрации учащимся значительного количества контекстов с указанными моделями и отработке навыка выбора нужной формы, когда синонимы отсутствуют. Чтобы избежать возможных ошибок, важно, например, отметить, что фазовые глаголы *rozpocząć* (в отличие от *zacząć*), *kontynuować*, *zaprześć* (в отличие от *prześć*) предполагают сочетание с именем действия (**rozpoczął, *kontynuował, *zaprześć czytać – rozpoczął, kontynuował czytanie, zaprzestął czytania*).

Отдельного внимания заслуживает группа глаголов со значением просьбы, приказа, совета: *prosić, rozkazywać, żądać, wymagać, postulować, polecać, umożliwiać, zmuszać* и т. п. (так называемые каузативно-волеуказательные глаголы). В отличие от русского языка, где подобная семантика глаголов предполагает включение в синтаксическую конструкцию инфинитива, в польском языке это законное место девербатива: *umożliwił dostanie się na studia, żądał przyjścia, zmusił do pozostania*. Наиболее коварным для русскоязычных учащихся является в этом ряду глагол *prosić* (*просить*). Несмотря на то, что знакомство с его сочетаемостной схемой '*prosić o co*' происходит обычно на начальном этапе изучения языка, ошибки типа **proszę pana przyjść jutro, *prosił zaczekać* принадлежат, пожалуй, к самым частым и трудноискоренимым [Foland-Kugler 1998: 82]. Это связано, по всей вероятности, с функционированием в польском языке «безадресных» императивных конструкций типа *proszę siadać*, где глагол превратился в застывшее образование, практически утратившее основное лексическое значение и пара-

дигматические формы (нельзя, например, сказать *prosisz siadać, proszę siadać*), а также моделей типа *proszę pana*, служащих простым обращением, где речь тоже не идет о «просьбе»². Наслаиваясь друг на друга, они дают привычную для русского уха, но неправильную, с точки зрения польского синтаксиса, кальку. Только солидная профилактическая работа поможет избежать грубых ошибок, связанных с функционированием глагола *prosić* в самостоятельном значении. Учащимся могут быть предложены задания на переоформление прямой речи в косвенную (*Dyrektor nas poprosił: „Niech państwo przygotują wszystkie materiały”* → *Dyrektor poprosił nas o przygotowanie wszystkich materiałów*), на составление предложений из заданных элементов (*kto+prosić+kogo+o co*), на замену простых предложений с именем действия сложноподчиненными и наоборот (*prosiłam go o potwierdzenie daty przyjazdu* ↔ *prosiłam, aby potwierdził datę przyjazdu*), а также на перевод с русского языка на польский [Мочалова 2012:146-148].

Рассматривая на занятиях случаи приглагольного употребления девербативов, следует остановиться и на широко распространенных в деловой речи, языке прессы и науки аналитических конструкциях, образуемых путем расщепления предиката на «пустой» (неполнозначительный, десемантизированный) глагол, соотносящий имя действия с именем его субъекта и временем осуществления, и семантически значимое глагольное имя (*złamał rękę – doznał złamania ręki; otworzy wystawę – dokona otwarcia wystawy*). Язык СМИ изобилует глагольно-именными аналитизмами подобного типа, поэтому научить студентов употреблять их (не злоупотреблять!) – одна из важнейших задач преподавателя при работе с лексикой общественно-политического аспекта.

Необычными для русскоязычных учащихся являются конструкции типа *to było do przewidzenia, tam do przepisania dwa ćwiczenia*, где глагольное имя выступает в качестве компонента сказуемого наряду с инфинитивом в синонимичных моделях (*to można było przewidzieć, muszę przepisać dwa ćwiczenia*). Анализ их структуры можно проводить одновременно с рассмотрением приименного функционирования девербативов в определительных конструкциях (*jest to dom do wynajęcia, to była drużyna nie do pokonania*), где имя действия синонимично инфинитиву – компоненту зависимого предиката в сложноподчиненном предложении (*dom, który można wynająć, drużyna, której nie można było pokonać*). Вариативность таких конструкций может быть положена в основу соответствующих тренировочных упражнений.

---

² Здесь уместно будет напомнить учащимся об употреблении разных падежных форм существительного в зависимости от значения всего оборота со словом *proszę*: *proszę pani* – *proszę panią* (обращение или объект-адресат глагольного действия).

Специфика употребления имен на *-nie*, *-cie* в приименной позиции обусловлена как процессуальной семантикой самих девербативов, так и значением слова, вводящего отглагольный дериват в предложение: это, прежде всего, существительные с модальным значением (в русском языке после них употребляется инфинитив, ср.: рус. *желание*, *возможность*, *необходимость*, *право*, *способность* понять; польск. *chęć*, *możliwość*, *konieczność*, *prawo*, *zdolność* zrozumienia). Девербатив присоединяют к себе не только каузативно-волеизъявительные глаголы, но и существительные с аналогичным значением: *nakaz*, *rozkaz*, *prośba*, *żądanie*, *pozwolenie* и т. п. Сочетаемость с девербативами предполагают также прилагательные и адъективные причастия с модальной или оценочной семантикой, характеризующие действие с точки зрения отношения к нему субъекта или по признаку ‘возможно/невозможно’, ‘легко/трудно’, ср.: *zmuszony do zastanowienia się*, *możliwy/niemożliwy do przyjęcia*, *trudny/łatwy do zrobienia*. Этот аспект функционирования рассматриваемых образований также нуждается в подкреплении соответствующими заданиями и тщательной отработке, так как ошибки, состоящие в подмене глагольного имени при существительных и прилагательных инфинитивом (*chęć zrozumieć, *prośba przynieść, *zdolny zdradzić), принадлежат к типичным.

Несколько проще обстоит дело с употреблением глагольных имен в разного рода обстоятельственных оборотах, характеризующих основное действие с точки зрения времени, причины, цели и способа осуществления. При всем разнообразии выражаемых значений предложные конструкции с девербативами функционально однотипны: они обозначают вторичную, периферийную ситуацию, так или иначе связанную с центральной, представленной предикативным центром предложения. Вводя в предложение информацию об этой ситуации, обороты с глагольными именами вступают в вариативную связь с придаточными предложениями с тем же смысловым объемом, где действие выражено спрягаемой формой глагола. Ср.: *żeby zrealizować swój cel, wyjechał z kraju – dla zrealizowania swego celu wyjechał z kraju*; *zanim mu to powiesz, zastanów się – przed powiedzeniem mu tego zastanów się*; *nie wziął udziału w konkursie, bo się nie stawiał na czasie – nie wziął udziału w konkursie ze względu na niestawienie się na czasie* и т. п. В приведенных и им подобных случаях девербативы на *-nie*, *-cie* участвуют в перемещении синтаксических отношений сложноподчиненного предложения в простое, повышая тем самым информационный потенциал текста. Предлагая задания на такие преобразования, преподаватель развивает у учащихся навыки подбора синонимичных контекстов, знакомит их с богатым арсеналом предлогов, участвующих в формировании обстоятельствен-

ных оборотов, с разными типами придаточных предложений и вводящими их союзами.

Учитывая широкое распространение во всех стилях языка предложных временных конструкций, включающих в себя девербативы на *-nie*, *-cie* и отглагольные существительные других словообразовательных моделей (*przed czytaniem/rozmową – w czasie czytania/rozmowy – po czytaniu/rozmowie*), целесообразно параллельно обратиться к вопросу функционирования польских деепричастий. Как и глагольные имена, они призваны вводить в предложение добавочную предикацию в «свернутом», конденсированном виде. Функциональное сходство деепричастий на *-ąc*, *-(t)szy*, *-wszy*, имен действия и придаточных предложений позволяет им выступать в качестве членов одного синонимического ряда, ср.:

Thumacząc tekst korzysta z dwóch słowników.

W czasie/podczas/w trakcie/przy tłumaczenia(-u) tekstu korzysta z dwóch słowników.

Kiedy tłumaczy tekst, korzysta z dwóch słowników.

Przetłumaczywszy tekst, odłożył słownik.

Po przetłumaczeniu tekstu odłożył słownik.

Kiedy przetłumaczył tekst, odłożył słownik.

Конструкции с именами действия удобны, ёмки, семантически прозрачны, к тому же они позволяют, в отличие от, например, деепричастий, соотнести действие не только с субъектом предикативного центра (ср.: *wszedłszy, sięgnął po książkę – po wejściu matki sięgnął po książkę*). Возможно, поэтому именно им отдают предпочтение носители языка (прежде всего, в письменной речи), в то время как деепричастия на *-(t)szy*, *-wszy* употребляются несравненно реже.

Таким образом, в каждой из занимаемых в предложении позиций польские имена действия на *-nie*, *-cie* имеют свою специфику. Их синтаксическое функционирование обусловлено ярко выраженной семантикой действия, благодаря которой они дополняют систему глагольных форм, вступая с инфинитивом и деепричастием в отношения вариативности или комплетивности.

Рассматривая круг вопросов, связанных с функционированием имен действия в польском языке, необходимо остановиться и на стилистическом аспекте этой проблематики. Как и в русском языке, номинализованные обороты – принадлежность публицистического, делового, канцелярского стиля (ср.: *Mieszkańcy dzielnicy są proszeni o unikanie wychodzenia z domu*). Анализируя фрагмент текста какой-либо инструкции или делового письма, наглядно иллюстрирующий значительную

степень номинализации польского синтаксиса этого стилистического пласта (вот лишь один из примеров: *W trakcie obrad przewidziane jest zapoznanie uczestników programu z nowoczesnymi formami działalności dziennikarskiej, poprzez które możliwe jest wspieranie rozwoju społeczeństwa obywatelskiego. Naszym celem jest przedstawienie dziennikarstwa jako misji społecznej na rzecz umacniania przejrzystości życia społecznego, przekazywania uniwersalnych wartości demokratycznych i realizacji praw człowieka oraz umożliwienie uczestnikom programu dokonania porównań zasad i stylów pracy środowisk dziennikarskich*), важно предостеречь учащихся перед злоупотреблением девербативами, в том числе, при переводе общественно-политических текстов.

Широкая распространенность глагольных имен и специфика их функционирования в польском языке, несовпадение диапазона их использования в польских и русских конструкциях свидетельствуют о целесообразности рассмотрения на уроках польского языка такой, казалось бы, периферийной проблемы, как синтаксическое функционирование в польском языке особой категории слов – имен действия *-nie, -cie*.

Литература / References

1. Мочалова Т.С. Польский «с нуля». Учебник в 2 кн. М.: Восточная книга, 2012.
2. Пчелинцева Е.Э. Польское отглагольное имя действия: словарь и корпусные данные// Вестник КГУ им. Н.А. Некрасова, 2016, 1. С. 159–163.
3. Тихомирова Т.С. Польский язык. М.: Восток–Запад, 2006. – 314 с.
4. Buttler D., Kurkowska H., Satkiewicz H. Kultura języka polskiego. Warszawa: PWN, 1973. – 480 с.
5. Foland-Kugler M. Uczymy polskiego na wschodzie. Warszawa: Wydawnictwa CODN, 1998. – 124 с.

ЯЗЫКОВАЯ МОЗАИКА В РОМАНЕ МАРГАРИТЫ ХЕМЛИН «ДОЗНАВАТЕЛЬ»

О.А. Остапчук

LINGUISTIC MOSAIC IN THE MARGARITA KHEMLIN'S NOVEL THE INVESTIGATOR

O. Ostapchuk

ABSTRACT:

The paper is devoted to the analysis of linguistic stylization in the novel "The investigator" (2012) written by Margarita Khemlin. Under analysis is the language of the novel as such, which represents not only soviet official cliché's, but also colorful picture of the language mosaic in a small Ukrainian town in the half of the 20th century. Diverse combination of Russian, Ukrainian, Yiddish and mixed elements could be viewed as specific stylistic means but also throw the prism of the linguistic landscape's theory.

Keywords: language stylization, language of the town, Russian, Ukrainian, Yiddish, linguistic landscape, Chernigov, mid 20th century

АННОТАЦИЯ:

Статья посвящена разбору техники языковой стилизации на материале романа «Дознаватель» (2012) авторства Маргариты Хемлин. Предметом анализа является языковая ткань романа, состоящая не только и не столько из официальных советских клише, сколько передающая яркую картину языковой мозаики, характеризующей жизнь небольшого украинского города в середине XX века. Разнообразные комбинации русского, украинского языков, идиш и смешанных элементов рассматриваются с точки зрения их структуры и функций в художественном тексте, а также с учетом теории языкового ландшафта.

Ключевые слова: языковая стилизация, язык города, русский язык, украинский язык, идиш, языковой ландшафт, Чернигов, середина XX в.

Стилистический потенциал элементов, маркированных в русской художественной речи как иностранные, неоднократно привлекал внимание исследователей. Особый интерес в этом отношении представляет стилистическое взаимодействие с текстом иноязычных вкраплений, связанных по своему происхождению с близкородственными языками. Этой теме Наталия Евгеньевна Ананьева посвятила целую серию работ, в которой широкая эрудированность автора сочетается со скрупулезным лингвистическим анализом функций и формы полонизмов в произведениях русской прозы разных периодов, начиная с Н.В. Гоголя и В.Г. Короленко и заканчивая современными романами Дины Рубиной

[Ананьева 2004], [Ананьева 2015], [Ананьева 2014], [Ананьева 2012], [Ананьева 2011], [Ананьева 2013]. Так, применительно к исследуемым текстам, Н.Е. Ананьева отметила, что «вплетенные» в ткань литературного произведения полонизмы и украинизмы (редко – заимствования из идиша) выполняют одновременно ряд художественных функций: информативную, экспрессивную, стилистическую. Воссоздавая определенный лексический колорит, «пространственно» и «хронологически» маркируя сообщаемое, характеризуя речь тех или иных персонажей, придавая ей не только достоверность, но и выразительность, эти иноязычные элементы одновременно являются компонентом языковой материи произведения и тем самым составной частью его поэтики» [Ананьева 2014: 15].

Языковая ткань романа Маргариты Михайловны Хемлин «Дознаватель» [Хемлин 2012] представляет в собой прекрасную иллюстрацию этого тезиса. Роман, вышедший в 2012 г. и ставший фактически сразу после выхода финалистом двух самых престижных российских литературных премий – «Русского Букера» и «Большой книги», несомненно, относится к числу лучших образцов современной русской прозы. Не лишним будет заметить, что роман уже переведен на итальянский, английский и французский языки (два последних перевода, к сожалению, вышли уже после скорострительной смерти автора). Маргарита Михайловна Хемлин (06.07.1960 – 24.10.2015) родилась и выросла в украинском Чернигове, окончила московский Литературный институт (1985), а с 2007 г. полностью посвятила себя литературному творчеству, заслужив известность благодаря мастерски воссозданному духу местечек, где причудливо сплелись русская, украинская и еврейская культура. В целом ряде интервью М.М. Хемлин обращается к собственному культурному опыту и восприятию языкового многообразия, ставшего частью ее самой: «Я приехала с Украины, и это другой язык. Даже если нам, живущим на Украине, родившимся и впитавшим этот язык, казалось, что мы говорим на хорошем русском языке. Конечно, мы «хаварыли» не на русском. [...] И надо было вытравливать из себя этот язык. А что такое вытравливать язык, на котором говоришь с рождения? ...В доме все говорили по-русски. Но все – отец, мама, бабушка – прекрасно говорили по-украински, если с ними говорили на украинском. И с детства мне совершенно было все равно, по-украински или по-русски книги читать. И я очень рада этому, потому что я иногда думаю по-украински. Особенно сейчас, когда пишу книги... И, может быть, то, что я начала писать, – попытка попросить прощения у Украины, у своих родных, у

еврейских местечек, у Остра, откуда родом семь поколений – это то, что я знаю»¹

Личный опыт взросления в поликультурной среде, тонкий внутренний слух и безошибочное стилистическое чутье помогли М.М. Хемлин сделать языковую ткань романа «Дознаватель» столь же неповторимой, сколь и достоверной. Выбор автором сказовой манеры, в которой о загадочном убийстве, произошедшем при невыясненных обстоятельствах в Чернигове в 1952 г., рассказывает сам следователь-дознаватель – капитан милиции Цупкой, позволил автору создать яркий речевой портрет типичного жителя украинского заштатного городка середины XX в. Специфическая языковая мозаика в романе соткана из элементов различных стилистических регистров: официально-деловые клише, отсылающие к сухому стилю рапорта (который, собственно, составляет главный герой), соседствуют с сочными фразеологизмами и разговорными словечками, среди которых особая роль отводится украинизмам и идишизмам, а также разного рода смешанным элементам. Необычная языковая форма романа создает не только ощущение достоверности художественного высказывания, но и является одним из важнейших средств эмоционально-экспрессивного воздействия на читателя².

Признавая в полной мере условность литературного текста, нельзя не отметить типичности воссозданной в романе картины языковой ситуации для этой части Украины (еще раз подчеркнем, родной для автора). Коммуникативная модель многоязычия, представленная в романе, может быть проанализирована с применением современной социолин-

---

¹ Маргарита Хемлин. Книга – как акт спасения / Интервью брала Н. Дёмина. 28 сентября 2013: [Электронный ресурс]. Режим доступа:

http://polit.ru/article/2013/09/28/khemlin_books1/ (дата обращения: 10.04.2016).

² Впрочем, у неискушенных читателей форма романа вызвала неоднозначные отзывы (орфография и пунктуация оригиналов сохранена): 1) *Кто-то в состоянии читать книги, написанные таким языком, до конца? Понадеялся на премии и любопытствовал, о чём быстро пожалел. Великий и могучий? Был когда-то. Всем уже совсем всё равно, лишь бы было читиво?* 2) *В случае с Маргаритой Хемлин у меня каждый раз возникает стойкое ощущение, что автор-автор и автор-рассказчик - это одно лицо. То есть она настолько владеет языком и материалом, что умеет создать историю, воспринимаемую как полностью настоящую: не вымысел, не художественное произведение, а рассказ о собственной жизни реального человека* [<http://www.labyrinth.ru/reviews/goods/355253>]; 3) *Своеобразен язык романа. Повествует дознаватель Цупкой суконным канцелярским языком, как будто пишет рапорт или объяснительную записку начальству. Таким языком разговаривают герои у Зоженко; 4) Герои романа изъясняются на суржике. При всей комичности этих простецки-напыщенных казенных тавтологий, их речь однако звучит вполне натурально; 5) Какая-то совершенно необычная вещь, так мне показалось. Стиль вроде не мой - рвано, не всегда понятно, запутанно, но черт побери, не оторваться. А язык, язык! Еще чуть-чуть - и я бы тоже заговорила на смешение канцелярского языка Цупкого с идишем и вставлением украинских словечек. Мне кажется, что именно то, КАК написано является основным достоинством книги* [<https://www.livelib.ru/book/1000562744/reviews>].

гвистической теории, позволяющей максимально учесть многомерность языкового общения и адекватно оценить баланс языков, сосуществующих в едином культурном пространстве. Полезны для нас могут быть также постулаты новой социолингвистической дисциплины - «языкового ландшафта», которая особое внимание уделяет ситуации в многоязычных городах (мегаполисах) и разнообразным языковым средствам оформления публичного пространства (вывескам, рекламе, объявлениям и под. [Gortler 2006: 2]. Однако, учитывая тот факт, что в данном случае мы имеем дело не с реальным, а с литературным языковым ландшафтом, будем трактовать этот термин максимально широко, обращаясь прежде всего к тем средствам, которые были отобраны автором для установления пространственных и хронологических координат в повествовании.

Языковой образ Чернигова и его окрестностей создается в романе средствами разного уровня. В первую очередь, следует упомянуть использованные М.М. Хемлин топонимы и микротопонимы, которые четко определяют место действия, задавая при этом не только его географические, но и культурные, а также временные координаты. Вот как представляет главный герой место действия: «Тогда я работал в органах милиции в городе **Чернигове Украинской ССР**. В чудесном краю, где всякий человек мог слушать соловьев и шум тополей на старинных улицах. Любоваться календарем из цветов на центральной площади. Гулять по достопримечательностям седых столетий» [Хемлин 2012: 5]³. Появляются в романе и микротопонимы: «**Чернигов** – город небольшой. От **Красного моста до Троицкой горы. От Вала до Пяти Углов. Вот и весь город. Найти человека просто**» (28). В цитате, приведенной выше, названия улиц и районов города призваны установить ассоциативную связь прежде всего с культурным прошлым города, как и *Антониевы пещеры* (где был зарыт предполагаемый труп), при этом активно используются украинские по своему происхождению названия: *Киевский шлях*, река *Стрижень*, район *Лисковица*. В романе появляются и другие микротопонимы, иллюстрирующие советскую стратегию именования городских объектов: убийство происходит *на улице Клары Цеткин*, главный герой получает квартиру *на улице Коцюбинского*⁴ и т.д. Роль географических и национально-культурных маркеров выполняют также другие названия, напр. село *Рябина*, где родился главный герой, или местечко *Остер* (родной город отца автора романа), с кото-

³ Далее страницы локализации примеров из романа приводятся по данному изданию – в круглых скобках.

⁴ М. Коцюбинский – известный украинский писатель рубежа XIX-XX в., вошедший в канон украинской литературы в советское время; его имя довольно часто встречается в названиях городских объектов на территории Украины.

рым связана жизнь целого ряда персонажей романа: «*Остер – известная еврейская местность. Примерно большинство евреев. Остальные украинцы. Чуть-чуть русских*» (53).

Важная символическая роль отводится в романе также антропонимам. Имена и фамилии героев, как правило, недвусмысленно определяют национальную принадлежность персонажа. Так, украинские персонажи являются носителями характерных фамилий, оформленных по продуктивным антропонимическим моделям: *Моисеенко Роман Николаевич*, *Шостак Иван Нестерович*. При этом ряд имен приводятся в подчеркнуто украинизированной форме, акцентирующей идентичность героев: *Свириденко Максим Прокопович*, *Диденко Микола Иванович*, *Палий Петро*. Это дополнительно сообщает тексту элемент разговорности (ведь именно в такой форме фигурируют имена в речи героев), одновременно делая литературный ономастикон романа более достоверным и четко локализованным в культурном пространстве. Ряд использованных в романе фамилий можно условно отнести к категории говорящих, что несколько не вредит достоверности создаваемой языковой картины, учитывая распространенность подобных украинских фамилий в узусе, но при этом служит дополнительным средством экспрессивной характеристики персонажей: так, фамилия главного героя *Цупкой Михаил Иванович* происходит от укр. прилагательного *цупкий* 'хваткий', 'жесткий', а фамилия *Хробак* (*Сергей Николаевич* – жених Евы Воробейчик, *Тарас* – его сын) в переводе с украинского означает 'червяк'.

Не менее выразительны и использованные в романе еврейские имена, которые также выступают в качестве маркера национальной принадлежности персонажа: хотя по степени маркированности «экзотические» имена типа *Зусель Табачник*, *Евсей Гутин*, *Бэлла*, *Довид Срулевич*, *Шайда Мирон Шаевич* отличаются от более нейтральных *Воробейчик Лилия* и *Ева Соломоновна*, *Лаевская Полина Львовна*, *Штадлер Вениамин Яковлевич*. Лишь отдельные имена сопровождаются в тексте развернутым комментарием, как в случае с Малкой Цвинтар: «*Фамилия у нее была другая – Цвинтар, имя чисто еврейское, старое, как и положено по возрасту, – Малка*» (15). При этом автор уделяет особое внимание специфической практике переименования, когда традиционные еврейские имена, ощущавшиеся в славянском языковом окружении как «неблагозвучные» заменялись в официальном употреблении на русские (украинские): «*Я как-то намекнул Евсею, что ему, коммунисту, не стоит стесняться никаких имен и тем более отчеств. Он по паспорту – Абрамович. А представляется Аркадьевичем. И тесть у него – Срулевич. А он его Сергеевичем переделал. Нехорошо. Недостойно звания человека, который отрекается*» (33).

Национально-маркирующую функцию выполняют также разного рода прецедентные феномены, в том числе названия музыкальных произведений, в языковом сознании прочно связанные с кругом популярной украинской культуры. Так, первая встреча главного героя с бывшим возлюбленным жертвы актером Моисеенко проходит на фоне оперы Гулака-Артемовского *«Запорожец за Дунаем»*. Позже на свадьбе в Острове *«когда заиграли украинскую – «Ты казала – у неділю», – загорлали все. Хором. Песня что надо. На века. Народная»* (53). Появляется в романе и название другой популярной украинской народной песни (ее поют после ужина в родном селе героя): *«Ніч яка місячна»* (159), которая создает непринужденную, семейную атмосферу. Заметим, что все три музыкальных произведения входят в символический канон популярной украинской культуры и связаны с «украинскостью» в том числе в русском культурном сознании; неслучайно и их названия приводятся по-украински. Во время встречи Цупкого с детьми его погибшего друга Евсея русская песня, апеллирующая к их совместному опыту гражданской войны *«Чи ви, хлопцы, будете, хто вас в бой веде?»* (171), призвана оживить другой круг ассоциаций, на сей раз из популярной советской культуры.

В роли прецедентных феноменов для круга еврейской культуры, в свою очередь, выступают разнообразие реалии, в том числе характерные особенности быта, переданные через восприятие главного героя: *«Открыла старуха еврейского вида. Настолько еврейского, что даже платок был у нее заправлен по-еврейски за уши и уже потом завязан, как у людей, под подбородком»* (13); *«Гоголь-моголь мне изготовила и в рот вливала с ложечки»* (273). Особая роль отводится здесь предметам, связанным с религиозным культом, в советское время фактически находившимся под запретом и поэтому воспринимаемым героем-рассказчиком (с ним незнакомым и потому сопровождаемым пространственным культурологическим комментарием) как часть якобы плетущегося «сионистского заговора»: *«Я не мальчик и знал, что это называется «маца». Специальная пища для ихней Пасхи. По жизненному опыту, а также по роду своей деятельности я знал, что подобная Пасха прошла. К тому же изготовление мацы не то что не приветствовалось советскими органами правопорядка, а осуждалось на примерах, дорого стоивших нарушителям. Вплоть до тюремного заключения на длительные сроки»* (11); *«Табачник же, видимо, по своей инициативе сунул под голову Евсею сверток – религиозный полосатый причиндал и что-то еще. Довид объяснил на мой немой взгляд: талес и кипа»* (71).

Многослойная языковая ткань повествования создается благодаря использованию в сказовой речи персонажа-рассказчика элементов различных стилистических регистров, каждый из которых призван акцен-

тировать определенную авторскую позицию или ее смещение, подчеркнуть его коммуникативную роль или идентичность при смене описываемой ситуации (ср. [Wardhaug 2002: 51]). Первый и наиболее очевидный пласт языка – это канцелярит, состоящий из причудливого сочетания официально-деловых клише, пронизанных казенщиной и отсылающих к сухому стилю рапорта и газетных штампов, делающих речь рассказчика подчеркнута унифицированно-безличной: «В силу того, что я имел небольшой возраст, я хотел подойти к делу с огромной тщательностью, чтоб стало видно по всему: поручение будет выполнено с честью» (6); «Через знание Лаевской я вышел на некоего Моисеенко Романа Николаевича, состоявшего в любовных отношениях с убитой жертвой» (7); «Меня особенно обидело, что Лаевская намекала на мое халатное отношение к делу Воробейчик. А между тем все было сделано в соответствии с социалистической законностью. Протоколы и так далее. Никто не виноват, что Моисеенко трагически ушел из собственной жизни» (26). В речи героя типичные для казенных рапортов официально-деловые конструкции (*в силу того, что; в соответствии..., подойти к делу..., состоять в отношениях...*), составляющие своеобразную коммуникативную рамку, нередко трансформируются за счет вкрапления разговорных элементов, в том числе интерференционной природы (*через знание* ср. укр. *через знання*), тавтологии и под. Эта намеренно создаваемая «неправильность» речи, выходящая за рамки строгих стилистических норм, позволяет придать речи героя – «вопреки» его намерению, но в соответствии с художественной логикой автора – индивидуальный характер, что становится не только способом речевой характеристики героя, но и важным средством психологического портрета.

Сухие фразы, затверженные героем, выуженные им из газет и рапортов, служат средством своеобразной эмоциональной мимикрии, позволяя скрыть свои истинные чувства. «Выморочный канцелярит, на котором изъясняется главный герой романа, — язык власти. [...] Это язык, на котором изъясняется — через газеты, радиопередачи и своих чиновников — государственная полуправда, а то и прямая ложь, и таким образом помогает скрывать, а не выражать свои мысли. Это язык машины» [Галина 2013]. Герой скрывается за своей речевой маской даже в тех случаях, когда предельно личный повод высказывания, казалось бы, подталкивает его к искренности и непосредственности, но место спонтанного высказывания вновь занимают стандартизованные обезличенные клише: «У меня мать и отец замучены фашистскими извергами как передовые колхозники, причем отец — активист. Отдать последний поклон могилам родителей — на такую мотивировку я вынужден был решиться» (52); «Я уговаривал Любочку поместить Иосифа в больницу.

Без толку. У нее присутствовал страх, что в больнице доктора залечат мальчика. Ясно. Влияние убийц в белых халатах» (89); «Хоть и понимал: материнское сердце – особое дело. Дело, так сказать, выделенное в особое производство природой» (108).

Помимо русского языка, который составляет основу ткани повествования и предстает в двух своих причудливо переплетшихся стилистических регистрах: официальном и разговорном, как в речи персонажа-рассказчика, так и в тех партиях текста, где слово отдано прочим героям романа, появляются также элементы других языков, традиционных для маленького украинского городка. Переключение кодов (с русского на украинский, реже – идиш) чаще всего несет дополнительную смысловую нагрузку, свидетельствуя о смене коммуникативной ситуации и/или эмоционального регистра. Так, идиш предстает в романе прежде всего как язык доверительного семейного общения, язык детства, причем он фигурирует, как правило, только в виде одиночных вкраплений в русской речи: «*Шикнула на хлопцев: – А ну, **гешвинд шлафн**, паршивцы! Раскладывайте матрасы!*». Для рассказчика – это явно чужой язык: «*Остер встретил меня свадьбой. Женился еврей с еврейкой. И гости, будем откровенны, сплошь евреи. Не без украинских товарищей, но в основном и целом. Слышалась еврейская речь, особенно со стороны пожилых» (53); с ним в восприятии героя связаны скорее негативные ассоциации, в том числе звуковые: «*И опять оглушили меня своим гырканием. Но, смотрю, украинцы даже разговор на их языке поддерживают. На шуточки отзываются веселым смехом. Подмигивают» (56). В то же время, капитан Цупкой, оказавшись на еврейской свадьбе, вставляет в свою речь ритуальное поздравление, призванное дополнительно расположить к нему присутствующих: «*Тот, что меня за шиворот притащил в хату, громко объявил: – У нас, товарищи, еще один гость. Он сейчас скажет свое слово. Ша! Все замолчали. Я стакан с узваром поднял и говорю: – **Мазл тов**, дорогие молодята! **Мазл тов** на долгие годы!*» (56).**

Украинские партии в тексте романа зачастую гораздо пространнее, именно в данном случае можно говорить о классической ситуации переключения кодов. Стилистические функции, закрепленные за украинским языком, подобны тем, о которых говорилось в связи с идиш: украинский язык – это прежде всего язык чистой эмоции, сообщающий высказыванию доверительную непосредственную интонацию, даже если переключение кодов осуществляется в рамках одной фразы: «*А кто ж еще вас, Полина Львовна, **серденько**, поддержит, чтоб вы не **гепнулись!** – засмеялся я от души» (75). Важно, что коммуникативная ситуация с использованием украинского языка предполагает участие в ней людей из ближайшего семейного и дружеского круга, причем по-*

украински, как правило, передаются устные высказывания героев: *«Ганнуся вешалась мне на шею каждую секунду и говорила: – Татусю, татусю! Любесенький мій татусь.- Девочке четыре с небольшим, а она понимает, что такое любовь в семье»* (69). Выполняет украинский язык в тексте и традиционную для русской культуры функцию, выступая маркером «сельской» речи: именно по-украински говорят персонажи в родном селе Цупкого Рябине: *«Ганнуся, Йосип, дядько Петро прийшов, що будемо сьогодні робити? Мамці не кажіть, що я тут, ми тасмницю зробимо. Халабуду будувати хочете?»* (слова друга детства Петра (151)); *«Йдемо вже додому, сліпенький мій, а то й ночувати тут притулишся. А тебе, убогого, й не проженуть»* (слова его жены (150)). В данном случае, однако, украинская речь выступает не столько маркером социальным, сколько эмоциональным, устанавливая связь с миром детства, естественных человеческих чувств. Своеобразная коммуникативная инерция, стремление поддерживать доверительную интимную интонацию беседы, заставляет перейти на украинский и самого Цупкого, например, в разговоре со своим старым школьным учителем Диденко: *«- Мишко, гад ти останній, йди до мене у прийми. Тут же ж рай. У колгосп підеш, ні, не підеш. Що тобі там робити? Нема чого. Ані влади там, ані страху для твоєї душі скаженої. Тобі тут краща робота є. Будеш пістолетом махати. Як твій батько. Усі тебе боятися будуть. Я тоже подключился: - Приїду до вас, Микола Іванович. Обов'язково приїду. Буду дільничним. Ото ж нарешті в Рябині порядок настане. Усі боятимуться»* (157). В другой ситуации, однако, демонстрируя свое раздражение, капитан демонстративно переходит в разговоре с тем же героем на русский: *«Ну шо, прочел? Ты мне скажи, каким боком до тебя Зусель касается?»* (165).

Переданная в романе специфическая ситуация двуязычия, в рамках которой за русским и украинским языками закреплены конкретные социально-культурные функции и соответствующие ассоциации, связывающие русский язык с социальным успехом и престижем, а украинский – с кругом традиционной сельской культуры, создает условия для сознательного выбора языка: *«Ганнуся хорошо говорила по-украински, не то что в Чернигове. Но я ответил ей по-русски, чтоб не забывала язык, на котором ей предстояло идти в большую жизнь»* (167). Однако гораздо важнее, что в романе за русским и украинским языками закрепляются эмоциональные регистры и соответствующая интонация: подчеркнуто отстраненная в первом случае и интимно-непосредственная во втором:

«Я вышел и громко обозначил себя:

- Здравствуй, Петро. Заходь в хату.

- *Михайло? Приїхав? А Люба на тебе так чекала, так чекала. Ото ж радість!*
- *Спасибо, что помогаешь семье.*

Я принципиально не отвечал по-украински, чтоб была дистанция. Люди это всегда чувствуют. Дистанция – важнейшая вещь в отношениях» (152).

Как и в ситуации беседы с Диденко, нежелание Цупкого переходить на привычный (для его родного села Рябины) украинский, особенно в неформальной ситуации дружеской беседы, демонстрирует появление эмоциональных обертонов, препятствующих установлению контакта: раздражения, желания увеличить коммуникативную дистанцию: «Жена Файды – Сима Захаровна – угощала настойчиво, старалась говорить по-украински. Я ей раз по-русски ответил, два. Она опять: Пригощайтесь, пригощайтесь. Блюда еврейские. Я похвалил» (18)]. Украинский язык, будучи языком эмоционально близкого общения, делает героя более незащищенным, лишая его старательно создаваемой маски бесстрастности, чему он внутренне противится:

«Обратился к ней [Любе] с предложением:

- Хозяйка, давай сегодня вечером по холодочку сядем під вишню, по вечераємо, соловейко заспівас, а ми з Петром і Миколою Івановичем вип'ємо чарчину по-козацькому звичаю, га?

Незаметно для себя перешел на украинский. И рассердился. Вроде полдажываюсь под. Петра и тутошнюю жизнь. Тьфу. «Вишня». «Соловейко». «Вечеря». Решительно и беспощадно поправился:

- Капочку выпить – не грех» (153).

Впрочем, сознательное переключение кодов, дающее возможность проследить коммуникативную интенцию героя-рассказчика и выявить причины такого языкового поведения, составляет скорее исключение – и в этом отношении роман не отходит от достоверности. Гораздо более типично, когда смена кода происходит без соответствующего изменения коммуникативной ситуации и состава говорящих (нередко в рамках одной синтагмы), что – заметим – характерно в целом для конкурирования языков в одном коммуникативном пространстве. Макаронизацию текста за счет насыщения его стилистически маркированными (как «чужие») элементами польская исследовательница М. Стрыхарска-Бжезина, изучавшая украинизмы в польской классической художественной прозе, считает одним из характерных приемов техники литературной стилизации [Strycharska-Brzezina 2005]. В тексте романа такая речь, представляющая собой высказывание, оформленное на русском языке с одновременными многочисленными украинскими вкраплениями, является важным средством речевой характеристики персонажей и

одновременно позволяет очертить более широкий культурный и языковой контекст. Так, речь старого учителя Диденко (одного из главных украинскоговорящих персонажей в романе), даже в тех случаях, когда он говорит по-русски, испещрена украинизмами разного уровня, что, очевидно, отражает коммуникативный опыт этого героя:

«- Ну шо, Михайлик, собрался до нас? Вспомнил, хлопчик, вспомнил ... И где ж твой дом теперь? У Харькове?»

– В Чернигове. Знаете такой город?

– А як же ж. Знаю. Був я там. До войны и був. Як раз перед самой.

- И у кого ж вы там останавливались, Микола Иванович?

– О, то така людина!.. Еврэй. Шо-то навроче раввина. Знаешь, хто такой раввин?».(61).

Заметим, что такая «неправильная» речь, не вписывающаяся в нормативные рамки ни русского, ни украинского языков, является одним из маркеров неформального общения и широко распространена в функции, близкой к той, которую выполняет русское просторечье, в том числе, в современном украинском узусе; она также активно используется в художественной литературе как средство воссоздания реальной языковой ситуации⁵. В романе «Дознаватель» смешанная речь дополнительно сообщает высказываниям героев разговорный колорит и эмоциональность, выделяющие их на фоне преимущественно русского текста персонажа-рассказчика. Украинские слова и выражения активно вплетаются также в речь школьного друга Цупкого Петра, для которого в ситуации непринужденного доверительного общения более характерен чистый украинский язык: *«Хай им тихенько лежиться»; «За то их простили, что последние зернинки по указке сверху с-под дитячих подушек выгребали»* (63). Иную функцию выполняет макаронизированная речь в случае с Малкой Цвинтар, демонстрируя недостаточную языковую компетенцию героини: *«Все до речки поїшли. Туды иди́ть. Все до речки. Мине обід треба варити. Все до речки, туды иди́ть»* (170). В данном случае можно говорить уже не о переключении, а о смешении кодов вследствие неполного владения ими персонажем.

Украинизмы в повествовании, имитирующем письменную речь персонажа – украинца по происхождению, интегрированного в русскоязычное пространство Чернигова, как правило, не маркированы «как чужие», а призваны воссоздать характерную для этой части Украины ситуацию, в которой лишь часть украинских по происхождению элементов используется в русской речи сознательно и функционирует на правах цитат. Украинские вкрапления передаются в тексте романа в

⁵ Здесь хотелось бы лишь сигнализировать существование этого языкового феномена, получившего в украинской лингвистике обозначение «суржик», см. более подробно об этом, в частности на материале литературных произведений [Поліщук 2003].

русской транслитерации, при этом украинский *и* на письме может обозначаться и как *и* (*гидко*), и как *ы* (*шановный*) (в окончаниях), совпадая в ряде случаев с исходным украинским *і* (*жинка*) или (редко) *е* (*дируны*). Из других особенностей орфографической передачи украинской речи следует отметить sporadическую замену *у* на *о* («*Дети не ворохнулись*» (150), ср. укр. *ворухнутись* ‘пошевелиться’). Заимствованные из украинского языка прилагательные и глаголы оформляются в тексте, как правило, в соответствии с требованиями русской грамматики, об отступлениях речь пойдет ниже.

Многие из лексических вкраплений в целом совпадают с тем репертуаром украинизмов, которые традиционно используются как национальные маркеры «украинскости» в русском языковом пространстве⁶. Большую группу лексем, воспринимаемых в русском языковом сознании как украинизмы, составляют личные существительные, в том числе термины родства: «*И лялечка ваша, Анечка ваша, доця, тоже с мамочкой-папочкой?*» (43); «*Жинка его готовит, а он таскает*» (62); «*Я и батьку его знаю лично*» (118); обозначения, содержащие указания на пол/возраст человека: «*Но я быстро сбил спесь с хлопца*» (26), *хлопчики* (про детей Евсея Гутина); «*Свои хлопцы, украинцы*» (58); «*Указали парубки*» (169). Предметные существительные в романе выполняют прежде всего информативную, но одновременно и культурно-маркирующую функцию, подобную идишизмам, вводя читателя в круг типичных украинских реалий и народного быта: «*Перекинула через две руки, вроде рушник с хлебом-солью*» (44); «*Ганнуся и Ёська спали на кожухе*» (149). Заметим, что они, как правило, не сопровождаются дополнительным комментарием, поскольку предполагается, что русскому читателю знакомы эти слова: по справедливому замечанию Е.Е. Левкиевской, в данном случае можно говорить о наличии совместной (хотя и ограниченной определенным набором лексем) русско-украинской языковой компетенции, обеспечивающей взаимное понимание высказывания [Левкиевская 2012].

Действительно, многие из этих существительных адаптированы русской классической литературой и используются также в современной культуре как маркеры «украинскости»: «*Потом обошел хату со всех сторон*» (19); «*Разливаю по чарке, по второй*» (34); *И на скрыню показывает пальцем* (65); «*Планировал взять жменьку земли с могилы*» (63); «*Возле тына стоял слепой Петро*» (151); «*Она не наймичка у Диденко*» (163). «*Сало шкварочками прилипло к дируну*» (259); это касается, в том числе, наречий и служебных слов: «*Плита топилась дровами, так я дров подрубил трохи*» (32); «*Ева, имей совесть. Я зараз*

⁶ Подробный разбор репертуара языковых средств стилизации украинской речи на широком культурологическом фоне см. [Левкиевская 2012].

уйду» (218). Сюда же следует отнести и устойчивые определения, также традиционно связываемые в языковом сознании с украинской культурой: «Казалось, самой природой Моисеенко был предназначен для работы на сцене. **Чернобровый**, кареглазый, темные волосы волной, фигура, рост и так далее» (8), в том числе используемые в функции обращений: «Не волнуйтесь, Михаил Иванович, **дороженький**». (93); «А вы не знаете, **шановный Михаил Иванович**, как это бывает?» (162) ср. с непосредственным вокативом: «Бэллочка, скажи мне, **сонечко**» (242). Примечательно, что украинизмы этого типа лишь в исключительных случаях сопровождаются в тексте своими русскими соответствиями, восполняющими коммуникативную функцию: «Не знаю я ничего про **гроши**. Мне ваши поганые деньги не нужны» (176). Особо следует выделить в репертуаре традиционных украинизмов оценочную лексику, стилистическая маркированность которой указывает на ее принадлежность к разговорному стилю речи, что автоматически переводит повествование в другой регистр: «И опять услышать от нее **брехню**» (127); «**Брешешь**, тут надо ловкие пальцы» (256); «**Дурни ненасытные**» (117).

В романе М.М. Хемлин репертуар традиционных лексических украинизмов существенно расширяется, в первую очередь, за счет обозначения разнообразных реалий быта, значение которых становится понятно из контекста, а также благодаря вводимым в текст русским синонимам или дополнительным определениям, уточняющим контекст: «Мне дали стакан **узвара**: красный, с калиной, грушами. Как положено» (55) (ср. укр. *узвар* 'компот из сухофруктов'); «В доме стоял хороший дух – наподобие хлеба или **печива**» (13) (ср. укр. *печиво* 'печенье'); «Заросли **будяка** выше человеческого роста» (146) (ср. укр. *будяк* 'чертополох' – слово использовалось также в других произведениях русской литературы, в частности, у Н.В. Гоголя); «Теперь Любочка устроила старику отдельное место отдыха – завесила **рядниной**» (149) (ср. укр. *ряднина* 'полотно'); «Вроде олады, **дируны** на сале» (258) (ср. укр. *дируни* 'картофельные олады'); «Хлопчики жевали **скибки** черного хлеба» (177) (ср. укр. *скибка* 'ломоть, кусок'). Очевидно, что в данном случае информативная функция украинских вкраплений сочетается с функцией стилистической, что хорошо видно также на примере введенных в текст романа украинских феминитивов, заменяющих нейтральные русские наименования лиц женского пола по профессии: «Светка-**секретарка**» (132); «Почтарка разбалабонит» (168). Секретарка и почтарка в русском тексте оказываются гораздо более выразительными, чем даже соответствующие просторечно-разговорные русские *секретарша* и *почтальонша*, и именно они лучше передают местный колорит и языковую ситуацию в городе Чернигове.

Заметим, что большинство вводимых в повествование украинизмов призваны выполнять именно эмотивную функцию, внося в сухой текст рапорта капитана Цупкого эмоциональные обертона, дополнительно свидетельствуя о переключении речевых регистров. Большинство оценочных лексем понятны русскому читателю благодаря своей прозрачной внутренней форме: «Там буханка. Как **каменюка**» (65); «Скользко. **Грязюка**» (119); «Дочечку поцелуйте за меня, **лялечку** золотую вашу» (25); «А их по одному разве переубиваешь? **Дурня**. На голову не налезает» (46); или своей близости к соответствующей русской лексеме: «**Аж гидко** смотреть» (198) (ср. укр. *гидко* 'гадко, противно'), при этом «приращение смысла» происходит как раз за счет эмоционально-экспрессивных коннотаций. В других случаях свою стилистическую роль экспрессивные украинизмы играют почти исключительно благодаря своей выразительной звуковой форме и маркированности как «чужие», поскольку понимание точного значения использованных слов требует от читателя уже довольно высокой коммуникативной компетенции: «Почерк у дамочки с **вытребеньками**» (164) (ср. укр. *витребеньки* 'причуды'); «Кому пишет? Фашистскому прихвостню, полицейскому **посипаке?**» (165) (ср. укр. *посіпака* 'прихвостень'); «Ноги моей в этом **смитнике** не будет больше» (176) (ср. укр. *смітник* 'помойка'); помочь в понимании смысла пейоративов призваны дополнительно вводимые синонимы: «Светка – **прошмондовка**. **Шлендра**. Сама б не додумалась» (51). Неслучайно некоторые украинские вкрапления автор сопровождает пояснениями: «- Собрал **бебехи**, продал хибару Евсея с **Бэлкой**» (73): (бебехи - пожитки, пренебр.). Показательна в этом отношении также вложенная автором в уста героя-повествователя вербализация негативной оценки, содержащейся в значении конкретного слова: «Шей. Жизнь налаживается. Нечего **жидиться**. – Выскочило плохое слово. Ну, не плохое – не советское, а так, слово как слово, но я запнулся. – **Нечего экономить на копейках**» (40).

Примечательно, что в «Дознавателе» появляется довольно много глаголов, заимствованных из украинского языка, что выделяет роман на фоне других текстов, в которых использована языковая стилизация (ср. [Ананьева 2004: 18]). Часть этих глаголов также можно условно отнести к числу адаптированных в русской языковой культуре: «А **Еська** отравленный. Вы его мне **поверните** назад» (108), «**Лягайте**, травичка мягкая» (246); «**Не журишь**, Довид» (247); «Я как могу – **осаживаю**, не **чипляйтесь**, говорю, к Мишке, все что надо – **сделал**» (510). Другие выполняют явно выраженную эмотивную функцию благодаря своей звуковой форме и скорее отражают коммуникативную компетенцию автора, чем ориентированы на возможности русскоязычного читателя, вряд ли обладающего достаточным знанием украинского языка для их точного

понимания: «*И Ганнуся бухикает*» (75) (ср. укр. *бухикати*, разг. ‘кашлять’); «*Сидела она у меня в голове, я и бовкнул*» (91) (ср. укр. *бовкнути*, разг. ‘брякнуть’); «*В спину нам Малка грюкнула окном*» (180) (ср. укр. *грюкнути* зд. ‘хлопнуть’); «*Устал с тобой варнякать*» (257) (ср. укр. *варнякати*, разг. ‘болтать’).

Способ введения в русский текст украинизмов, что особенно заметно на примере глаголов, демонстрирует в целом ряде случаев не только переключение, но также смешение кодов. Вслед за известным австрийским исследователем М. Мозером, мы склонны считать маркерами смешения кодов появление в тексте, оформленном на одном языке, грамматических признаков, характерных для другого языка [Мозер 2012: 240]. Речь идет прежде всего о **морфологических и связанных с ними фонологическо-орфографических маркерах** чужеродности. Свидетельством перехода интерференционного порога при столь тесном взаимодействии русского и украинского языков в языке романа являются многочисленные интерферемы (элементы языка, возникшие в результате смешения кодов), в том числе на грамматическом уровне, при этом русские лексемы оказываются оформленными при помощи украинских грамматических маркеров, а украинские – при помощи русских грамматических показателей. Заметим лишь, что если в повседневной речевой практике такой переход интерференционного порога осуществляется спонтанно и подсознательно, то в данном случае мы имеем дело с сознательной речевой стратегией автора, пытающегося таким образом создать выразительный текст и передать коммуникативный опыт своих персонажей, неслучайно поэтому большинство таких гибридных образований встречается в прямой речи персонажей. Так, русские грамматические маркеры используются в основном для оформления глаголов: «*Нет, гад, и Ёську спортил*» (32) (ср. укр. сниж. *спортив*); «*Глаза кололи, что при немцах учителювал*» (66) (ср. укр. *учителював*); «*Слухи – не малые дети, в секунду не нарождаются*» (23) (гибридная форма, ср. укр. *народжуються*); «*Там хлопчиков доглядеть надо будет*» (103) (ср. укр. *доглядіти*); «*По служебной необходимости в дверь стучают*» (125] (ср. укр. *стучають*), а также прилагательных: «*Я захотел свернуть тему, вижу, задел за болючее*» (32] (ср. укр. *болюче*); «*Неминучие царапинки превращала в трагедию*» (106) (ср. укр. *неминучі*). В свою очередь, украинские грамматические маркеры встречаются чаще при оформлении существительных: «*А мацу мы сейчас быстренько раскрошим курям*» (15); «*у Лилии Воробейчик курей не водилось*» (16); в том числе при склонении фамилий на –о: «*Звал до умирающего Засядьки*» (66); гибридные глагольные формы фиксируются несколько реже: «*Люди воспитуются трудно*» (32); и по большей части распространены также в русском просторечном/разговорном узусе «*Ой, мне плохо. Я*

немножко ляжу» (100); *«Ганнуся игралась с ним в разные игры»* (105). Такие интерференды возможны и на других уровнях языка, в том числе на грамматико-синтаксическом. Так, в русском тексте, особенно в диалогах, отмечаются характерные для украинского языка предложно-падежные конструкции: *«До тебя пришли!»* (13); *«До нас идите, до нас!»* (54) (укр. конструкция до + Р.п. соответствуют русские конструкции к + Д.п.); *«Вы умеете копеечку до копейки складывать»* (43); *«И каждого Довид с-под носа крал»* (32) (ср. укр. предлог з-під); *«Идите, идите на двор»* (36) (укр. на двір ср. рус. во двор); *«Покалеченные мы с тобой, Михайлик, чистые инвалиды. Через войну и свою жизнь»* (66) (укр. через війну ср. рус. из-за войны).

Особая роль отводится в тексте романа фразеологизмам, многие из которых прямо заимствованы из украинского языка, в ряде случаев – с сохранением исходной языковой, в том числе фонетико-орфографической формы: *«А наши: поел не поел – бувай здоров, біжи з хати»* (54), или передаются максимально близко к источнику, с сохранением структуры и значения фразеологизма: *«Ты – одна-однишенькая у нее на крючке»* (219); *«Еврейский ребенок лучше усваивает пищу. Или кормят его особым способом, как гуску на зарез»* (54); *«И за то, что она мне всю голову задуррила»* (26); *«Хоть он и не делает разницы – новая игрушка, старая»* (89). Часть используемых фразеологизмов также можно охарактеризовать как адаптированные в русском языковом сознании, поскольку они традиционно используются в целях языковой стилизации при передаче украинской речи: *«Идите вы все до биса, бабы дурные»* (220); *«Голосит, как скаженный»* (150); *«Рассказывай, на чем Зусель окончательно с глузду съехал»* (174). В то же время, именно фразеологизмы прекрасно иллюстрируют тот творческий подход к языковому материалу, который в целом отличает писательскую манеру М.М. Хемлин. Среди единиц со связанным значением, использованных в стилистических целях в романе, значительное место занимают трансформированные фразеологизмы типа: *«Ее вранье ляжет на совесть Лаевской»* (216); *«Она мне все выложила с-под ногтей»* (217); *«Бэлка тронулась умом»* (72). Сознательные трансформации, нередко основанные на совмещении в рамках одного словесного комплекса стилистических элементов разного происхождения, деформируют существующие в языковом сознании фразеологические связи, но одновременно разрушают и автоматизм в их восприятии, делая высказывание максимально выразительным, приближенным к разговорной речи, при этом нередко придавая словам персонажей сниженный характер: *«Я конечно проявил нервы»* (143); *«Нервы у меня находились на пределе»* (220); *«Не имело роли»* (257).

Трансформированные фразеологические единицы участвуют также в создании эффекта так называемой «заместительной стилизации» - термин, введенный М. Стрыхарской-Бжезиной, обозначает технику языковой стилизации, основанную на введении в текст сниженных (но не отличающихся по своему происхождению от языка основного текста) элементов [Strycharska-Brzezina 2005]. Этот прием также широко применяется в тексте романа и призван показать неоднородность, мозаичность коммуникативного и языкового опыта персонажей. Ведущую роль в создании разговорного колорита, наряду с украинизмами и гибридными образованиями, выполняют лексические элементы, маркированные в русском языковом сознании как просторечные: «*Кушаю что хочу... Под старость все **покушать** любят*» (43); в том числе имеющие морфологические показатели, выводящие их за рамки нормы: «*Извиняюсь, товарищ капитан*» (17); «*Скромная, и когда на нее наступают, кивает не **подумавши***» (45); «*Я не виноватая*» (217); «*Ты виноватый*» (250). Довольно значительно также число использованных в тексте разговорных лексем, которые ни по своему происхождению, ни по сфере употребления никак не связаны с Украиной, а призваны маркировать непосредственную неформальную ситуацию общения как таковую: «*Так балакают наши*» (36); «*И вот в эту квартиру **приперлась** Лаевская*» (42); «*Евсей **набычился** ... Довид что-то **махерит** по кирпичной части*» (49); «*Я сказал первое, что пришло в голову, чтоб хоть как-то показать, что держусь, а не **разнюнился***» (101); «*Евка в него **втрескалась***» (213); «*Сгреб его **писанину***» (235); «*Сима что-то **варганила** в печке*» (243). Опосредованное украинское влияние можно здесь усматривать разве что в отдельных случаях типа: «***Выдурила** у малого Хробака*» (123); или в повышенной функциональной нагрузке наречия *сильно*, выступающего в роли синонима к *очень* и широко распространенного в этой функции в украинской неформальной речи: «*Она делает из себя **сильно** глухую, но ей палец в рот не **ложит***» (18); «*С ним все **сильно** хорошо*» (245); «*Я плохо тебе хотел. **Сильно** плохо*» (248).

Особо следует здесь отметить роль деминутивов, придающих речи выраженную эмоциональность и одновременно верно передающим одну из характерных особенностей украинской речи (в том числе, украинской речи на Украине). В романе «Дознаватель» уменьшительные слова используются как средство речевой характеристики персонажа и/или как маркер смены регистра речи. Вот как пристальный взгляд дознавателя фиксирует детали быта в комнате, где живет одна из героинь романа: «*На столе – **небольшом** и **круглом**, с **вязаной** белой **скатеркой**, стояли две **рюмочки-наперсточки**, **графинчик** с вишневой наливкой*» (17). Специфическая роль отводится деминутивам в создании психологического портрета одной из главных героинь романа - портнихи Поли-

ны Лаевской. Здесь и заискивающая интонация в разговоре со следователем: «*Вы про Лилю явились рассказать? Если что тяжелое, так вы сначала мне расскажите, а я мягенько потом Евочке донесу. Прямо на подносе донесу. Осторожненько*» (16-17); «*А вы ждите Евочку, ждите. ... Пока наливочки выпейте Лилечкиной, никто же не увидит, так ничего страшненького. Сладкая наливочка. Лилечка сладкое любила*» (18); «*Михаил Иванович, дело ж Лилечкино закрыто на замочек, правильно? – Ну. – Ну и. А ключик у кого?*» (24); и деланная услужливость портнихи перед заказчиком: «*А ваша жена, Любовь Герасимовна, не собирается еще платице себе пошить? ... У меня все ее мерочки записаны.... Она у вас бледненькая, а терракот подрумянивает. ... Спасибо, что зашли должок передать. Привет супруге. И дочечке. Дочечку поцелуйте за меня, лялечку золотую вашу*» (25); «*– Я на юбочку подклад дала. Свой. Нитки тоже мои. Шелковые. Тут защипчики и воротничок сделала. Кружевцо мое*» (32). В данном случае обилие деминутивов внешне является своеобразным антиподом деланно нейтральных формул из рапорта Цупкого, будучи по сути такой же речевой маской, скрывающей истинные чувства героини.

М.М. Хемлин удалось создать удивительный текст. Поражает не только степень достоверности созданных ею психологических портретов и точность предметных деталей послевоенного быта в украинской провинции, не говоря уже об увлекательном детективном сюжете, но и то, насколько свободно и творчески она подходит к языковому материалу. Максимально приближенное к реальности воспроизведение украинской звучащей речи (что, заметим, крайне редко практикуется в современном русском культурном пространстве, как показывает, например, анализ кинопроизведений - ср. выводы в [Левкиевская 2012]) не наносит ущерба коммуникативной функции текста, становясь важным источником его стилистического обогащения, добавляя новые краски в языковую мозаику романа. Одновременно лингвистический анализ столь многослойного текста, максимально близко подводящего нас к реальной языковой картине, заставляет задуматься о целом ряде методологических проблем, связанных с изучением языка произведений, использующих языковую стилизацию. Это касается, прежде всего, критериев оценки достоверности иноязычных вкраплений и вкраплений из близкородственных языков, в частности, и соотношения коммуникативной достаточности, информативности и экспрессивной выразительности текста. М.М. Хемлин удалось выдержать тот необходимый баланс всех этих элементов, который и создает по-настоящему живое литературное произведение, которому веришь в мельчайших деталях. Одновременно сделанные в ходе анализа языковых особенностей романа «Дознава-

тель» наблюдения выводят нас за рамки индивидуальной художественной поэтики, позволяя делать более общие выводы о принципах создания литературного языкового ландшафта, особенно когда речь идет о регионах со сложной поликультурной системой коммуникации.

Литература / References

1. *Ананьева Н.Е.* О польском языке в произведениях русской литературы XIX века (на примере творчества В. Г. Короленко) // Славянский вестник. Вып. 2. 2004. С. 13-26.
2. *Ананьева Н.Е.* Польские языковые элементы в русской художественной литературе // Русско-польские языковые, литературные и культурные контакты. М.: Квадрига, 2011. С. 11-23.
3. *Ананьева Н.Е.* Польские мотивы и польско-украинские языковые элементы в творчестве Н.В. Гоголя // Н.В. Гоголь и славянские литературы. М., 2012. С. 108-125.
4. *Ананьева Н.Е.* Полонизмы в произведениях Дины Рубиной // Amicus Poloniae: Памяти Виктора Хорева / Институт славяноведения РАН / Под ред. Н. Н. Стариковой. М.: Индрик, 2013. С. 31-46.
5. *Ананьева Н.Е.* Полонизмы в творчестве Ф. В. Булгарина // Studia polonoslavica: К 90-летию со дня рождения Е. З. Цыбенко. М.: Изд-во МГУ, 2014. С.249-262.
6. *Ананьева Н.Е.* Полонизмы в военной прозе Владимира Богомолова // Славяне и Центральная Европа: языки, история, культура / Ред. Е.Н. Ковтун, С.С. Скорвид, Д.К. Поляков, К.Н. Цимбаев. М.: Полимеда, 2015. С.321-336.
7. *Галина М.* Неуютная книга (Маргарита Хемлин. Дознаватель) // Новый Мир. 2013. №3. [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://magazines.russ.ru/novyi_mi/2013/3/g13-pr.html (дата обращения: 03.04.2016).
8. *Левкиевская Е.Е.* Украинский язык в русском языковом пространстве (на примере советского кинематографа) / Е.Е. Левкиевская // Русские об Украине и украинцах [Текст] : [сборник] / РАН, Ин-т славяноведения; [отв. ред. Е. Ю. Борисенко]. Санкт-Петербург: Алетей, 2012. С. 415-453.
9. *Мозер М.* Тарас Шевченко і сучасна українська мова: спроба гідної оцінки. Львів, 2012. – 327 с. (перевод с немецкого: Володимир Кам'янець: Michael Moser. *Taras Schevchenko und die moderne ukrainische Schriftsprache*. München, 2008. – 454 s.)
10. *Поліщук Я.* Лінгвістичний та металінгвістичний феномен суржику // Українська мова: сучасність – історія. Т.4. / под ред. Ф.Чижевского и П.Гриценко. Київ, 2003. С. 271-273.
11. *Хемлин М.* Дознаватель: роман. М.: Астрель, 2012. – 415 с.
12. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://www.labirint.ru/reviews/goods/355253/> (дата обращения: 15.04.2016).
13. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://www.livelib.ru/book/1000562744/reviews> (дата обращения: 15.04.2016).
14. *Gorter D.* Introduction. The Study of the Linguistic Landscape as a New Approach to Multilingualism // Linguistic Landscape: a New Approach to Multilingualism / ed. by D. Gorter.– Clevedon, Buffalo, Toronto, 2006. P. 1-6.
15. *Strycharska-Brzezina M.* Kozak ukraiński. Studium językowe. Kraków: Universitas, 2005. – 376 s.
16. *Wardhaug R.* An Introduction to Sociolinguistics. 4th ed. Blackwell Publishers, 2002. – 408 p.

ВЫРАЖЕНИЕ НАЧАЛЬНОЙ И КОНЕЧНОЙ ГРАНИЦ ДЕЙСТВИЯ В СЛАВЯНСКИХ ЯЗЫКАХ

Е.В. Петрухина

EXPRESSION OF INITIAL AND FINAL BOUNDARIES OF ACTION IN SLAVIC LANGUAGES

E. Petrukhina

ABSTRACT:

The article discusses the features of expression of initial and final border of actions in the Russian language on Slavic background in connection with the categorical semantics of aspect. The study, that is based on the material of Russian, Czech, Polish and Slovenian languages, shows that in the Russian language temporal borders of actions in the semantics of perfective verbs of different semantic groups and with different structure are expressed with more clarity than in other Slavic languages considered in the paper. Therefore, for the Russian aspect the idea of a limit as a temporal border of actions is more significant; as far as for compared languages - the idea of totality prevail.

Keywords: Slavic languages; a verb; aspect; beginning of action; end of action

АННОТАЦИЯ:

В статье рассматриваются особенности выражения начальной и конечной границы действия в русском языке на славянском фоне в связи с категориальной семантикой видов. На материале русского, чешского, польского и словенского языков показано, что в русском языке временные границы действия в семантике глаголов СВ разных семантических групп и с разной словообразовательной структурой выражены более четко, чем в других рассматриваемых славянских языках. Соответственно для категориального значения русского вида более значима идея предела как временной границы действия, тогда как для сопоставляемых с ним славянских языков – идея целостности

Ключевые слова: славянские языки; глагол; временные границы действия, начало, конец

1. ВСТУПЛЕНИЕ

Важной чертой славянской категории глагольного вида является взаимодействие вида с глагольным словообразованием. Во всех славянских языках словообразовательные процессы префиксации и суффиксации глаголов имеют грамматические последствия: сопровождаются перфективацией и имперфективацией, в результате которых меняется вид глагола, его сочетаемость и парадигма форм. Во всех славянских языках имеется богатая система глагольных префиксов и суффиксов и

возможность словообразовательными средствами выразить разнообразные параметры протекания действия во времени. Но сходные по модели образования глаголы могут семантически различаться (например, с приставками *za-*, *za-*, *po-*, *po-*).

В русском языке много продуктивных способов действия, четко выражающих временные границы действия. В западнославянских и некоторых южнославянских (в частности словенском) языках в сходных дериватах идея границы действия выражена менее ясно, большее значение имеют словообразовательные модели, выражающие целостное, квантовое восприятие действия. Рассмотрим данный вопрос подробнее.

2. ИССЛЕДОВАНИЯ ВЫРАЖЕНИЯ НАЧАЛА И КОНЦА ДЕЙСТВИЯ В ПОЛЬСКОМ ЯЗЫКЕ

Н.Е. Ананьева в серии статей [Ананьева 2010, 2011, 2012] на материале польского и русского языков рассмотрела связанные и противопоставленные смыслы 'начало' и 'конец' как основополагающие понятия человеческого бытия. Были проанализированы разнообразные средства выражения концептуальных полей НАЧАЛА и КОНЦА, показана неоднородность и многокомпонентность их содержания. Большое внимание Н.Е. Ананьева уделила сопоставительному анализу лексико-семантических групп имен и глаголов со значением начала и конца (*начало*, *почин*, *зачин*, *rozczątek*, *rozczęcie*, *конец*, *koniec*; *начать(ся)*, *начинать(ся)*, *zacząć się*, *zaczynać się*, *wszcząć*, *rozpocząć*, *кончат(ся)*, *кончить(ся)*, *kończyć (się)*, *кончатся*, *кончиться*, *kończyć się* и др.), а также словообразовательных способов выражения фазисной семантики. Было выявлено, что для русского языка в большей степени, чем для польского, характерен синтетический способ выражения начинательности в глагольной группе. Русским глаголам с префиксами *za-* и *po-* и четко выраженным начинательным значением в польском языке часто соответствуют не префиксальные глаголы, а аналитические начинательные конструкции. Например: *Cofnął się kilka kroków i zaczął biec w stronę miejsca, gdzie według Ruty była granica* — *Отпрянул на несколько шагов и побежал в сторону места, где вдоль Руты была граница* [Ананьева 2011: 473-477]. Ср. также: *Он заговорил – zaczął mówić; Пара закружилась – Para zaczęła się kręcić wokół* [Петрухина 2000 / 2011: 210]. Такое соотношение начинательных конструкций в сопоставляемых языках во многом связано с особенностями польской приставки *za-*. Глаголы с приставкой *za-*, в частности обозначающие акустические явления (типа *zaskrzywić* – *заскрипеть* / *проскрипеть*, *zakrzyć* – *закричать* / *прокричать*), выражают непродолжительные действия, в которых, тем не менее, выделяется начальная стадия [Piernikarski 1963: 124; Gramatyka 1998: 547; Ананьева 2011: 473].

Я. Ставница приводит довольно обширные группы приставочных глаголов с подобной семантикой (выражающих кратковременные действия с акцентом на начале), включив в них глаголы, обозначающие звуки животных (*zamruczeć* ‘замурлыкать’, *zasyczeć* ‘зашипеть’, *zakumkać* ‘заквакать’, *zagdakać* ‘закудахтать’, *zakukać* ‘закуковать’, *zakielkotać* ‘заклекотать’), человека (*zachrapać* ‘захрапеть’, *zakaszleć* ‘закашлять’, *zaklaskać* ‘захлопать’, *zabelkotać* ‘забормотать’, *zajazgotać* ‘завизжать’, *zakrzyczeć* ‘закричать’) и вообще глаголы, выражающие любые звуковые проявления (*zadzwonić* ‘зазвонить’, *zasyczeć* ‘зашипеть’), а также многоактные глаголы типа *zaklaskać* ‘захлопать’, *zakolysać się* ‘закачаться’, *zastukać* ‘застучать’ [Stawnicka 2009: 55–56]. Но есть и такие польские публикации, в которых глаголам с приставкой *za-* в семантических группах глаголов слухового восприятия отказано в выражении начинательности [Bogusławski 1978: 383].

Разные точки зрения на семантику польских глаголов с приставкой *za-*, по нашему мнению, свидетельствуют, во-первых, об отсутствии у данной приставки четкого начинательного значения, а во-вторых, о зависимости ее семантики от контекста. Так, В. Смех приводит польские предложения, в которых аспектуальное значение глаголов с приставкой *za-* полностью определяется контекстом: *Orkiestra zagrała i wszyscy się rozeszli* – Оркестр закончил играть (букв. сыграл), и все разошлись; *Orkiestra zagrała i wszyscy ruszyli do tańca* – Заиграл оркестр, и все двинулись танцевать [Śmiech 1986: 39]. Наше исследование полностью подтвердило выводы о контекстно обусловленной семантике польской приставки *za-* [Петрухина 2000/2011: 211-212]. Без поддержки контекста начальная граница действия в подобных польских дериватах выражена нечетко. Поэтому однозначно в польском языке семантика начала в глагольной группе может быть выражена лишь аналитически. А если речь идет о начале деятельности или природных процессов, то у многих глаголов это единственная возможность: Ср.: *Все наладится: заработают заводы, откроются школы, заторгуют магазины* – *Wszystko się poprawi: zaczną pracować fabryki, otworzy się szkoły, zaczną handlować sklepy. Они заснопилу* – *Zaczęli się sprzeczać. Заштормило на неделю* – *Sztorm utrzymywał się przez tydzień; Погода изменится* – *скоро задождет* – *Pogoda się zmieni – zaczną padać (deszcz)* [Петрухина 2000 / 2011: 210-213].

Сходные свойства аспектуальной семантики глаголов с приставкой *za-* характерны и для ряда других славянских языков.

3. ВЫРАЖЕНИЕ НАЧАЛА ДЕЙСТВИЯ В ЧЕШСКОМ, СЛОВАЦКОМ И СЛОВЕНСКОМ ЯЗЫКАХ

В чешском и словацком языках ряд глаголов деятельности и природных процессов с приставкой *za-* также имеет двойственную семантику, которую отражают и словарные толкования. Ср.: чеш. *zavanout* ‘*začít vanout, zpravidla na chvíli*’ (начать дуть, обычно недолго), чеш. *zagestikulovat* ‘*vykonat několik gest, začít gestikulovat*’ (PSJČ) (сделать несколько жестов, начать жестикулировать); чеш. *zahemžit se* ‘*krátce, chvíli se hemžit; začít se hemžit*’ (PSJČ) (‘недолго суетиться, роиться, начать суетиться’); словац. *zaviat* ‘*začať al. krátky čas viat, vanúť*’ (начать или короткое время дуть). Соответствующие русские производные глаголы с приставкой *za-* более четко выражают начальную границу процессов и деятельности: *задуть, подуть* (о ветре), *зажестулировать, засуетиться, зароиться*.

Актуализация начального фазиса действия, выраженного дериватами с приставкой *za-*, возможна при поддержке контекста у глаголов со значением ненаправленного или хаотичного движения: *zaveslovat* – *загрести*; *zahýbat (čít)* – *задвигать (чем)*; *zaklusat* – *загарцевать*; *zaproudit* – *забурлить, зациркулировать*; *zagestikulovat* – *зажестулировать*; *zahemžit se* – *зароиться*; физических процессов: *zavanout* – *подуть*; *zadýmat* – *задымить*; *zapršet* – *пойти (о дожде)*; *zaplánout* – *запылать, вспыхнуть*; *zahořet* – *загореться*; эмоциональных, психических и физических состояний: *zachtít se* – *захотеться*; *zažít* – *почувствовать жажду*; состояний или процессов, воспринимаемых зрительно: *zasvítit* – *засветить*; *zazet* – *зазиять*. Так, синтагматическим показателем начального «прочтения» приведенных глаголов может служить сочетаемость глаголов движения и деятельности с наречиями в сравнительной степени типа *prudčeji* (*сильнее*), свидетельствующими о продолжении действия после его начала и о его развитии, нарастании интенсивности, ср.: *Zavesloval, zahýbal rukou, zadýmal prudčeji.* – *Он заработал веслом, задвигал руками, задымил сильнее* [Петрухина 2000/2011: 206-207].

Если такой поддержки нет, то подобные глаголы выражают завершенное действие без актуализации его границ (имеют квантово-ограничительную семантику). ср.: *Berdych si před bojem s Djokovičem zavesloval s olympijským medailistou* (URL: <https://www.sport.cz/.../446035-berdych-si-pred-bojem-s-dj>.) – *Бердых перед состязанием с Джоковичем (по)тренировался в гребле с олимпийским медалистом.*

Начало длительной деятельности в чешском и словацком языках, так же как и в польском языке, префиксальными средствами выразить невозможно, например, начало движения: *Začal rychle chodit podél stěn, zkoumal je a ohmatával* (URL:

<https://books.google.es/books?isbn=807507503X>). – Он заходил (начал ходить) вдоль стен, исследовал и ощупывал их. *Začali* jsme *běžet* ... *až na vrchol kopce*... (URL: <http://www.cerneplce.cz/mad-race/>). – Мы *побежали* на самую вершину холма.

В выражении границ действия значительное сходство с чешским языком проявляет словенский язык. В обоих языках нет глаголов движения с начинательной приставкой *po-*, ср.: *Юрий пошел* домой пешком – чеш. *Jirí šel domů pěšky*; словен. *Jure šel je domov peš*¹. Если русскому языку свойственно выражение начала спонтанного восприятия при помощи дериватов с приставкой *у-*, то в чешском языке в сходных контекстах начало такого восприятия может быть не выражено, т.е. употребляются глаголы НСВ: *Он быстро встал, как только увидел, что приближается Иван.* – (чешск.) *Rychle vstal, jakmile viděl / uviděl, že se blíží Ivan.* (словен.) *Čim je videl, da se bliža Ivan, je hitro vstal.* *Он это испортит, вот увидишь* – (чешск.) *A zkazí to, budeš vidět / uvidíš.* (словен.) *On bo to pokvaril, boš videl.* При переводе на чешский язык крылатого выражения *Veni, vidi, vici* среди глаголов СВ используется глагол НСВ *viděl* *Přišel jsem, viděl jsem, zvítězil jsem.* – *Пришел, увидел, победил.*

На примере сопоставления оригинального русского текста и его художественного перевода на чешский язык проследим соотношение выраженности и невыраженности начальной границы действия в двух языках.

4. СОПОСТАВИТЕЛЬНЫЙ АНАЛИЗ ВЫРАЖЕНИЯ НАЧАЛА ДЕЙСТВИЯ В РУССКОМ НАРРАТИВНОМ ТЕКСТЕ И ЕГО ПЕРЕВОДЕ НА ЧЕШСКИЙ ЯЗЫК

Ниже приводятся два отрывки из сказочной повести Н.Н. Носова «Незнайка на Луне» (URL: <http://vseskazki.su/avtorskie-skazki/n-nosov-rasskazi/neznajka-na-lune-chitat.html>) и его художественного перевода на чешский язык (переводчик М. Штятна, URL: <http://ufoartworks.sweb.cz/Neznalek/mesic.html>), в которых выделены интересующие нас глаголы и глагольные конструкции при помощи следующих условных обозначений. Цифрой ¹ обозначены приставочные глаголы, а цифрой ² – аналитические конструкции, выражающие начальную границу действия; цифрой ³ – глаголы СВ, представляющие действие как единый квант, без выражения начальной границы, цифрой ⁴ отмечены глаголы НСВ без выражения границ действия, которым в другом сопоставляемом языке соответствуют приставочные глаголы СВ или аналитические конструкции с начинательным значением.

¹ Здесь и дальше приводятся словенские переводные предложения, обсужденные с профессором Люблянского университета А. Дерганц.

В отрывке I (из третьей главы повести) в русском тексте реплики персонажей-«коротышек» вводятся в основном приставочными глаголами СВ с ингессивным значением². Таких глагольных форм в приводимом отрывке 5 из всех 10 глаголов, вводящих прямую речь, т.е. половина – *завопил, закричал, закричал, закричал, завизжал* (отмечены цифрой¹). Вторую половину глагольных форм составляют 3 парных глагола СВ – *сказал, подхватил, ответил* (³), и 2 глагола НСВ, не выражающих границ действия: *визжал, кричал* (⁴). В чешском переводе аспектуальная картина совсем иная: больше половины всех глаголов (6) являются глаголами НСВ, оставляющих границы действия невыраженными: *úpěl, křičel, pištěl, volal, křičel, vysvětloval* (помечены цифрой⁴), 3 глагола СВ: *okřikl, namítl, rozčílil se* (³) и лишь один глагол с приставкой *za-* с ингессивным значением – *zavřískal* (¹). Другая приставочная форма *zahlédli* выражает зрительное восприятие, его начинательная семантика поддерживается частицей *sotva* (*едва*), которая также усиливает причинно-следственные отношения между соотнесенными действиями *zahlédli u ztropili rámus* (в русском оригинале этому глаголу в форме прошедшего времени соответствует деепричастие *увидев*).

I.

Коротышки, собравшиеся в столовой, не сидели, как всегда, за столом, а плавали в различных позах по воздуху. Вокруг них плавали стулья, скамейки, миски, тарелки, ложки. Тут же плавала большая алюминиевая кастрюля, наполненная манной кашей.

Увидев¹ Знайку, коротышки подняли невероятный шум.

– Знаечка, миленький, помоги! – **завопил**¹ Растеряйка. – Я не пойму, что со мной происходит!

– Слушай, Знайка, мы все почему-то летаем! – **закричал**¹ доктор Пилюлькин.

– А у меня ноги отнялись! Я ходить не могу! – **визжал**⁴ Сиропчик.

Malíčkové neseděli jako jindy za stolem, ale vznášeli se v nejrozmanitějších pózách vzduchem. Kolem nich pluly židle, stoličky, misky, talířky a lžičky a velký hliníkový rendlík jáhlové kaše.

Sotva zahlédli¹ Všeználka, ztropili neuvěřitelný rámus.

"Všeználku, kamaráde, pomoc!"

úpěl⁴ Cívínek. "Namouduši nevím, co se to se mnou děje!"

"Slyšíš, Všeználku, z ničeho nic lítáme!" **křičel**⁴ doktor Pilulkin.

"A já snad ani nemám nohy! Neudělám ani krok!" **pištěl**⁴ Sirupčik.

² Ингессивная начинательность определяется как «начало и продолжение действия в едином целом» [РГ 1980: 596–597]. Инхоативное значение трактуется как «приступ к дальнейшему действию, обладающему длительностью» [РГ 1980: 597].

– И у меня ноги отнялись! У всех ноги отнялись! И стены шатаются!
 – **кричал**⁴ Ворчун.
 – Тише, братцы! – **закричал**¹ в ответ Знайка. – Я сам ничего не могу понять. По-моему, мы в состоянии невесомости. Мы потеряли вес. Я испытывал такое же состояние, когда летел на Луну в ракете.
 – Но мы ведь никуда не летим, – **сказал**³ Тюбик.
 – Это, наверно, кто-то нарочно придумал такое баловство! – **закричал**¹ Горопыжка.
 – Кто-то подшутил над нами! – **подхватил**³ Растеряйка.
 – Ну что за шутки еще! – **завизжал**¹ Пончик. – Прекратите сейчас же! У меня голова кружится! Почему стены шатаются? Почему все перевернулось вверх дном? Все на месте, – **ответил**³ Пончику Знайка. – Ты сам перевернулся вниз головой, от этого тебе и кажется, что все вокруг вверх дном.

"Já taky ne! Nikdo! A zdi se kymácejí!" **volal**⁴ Bručoun.

"Klid, kamarádi!" **okřikl**³ je Všeználek. "Já tomu sám nerozumím. Myslím, že jsme se dostali do stavu beztíže. Zmizela přitažlivost. Zrovna takhle to vypadalo, když jsem letěl na Měsíc."

"Ale my přece nikam neletíme," **namítl**³ Tubička.

"To někdo určitě vymyslel naschvál, tuhle lumpárnu!" **rozčilil se**³ Čiperka.

"Někdo si z nás dělá legraci!" **křičel**⁴ Cívínek.

"Pěkná legrace!" **zavřískal**¹ Buchtík. "Okamžitě toho nechte! Mně se točí hlava. Proč se ty zdi kymácejí? A proč je všechno vzhůru nohama?"

"Nic není vzhůru nohama," **vysvětloval**⁴ mu Všeználek. "Vzhůru nohama jsi ty, proto se ti zdá, že je všechno obráceně."

В русском отрывке II (из двенадцатой главы) начало действий выражено в 6 глагольных формах (входящих в три конструкции), причем преобладают аналитические средства выражения начинательности (в ее инхоативном варианте): *стали звонить и спрашивать* (²) – эта конструкция повторяется два раза; *стали звонить* (²). Синтетический способ выражения начинательности используется один раз: *не поверили* (отмечено цифрой¹). В чешском отрывке им соответствуют в основном глагольные формы НСВ (из 6 случаев в 5), без выражения начальной границы действия: *nevěřili, vuptávali se, volali, telefonovali, vuptávali se* (отмечены цифрой⁴). Глагольная форма *zatelefonovali* (³) с приставкой *za-* выражает целостное действие без актуализации его границ ('позвонили').

II.

Расчеты Миги оказались абсолютно верными. Сотрудники телесту-

Juksovy předpoklady se ... potvrdily. Televizní pracovníci opravdu nejdřív

дии сначала **не поверили**¹ его словам, но потом **стали звонить**² по телефону сотрудникам киностудии и **спрашивать**², известно ли им о том, что в их город прибывает космический путешественник. Сотрудники киностудии ничего, конечно, не знали, но им стыдно было сознаться в своей неосведомленности, поэтому они сказали, что уже что-то об этом слыхали. Расспросив обо всем сотрудников телестудии, они **стали звонить**² в редакции разных газет и журналов, стараясь разузнать у них какие-нибудь подробности.

Сотрудники редакций сами ничего не знали, но подумали, что они, по своему обыкновению, дали зевка, или, как любят выражаться в редакциях, прошляпили. Все они **стали звонить**² в телестудию и **спрашивать**², известно ли там что-нибудь о прибытии космонавта.

Таким образом, проанализированные отрывки свидетельствуют о том, что в сопоставляемых языках различны правила построения нарративных текстов в плане прошедшего времени. При выражении цепочки последовательных действий в русском языке обычно выражаются их временные границы, а в чешском повествовании начальная граница действия или деятельности во многих случаях остается невыраженной.

5. О РАЗНОЙ СТЕПЕНИ АКТУАЛИЗАЦИИ КОНЕЧНОЙ ГРАНИЦЫ ДЕЙСТВИЯ В СОПОСТАВЛЯЕМЫХ ЯЗЫКАХ

В русском и некоторых других славянских языках проявляется разная степень актуализации не только начальной, но и конечной границы действия. Так, у делимитативов (с приставкой *po-*) и сатуративов (*na-se*) семантика конечной границы деятельности и достижения критической точки в чешском языке выражена не так четко, как в русском, поэтому обычно требует поддержки контекста, например, при помощи

nevěřili⁴ prapodivnému sdělení, ale pak přece jen pro jistotu **zatelefonovali**³ do filmového týdeníku a **vyptávali se**⁴, jestli tam vědí, že do Hrabillonu přibyl kosmický cestovatel. Filmaři samo sebou nevěděli, ale bylo jim hanba přiznat se k takové neinformovanosti, a tak řekli, jakpak by ne, toť se ví, že víme, a na všechno se pracovníků televize nenápadně vyptali.

A hned **volali**⁴ do redakcí různých novin a časopisů, aby se dozvěděli aspoň nějaké podrobnosti.

Redaktoři nevěděli samozřejmě taky nic, ale polekali se, že asi zase jako vždycky něco zaspali, nebo jak se po redakcích říká, prošvihli – a horempádem **telefonovali**⁴ do televize a **vyptávali se**⁴, vědí-li tam něco o příjezdu kosmonauta.

наречия *dost* – достаточно: *Мы потренировались, идем домой – Dneska jsme si už **dost** (po)cvičili, jdeme domů. Вы уже **наработались**, отдохните. – Už **jste se dost** napracoval, odpočíte si!* Похожая ситуация наблюдается и в словенском языке: *Danes smo že dovolj **trenirali**, gremo domov. **Dosti ste se že nagarali**, odpočijte si.*

В одном из последних исследований чешского вида отмечается, что делимитативы выражают лишь ограничение временными рамками деятельности или состояния, причем левая граница не выражает начало, а правая не выражает конец деятельности [Veselý 2014: 70]. Аналогичная интерпретация семантики делимитативов представлена и польской лингвистике. Еще Агрелль отметил особое положение делимитативов в системе способов глагольного действия (СГД) в польском языке. По его мнению, делимитативы не фиксируют начальную и конечную границы действия, указывая лишь на их краткую или неопределенную длительность [Agrell 1918]. К этому мнению присоединились многие современные исследователи польского глагола. Например, Ц. Перникарский считает, что делимитативные глаголы с приставкой *po-* в польском языке выражают неопределенную меру действия, начальные и конечные границы которой выражаются неявно [Piernikarski 1969: 119], см. также [Śmiech 1986: 250; Antinucci, Gebert 1977: 40].

Мы предполагаем, что разной степенью актуализации конечной границы действия в русских и польских глаголах СВ с приставкой *do-*, *do-* можно объяснить различия в их употреблении. В польском языке при выражении последней фазы действия преобладают аналитические конструкции с фазовыми глаголами *dokończyć, ukończyć* (либо эллиптические конструкции с пропуском основного смыслового глагола), несмотря на наличие в аспектуальной системе комплетивного СГД с приставкой *do-*, в русском языке в аналогичных случаях активно употребляются глаголы с приставкой *до-*. Этот факт отмечает и Н.Е.Ананьева в сопоставительном исследовании префиксальных глаголов с приставками *do-* / *до-* в современных польском и русском языках, прежде всего по отношению к глаголам говорения типа *досказать* [Ананьева 1996: 40]. В [Петрухина 2000/2011: 226-231] представлен перевод на польский язык (при помощи польских информантов, знающих русский язык) предложений с глаголами целенаправленного действия с приставкой *до-* – в большинстве случаев информанты выбрали для перевода аналитические конструкции (в том числе с пропуском основного смыслового глагола или отглагольного имени), например: *Строители дом не достроили, так и стоит незаконченный – Budowniczo wie **nie dokończyli** domu, stoi więc niedokończony; Я не доделал работу до конца, закончу через несколько дней – **Nie dokończyłem (nie ukończyłem)** pracy, ukończę za kilka dni.* В некоторых случаях информанты допускали употребление польских

дериватов с приставкой *do-* в разговорном языке, обычно при поддержке контекста (*do końca*), например: *Я дописал статью только сегодня – Dopisałem (do końca) artykuł dopiero dzisiaj*. Ср. также примеры перевода русских глаголов подобного типа в Большом русско-польском словаре: *домыть – skończyć myć coś*; *дописать – skończyć pisanie*; *доломать – połamać (złamać) do końca*; *дочистить – wyczyścić do końca*; *дообедать – skończyć obiad*; *досмотреть фильм – obejrzeć do końca* и т.д. (БРПС).

Приведем еще некоторые языковые свидетельства более частотного выражения конечной границы действия в русском языке, чем в западно-славянских языках, – из данных русско-чешского сопоставления. С разной степенью актуализации временной границы между смежными во времени ситуациями в семантике глаголов СВ в русском и чешском языках связаны их различия при выражении перфектного значения – как актуального результата и новой ситуации, наступающей после прекращения действия. В русском языке наступление нового состояния субъекта как результат предшествующего процесса-изменения выражают непереходные глаголы СВ со значением изменения состояния (типа *устать, прокиснуть, завянуть*): *Пиво выдохлось. Я устала*. А в чешском языке такое состояние выражается, как правило, именными конструкциями без актуализации временной границы, т.е. они выражают не наступление, а стабильное состояние: *Pivo je zvětralé* (букв. *Пиво выдохшееся*). *Jsem unavená* (букв. *Я усталая*)

У каузативных глаголов СВ в сопоставляемых языках также имеются различия в актуализации конечной границы и результата действия. В частности во многих случаях, когда в русском языке в перфектном значении употребляются формы прошедшего времени СВ, в чешском языке более предпочтительными оказываются описательные конструкции со страдательными причастиями, эксплицитно выражающие результирующее состояние, ср.: *Я все купила и приготовила. – Mám nakoupeno, uvařeno. В Германии я уже выбрал и жилье – V Německu už mám vybrané i bydlení³. Я уже выяснил: буду платить 5 000 крон – Už to mám zjištěno: budu platit 5 tisíc korun; Так ты уже все посчитал! – Tak ty už to máš spočítaný!*

6. ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Таким образом, начальная и конечная временные границы действия в семантике глаголов СВ среди сопоставляемых языков наиболее четко выражаются в русском языке. Русско-чешское сопоставление показало, что это соотношение проявляется на разных участках аспектуальных систем, в том числе в семантике и употреблении начинательных, огра-

³Данный и другие чешские примеры почерпнуты из Интернета при помощи поисковой системы Google (дата обращения 16.05. 2013)

ничительных, сатуративных СГД, образованных по сходным словообразовательным моделям (с аффиксами, *za-*, *u-*, *po-*, *na- se*; *za-*, *y-*, *po-*, *na-* и др.), а также в повествовательных претеритальных текстах.

В русском языке временные границы действия актуализируются в семантике глаголов СВ, тогда как в чешском языке во многих случаях для их выражения требуются лексические показатели (типа *začít*, *dost*). Важно, что при стилистически нейтральном повествовании в прошедшем времени границы отдельных действий в нарративной цепочке могут остаться невыраженными – при употреблении глаголов НСВ. Отметим, что в русском языке в повествовательном тексте в плане прошедшего времени выражение границ действий реализуется как синтетическими, так и аналитическими способами (об этом свидетельствует проведенный сопоставительный анализ отрывков из повести Н.Н. Носова и их художественного перевода на чешский язык).

В семантике глаголов СВ со значением изменения состояния (типа *zачерстветь*, *устать*, *прокиснуть*, *завянуть*) актуализированная конечная граница процесса изменения сигнализирует и наступление результирующего состояния, тогда как в чешском языке результирующее состояние выражается при помощи специальных конструкций с краткими страдательными причастиями, а временные границы этого состояния не актуализированы. Аналитические конструкции (со вспомогательным глаголом *mít*), выражающие результирующее состояние, в чешском языке часто употребляются там, где в русском языке со значением результата употребляются глаголы СВ целенаправленного действия (типа *купить*, *приготовить*, *выбрать*).

Польский и словенский языки по нашим материалам проявляют большое сходство с чешским языком в аспектуальной семантике рассмотренных СГД, отличаясь от русского языка меньшей актуализацией временных границ действия. Особое внимание в данной статье было уделено различным способам выражения начальной и конечной границы действия в польском языке. Приведенный материал свидетельствует о том, что приставка *za-* не выражает однозначно начальную границу действия, ее аспектуальная семантика во многом зависит от контекста, который может либо усилить, либо подавить значение начинательности. При выражении последней фазы и завершения действия в польском языке преобладают лексические (фазисные глаголы *dokończyć*, *skończyć*, *ukończyć* и предложно-падежные формы *do końca*), а не грамматико-словообразовательные средства, соответствующие русским комплетивным глаголам СВ с приставкой *до-*. Это, по нашему мнению, свидетельствует о меньшей степени актуализации конечной границы действия в семантике имеющегося в польском языке комплетивного СГД с приставкой *do-*.

Эти языковые факты, на наш взгляд, подтверждают предположение о разном профилировании, т.е. разном фокусе внимания в рамках единой концептуальной базы [Лэнекер 2006: 18], граммы совершенного вида. Для русского СВ более значима идея временной границы действия, т.е. идея **предела**; для других славянских языков, упоминавшихся в данной статье, – идея **целостности** действия, т.е. его представления как единого кванта [Петрухина 2003, 2009, 2015]. Разное профилирование граммы СВ в славянских языках отражает и аспектуальная терминология в славистике.

С учетом сочетаемости и основных функций видов категориальные значения СВ и НСВ в славянских языках определяются в большинстве аспектуальных славистических работ на основе категориального признака ‘целостности’ (Ю.С. Маслов, С. Иванчев, А.В. Бондарко, А.И. Исаченко, в грамматиках инославянских языков) и ‘временной границы, или ограничения действия временным пределом’ (В.В. Виноградов, Р. Якобсон). В работах А.В. Бондарко последних двух десятилетий и в Русской грамматике 1980 [РГ 1980: 586] при определении категориальной семантики видов используются оба концепта. «Мы рассматриваем категориальное значение СВ как комплекс близких, но все же отличающихся друг от друга признаков, составляющих единство «Ц–ОГР» – «ограниченное пределом целостное действие» [Бондарко 2002: 370]. При этом, как уже было отмечено, славянские языки различаются профилированием данных концептов. Поэтому такие термины, как «граница действия», «предел» в аспектологических исследованиях инославянских языков, как правило, не используются – предпочтение отдается термину «целостность». Употребление термина «предел» (в смысле временной границы действия) характерно для российской лингвистики – для работ В.В. Виноградова, Р. Якобсона, А.В. Бондарко и др. И. Б. Шатуновский «определение СВ как содержащего указание на ограничение действия пределом (и НСВ – как не содержащего такого указания)» назвал «наиболее адекватным» для русского языка [Шатуновский 2009]. Термин «предел» (с разграничением лексического и грамматического типов предела) используется в упоминавшихся работах автора данной статьи при анализе семантики и функций совершенного и несовершенного вида в русском языке.

Литература / References

1. *Ананьева Н.Е.* Концепт ‘начало’ в сопоставительном аспекте // Вісник Харківського національного університету імені В.Н. Каразіна № 910 частина 1. Мовознавство. Літературознавство. Харків, 2010. С. 84-90

2. *Ананьева Н.Е.* Категория 'начало' в русском и других славянских языках // Славянский альманах 2011 М.: Индрик, 2011 (URL: http://www.inslav.ru/images/stories/pdf/2012_almanakh.pdf).
3. *Ананьева Н.Е.* Концепт 'конец' (на материале польского и русского языков) // Динамическая картина мира. Сборник научных статей участников круглого стола, посвященного памяти доктора филологических наук профессора С.М. Прохоровой. Минск. 2012.
4. БРПС: Большой русско-польский словарь. Т. 1–2. М., Варшава, 1987.
5. *Бондарко А. В.* Теория значения в системе функциональной грамматики. М.: Языки славянской культуры, 2002.
6. *Лэнкеер Р.В.* Концептуальная семантика и символическая грамматика // Вопросы когнитивной лингвистики. № 3. 2006. С.15-28.
7. *Маслов Ю.С.* Избранные труды: Аспектология. Общее языкознание. М., 2004.
8. *Петрухина Е.В.* Аспектуальные категории глагола в русском языке в сопоставлении с чешским, словацким, польским и болгарским языками. М., Изд-во МГУ, 2000. Второе издание: 2012, М., УРСС.
9. *Петрухина Е.В.* Доминантные черты русской языковой картины мира (в сравнении с чешской) // Русское слово в мировой культуре. X Конгресс МАПРЯЛ. Пленарные заседания. СПб, 2003. С. 426-433
10. *Петрухина Е.В.* Объяснительная теория славянского глагольного вида // Вестник Московского университета. Сер.9. Филология. 2009. №5.
11. *Петрухина Е.В.* Вид в грамматическом контексте пассива (на материале русского и чешского языков. // Verbal Aspect: Grammatical Meaning and Context Third Conference of the International Commission on Aspectology of the International Committee of Slavists III, Ред. Р. Бенаккьо. 2015: Verlag Otto Sagner. München – Berlin – Washington. С. 404-420.
12. РГ 1980 – Русская грамматика. Т. 1. М., 1980.
13. *Шатуновский И.Б.* Проблемы русского вида. М.: Языки славянских культур. Studia philologica, 2009.
14. *Якобсон Р.О.* Избранные работы. М.: Наука, 1985.
15. *Agrell S.* Przedrostki postaciowe czasowników polskich. Kraków, 1918.
16. *Boguslawski A.* O jednostkach werbalno-prefiksalnych języka rosyjskiego i polskiego // Slavia Orientalis. 1978. № 3.
17. Gramatyka 1984 – Gramatyka współczesnego języka polskiego. Morfologia / Pod red. R. Grzegorzczkovej, R.Laskowskiego, H.Wróbla. Warszawa, 1984.
18. Gramatyka współczesnego języka polskiego. Morfologia [Text] / pod red. Grzegorzczkovej R., Laskowskiego R., Wróbla H. Cz. 1. Warszawa: PWN, 1998. — 640 s.
19. *Piernikarski C.* Typy opozycji aspektowych czasownika polskiego na tle słowiańskim. Wrocław, 1963.
20. *Piernikarski C.* Czasowniki z prefiksem *po-* w językach polskim i czeskim // Na tle rodzajów akcji w językach słowiańskich. Warszawa, 1975.
21. PSJČ: Příruční slovník jazyka českého. D. 1–9. Praha, 1935–1957.
22. *Śmiech W.* Derywacja prefiksalna czasowników polskich. Wrocław; Warszawa; Kraków; Łódź, 1986.
23. *Stunová A.* A contrastive study of Russian and Czech aspect: Invariance vs. discourse. Amsterdam, 1993.
24. *Stawnicka J.* Studium porównawcze nad kategorią semantyczno-słowotwórczą. Aktionsarten w języku rosyjskim i polskim / J. Stawnicka. Tom I. Czasowniki z formantami modyfikacyjnymi. Katowice: Wyd. Uniwersytetu Śląskiego, 2009.
25. *Veselý L.* Gramatické studie I. Příspěvky k české aspektologii. Olomouc : Univerzita Palackého v Olomouci, 2014.

ИЗ НАБЛЮДЕНИЙ НАД ПОЛЬСКО-РУССКИМИ ПЕРЕВОДНЫМИ ПАРАМИ, СВЯЗАННЫМИ СО ВТОРОЙ МИРОВОЙ ВОЙНОЙ

Л. Писарек

OBSERVING POLISH-RUSSIAN TRANSLATION PAIRS RELATED TO THE SECOND WORLD WAR

L. Pisarek

ABSTRACT:

The article analyzes the material collected in the "Polish-Russian dictionary of translation pairs" (2014). For further consideration are selected fixed word combinations, semantically related to the Second World War, more precisely - names of famous battles and military operations.

Translation equivalents of basic units of fixed phrasemes are marked out.

Keywords: fixed word combinations; translation equivalents; Polish language; Russian language

АННОТАЦИЯ:

В статье анализируется материал, собранный в «Польско-русском словаре переводных пар» (2014). Для рассмотрения избраны устойчивые сочетания, семантически связанные со Второй Мировой войной, и конкретнее – наименования известных сражений, и боевых операций. Выделяются переводные эквиваленты базовых единиц зафиксированных фразем.

Ключевые слова: устойчивые сочетания; переводные эквиваленты; польский язык; русский язык

1. Источником анализируемого материала послужил «Польско-русский словарь переводных пар» („Polsko-rosyjski słownik par przekładowych”), о котором подробнее мы уже писали (см. [ВМВвСЛЯ. 2015: 70]). В этом словаре собраны неолитные польские выражения, стабильные по своей структуре и значению, воспроизводимые как одно целое, т.е. относительно постоянные средства выражения, функционирующие как номинативные единицы. Можно их назвать идиомами или фразеологизмами в расширенном понимании этого термина.

В словаре, насчитывающем 28 000 польско-русских переводных пар, имеется 85 словарных единиц, которые по своему значению связаны со Второй мировой войной. Следует отметить, что польские единицы, имеющие по несколько русских переводных соответствий, рассматри-

ваются в словаре как отдельные словарные единицы, так называемые минимальные переводные пары (см. подробнее: [PRSPP 2014: 35-37]).

Тематическое пространство, отраженное в анализируемом материале, довольно широко. Оно касается не только военных конфликтов, вооруженных действий, но и исторических событий этого времени (встречи глав коалиций, конференции, официальные документы политического характера и т.д.).

2. Предметом наших наблюдений будет наиболее многочисленная группа переводных пар, называющих известные боевые сражения - длительные, кровопролитные, принесшие многочисленные людские жертвы и разрушения городов, а также уничтожение боевой техники.

В польском языке это идиоматические выражения (фразеологизмы), центром которых является синонимический ряд слов **bitwa** – **walki** – **operacja**.

2.1 Ядром этого ряда является слово **bitwa**, которое находится в составе 22 словарных единиц (минимальных переводных пар). В формальном отношении можно выделить следующие синтаксические конструкции:

bitwa+согласованное прилагательное (2 ед.), напр.:

bitwa kurska (1943) – битва под Курском

bitwa stalingradzka (1942-1943) – Сталинградская битва

bitwa pod ... (12 ед.), напр.:

bitwa pod Moskwą (1941) – битва под Москвой

bitwa pod Kurskiem (1943) (2 единицы) – битва под Курском, Курская битва (... *pod Narwikiem, pod Kockiem, pod Lenino, pod Mławą, pod Monte Cassino, pod Stalingradem* – 2 единицы, *pod Tobrukiem, pod Wiaźmą*)

bitwa o ... (6 ед.), напр.:

bitwa o Berlin – битва за Берлин

bitwa o Moskwę (1941) (2 единицы) – битва за Москву, Московская битва

(...*o Atlantyk, o Berlin, o Narwik, o Wał Pomorski*).

bitwa na ... (1 ед.), напр.:

bitwa na Łuku Kurskim (1943) – битва на Курской дуге

bitwa nad ... (1 ед.), напр.:

bitwa nad Bzurą (1939) – битва на Бзуре

В русских переводных соответствиях преобладает слово **битва**, однако встречаются и **бои**, **сражение** как синонимы **битвы**, напр.:

бои под Коцком, бои под Вязьмой

сражение под Ленино, Сталинградское сражение

Русские формальные конструкции следующие:
согласованное прилагательное + **битва (сражение)** (5 ед.)
битва (сражение, бой) под ...(9 ед.)
битва за ...(6 ед.)
битва на ... (2 ед.)

2.2 Имеются и другие определения военных действий, близкие по значению слову **bitwa**, т.е. подразумевающие тяжелые длительные бои. Это не столь многочисленная группа примеров, тем не менее называются в данном случае важные боевые события Второй мировой войны.

walki o ...(2 ед.):

walki o Wal Pomorski (1945) - бои за Поморский вал

walki o Berlin (1945) - Берлинская операция 1945 г.

Operacja – может использоваться в двух значениях: 1) как стратегические планы координации военных действий и 2) как военные действия (битвы, бои, сражения), связанные с реализацией этих планов. Именно во втором значении можно интерпретировать следующие примеры:

operacja ...(2 ед.):

Operacja „Barbarossa”(1941) – операция «Барбаросса» (планы нападения на СССР и военные действия, реализующие эти планы)

Operacja berlińska (1945) - Берлинская операция (16.04. – 8.05.1945)

Таким образом, сопоставимы два синонимических ряда слов: в польских единицах **bitwa – walki - operacja**, которым в русских переводах соответствует ряд **битва – бой – сражение – операция**.

2.3 И, наконец, длительные оборонительные бои, обычно кончавшиеся поражением оборонявшихся, называются выражениями с центральным словом **obrona, oblężenie, kampania**.

В Польше (для поляков) Вторая мировая война началась 1 сентября 1939 г. Началась именно оборонительными боями. В словаре отмечены следующие единицы:

obrona Westerplatte (1939) – оборона Вестерплатте

(оборона Вестерплатте продолжалась с 1.09 по 7.09.1939)

obrona Warszawy (1939) – оборона Варшавы 1939 г.

Оборона Варшавы продолжалась с 8 по 28.09.1939 г. и получила название

Warszawskie Termopile – у этой польской единицы нет своего системного соответствия в русском языке. Она может быть переведена как *Варшавские Фермопилы: об обороне Варшавы в 1939 г.*

Сюда можно включить и единицу:

kampania wrześniowa (1939) – сентябрьская кампания 1939 г.

(речь идёт о действиях польской армии, направленных против наступления немецких войск в 1939 г.)

К этой же группе относится и переводная пара:

oblężenie Sewastopola (1941-1942) – Севастопольская оборона

(длительная героическая оборона Севастополя продолжалась с 30.10.1941 г. до 4.07.1942 г.).

Рассмотренная многочисленная группа переводных единиц (всего 31 ед.) (*bitwa, walki, operacja, obrona, oblężenie, kampania*) не охватывает и не называет всех военных событий, происходивших в ходе войны.

3. В следующей группе словарных единиц представлены наименования военных событий без использования вышеприведенной лексики (*bitwa, walki, operacja, obrona, oblężenie, kampania*). Эту группу можно определить как ряд историзмов, фиксирующих: 1) начало войны, т.е. возникновение военных столкновений, развязывание войны; 2) результат проведения военных операций; 3) боевые действия наступательного характера; 4) военные операции длительного характера.

3.1 Возникновение военных столкновений, развязывание войны определяется как нападение (4 ед.), а именно:

napaść Niemiec na Polskę (1 IX 1939) – нападение Германии на Польшу

agresja Niemiec na Polskę (1 IX 1939) – нападение Германии на Польшу

atak na Pearl Harbor (1941) – нападение на Пёрл-Харбор

Fall Weiss (1 IX 1939) – нападение Германии на Польшу

Польские слова ***napaść, agresja, atak*** переводятся как **нападение**.

3.2 Результат проведения военных операций (3 ед.):

kapitulacja Warszawy (1939) – капитуляция Варшавы

kapitulacja Berlina (1945) – капитуляция Берлина

zdobycie Berlina (1945) – взятие Берлина

3.3 Боевые действия наступательного характера (2 ед.):

kontrofensywa radziecka pod Moskwą (1941) – контрнаступление Красной армии под Москвой

lądowanie w Normandii (1944) – высадка союзного десанта в Нормандии

Эта операция была начальной стадией наступления на западном фронте (6.06.1944-31.08.1944).

3.4 К военным операциям длительного характера относятся (2 ед.):

blokada Leningradu (1941 – 1943) – блокада Ленинграда

konwój arktyczny (1941 – 1944) – Арктический конвой

Серия морских конвоев (78), плывущих из портов США, Великобритании и Исландии в порты Архангельска и Мурманска в Советском Союзе (август 1941 – апрель 1945).

4. Подводя итоги рассмотрению русско-польских переводных пар (всего 42 словарных единиц), отражающих главные вооруженные события военного времени, можно отметить, что война как таковая имеет в словаре также несколько определений (6 ед.):

druga wojna światowa (1939-1945) – Вторая мировая война

Wielka Wojna Ojczyźniana (1941-1945) – Великая Отечественная война

zakończenie II wojny światowej (1945) – окончание II Мировой/ Второй мировой войны

Имеются в словаре и иронические (метафорические) определения начальной стадии войны в Западной Европе,

а именно:

dziwna wojna (1939-1940) – «странная война»

śmieszna wojna (1939-1940) – «смешная война»

wojna siedząca (1939 – 1940) – «сидячая война»

Эти определения относятся к периоду от 3.09.1939 до 10.05.1940, когда на Западном фронте почти не было боевых действий; велись лишь бои локального значения на франко-немецкой границе.

Литература / References

1. *Polsko-rosyjski słownik par przekładowych*. Tom zbiorczy *Podręcznego idiomatykonu polsko-rosyjskiego* (z. 1 - 5). Pod redakcją Wojciecha Chlebdy, Opole, 2014. (сокр. PRSPP).
2. *Вторая мировая война в славянских литературах и языках*. Тезисы докладов международной научной конференции 10-11 ноября 2015 г. Москва, 2015. (сокр. ВМВвСЛЯ).

**ТЕРРИТОРИАЛЬНАЯ ДИФФЕРЕНЦИАЦИЯ И
ЯЗЫКОВАЯ КОМПЕТЕНЦИЯ ПОЛЯКОВ
РЕСПУБЛИКИ БЕЛАРУСЬ (ПО МАТЕРИАЛАМ
ПЕРЕПИСЕЙ НАСЕЛЕНИЯ РЕСПУБЛИКИ
БЕЛАРУСЬ 1999 И 2009 ГГ.)**

М.А. Раткевич

**TERRITORIAL DIFFERENTIATION AND LINGUISTIC COMPE-
TENCE POLISH PEOPLE IN THE REPUBLIC OF BELARUS**

M. Ratkevich

ABSTRACT:

The article is concerned with the correlation between the territorial distribution of the Polish in Belarus and their admission of the Polish language as their mother tongue as well as the use of the Polish language as a means of family communication. The analysis of the Belarus Population Census 1999 and 2009 makes it possible to conclude that during the period under study the compactness of the Polish residence exerted partial influence on the choice of the Polish language as a mother tongue. However, neither compactness of residence nor the factor of having common border with Poland can be considered as conditions determining demographic power of the Polish language. The locality of the Polish residence (urban/rural) did not exert any significant influence on the choice of the Polish language as a mother tongue either.

Keywords: territorial differentiation; linguistic competence; linguistic policy; demographic power of the language; language status; compactness of residence; the use of the Polish language within the family

АННОТАЦИЯ:

В статье проводится корреляция между территориальным размещением поляков Беларуси и признанием ими польского языка как родного, а также использованием польского языка как средства внутрисемейного общения. Анализ переписей населения Республики Беларусь 1999 и 2009 гг. позволяет сделать вывод о том, что в рассматриваемый период компактность проживания поляков оказала частичное влияние на выбор польского языка как родного. Однако ни компактность проживания, ни фактор пограничья с Польшей не явилась условием, определяющим демографическую мощность польского языка. Местность проживания поляков (городская/сельская) также не оказала существенного влияния на выбор польского языка как родного.

Ключевые слова: территориальная дифференциация; языковая компетенция; языковая политика; демографическая мощность языка; статус языка; компактность проживания, внутрисемейное использование польского языка

На территории современной Беларуси, как части Великого княжества Литовского (далее – ВКЛ), поляки появились еще в XIV в. Основной наплыв польского населения на белорусские земли связан с Люблинской унией, когда польским магнатам были предоставлены одинаковые права с местной знатью. Польский язык получил статус официального языка делопроизводства ВКЛ в 1697 г., что привело не только к увеличению его престижа, но и к расширению область использования. Польский язык функционировал в качестве официального языка до разделов Речи Посполитой, последний из которых состоялся в 1795 г.

Общественный статус польского языка значительно возрос в 20-е годы XX века. Так, согласно резолюции Всебелорусской конференции КП(б)Б по национальному вопросу, которая состоялась в 1923 г., польский язык (наряду с белорусским, еврейским и русским) назван одним из официальных языков БССР. Данный статус был закреплен юридически в Конституции БССР 1927 г. В конституции БССР 1937 г. отсутствует запись об официальных языках БССР. Согласно статистическим данным XX века поляки составляли от 2,1% до 6,7% населения БССР и Республики Беларусь. В 1939 г. польское население БССР увеличилось за счет присоединения территорий Западной Белоруссии. Количество поляков БССР сократилось в 30–40-е годы XX века в результате массовых репрессий и депортаций, а после Великой Отечественной войны – в результате переселений 40–50-х гг.

С 60-х гг. XX века началось активное изучение разновидности польского языка на территории СССР. В 1970–1990 гг. обследованию диалектологов подверглись северо-западные и центральные регионы Беларуси, а также польские говоры Литвы. Важнейшим вкладом в исследование «польщизны кресовой» явились работы доктора филологических наук, профессора Н.Е. Ананьевой, в которых изучены различные системы данного языкового идиома [Ананьева 1990; 1991 и другие работы]. Значительное место в изучении польского языка в Беларуси занимают также работы таких ученых, как В.Л. Веренич [Веренич 1967–1969; 1973 и др.], Э. Смулкова [Smułkowa 2002; 2004], З. Курцова [Kurzowa 1982; 1985; 1992], И. Грек-Пабисова [Grek-Pabisowa 1997], И. Марынякова [Maryniakowa 1996; 1997], И. Кабзиньская [Kabzińska 1992/93; 1999; 2004] и ряд других исследователей.

Изучению подвергались, в основном, крестьянские говоры, что обусловлено как историей распространения и развития польского языка на данной территории, так и языковой ситуацией, сложившейся еще на рубеже 1940–1950-х гг., когда перестала существовать система школьного образования для национальных меньшинств, прекратили выходить польскоязычные периодические издания, а во время послево-

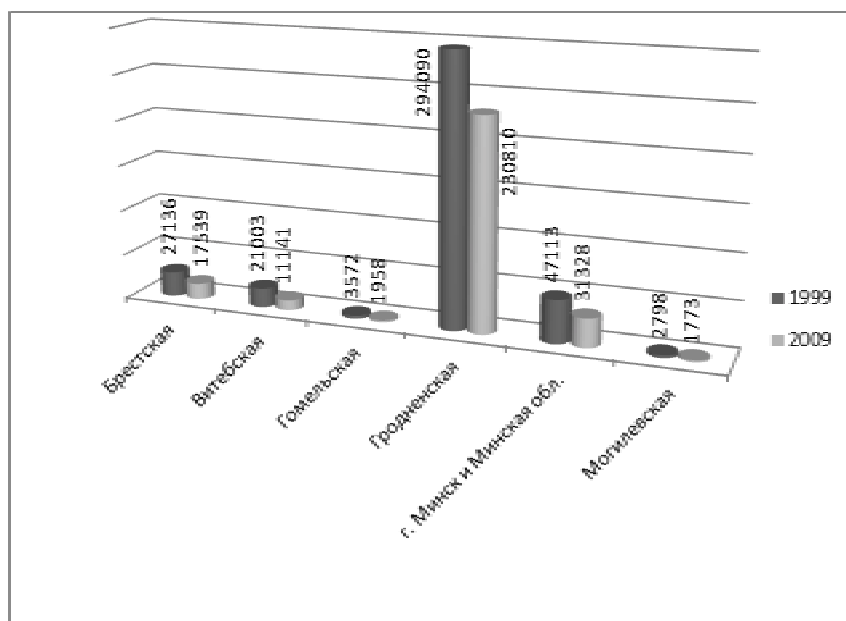
енной репатриации в Польшу выехали наиболее образованные слои польского населения.

Численность польского населения БССР, согласно первой послевоенной переписи 1959 г., составила 538 881 человек – 6,7% населения БССР¹ [Итоги Всесоюзной переписи...,1963]. Данные первой переписи нового государственного образования – Республики Беларусь (1999 г.) – показывают, что поляки составляли уже 3,9% населения страны (395 712) [Национальный состав населения...,2001], а в переписи населения 2009 года – 3,1% (294 549) [Перепись населения..., 2009]. Территориальное распределение поляков оставалось неизменным в течение последних пятидесяти лет (1959–2009) – это, в основном, запад и северо-запад Беларуси, а также ее центральная часть.

---

¹ Отдаем себе отчет в том, что переписи населения являются не безукоризненным источником для проведения социолингвистических исследований, вместе с тем именно они содержат наиболее полные данные, позволяющие сделать какие-либо выводы относительно демографической мощности языка, языковой компетенции его носителей и ряд других параметров. А при отсутствии локальных социолингвистических исследований официальные переписи становятся единственным источником информации социолингвистического характера.

Диаграмма 1 – Численность поляков на территории Республики Беларусь в 1999 и 2009 гг.

Подавляющее большинство поляков проживает в Гродненской области (Диаграмма 1), далее следуют – Минская, Брестская, Витебская, Гомельская и Могилевская области. Как видим, на втором месте по численности польского населения находится не граничащая с Польшей Минская область. Гродненская область представляет собой основной регион расселения поляков Беларуси. Наблюдается довольно компактное размещение поляков по всей территории области; это г. Гродно и Гродненский район, г. Лида и Лидский район, далее районы Вороновский, Щучинский, Волковысский, Ивьевский, Мостовский, Зельвенский, Свислочский, Дятловский и ряд других районов, в которых проживает от 3 до 30 тысяч поляков.

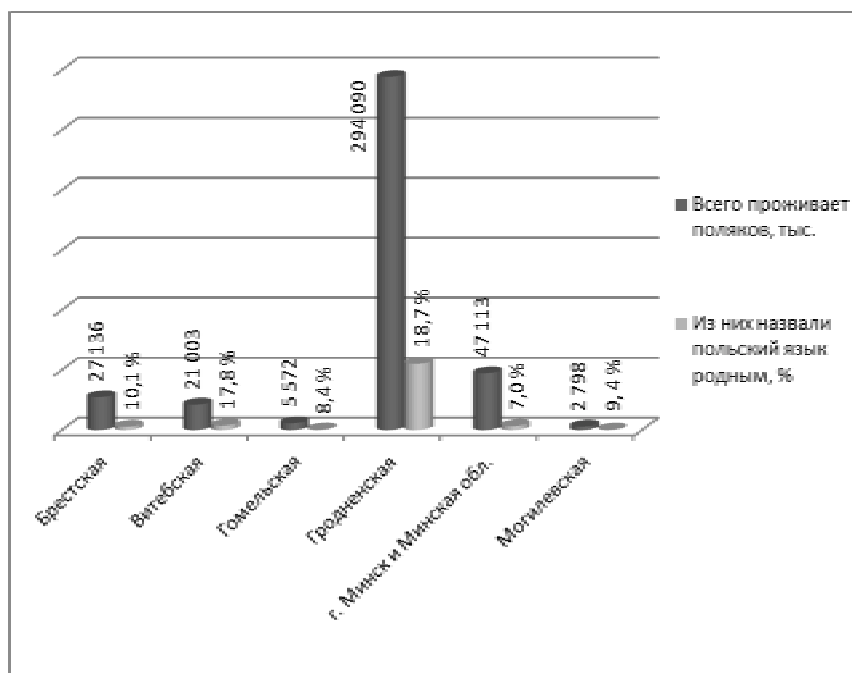
Среди мест наиболее компактного проживания поляков в Витебской области и в 1999 г. и в 2009 г. лидирует Браславский район, в котором проживает почти половина поляков Витебской области, далее следуют г. Витебск, районы Глубокский, Поставский, Миорский, в которых проживает от 1 тысячи и более поляков. Из 27 136 поляков Брестской области, проживавших здесь (1999 г.), наибольшее количество проживало в Барановичах (6584), Бресте и Пинске, а также в районах Барановичском, Березовском, Ляховичском, Пинском, Пружанском (от 1000 до 6,5

тысяч человек). В Гомельской области из 3572 поляков (1999 г.) 1101 человек проживали в самом Гомеле, далее можно выделить такие города, как Светлогорск, Мозырь, Жлобин (от 100 до 388 человек). В Могилевской области, где в 1999 г. зафиксировано 2 798 поляков, отмечается два основных места их жительства: г. Могилев (806 человек) и г. Бобруйск (1 002 человека). В Минске и Минской области в 1999 г. проживало около 12% всего польского населения страны, большинство из которых – в Минске (17581 человек), затем в районах Столбцовском, Воложинском, Дзержинском, Несвижском и Минском (населенные пункты от 1 200 до 11 тысяч человек). В целом, можно говорить о том, что в таких областях, как Гродненская, Минская, Витебская и Брестская, населенные пункты, в которых проживают поляки являются более многочисленными по сравнению с Гомельской и Могилевской областями (что, конечно, обусловлено численным доминированием польского населения в указанных регионах). Кроме того, места компактного проживания поляков в Гродненской, Минской, Витебской и Брестской областях представляют более широкие и четко обозначенные ареалы, например, Браславский район в Витебской области (44% всех поляков Витебской области) или г. Барановичи и Барановичский район в Брестской области (39% поляков Брестской области) [Раткевіч 2005].

Имеет ли указанная территориальная дифференциация влияние на языковую компетенцию поляков Беларуси? С 1999 по 2009 год значительно уменьшилось количество поляков, которые польский язык считают родным – с 16,5% до 5,4% соответственно. В целом за последние пятьдесят лет (с 1959 по 2009 гг.) цифровые данные по этому параметру сократились с 48,6% до 5,4% соответственно. В отдельных областях Беларуси ситуация по данному параметру выглядит по-разному.

Диаграмма 2 – Польский язык в качестве родного среди поляков Беларуси, 1999 г.

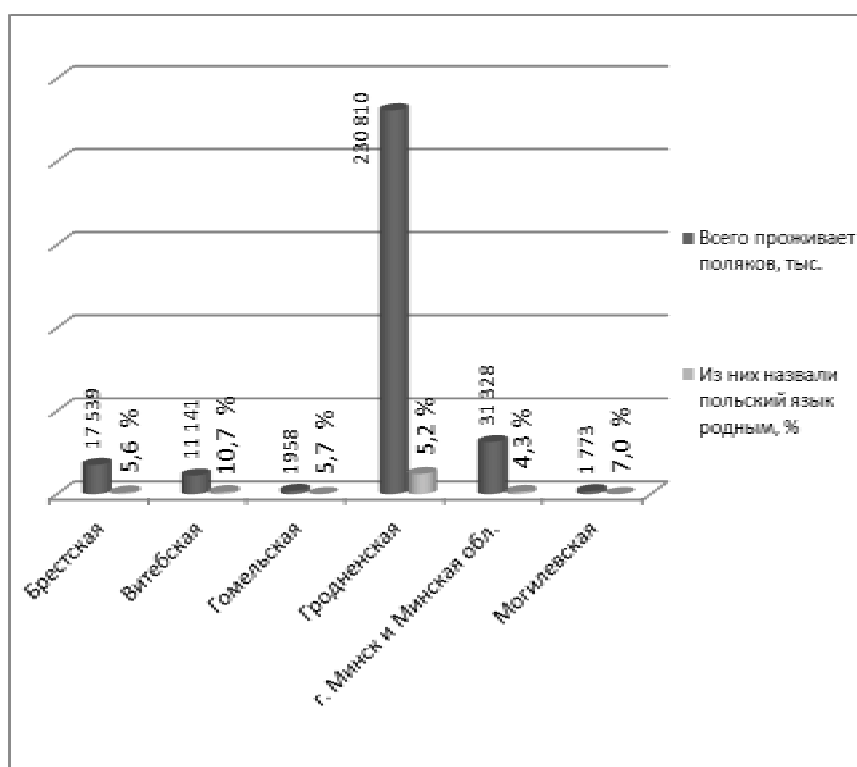

Гродненская область, как видим из Диаграммы 2, занимает лидирующее положение и по количеству польского населения, и по проценту поляков, назвавших польский язык в качестве родного. Однако обращает на себя внимание диспропорция показателей «численность населения» и «родной язык» в отдельно взятых областях страны, например, при сравнении следующих областей: Гродненская и Витебская, Витебская и Минская, в том числе г. Минске. Так, численность польского населения Гродненской области более чем в десять раз превышает численность населения Витебской области, в то время, как показатель «родной язык» в указанных областях отличается на 0,9% (выше в Гродненской).

Подобная диспропорция процентного соотношения показателей «численность польского населения» и «родной язык» сохранилась и в 2009 г. Первое место по показателю «родной язык» принадлежит Витебской области, где проживает только 3,8% поляков Беларуси. Еще более разительными являются результаты сопоставления этого пара-

метра в Гродненской и Гомельской областях. При существенном превышении численности поляков, проживавших в Гродненской области (230 810) (ср.– 1 958 поляков в Гомельской), процент поляков, называвших польский язык родным в Гродненской области более низкий, чем в Гомельской (5,2% и 5,7% соответственно).

Диаграмма 3 – Польский язык в качестве родного среди поляков Беларуси, 2009 г.

Как видно из представленных диаграмм, изменения по параметру «родной язык» произошли во всех областях Беларуси, однако наиболее значительные затронули регион компактного проживания поляков – Гродненскую область, где количество поляков, назвавших польский язык в качестве родного, сократилось на 28%. В других областях Беларуси указанные показатели колеблются: в Минской (в 1,6 раза), Брестской (в 1,8) и Витебской (в 1,7). В Гомельской в 1,5 раза, Могилевской – в 1,3 раза.

Таким образом, можно констатировать, что в рассматриваемый период компактность проживания поляков Беларуси не является фактором, способствующим сохранению польским языком доминирующей позиции по параметру «родной язык».

Какой же язык, в таком случае, является для поляков родным? Данные переписей 1999 и 2009 гг. показывают существенный рост доли русского языка как родного (с 16,2% до 33,9% соответственно); значительный процент составляет также белорусский язык (67,1% и 58,2% соответственно). Согласно переписи 1999 г., наибольший процент поляков, назвавших белорусский язык в качестве родного, проживает в Минской (87,6%) и Брестской (72,1%) областях. Самый низкий процент поляков, назвавших белорусский язык родным, проживает в Могилевской (50,7%) и Гомельской областях (61,65), а также в Минске (61,5%). Польский язык следует сразу за белорусским: его назвали родным 16,5% поляков. Русский язык имеет практически такие же показатели, как и польский – 16,2% поляков назвали его родным.

Таблица 1 – Распределение по родному языку и языку внутрисемейного общения по областям в 1999 г., %

Область	Родной язык				Язык внутрисемейного общения				
	польский	белорусский	русский	другой	польский	белорусский	русский	украинский	другой
Брестская	10,1	72,1	17,5	0,3	2,2	49,9	47,8	0,1	0,02
Витебская	17,8	67,0	14,8	0,3	5,5	60,1	34,4	0,01	0,05
Гомельская	8,4	61,6	28,1	1,9	0,8	29,4	69,6	0,2	0,03
Гродненская	18,7	65,1	16,1	0,1	5,6	58,9	35,5	0,003	0,02
Минская	5,7	87,6	6,5	0,2	1,1	79,7	19,2	0,03	0,0
Могилевская	9,4	50,7	38,3	1,6	0,9	16,7	82,2	0,2	0,04
Минский горсовет	9,1	61,5	29,0	0,4	1,2	20,1	78,6	0,05	0,0
В целом по Беларуси	16,5	67,1	16,2	0,2	4,7	57,6	37,7	0,01	0,02

Однако при анализе ситуации по отдельным областям Беларуси можно заметить, что русский язык занимает второе место после белорусского практически во всех областях Беларуси, за исключением Гродненской и Витебской областей. В этих областях вторым по количеству назвавших его родным является польский язык: 18,7% в Гродненской и 17,8% в Витебской областях. Данный показатель, на наш взгляд, свидетельствует о том, что компактность проживания поляков в этих

регионах оказала частичное влияние на позицию польского языка как родного.

Следует, однако, отметить тот факт, что, если определенное количество поляков называют польский язык родным, это еще не означает, что он активно используется в повседневной жизни. Обычно влияние языкового окружения все-таки достаточно сильно, и основная часть населения (независимо от национальности), проживающая на территории, где государственным языком и/или языком общения является другой, не родной язык, в повседневном общении пользуется именно этим языком. Так, по переписи 1999 г. из 65455 поляков, которые признали польский язык родным, только 18720 человек (то есть 29% от числа назвавших польский язык родным) разговаривают дома по-польски, что составляет 4,7% от общей численности поляков. В 2009 г. эти показатели составили 24,2% и 1,3% соответственно. Внутрисемейное использование польского языка дифференцировано в зависимости от области.

Таблица 2 – Внутрисемейное использование польского языка в 1999 и 2009 гг.

Область	1999			2009		
	Общая численность поляков, чел.	Язык внутрисемейного общения, чел., %		Общая численность поляков, чел.	Язык внутрисемейного общения, чел., %	
Брестская	27 136	584	2,2	17 539	205	1,2
Витебская	21 003	1 150	5,5	11 141	336	3,0
Гомельская	3 572	27	0,8	1 958	12	0,6
Гродненская	294 090	16 406	5,6	230 810	3 133	1,4
г. Минск Минская обл.	47 113	527	1,1	31 193	144	0,5
Могилевская	2 798	26	0,9	1 773	7	0,4
В целом по Беларуси	395 712	18 720	4,7	294 549	3 837	1,3

Сведения, приведенные в Таблице 2, показывают, что количество поляков, пользующихся польским языком в сфере внутрисемейного общения, сократилось в рассматриваемый период в 3,6 раза. Цифровые данные по этому показателю уменьшились по всем областям Беларуси. Однако здесь, как и в показателе «родной язык», наиболее значительные изменения наблюдаются в Гродненской области, где количество поляков, использующих польский язык во внутрисемейном общении, сократилось на 19%. В 1999 г. Витебская область, которая занимает четвертое место по количеству проживающих поляков, имеет практически одинаковые показатели с Гродненской – 5,5%. В то же время, в 2009 г. Витебская область в процентном соотношении имеет более высокие показатели, чем Гродненская, и это несмотря на то, что польское население Гродненской области превышает население Витебской в 20 раз. Мин-

ская область, достаточно многочисленная по количеству проживающих поляков, имеет показатель по внутрисемейному использованию польского языка ниже, чем Могилевская. Данные переписей свидетельствуют, что для поляков Беларуси языком внутрисемейного общения являются белорусский и русский языки: 57,6% и 37,7% (1999 г.), 40,9% и 51% (2009 г.) соответственно. Как видим, доля русского языка по анализируемому показателю, как и по показателю «родной язык», также существенно увеличилась.

Итак, если компактность проживания поляков могла оказать влияние на декларирование польского языка как родного, то она не имеет решающего значения, если речь идет о его реальном использовании в повседневном общении. Следует также отметить значительный разрыв в показателях «родной язык» и «язык, на котором обычно разговаривают дома». Так, согласно переписи 1999 г., польский язык назвали родным 16,5% поляков, но только 4,7% используют его во внутрисемейном общении. В 2009 г. эти показатели составили 5,4% и 1,3% соответственно. На наш взгляд, приведенные сведения не подтверждают концепцию исследователей, оптимистично оценивающих будущее польского языка в местах компактного проживания поляков, существования польских школ и культурной жизни, например, в Гродненской области Беларуси [Zielińska 2003].

Данные переписей населения 1999 и 2009 гг., содержащие сведения о типе местности, где проживает польское население Беларуси, в определенной степени разрушают общепринятую точку зрения о том, что жители сельской местности в силу компактности проживания и определенной герметичности языкового сообщества в большей степени сохраняют родной язык, чем городские жители.

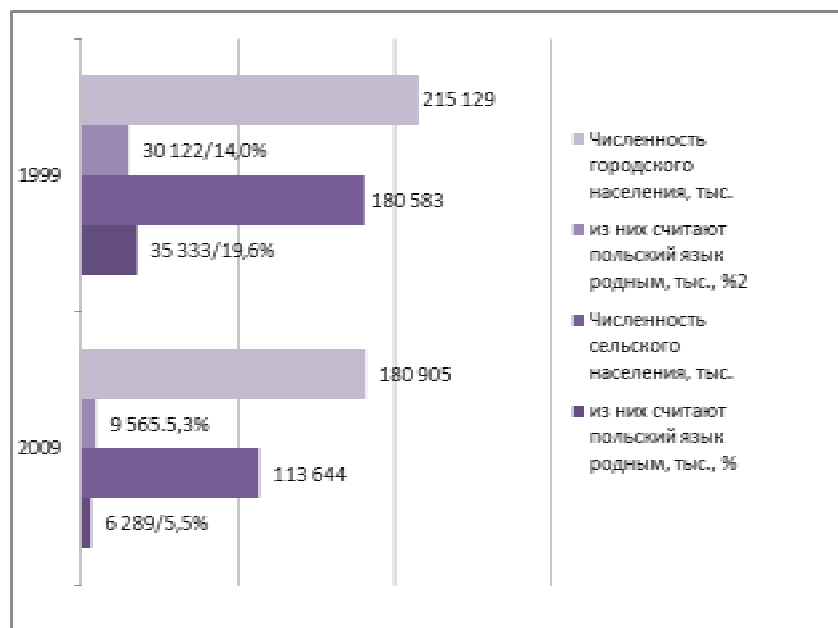
Процесс урбанизации, начавшийся еще в XX веке, затронул все население Беларуси: количество сельских жителей сократилось с 5574143 человек в 1959 г. до 2439278 человек в 2009 г. В то же время городское население Беларуси выросло с 2480505 человек (1959 г.) до 7045291 человек (2009 г.). Сельское население польской национальности уменьшилось в указанный период на 25% в пользу городского населения, что наглядно демонстрирует урбанизацию польского населения. Сравнительные данные переписей 1999 и 2009 гг. показывают, что и поляки, проживавшие в городе, и поляки, проживавшие в сельской местности, практически равномерно утрачивали польский язык².

Однако сопоставление показателей по этой позиции 1999 и 2009 гг. свидетельствует о тенденции более интенсивной утраты польского языка как родного среди поляков-жителей сельской местности.

---

² Для сравнения: в 1959 г. польский язык назвали родным 45,1% городских жителей и 49,2% сельских.

Диаграмма 4 – Распределение по родному языку в зависимости от местности проживания

Трудно сказать однозначно, что именно является причиной данной ситуации. Возможно, здесь сыграла роль разница в доступе к образовательным ресурсам (телевидение, интернет, изучение языка на факультативных занятиях, языковые курсы и так далее) на польском языке в городской и сельской местности (в городе они более доступны).

Итак, в рассматриваемый период только в отдельных регионах (Гродненская и Витебская области) компактность проживания поляков Беларуси оказала влияние на выбор польского языка как родного. Вместе с тем, польский язык не сохранил доминирующей позиции по показателю «родной язык» даже в местах компактного проживания поляков (например, Гродненская, Брестская, Минская области). Территориальная дифференциация с точки зрения пограничья с Польшей (северо-западные регионы Беларуси) также не явилась необходимым условием, определяющим демографическую мощность польского языка: согласно переписи 2009 г., поляки, проживающие в Минской области, используют язык во внутрисемейном общении в той же мере, как поляки Могилевской или Гомельской областей. Местность проживания поляков

(городская/сельская) не оказала существенного влияния на выбор польского языка как родного. Однако сопоставление данных переписей 1999 и 2009 гг. показывает, что поляки-жители сельской местности начали более интенсивно утрачивать польский язык как родной.

Причины утраты родного языка имеют различный характер. Определенную роль сыграли факторы идеологического порядка. Это языковая политика государства (распространение русскоязычного образования, уменьшение количества часов на изучение родного языка), конфликт в среде польских общественных организаций (разделение Союза поляков Беларуси на две организации). Следствием этих (и других) процессов явилась ассимиляция, о которой свидетельствует тот факт, что, согласно переписи 1999 г., 67,1% поляков Беларуси назвали родным языком белорусский и только 16,5% – польский. В переписи 2009 эти показатели составили 58,2% и 5,4% соответственно. Немаловажное значение для понимания ситуации имеет иерархия показателей самоидентификации поляков Беларуси. Результаты региональных этнолингвистических и лингвистических исследований показывают приоритет вероисповедания, а не языка в данной иерархии. Анализ переписей населения косвенным образом подтверждает, что для поляков Беларуси язык не является основным показателем их самоидентификации. Поэтому такая небольшая доля поляков Беларуси пользуется польским языком в домашнем общении. Это, на наш взгляд, также создает определенные условия для экспансии других языков в категории «родной язык» и «язык внутрисемейного общения». Кроме того, существенный разрыв между указанными показателями дает возможность предполагать, что для поляков Беларуси польский язык все более приобретает символическое значение.

Литература / References

1. *Ананьева Н.Е.* О некоторых результатах взаимодействия близкородственных языковых систем (на материале лексики польских говоров белорусско-литовского пограничья) / Н.Е. Ананьева // Беларуско-руско-польскае супастаўляльнае мовазнаўства : матэрыялы I усесаюз. навук. канф., Віцебск, 17–19 ліп. 1990 г. / Віцеб. пед. ін-т. ; пад рэд. Л.М. Вардамацкага. Віцебск, 1990. С. 117–122.
2. *Ананьева Н.Е.* К вопросу о префиксальных deverбативных глаголах в «польщизне кресовой» / Н.Е. Ананьева // *Studia nad polszczyzną kresową* / Pol. Akad. Nauk, Kom. Językoznawstwa; pod red. J. Riegera, W. Werenicza. Wrocław [etc.], 1991. Т. 6. С. 71–84. (Prace językoznawcze 123).
3. *Веренич В.Л.* К историко-социологической характеристике польских переселенческих говоров в Полесье / В.Л. Веренич // Польские говоры в СССР: в 2 ч. / Акад. наук БССР, Ин-т языкознания / ред. В.В. Мартынов. Минск, 1973. Ч. 2 : Исследования и материалы, 1969–1971. С. 128–159.

4. *Вярэніч В.Л.* Польскія перэфірычныя гаворкі на ўсходзе / В.Л. Вярэніч // Польские говоры в СССР : в 2 ч. / Акад. наук БССР, Ин-т языкознания; ред. В.В. Мартынов. Минск, 1973. Ч. 1: Исследования и материалы, 1967–1969. С. 5–21.
5. Итоги Всесоюзной переписи населения 1959 года: Белорусская ССР / Центр. стат. упр. при Совете Министров СССР. – М. : Госстатиздат, 1963. – 146 с.
6. Национальный состав населения Республики Беларусь и распространенность языков : итоги переписи населения Респ. Беларусь 1999 г. : стат. сб. : в 2 т. / М-во статистики и анализа Респ. Беларусь ; редкол.: Г.И. Гасюк (гл. ред.) [и др.]. – Минск : Информстат, 2001. Т. 1. – 451 с.
7. Перепись населения Республики Беларусь 2009. Население по национальности и родному языку [Электронный ресурс] / Параметры доступа: http://www.belstat.gov.by/uploads/file/GU_demogr/5.8-0.pdf. – Дата доступа: 27.09.2016.
8. Перепись населения Республики Беларусь 2009. Население по национальности и языку, на котором обычно разговаривают дома [Электронный ресурс] / Параметры доступа: http://www.belstat.gov.by/uploads/file/GU_demogr/5.9-0.pdf. – Дата доступа: 27.09.2016.
9. *Раткевіч М.А.* Палякі Беларусі ў XX ст.: па матэрыялах перапісаў 1939–1999 гг./ М.А. Раткевіч // Беларус. лінгвістыка / НАН Беларусі, Ін-т мовазнаўства. Мінск, 2005. Ч.1. Вып. 56. С. 117–125.
10. *Grek-Pabisowa I.* Język polski na kresach północno-wschodnich – dawniej i dziś / I. Grek-Pabisowa, I. Maryniakowa // Historia i współczesność języka polskiego na kresach wschodnich / red. J. Grek-Pabisowa ; Pol. Akad. Nauk, Inst. Slawistyki. Warszawa, 1997a. S. 27–111.
11. *Grek-Pabisowa I.* Językowa rzeczywistość na dawnych kresach północno-wschodnich / I. Grek-Pabisowa // Kresy – pojęcie i rzeczywistość : zbiór studiów / red. K. Handke ; Inst. Slawistyki Pol. Acad. Nauk, T-wo Nauk. Warszawskie. Warszawa, 1997b. S. 145–180.
12. *Kabzińska I.* Czy zmierzch stereotypu Polak – katolik? / I. Kabzińska // Kultura i świadomość etniczna Polaków na Wschodzie: tradycja i współczesność / Uniw. Wrocławski, Katedra Etnologii i Antropologii Kulturowej; pod red. A. Kuczyńskiego, M. Michalskiej. Wrocław, 2004. S. 191–204.
13. *Kabzińska-Stawarz I.* Polacy na Białorusi: relacja z badań etnologicznych nad współczesnym procesem kształtowania się świadomości etnicznej / I. Kabzińska-Stawarz // Przegląd Wschodni, 1992/93. T. 2, Z. 3. S. 681–695.
14. *Kabzińska-Stawarz I.* Wśród kościelnych Polaków: wyznaczniki tożsamości narodowej Polaków na Białorusi / I. Kabzińska-Stawarz // Acta Baltico-Slavica, 1999. T. 24. S. 207–218.
15. *Kurzowa Z.* Język polski na kresach północno-wschodnich / Z. Kurzowa // Studia nad polszczyzną kresową / Pol. Akad. Nauk, Kom. Językoznawstwa; red.: J. Rieger, W. Werenicz. Wrocław [etc.], 1982. T. 1. S. 13–17. (Prace Językoznawcze; T. 98).
16. *Kurzowa Z.* Sytuacja językowa polskiej ludności wiejskiej w Litewskiej i Białoruskiej SRR / Z. Kurzowa // Przegląd Polonijny, 1985. R. 11, Z. 3. S. 5–20.
17. *Kurzowa Z.* Język polski na kresach wschodnich po II wojnie światowej / Z. Kurzowa // Mniejszości polskie i Polonia w ZSRR / red.: H. Kubiak [et al.]; Uniw. Jagielloński, Inst. Badań Polonijnych. Wrocław [etc.], 1992. S. 127–138.
18. *Maryniakowa I.* Życie polskiej ludności wiejskiej na Litwie i Białorusi w świetle tekstów gwarowych / I. Maryniakowa // Wilno i Kresy Północno-Wschodnie : materiały II Międzynar. konf., Białystok, 14–17 wrzes. 1994 r. : w 4 t. / T-wo Lit. im. A. Mickiewicza, Oddz. Białostocki. Białystok. T. 3: Polszczyzna kresowa. 1996.
19. *Maryniakowa I.* Polskie gwarowe obszary północno-wschodnie wobec pojęcia „kresy” / I. Maryniakowa // Kresy – pojęcie i rzeczywistość : zbiór studiów / red. K. Handke; Pol. Akad. Nauk, Inst. Slawistyki. Warszawa, 1997. S. 181–192.

20. *Smulkowa E.* Inna polskość? / E. Smulkowa // *Kultura i świadomość etniczna Polaków na Wschodzie: tradycja i współczesność/ Uniw. Wrocławski, Katedra Etnologii i Antropologii Kulturowej; pod red. A. Kuczyńskiego, M. Michalskiej. Wrocław, 2004. S. 259–267.*
21. *Smulkowa E.* O wieloznaczności pojęcia «polak», «polski» na Białorusi (z doświadczeń badacza i dyplomaty) / E. Smulkowa// *Białoruś i pogranicza: studia o języku i społeczeństwie / E. Smulkowa. Warszawa, 2002. S. 552–563.*
22. *Zielińska A.* Czy polszczyzna północnokresowa ma szanse przetrwania? (w świetle koncepcji dyglosji i żywotności etnolingwistycznej «ethnolinguistic vitality») / A. Zielińska // *Acta Baltico-Slavica, 2003. T. 27. S. 97–109.*

О ТАК НАЗЫВАЕМЫХ ОКСИТОНАХ И ПРОПАРОКСИТОНАХ В „ПОЛЬЩИЗНЕ КРЕСОВОЙ“/ O TZW. OKSYTONEZIE I PROPAROKSYTONEZIE W POLSKICH GWARACH KRESOWYCH

Я. А. Ригер

ON SO CALLED OXYTONS AND PROPAROXYTONS IN POLISH IN EASTERN BORDERLAND

J. A. Rieger

ABSTRACT:

The aim of the paper is a critical examination of „oxytons” and „proparoxytons” in Polish dialects in Lithuania, Belorussia and Ukraine. The author propose more proper interpretation of the exceptions of paroxytonic stress there.

Keywords: Polish in Lithuania, Belorussia, Ukraine; accentology

АННОТАЦИЯ:

В статье критически рассматривается положение об “окситонах” и “пропарокситонах” в польских говорах в Литве, Белоруссии и Украине и предлагается попытка установить схему более адекватного описания отклонений от парокситонического ударения в этих говорах.

Ключевые слова: польский язык в Литве, Белоруссии, Украине; словесное ударение

W polskich gwarach kresowych na Białorusi, Litwie i Ukrainie przycisk wyrazowy przeważnie jest zgodny z ogólnopolskim i panującym w większości gwar Polski etnicznej i pada na **drugą zgłoskę od końca**, np. *!aźnia, postr|oić*). Jeśli w odmianie wyrazu jakaś zgłoska na końcu dochodzi lub jeśli ginie, akcent przesuwa się odpowiednio, np. *chl|opiec – z chłopc|ami* czy *kan|apa – k|anap*. Taki przycisk nazywany jest **paroksytonezą**, co sygnalizuje stałe akcentowanie zgłoski przedostatniej od końca, a więc niezależnie od morfemu (rdzenia czy sufiksu, tematu czy końcówki). Jest to więc określenie odnoszące się do prozodii.

Osobliwością gwar kresowych jest traktowanie cząstki *się* jako związanej stale z wyrazem (czasownikiem), stąd akcent w formach typu *rozs|ech się, adryg|am się, stroj|i się* (pewnie należałoby stosować pisownię łączną) trzeba uważać za paroksytoniczny.

Odstępstwa od tej zasady występują przede wszystkim w wyrazach zapożyczonych, np. *kalch|oz, awtom|at, hołodom|or, trudodn|i, hołub|yj, do b|olnicy, z |oblas'ci, buld|ożera, był orhaniz|atorem*, ale mogą występować także w wyrazach rodzimych – derywatach (często wspólnych z białoruskim lub ukraińskim) jak *dzieci|uk, sokol|uk*, a zwłaszcza w pewnych formach gramatycznych, np. *ja id|e, wun idzi|e, won|y pujd|o, wun posz|ał, my poszl|i; czek|aj, patrz|aj, daw|aj; sł|abieńki, ci|enienko*. Bardzo często w literaturze akcent padający w wyrazie czy w formie na zgłosce pierwszej od końca nazywany jest oksytonicznym, a akcent na zgłosce trzeciej od końca – proparoksytonicznym (tak jest np. w pracach, które opisują odstępstwa od akcentu ogólnopolskiego, por. [Grek-Pabisowa 2002: 13-16], [Karaś 2002: 126-130]). Są to określenia co najmniej dyskusyjne, a w większości przypadków niesłuszne.

Przypatrzmy się **terminologii**. Pojęcia barytonezy, oksytonezy (a dalej paroksytonezy i proparoksytonezy) były i są używane dla zjawisk akcentologii greckiej, stosowano je także dla innych dawnych języków indoeuropejskich. Zmiany czy raczej modyfikacje ich znaczenia dobrze pokazuje J. Marouzeau pisząc o pojęciu oksytonu, że termin ten, zapożyczony z nazewnictwa gramatyków greckich dla oznaczenia we właściwym sensie wyrazu z ostrym przyciskiem, używany jest nieprawidłowo dla wyrazu, mającego na tej zgłosce akcent dynamiczny. Z. Gołąb, A. Heinz i K. Polański odchodzą od określeń „prawidłowy” i „nieprawidłowy” pisząc, że był to termin „akcentuacji greckiej, oznaczający wyraz, który ma acutus na ostatniej sylabie. Zjawisko występowania akcentu na ostatniej sylabie nosi nazwę oksytonezy”. Podobnie pojęcie barytonezy u Marouzeau wychodzi od etymologii: chodzi o wyraz, którego ostatnia zgłoska ma *gravis* lub w ogóle pozbawiona jest tonu. W słowniku trzech autorów barytonon to „wyraz nie akcentowany na ostatniej sylabie, przez Greków starożytnych odczuwany, jako <mający ciężki ton>”. U W. Sklarenki barytoneza oznacza przycisk na temacie (rdzeniu), natomiast oksytoneza – na sufiksie tematycznym; dodajmy, że w wyniku zmian fonetycznych prasłowiańskich w wielu przypadkach sufiks taki zlał się z końcówką, wobec czego dziś będzie to przycisk na końcówce (a jak wskazano niżej w przypadku końcówki zerowej będzie to przycisk na pierwszej sylabie od końca). Pojęcia te są związane przede wszystkim z paradygmatem, a nie z pojedynczymi formami czy końcówkami.

Dziś oksytoneza oznaczać może więc przycisk w całym paradygmacie na końcówce (czasem dwusylabowej jak *-|ami*, gdzie pada na zgłoskę drugą od końca!), a w przypadku końcówki zerowej – na zgłosce tematycznej pierwszej od końca, bo w językach słowiańskich niektóre końcówki, np. w mian. lpoj. deklinacji na *-ō-* czy na *-ŭ-* zanikły, por. np. w pol. *wóz, syn*.

Pisanie o oksytonezie dysponując tylko jednym zapisem mianownika z końcówką zerową, np. *cielepi|ej* ‘niedolega’, *bociani|uk*, *ciel|ak*, *zdech|ak* jest nieuzasadnione i mylące, bo nie wiemy gdzie pada przycisk w przypadkach zależnych. W przypadku akcentowanej końcówki, np. *dłużyni|a*, mamy prawo spodziewać się akcentowanych końcówek w przypadkach zależnych, ale i tu mogą nas czekać niespodzianki.

W innych przypadkach, np. w rozkazniku *czek|aj* – *czek|ajmy*, *czek|ajcie* akcent na sylabie pierwszej od końca jest tylko w 2. os. lpoj., a w pozostałych formach pada on na zgłoskę drugą od końca.

Bałbym się mówić o oksytonezie w przypadku wyrazów nieodmiennych, jak przysłówki, np. *rani|ej*, *dawni|ej*.

Proparoksytoneza oznacza przycisk na sylabie trzeciej od końca również w paradygmacie, a nie tylko w poszczególnych formach. A więc w przypadku odmiany *orhaniz|ator* ~ *orhaniz|atorem*, **alil|ujnik* ~ *alil|ujniki* czy *egz|amen* ~ *egz|ameny* tylko w formach *orhaniz|atorem*, *egz|ameny*, *alil|ujniki* przycisk pada na zgłoskę trzecią od końca, a w mianowniku lpoj. jest przycisk na sylabie drugiej od końca. Mamy tu więc do czynienia z akcentem na temacie (co można nazwać przyciskiem kolumnowym czy ostatecznie barytonezą), na tej samej z punktu widzenia morfologicznego zgłosce. Podobnie jest w przypadku *wn|uczeczka* – z *wn|uczczkami*, bo tu również charakterystyczne jest nie (zmieniające się w niektórych przypadkach) miejsce akcentu, lecz stały akcent na jednej z sylab tematu (na rdzeniu) jak wyżej.

Czy w ogóle ma sens określanie dzisiejszych stosunków akcentowych terminami używanymi w stosunku do akcentuacji języków dawnych? Poza tym w przypadku stosowania takich określeń dostajemy mieszaninę terminologiczną: raz analiza dotyczy prozodii, raz – morfologii. E. Stankiewicz w opisie współczesnej deklinacji rosyjskiej w rozdziale poświęconym przyciskowi pisze tylko o temacie (stem) i końcówce (desinence).

* * *

Jak więc opisać odstępstwa od przycisku paroksytonicznego w polskich gwarach kresowych? Najlepiej pokazać to na przykładach, choć trzeba pamiętać o tym, że materiały dla takiego opisu są skąpe.

RZECZOWNIK

Przycisk na końcówce (w mianowniku w przypadku końcówki zerowej przycisk pada na ostatnią zgłoskę tematu), np. *muż|yk* ~ z *mużyk|om* ~ *mużyk|i*; *pac|an* ~ *pacan|om*; *parsi|uk*, dop. *parsiuk|a* (z domyślną dalszą akcentuacją na końcówce). Tu określenie „oksytoneza“ byłoby usprawiedliwione, właściwe z punktu widzenia prozodycznego. Podobnie jest w przypadku *past|uch*, z *pastuch|om*, **kipiat|ok* ~ *kipiatk|om*. Możliwe, że należą tu:

dur|ak ~ durak|i czy **bahat|yr ~ bahatyr|y*, *spar|ysz ~ sparysz|y*, *starycz|ok ~ lmn. staryczk|i*, *pac|uk* ‘szczur’ ~ lmn. *pacuk|i*, choć nie można wykluczyć odmiennej akcentuacji w liczbie pojedynczej i w liczbie mnogiej. Co do form z końcówką *-|om* i in. zob. uwagi na końcu.

Przycisk na temacie – na ostatniej zgłosce tematu, którą tworzy sufix. W przypadku *dzieci|uk*, dop. *dzieci|uka* (z domyślną dalszą akcentuacją na morfemie *-uk-* należącym do tematu) czy *bociani|uk*, dop. *bociani|uka* ewentualne mówienie o oksytonezie odnosiłoby się nie do stosunków prozodycznych, ale morfologicznych. Właściwszym jest więc mówienie o akcencie na ostatniej zgłosce tematu, ewentualnie ze wskazaniem, że chodzi o sufix. Zapewne należą tu *leni|uch*, *lenci|aj* ‘leń’, *druszl|ak*.

Podobnie jest w przypadku odmiany *kałch|oz – kałch|oza – kałch|ozami*, bo jest to wyraz złożony i morfem *choz* (skrót od *choziajstwo* ‘gospodarstwo’) można potraktować tak jak sufix. W mian. lpoj. mamy akcent na pierwszej od końca (zresztą końcówka jest zerowa), w dopełniaczu – na drugiej, w narzędniku lmn. – na trzeciej od końca. Przycisk określać należy jako kolumnowy (barytoniczny). Prawdopodobnie podobnie jest w *garkol|ep*.

Przycisk na temacie – na ostatniej zgłosce tematu: *baj|an*, *na baj|anie*, *samag|on ~ samag|onu*, *Sawi|et ~ Sawi|ety*, *przy Sawi|etach*, *sielsawi|et ~ z sielsawi|eta*, *u sielsawi|ecie*, *snar|ad ~ snar|ady*, *snar|adów*, *łab|an* ‘byk lub krowa bez rogów’ ~ *łab|any*, *kuł|ak ~ kuł|akami* (choć w mian. lmn. *kułak|i*). Zapewne też: *brygad|ir*, *weteryn|arz*, *snit|ar*, *naw|oz*, *kilogr|am*.

Przycisk na temacie – nie na przedostatniej, ani nie na ostatniej zgłosce (na przedostatniej w przypadku końcówki zerowej – w mianowniku): *s|adzik* ‘przedszkole’ ~ w *s|adziku*; *b|unkier ~ z b|unkiera*, *nacz|alnik ~ do nacz|alnika*, **sald|acik ~ sald|aciki*, *j|aszczyk ~ j|aszczyki ~ u j|aszczykach*, *buh|alcier ~ buh|alciera*, *kat|olik ~ kat|olików*, *kałch|oźnik ~ kałch|oźniki*. Zapewne należą tu *|oczeredź* ‘kolejka’, *|opuchol*, *pr|awilo*, **adnal|icznaś* ‘gospodarka indywidualna’ ~ *przy adnal|icznaści*, **chryst|ośnik* ‘o młodzieży odwiedzającej domy na Wielkanoc’ ~ *chryst|ośniki*, *pr|adziad ~ pr|adziady*.

Przycisk zachowany na temacie w derywatach rzeczownikowych: *dzi|adyńka*, *dzi|etoczka* i *dzi|etańka* (: *dzi|etka*), *dzi|eweczka*, dop. *w|odeńki*.

Przycisk zachowany na temacie w derywatach odprzymiotnikowych i odczasownikowych: *jaj|icznica*, *szl|opancy* ‘rodzaj obuwia’ (: *szl|opać*).

ZAIMEK

Przycisk zachowany na temacie w zaimkach: *j|ejny ~ j|ejnego*.

Przycisk na końcówce w zaimkach (w wyrazach jednozgłoskowych rzecz jasna na temacie), np. *on*, *on|a*, *on|i*.

PRZYMIOTNIK

Przycisk zachowany na temacie w przymiotnikach – intensiwach: *bi|ednieńki, ci|enieńki, mal|usieńki i mal|usienka, fajnieńki, dr|achleńka chatka, kw|asnieńki, niewi|elczenkij, sł|abieńki, rybki świ|eżeńkie, deseczki okur|atnieńkie, sztanionki bi|aleńkie, podługow|aciankie, szyr|okieńkie listy* odpowiednio do *bi|edny, ci|enki, mal|uśki, fajny, dr|achły, kw|asny, podługow|aty* itp. Tu należą też przymiotniki od nazw miejscowości, np. *w|idzewski* (: *W|idzy*).

PRZYSŁÓWEK

Przycisk zachowany na temacie w przysłówkach – intensiwach: *ci|enieńko, cz|yścianko, rz|adzieńko.*

Przycisk na końcowej zgłosce przysłówka odpowiednio do przycisku w przymiotniku: *czyści|ej, ciepł|ej* oraz **bez takiego odpowiednika:** *prędz|ej, lepi|ej, skąpi|ej, rani|ej.* Tu należą też **zleksykalizowane formy przypadkowe:** *bosiacz|om.*

CZASOWNIK

Przycisk na rdzeniu w bezokoliczniku – w derywatach, np. *doż|yć, podk|uć, zal|ać, nal|ać, rozkł|uć, ukr|ać, wyp|ić, ubr|ać* ‘posprzątać’, *zani|eść, zal|eźć.* Czy tu też trzeba zaliczyć *pom|ogć, paśpi|eć* ‘zdążyć’?

Przycisk na końcówce w czasie teraźniejszym: *idzi|e* (czy według **idzi|ecie?*)

Przycisk na ostatniej zgłosce tematu w czasie teraźniejszym zgodnie z przyciskiem w czasowniku bezprzedrostkowym: *nie pod|asz, powi|em.* Też na końcówce: *nie zachc|o* (tu również możliwa analogia do **zachc|ecie*)

Przycisk w 2. os. lmn. czasu teraźniejszego na temacie zgodnie z przyciskiem w 2. os. lpoj.: *p|ójdziecie, poj|edziecie, w|idzicie, błędziecie, pol|eziecie.*

Przycisk w czasie przeszłym według przycisku w bezokoliczniku: *post|awili* (: *post|awić*), *zasw|atali* (obok *zaswat|ali*), *paj|echali, odd|ał* (: *odd|ać*), *pod|ał* (: **pod|ać*), *spl|aczywali* (: **spl|aczywać* – tu przycisk trudny do objaśnienia na gruncie gwary), zapewne też *przewi|oz.*

Przycisk w 2. os. lpoj. rozkaznika według przycisku w 2. os. lmn.: *daw|aj, przest|ań, nie m|ów, poprób|uj, nadzi|eń, nie poddziew|aj* ‘nie wysławiaj’, *przecier|aj sie, pam|yj, wleż|aj, pad|aj, waźm|i, zakielzn|aj i zał|oż konia.*

VARIA

Przycisk w różnych wyrazach nieodmiennych na ostatniej zgłosce: *jeszcz|o, pot|om, choci|a* oraz na **innej zgłosce** (poza drugą od końca): *j|eżeli, obiaz|acielno, j|akości, jak pol|ozeno*.

* * *

Często trudno jest objaśnić zjawisko. Tak np. przy zapisach: *br|azgul* ‘dzwonek w uprzęży’ ~ lmn. *brazg|uli* obok *brazgul|i* możliwa jest zarówno odmiana paroksytoniczna w całym paradygmacie, jak i odmiana na temacie w liczbie pojedynczej, a na końcówce w liczbie mnogiej (teoretycznie możliwa jest też odmiana na temacie w liczbie pojedynczej). Formy z końcówką *-om* (*mużyk|om, pastuch|om*) można traktować jako zapożyczenia albo jako cytaty. Czy dotyczy to też innych akcentowanych końcówek rodzimych, ale równym np. białoruskim (dop. lpoj. *parsiuk|a*, mian. lmn. *mużyk|i*) też?

Trzeba też pamiętać, że odstępstwa od paroksytonezy na pewnych terenach są szerzej reprezentowane, a na innych – mniej, że obok odstępstw omówionych wyżej częste są dublety akcentowe, np. *te fotograf|iji* ~ *fotog|afiji* (u jednego informatora), *brazgul|i* ‘dzwonki w uprzęży’ ~ *brazg|uli, kub|elnik* ‘wiozący wyprawę panny młodej’ ~ *k|ubielnik, lewsz|un* ‘mańkut’ ~ *l|ewszun, pj|anica* ~ *pjan|ica, rucz|ej* ~ *r|uczej, kisi|el* ~ *k|isiel, zak|on* ‘prawo’ ~ *z|akon, rani|ej* ~ *r|aniej, zasw|atali* ~ *zaswat|ali, pasz|ed!* ~ *p|oszed!*

Niniejsze propozycje nie roszczą sobie pretensji do pełnego opisu zjawiska, wymagają też rozpatrzenia i przemyślenia na większym materiale. Szczegółowy opis pozycji, w których występują odstępstwa od stanu w polszczyźnie ogólnej dała już I. Grek-Pabisowa, w wielu przypadkach pokazując przyczyny (analogie). Celem autora jest przede wszystkim pokazanie innego podejścia do opisywanych zjawisk i postawienie pytania o status niektórych form (zwłaszcza form z przyciskiem na końcówce).

Литература / References

1. *Склярєнко В.Г.* Праслов’янська акцентологія. Київ, 1998. – 345 с.
2. *Cechosz-Felczyk I.* Polska gwara Oleszkowiec na Podolu. Fleksja imienna i werbalna. Kraków: DWN, 2001. – 189 s.
3. *Gołb Z., Heinz A., Polański K.* Słownik terminologii językoznawczej. Warszawa: PWN, 1968. – 847 s.
4. *Grek-Pabisowa I.* Współczesne gwary polskie na Litwie i Białorusi. Warszawa, 2002. – 162 s.
5. *Karaś H.* Gwary polskie na Kowieńszczyźnie. Auśra. Warszawa-Puńsk, 2002. – 425 s.
6. *Kuryłowicz J.* L’accentuation des langues indo-européennes. Wrocław-Krakow: Zakład Narodowy im. Ossolińskich, 1958. – 433 s.

7. *Marouzeau J.* Lexique de la terminologie linguistique français, allemand, anglais, italien. 3-
e édition Paris [cyt. za: *Марузо Ж.* Словарь лингвистических терминов. Москва 1960].
8. *Rieger J.* Słownictwo polszczyzny gwarowej na Braślawszczyźnie.. Warszawa: Wyd-wo
Naukowe Sub Lupa, 2014. – 433 s.
9. *Stankiewicz E.* Declension and Gradation of Russian Substantives. The Hague-Paris:
Mouton, 1968. – 173 p.

ПОЛЬСКИЙ ЯЗЫК И ПОЛОНИЗМЫ У СИБИРСКИХ ГОЛЕНДРОВ

C. C. Скорвид

THE POLISH LANGUAGE AND POLONISMS AMONG THE SIBERIAN HOLLANDERS

S. Skorvid

ABSTRACT:

The paper deals with the traces of the Polish language formerly used by the ancestors of the so called Siberian Hollanders who live in three villages in the Irkutsk Region in Eastern Siberia. The author concludes that for the Bug Hollanders, before migration of several families from Grodno and Volhynian Governorate of The Russian Empire to Siberia in 1911–1913, Polish spoken in the Eastern Borderlands was undoubtedly a high-prestige language. In other words, it was a language of regional – not only written – culture, including both Evangelical Lutheran worship services and secular folklore. Apparently, it was used to some extent in the everyday communication of the Hollanders too, although otherwise they had turned to the West Ukrainian dialect of their surroundings. Among the Siberian Hollanders Polish still remains a sacred or, more widely, ritual language. Besides that, their own patois is rich of Polish borrowings with typically West Slavic phonetic shape, which sometimes appear optionally as discourse doublets of East Slavic words firmly enshrined in their lexicon.

Keywords: Bug & Siberian Hollanders; Polish language; Poland's Eastern Borderlands; West Ukrainian dialect; Evangelical Lutheran worship; folklore; loanwords; discourse doublets

АННОТАЦИЯ:

Статья посвящена следам польского языка, некогда бывшего в употреблении у предков так наз. сибирских голендров, ныне проживающих в трех деревнях в Иркутской области на территории Восточной Сибири. Автор приходит к выводу, что для бужских голендров до миграции нескольких их семей из Гродненской и Волынской губерний Российской империи в Сибирь в 1911–1913 гг. периферийный польский язык в его восточной разновидности был, несомненно, престижным идиомом. Это был язык региональной – не только письменной – культуры, в том числе лютеранского богослужения, с одной стороны, и светского фольклора, с другой. По-видимому, до некоторой степени он использовался и в повседневном общении голендров, хотя в остальном они перешли на западноукраинский говор/говоры их окружения. Среди сибирских голендров польский по-прежнему остается сакральным или, шире, ритуальным языком. Кроме того, их говор изобилует польскими заимствованиями, сохраняющими типично западнославянский фонетический облик, которые иногда факультативно упот-

ребляются как дискурсивные дублиеты системно закрепленных в их словаре восточнославянских лексем.

Ключевые слова: бужские и сибирские голендры, польский язык и его периферийный восточный ареал, западноукраинские говоры, евангелиско-лютеранское богослужение, фольклор, заимствованные слова, дискурсивные дублиеты

В данной статье сопрягаются два направления лингвистических исследований, относящиеся к стержневым в обширной сфере научных занятий Н. Е. Ананьевой: это, с одной стороны, изучение инославянских островных говоров на территории Российской империи, СССР и современной РФ, в том числе и особенно в Сибири, а с другой – наблюдения над ролью и функцией польских элементов в иноязычном дискурсе. Вместе с тем нижеследующий текст может рассматриваться как предварительный скромный вклад в будущую коллективную монографию, планируемую в рамках масштабного проекта «Славянские переселенческие говоры в России (чешские, польские, украинские)», к ведущим участникам которого принадлежит Н. Е. Ананьева.

В 2015 г. при поддержке Фонда фундаментальных лингвистических исследований рабочая группа под моим руководством совершила экспедицию в Восточную Сибирь, в места проживания так наз. голендров – особой этнической группы, переселившейся сюда в 1911–1913 гг. (Галеткина 2015: 31–32) в контексте политики развития земледелия в восточных регионах России, проводимой правительством П. А. Столыпина. В то время на территории Пихтинского переселенческого участка появились три деревни, Пихтинск, Средний Пихтинск и Дагник, в наши дни входящие в Хор-Тагнинское муниципальное образование Заларинского района Иркутской области. По состоянию на 1 января 2015 г. в них насчитывалось 95 хозяйств (домов) с 307 жителями¹.

Пихтинский участок стал для этой группы голендров конечной точкой миграции из районов вдоль течения Западного Буга, с чем связано именование их предков «бужскими голендрами»². Их «материнские», основанные в XVII в. колонии Нейдорф и Нейбров (Бютов 2011: 28), в Российской империи находившиеся в Гродненской губернии, часто

¹ Данные администрации Хор-Тагнинского МО, полученные в августе 2015 г.

² Ср. польск. *nadbużańscy Holendrzy/Oleńdrzy*. Как сообщает Н. Г. Галеткина, два варианта этого именованья, воспринимаемого одновременно как этноним и как топоним, с начальным согласным и без него, в 1990-е гг. встречались и в речи старейших жителей Пихтинска (причем вариант *олендры* даже чаще); закрепление же его – в варианте *голендры* – в качестве самоназвания представителей данного переселенческого сообщества в Сибири произошло только в 2000-е гг. благодаря публикациям о них в периодике и в краеведческой литературе (Галеткина 2015: 33–34, 127–128).

называют немецкими, хотя в языковом отношении члены этого сообщества, будучи в той или иной мере полонизированными, в остальном давно перешли на говор/говоры своего западноукраинского окружения. Это отразили и названия их позднейших по отношению к старым колониям «выселков» в Волынской губернии: Замостече и Новины (в выговоре голендров – *Zamusteč'e, N'ovyny*; в польской огласовке – *Zamostecze/Zamostycze, Nowiny*), которые переселенцы перенесли на свои новые деревни в Сибири. То и другое название, при официальных Пихтинск и Средний Пихтинск, до сих пор бытуют в речи их потомков. Что же касается третьей деревни, то, по словам коренного жителя Среднего Пихтинска Петра Мартыновича Людвига (1951 г. р.)³, «...*вот дальше, правда, не так: bul'b Zab'ušskije Hal'endry⁴ nazyv'alas'e d'ir'evn'a [..] ну а тут её уже по-сибирски назвали – D'ahn'ik. Pr'osto D'ahn'ik i fs'o. Почему – потому что рядом болото большое [..] (v)on'ý na b'ir'ig'u bo'bita str'b'il'is'e, а болото в переводе на вот... наверно, украинский, jak'ij jaz'ýk tam – d'ahn'ik, da?.. Нем?»*. Если принять эту народную этимологию, можно допустить, что топоним Дагник восходит к искаж. польск. *bagno* или белорус. *багна* 'торфяное болото' (скорее, чем к укр. *багн'б* с другим местом ударения⁵), если не прямо к белорус. *багнік* 'болотный дух'. Стоит отметить, что в речи пихтинских голендров название этой деревни встречается и во мн. ч.: (с'огн'ус'и) *m'bže v D'ahn'ikaš še bul'č'i / a v nas tut fP'č'ytinsk'e nuč'bo ne bul'b*.

В Энциклопедическом словаре Ф. А. Брокгауза и И. А. Ефрона, в статье о бужских голендрах, которые здесь определены как потомки голландцев переселенцев, указано, что население их колоний Нейбров и Нейдорф, «забыв свой природный язык, говорит на местном наречии, с примесью польских слов» (Брокгауз, Ефрон IX: 42). Оставляя в стороне по-разному решаемый в литературе вопрос о связи этой переселенческой группы и ее названия с Голландией, предположу лишь, что под «природным языком» голендров автор энциклопедической статьи, по-

³ В цитируемых далее смешанных высказываниях информантов, переходящих с русского языка на говор и обратно, в латинской транскрипции приводятся только фрагменты, произносимые по крайней мере в значительной части на говоре или по-польски. Знаками **l**, **h** обозначаются твердый [л] и фрикативный [ɣ]. Место ударения в русско- и польскоязычных фрагментах, как правило, не указывается.

⁴ Т. е. Забужские Голендры (польск. *Zabużańskie Holendry*). Кроме названных населенных пунктов, по данным, выбранным Н. Г. Галеткиной из метрических книг Иркутской Лютеранской церкви начала XX в. (Галеткина 2015: 32), многие предки пихтинских голендров прибыли в Сибирь из колонии Свержовские (или Свежевские) Голендры Волынской губернии (польск. *Holendry Świerzeńskie / Olendry Swierzowskie*). Топоним Замостече в некоторых метрических записях фигурирует также с начальным С-

⁵ Ср. также БАГНИК [багнік] -а, ч. 'тс, що БАГНО-1, 2' в «Словаре западнополесских говоров» (Аркушин 2000, I: 6).

видимому, подразумевал некоторый нижненемецкий диалект, в XIX–XX вв. действительно ими забытый. При этом с литературным немецким языком бужские голендры в какой-то степени продолжали соприкасаться по «церковно-приходской» линии, так как, принадлежа к евангелическо-лютеранской конфессии, они, в частности, могли получать свидетельства о крещении или конфирмации, написанные по-немецки⁶. По крайней мере два слова из наследия «церковно-приходского» немецкого в полонизированном и русифицированном облике сохранились в лексиконе пихтинских голендров до наших дней: глагол *b'ɔdač* 'молиться' (нем. *beten*), зафиксированный в такой графике в словарице, составленном работниками пихтинского музея, и записанное нами со слуха существительное *ф'ыбыль* (нем. *Fibel* 'букварь', восходит к искаж. *Bibel*) – этим словом называют книгу на польском языке, напечатанную готическим шрифтом в конце XIX или начале XX в. в **Krolewcu** и содержащую, помимо польского алфавита и образцов частых буквосочетаний, молитву «Отче наш», «Десять заповедей», «Символ веры» и ряд других религиозных текстов.

Как явствует уже из одного этого факта, в религиозной жизни бужских голендров в период переселения части из них в Сибирь функционировал польский язык. В заметном объеме он и сейчас реализуется в данной сфере у пихтинских голендров, в первую очередь в ситуации, когда в доме старейшего члена общины, выполняющего обязанности пастора, проводятся *nabožen'stva*⁷, произносятся *kazan'a* и читаются старые молитвенные *ks'onšk'i*, привезенные из колоний на Буге. Варианты первых двух лексем *naboženstvo* и *kazan'je* демонстрируют проявляющуюся и в иных случаях возможность фонетической адаптации (здесь – русификации) в речи голендров Сибири польских слов, воспринятых книжным путем, а лексема *ks'onšk'i*, как и другие полонизмы, бытующие в их идиоме в том числе и вне религиозного дискурса, показывает, что польский язык – естественно – был усвоен предками нынешних представителей этой этнической группы в периферийной восточной разновидности (так наз. «крэсовой»). Впрочем, такие черты последней, как сохранение мягких свистящих *s'*, *z'* без перехода в шипящие, наличие свистящих, а не шипящих аффрикат на месте давних мягких *t'*, *d'* и твердый *l*, не изменяющийся в *ц*, отражаются в выговоре голендров непоследовательно. Так, с одной стороны, артикуляция названных шумных переднеязычных согласных иногда колеблется между

⁶ Один такой документ, относящийся, правда, к 1926 г., когда поселения бужских голендров находились на территории II Речи Посполитой, опубликован в книге (Bütow 2002).

⁷ Любопытна гаплоглозия, наблюдаемая при сочетании этого слова с предлогом на: *vo! napr'im'er tam ɔot my spy'v'ajemo jak na bož'en'stv'e; χud'yl'i na bož'enstvo*.

адаптацию к системе говора (*ktoryś* с изменением *y* в гласный типа укр. [ɪ], *ijim'e, poŕŕednego/ poŕŕednego*), звучащая молитва не вполне совпадает с ее печатным текстом в «фыбыле»:

Обращает внимание, что в этой и в некоторых других старопечатных религиозных книгах, используемых голендрами, не встречается графема **ó**; в текстах, как и в алфавите на первой же странице «фыбыля», фигурирует только буква **o**, с чем обычно согласуется и произношение соответствующих лексем/словоформ при чтении. Огласовка слов *krulęstwo* и *kturyś* (у одной информантки, причем с конечным *-ś*) в молитве «Отче наш», возможно, объясняется тем, что они воспроизводятся по памяти и были выучены не по этой книге, а скорее всего усвоены устным путем.

После того как проводящий религиозные собрания в Среднем Пихтинске Адольф Михайлович Кунц (1931 г. р.), листая молитвенник со словами *na mo'jij ks'onšk'e to ja už'e s'eb'e / nam'ečenaje // tak / n'ežela kv'etna* (с отчетливо слышимой аффрикатой *ž*, а не *z*), признался «ну / каторых не знаю / то я и не...», возник вопрос, не выучены ли наизусть читающими по-польски голендрами вообще все тексты, при воспроизведении которых по книгам в таком случае печатное изображение могло бы служить лишь зрительной опорой. Однако, например, упомянутая выше П. К. Кунц оказалась способна бегло прочесть по своей книге,

притом с верным объяснением отдельных слов и иными комментариями, наугад открытую интервьюером страницу с молитвой о ниспослании дождя:

modl'itva // ojc'e dobrotl'ivy / pan'e n'eba i z'em'i / v mondroc'i n'e-do... n'e-do- s'c'en'gn'onu // nu ny dast'an'eš // n'idas'en'gn'onu / v mocy n'eogarn'onu / ktury maš v mocy p'oruny // eto za... eta za gr... aya-aya // bliskav'ice dešč'e n'epogode sjon'ce i pogodne č'asy / obač' co s'e z nam'i z'eje / мы богу гаварим / oto n'ebo stalo s'e z'e.. ž'e'lazne / z'em'a m'ez'ana / i na prožno s'e obraca robota naša / aχ pan'e znaj(em)_my to že gžex'i naše co¹⁰ tego pšyč'ino / al'e ufajmy v lasce i m'ilos'erz'u tvojim že nas n'e ben'z'eš karal vedlu_gžexov našyχ // fspomn'ij o bože na ojc'ofsko dobros'c' i m'ilos'erz'e svoje kturys' okazyval pšy... pšotkam našym / č'emu go i nam okazac' [...] n'e_maš / fšak'es⁽⁹⁾ ob'ecat vysl'uxac' č'lov'eka gžešnego / бох абещял в'ыслухать / i pokuto... i pokutuioncego / i o dešč' po-kor.. pokrop / zeš'tij z'em'e / zesχl... сухую / zesχlej z'em'i

В данной записи последовательно выступают свистящие *s'*, *z'* и *c'*, *z'* (< *l'*, *d'*), колебания же наблюдаются в реализации *l* (*stalo s'e* и т. д., но *sjon'ce*¹¹) и континуанта «суженного» *ó*: П. К. Кунц произносит «по писаному» *na prožno*, но *ktury* и *kturys'* (вместо *ktures'*, со смешением у и *e*).

Кроме религиозной сферы, польский язык в светском варианте в какой-то мере до сих пор функционирует у пихтинских голендров в рамках свадебной обрядности и в фольклоре. В обеих этих областях речь также идет о традиционных текстах (или их фрагментах), которые, вероятно, запоминались еще бужскими голендрами со слуха и далее передавались из уст в уста с неизбежными искажениями. Например, формула приглашения на свадьбу в передаче П. М. Людвиг имеет такое звучание (непольские, адаптированные к системе говора, русифицированные и искаженные фрагменты даны прямым шрифтом): *Oto upraš'a / P'otr Ludv'ik / šony sve (?) / teš pan'stvo mlode / na jutšejšy den' na ves'ile // šoby s'e (< žebyście?) łask'ave b'yl'i / n'ašej p'roz'bъj / i'ixn'im χl'ibom ne hord'y'i // proše pšybyvac' na peršu hod'ynu*¹². Точно так же с множеством искажений поются польские песни, например такая, исполненная

¹⁰ Вместо *so* (в печатном тексте *sa*). Распространенная в польских диалектах – не только в «крэсовом» – реализация конечного непереднего носового гласного в виде денализованного *o* отражена здесь также в сочетании *na ojc'ofsko dobros'c'* и в форме тв. п. ед. ч. *pšyč'ino* (**przyczyna**; при этом первый у представлен гласным типа укр. [i]).

¹¹ Ср. также *bliskav'ice* (**blyskawice**) с изменением, напоминающим колебания в освоенном заимствовании *łyško* (*ушко*) / *liško* из польск. *łóżko* и развитие в своих формах мн. ч. исторических I-причастий типа *bul'ł < bul'ł*.

¹² Ср. польскую формулу *Proszę byście prośbą, ni jej łaską nie gardzili, a za dwa soboty na jej wesele przybyli* (<http://piotrgrazawski.wixsite.com/lamus/zarczynu>).

П. К. Кунц и ее супругом: *Žeby ja v'ežal k'edy š ja umže (!) / zrob'il vysok'e (?) ze zlota trumne / ze zlota trumne ze srebra v'eko / žeby v'izeli Ľud'i zdaleka / a na v'er'χ' tego k'elišek v'ina / žeb n'i plakala moja d'ivčina.*

Н. Г. Галеткина, пытаясь реконструировать на основании бесед с информантами старшего возраста, записанных ею в середине 1990-х гг., роль украинского говора и польского языка в жизни пихтинских голендров непосредственно по прибытии в Сибирь, приходит к несколько противоречивому выводу: «Не русский и украинский, а именно польский и украинский («хохлацкий») были основными языками, на которых г о в о р и л и переселенцы. Украинский являлся языком повседневного общения, а польский – языком п и с ь м е н н о й культуры и богослужения (по-польски писали письма, читали книги, произносили молитвы)» (Галеткина 2015: 86; разрядка моя – С. С.). Материал нашей экспедиции позволяет уточнить эту формулировку. Для бужских голендров, в том числе переехавших в Сибирь, польский в «крэсовом» варианте (впрочем, не без общепольских напластований) был языком региональной культуры, не только письменной, а – шире – языком традиционной обрядности, включая религиозную, и отчасти фольклора (наряду с польскими голендры, естественно, поют и украинские песни). У первых переселенцев можно вслед за Н. Г. Галеткиной предполагать также умение писать по-польски, хотя из образцов писем (причем бужских голендров) в монографии исследовательницы приведен лишь один, *List od Wujka Jana Lidwiga bylego przed Wojno (так!) w Domaczwie a teraz na Zachodnich Niemcach (так!), do swego kochanego siostrzanca (так!) Zygmunta Syna Andrzeja Zelenta a Matki Katerzyny z Ludwigow (так!), с поздней датировкой 13.I.58 r.* (Галеткина 2015: 46–47). Неясно, имела ли место переписка бужских голендров с сибирскими в 1910–20-е гг., и если да, то была ли она взаимной.

В любом случае следует констатировать, что у бужских и на протяжении какого-то времени также у сибирских голендров польский язык выступал как престижный идиом. До некоторой степени он и сейчас сохраняет такой статус в среде потомков переселенцев начала XX в., функционируя хотя бы фрагментарно в роли своего рода обрядового языка. Другой вопрос – насколько употребительным мог быть польский язык в повседневном общении первых жителей Пихтинского участка. Информанты 1930–50-х гг. рождения на вопрос, говорили ли их старшие дома по-польски, давали похожие ответы, из которых можно заключить, что использование польского языка в семье было довольно характерно для поколения их бабушек и дедушек, а в следующем поколении особенно для женщин. Например: *m'ama / moj'k' huvur'yl'i šo von'ý značit' fs'im' i'k' huvur'yl'i bol'synstv'o na p'ol'sk'ym // no' eta bul'b / eta še kad'a bul'b [...]* *может эта в двадцатье там какие_та роды*

(П. М. Людвиг); *vun'ý huvur'íl'i / še / no fs'e ravnb / bulž že tak huvur'ýli // pr'im'erno d'id'bi / b'apč'a z z'ed'un'em / to huvur'ýli bulš / po p'olsk'i // no m'ama // a č'o / <fs'oh'o jij> š'is't lid bulb / m'ama fs'e ravnb po p'olsk'i / a vže tu to...* (Эмма Михайловна Пастрик, урожд. Кунц, 1941 г. р.).

В. И. Гимборг вспомнила даже две часто слышанные от матери обиходные польские фразы: *Pies szczeka* и *Zamknij drzwi*. Обратную по смыслу фразу с адаптацией к фонетике родного говора («куканьем» в предударном слоге) привел супруг П. К. Кунц: *Udemkn'ij žv'i* (= *Odemknij drzwi*).

О том, что польский язык вторгся в область повседневного общения бужских и на первых порах пихтинских голендров, свидетельствуют до сих пор бытующие в говоре последних многочисленные лексические полонизмы. Сибирские голендры по-прежнему говорят по-своему «с примесью польских слов», как это охарактеризовал автор статьи об их предках на Буге в энциклопедии Брокгауза и Ефрона. Впрочем, значительная доля фиксируемых в их говоре полонизмов широко распространена и в (западно)украинских – в частности западнополесских¹³ – диалектах, а некоторые известны также литературному украинскому языку. Ввиду этого среди генетически польских лексем, типичных для описываемого говора, по-видимому, не должны рассматриваться такие, как, например, *b'apč'a* (= укр. диал. *б'апча*), хотя у голендров это слово встречается и с шипящим в исходе основы: *b'apč'a z z'ed'un'em*, причем трактовка второго слова здесь тоже может быть неоднозначной, ср. укр. разг. *дідунь* и *дідуньо*; последний вариант находим и в словаре западнополесских говоров – наряду с «дзekaющим» синонимом *дзідзьо* (Аркушин 2000, I: 135, 129). Из других названий родственников, заимствованных из польского языка или при его посредстве, которые в изучаемом идиоме являются общими с западнополесскими говорами, можно привести лексемы *c'btka* и *šv'agor* 'муж сестры', ср. *цьотка/тьотка* – в отличие от общеукр. *тітка* – и *швагір/шватер* в (Аркушин 2000, II: 246, 216, 260). Характерными именно для данного идиома полонизмами, не засвидетельствованными в западнополесском словаре, в этой лексической группе предстают лишь два однокоренных слова, варианты которых к тому же демонстрируют известные различия в речи выходцев из волынских колоний Замостече и Новины: в Пихтинске *vuč'laško* 'дядя' (не обязательно со стороны матери) и *vuč'enka* 'жена дяди', в Среднем Пихтинске то же – *v'uč'o* и *vuč'ašk'ova*.

Не претендуя на исчерпывающее описание всех пластов генетических полонизмов в говоре сибирских голендров, очерчу и проиллюстрирую отдельными примерами еще только некоторые тематические группы в рамках обсуждаемой лексики. При этом слова, совпадающие

¹³ Это подтвердила сверка собранного в 2015 г. лексического материала со словарем (Аркушин 2000).

по звуковому облику и значению с известными западнополесскими говорами, будут исключены из рассмотрения или, при неполном совпадении, прокомментированы. Можно выделить такие группы, как

1) названия помещений внутри и вне дома: *zděpka* ‘кухня/кладовая’ < польск. *izdebka*, *venz'arna* ‘коптильня’;

2) названия кухонного оборудования и посуды: *bl'aħa* ‘плита/противень’, *k'uflik* ‘кружка’ и адаптированные *harn'ušok* ‘то же’, *tal'irka* – в отличие от общеукр. *тарілка*;

3) названия пищи: *pol'umb'yc'a* ‘мясо со свиного хребта’ < польск. *polędwica* – ср. *полондрия* ‘то же’ (Аркушин 2000, II: 68), ягод и растений: *buz'umk'i* ‘земляника’ < польск. *poziomka*, *bur'uvk'i* ‘брусника’, *m'enta* ‘мята’;

4) названия одежды/обуви, постельных принадлежностей и т. п. (*tr'ěpy* ‘башмаки на деревянной подошве’, адаптированная лексема *p'išva* ‘пододеяльник’ < польск. *poszwa* ‘то же’ – ср. с другим значением *nišva* ‘подкладка в одежде’ (Аркушин 2000, II: 52), *d'uvan* ‘покрывало/половик’ – ср. с другим значением *diván* и *divan* ‘тканый килим’ (Аркушин 2000, I: 131), *p'sys'c'ir'aduo* ‘покрывало с кружевом’, ср. с другим значением общеукр. *проступа/д/ло* ‘простыня’ и диал. *проститало* ‘то же’ в (Аркушин 2000, II: 95), а также осознаваемое как неродное для говора слово *bž'ěšk'i* / *to bude pol'sk'e* ‘кружево’ < польск. *brzeżek* ‘кант’.

Полонизмы в лексике сибирских голендров – как и в диалектной украинской – «выдают» прежде всего фонетические черты: сохранение сочетаний *dl, *kv/*gv и вообще взрывного *g в исконно славянских словах, рефлексy *ѣ (ср. *gv'azda* ‘звезда, с которой ходят на Рождество’, тогда как звезда на небе – *z'bročka*), носовых гласных и сочетаний типа *t'rt, *tort/tert, *tolt (ср. *venz'arna*, *pol'umb'yc'a*, *harn'ušok*, *bž'ěšk'i*; *хуор* / *tak'ijmuž'yk*), начальное сочетание *je- у числительного *jed'on*, *jedn'b*, *jedn'aja*, мн. ч. *jedn'ý* – ср. *єден* в (Аркушин 2000, I: 50) и др.

Кроме устойчиво закрепленных в системе данного говора генетически польских слов-номинаций, на проникновение в прошлом польского языка в сферу повседневной коммуникации голендров указывают до сих пор спорадически встречающиеся в их речи (в том числе в русскоязычном или смешанном дискурсе) глагольные лексемy/словоформы с типично польской огласовкой. Правда, они по большей части тоже отмечены в словаре западнополесских говоров. Например: *dr'uh'ij ras / nu k'oška pud noħ'amy pl'ontajet's'e* – ср. *пльонтати* ‘йти нерівно, плутаючи ногами’ в (Аркушин 2000, II: 57); *s'ad'aj_ka u men'e* – ср. *сядати* ‘сідати’ в (Аркушин 2000, II: 189); *a un to zobac'yu* – ср. *зубачити* ‘побачити’ в (Аркушин 2000, I: 195); *pry(i)d'e kamb'ajn'je zml'otyť* и др. Характерны и

факультативно употребляемые полонизмы, относящиеся к дейктическим, оценочным или дискурсивным словам: местоимения и местоименные наречия *co*, *тис*, *k'edy*, *k'edys*¹⁴ (наряду со своими *šo*, *nyč'oho*, *kul'i* и *kul'is'*), квантификаторы *p'are r'azy* и *b'arzo*¹⁵ (ср. *k'edys' i b'arzo ne bulb* 'раньше не очень-то и было', *nem'a b'arzo šo* 'особенно-то и нечего') и др. В этом же ряду следует назвать наречное выражение *v domu*, этикетные слова *z'en'k'uju* (наряду с *d'ekuju*) и семантически модифицированное *dubr'anyc'* 'до свидания'.

Выше не раз констатировалось, что полонизмы у голендров нередко подвергаются фонетической и иной адаптации к системе своего говора или русификации. Добавлю в заключение, что то и другое явление иногда трудно разграничить. Так, отмеченную в начале статьи реализацию мягких свистящих аффрикат в звуках, неотличимых от русских мягких *t'* и *d'*, казалось бы естественным отнести за счет русификации. Однако, например, заимствованное из польского языка наречие *dziś*, в «крэсовом» варианте *z'is'*, в говоре голендров имеет вид *d'is'* или, с вполне польским расширением, *d'is'ika(i)*¹⁶. Воздействию русской фонетики здесь можно было бы приписать разве что отождествление континуанта древнего *d'* с аналогичным, тем более «дзekaющим», русским согласным уже в последний, сибирский период истории говора, но точно такую же замену демонстрирует фиксируемое в западнoпoлeсских говорах наречие *дзiсiяi* с вариантом [д'ic'a] (Аркушин 2000, I: 129). Транспарант над входом в пихтинский клуб (он же музей) в дни проведения свадьбы, иллюстрирующий, как выглядит обсуждаемый полонизм в аутентичной, выполненной сибирскими голендрами кириллической записи, представляется достойным завершением публикации в юбилейном сборнике.

¹⁴ Ср. *ниц* и *кедись* в (Аркушин 2000, I: 348, 218).

¹⁵ В (Аркушин 2000, I: 11) *барзо*, но одна из наших информанток при просьбе повторить это слово отчетливее несколько раз произнесла его с явственно слышимой аффрикатой.

¹⁶ Вариант *dzisikaj* встречается в наши дни, хотя и нечасто, в непринужденном польском интернет-общении.

Из высказываний пихтинских голендров
о польском и на польском языке

Пастрик (урожд. Куни) Эмма Михайловна, 1941 г. р.

du ruzdv'a ħod'yl'i ku'eduv'aty / bu'la tak'aja zr'ob'ena / t'ato zrob'yl'i nam
gv'azdu [...] tak na p'ałk'e zr'ob'ena buu'a / i tam f ser'eđinu bu'la tak sv'ičku
s'tavył'i / zap'ałuvał'i / a tut un'o zakł'iĵene [...] i vot krut'yl'i ĵiĵ'i / i ħud'yl'i
ko'eduv'aty [...] nu i idem'o / vot pr'yĵdemo [...] pust'ukaĵems'e i k'ažeš /
pan'e gospodare / pan'i gospodyn'u (!) / puzv'ol'te nam tej ku'endy
zaspyv'aty [...] nu zaħ'odymo naċyn'ajemo ku'aduv'aty [...] // vot ku'aduv'al'i
tak // novyj hod b'ežy^e / v ĵaslečkaĵ ležy / a kto_kto / z'ec'ontku maĵe / daĵc'e
tu ħvaĵe na z'em'i / vot tak ku'aduv'al'i

Людвиг (урожд. Розина) Галина Иннокентьевна, 1955 г. р.

a po^u p'oł'sk'i mn'lyho šo po^u p'oł'sk'i / sv'ad'by vo po^u p'oł'sk'i // proše pan'e
[...] bud' huvur'yty na sv'ad'bu pryħ'oc's'e (?) / v ĵak'omu ċ'asu / tam fs'o /
d'is' vot po^u p'oł'sk'i pryħłaš'aty b'uduť / vas ne pryħłaš'al'i? [...]
po p'oł'sk'i / po p'oł'sk'i my ċit'ajemo / kn'išk'i ċit'ajemo i p'yšemo / a vod'
(?) ųot ks'onšk'i [...] nu ųot kazan'je po p'oł'sk'i / vot ċit'ajemo // i je tak'ije
suov'a šo vot ĵa kak to skaz'aty / ĵa pun'im'aju / rozum'ĵiu po p'oł'sk'i / nu ot
na r'usk'ĵi v'yk'asty ne m'ožna / vot d'umajesh / vot vot v'ertyt's'e v huľv'i //
a ne m'ožna pš'evy^esty (?) n'ekotoryje / a tak b'oł'šiu ċast' fs'o pun'im'aju /

fs'o po^u p'o'f'sk'i šo ųot čit'ajemo pu *kazan'i* / tam mol'itfy či tam ųot p'esn'i d'obryje tak'ije [...] / nu šo d'obre fs'o vykud'aje, d'obre fs'o duk'azuje vot napr'im'er tam ųot my spy^ev'ajemo jak *na božen'stv'e* tam *na božen'stv'e* [...] uže mn'yho čołov'ik kaat' spy^ev'ajet' / to ųot spy^ev'ajemo zn'ačit' tam šo smert' fs'o ravn'o m'usyt' pryit'y / ny pum'ože ny boh'actvo ny *zuto* / ne č'in'stvo (?) jak'ij by ty čin ne buų / ne č'in'stvo nyc ne pum'ože / vot an'o nu vot p'n'atno / vot to tak vo pan'atno vykud'aje [...] 'abo tam nap'ysano napr'im'er / ž'ink'i / nu tam ž'ink'i *b'eųohou'by* / ja k'ažu a čoh'o un'y *b'eųohou'by^e* / a toh'o šo <C. C.: białogłowy?> / *b'ųohou'by^e* / nu a toh'o šo zn'ačit' *na božen'stv'e* či čoh'o / ž'inka v'opš'em jak v nas r'an'se kaz'al'i / ž'inka doužn'a b'uty ųod'lyty fs'ehod'a f χ'us(t)k'i / f χ'us(t)k'i // kažut' / ne l'ubyš χ'us(t)ku // ne l'ubyš muzyk'a

Литература / References

1. *Аркушин Г.* Словник західнополіських говірок. Т. I–II. Луцьк, 2000.
2. *Брокгауз Ф. А., Ефрон И. А.* Энциклопедический словарь. Т. IX. Санкт-Петербург, 1893.
3. *Бютов Э.* 100-летие Пихтинска в Восточной Сибири и реформы Столыпина // История, этнография, архитектура переселенческих сел периода столыпинской реформы. Материалы научно-практической конференции 3 июля 2008 г., пос. Залари Иркутской области. Иркутск, 2011.
4. *Галеткина Н. Г.* Пихтинские голендры и вершининские поляки. Очерки этничности сибирских переселенцев. СПб., 2015.
5. *Вйтow E.* Bug-Holländer in Wolhynien. Spuren und Geschichte. Житомир, 2002.

ОСНОВЫ ПОСТРОЕНИЯ ЛИНГВОДИДАКТИЧЕСКОГО ФУНКЦИОНАЛЬНО-СЕМАНТИЧЕСКОГО (СЕМАНТИКО-ФУНКЦИОНАЛЬНОГО) СЛОВАРЯ ПОЛЬСКОГО ЯЗЫКА В СОПОСТАВЛЕНИИ С РУССКИМ

T.S. Тихомирова

THE MAIN PRINCIPLES OF COMPARATIVE RUSSIAN-POLISH DICTIONARY OF SEMANTIC-FUNCTIONAL UNITS

T.S. Tikhomirova

ABSTRACT:

The article presents the main principles of how a comparative russian-polish Dictionary of semantic-functional units combined with the means of expression which are system fragments of a number of semantic-functional fields is organized. Purposes of this Dictionary, its didactic orientation and structure of vocabulary entry are characterized in the article with due attention to possible problems and difficulties during the process of such Dictionary project realization.

Keywords: contrastive studies; dictionary; functional grammar; functional-semantic field; semantic function; means of expression; lingvodidactic.

АННОТАЦИЯ:

Статья представляет изложение основных принципов построения сопоставительного словаря русско-польских семантико-функциональных единиц в сочетании со средствами выражения, являющимися системными фрагментами ряда функционально-семантических полей. В статье охарактеризованы цели словаря, его дидактическая направленность, строение словарной статьи. Оговорены проблемы и трудности, связанные с реализацией проекта такого словаря.

Ключевые слова: сопоставление; словарь; функциональная грамматика; функционально-семантический; семантико-функциональный; поле; семантическая функция; средства выражения; дидактический

ВВЕДЕНИЕ

Активное овладение чужим языком означает прежде всего освоение семантики, семантического пространства этого языка и свойственных ему разнородных системных средств выражения, усвоение на практике того, что и семантически, и формально является в этом языке и речи обязательным. Каждый, кто изучает иностранный язык, знает, как труд-

но иногда (особенно на первых порах) найти в этом новом языке выражение тому содержанию, которое легко и просто выражается на родном языке, то есть как соотнести желаемый смысл со словами и формами другого языка. Помощь в преодолении таких трудностей призваны оказывать особая лингводидактическая методика и специальные пособия, главную задачу и цель которых можно было бы определить так: ввести в языковое сознание учащихся сопряжение между содержательными и выразительными планами двух языков, иначе говоря, научить устанавливать необходимую связь между **"что я хочу сказать"** и тем, **«как, какими средствами я могу это выразить»**.

Многие годы преподавания польского языка в русскоязычной среде, осознание указанных выше дидактических потребностей, а также искренний интерес к этому языку - все это и привело к подбору материала именно для такого русско-польского сопоставления, которое позволяло бы учащемуся в процессе обучения соотносить семантико-функциональные элементы русской речи и языка с семантически эквивалентными им средствами выражения, свойственными польскому языку как иностранному.

Материал этот извлекался из самых разных текстов - из научных исследований и описательных грамматик польского и русского языков, из двуязычных и толковых словарей, из учебников и учебных пособий по русскому и польскому языкам как иностранным, из разговорников и т. п. источников.

Собранный материал наглядно демонстрирует как совпадение многих структурных и функциональных единиц этих родственных языков, так и существенные расхождения, особенно ощутимые при обучении, а это в свою очередь подтвердило целесообразность создания специализированной учебной **программы**, которая бы устанавливала основные функционально-семантические единицы польского языка, подлежащие активному усвоению, и привлекала бы особое внимание к тем, которые значительно отличаются от русских.

Целесообразно было бы подробнее познакомить учащегося - и соответственно включить в программу - с новыми для него семантическими явлениями, частично видоизменяющими представление об устройстве семантического пространства польского языка (например, применительно к категориям одушевленности/ неодушевленности и мужского лица.).

Собранный материал открыл возможность реализации и более практического проекта, **а именно - создал базу для разработки - в сопоставлении с русским языком - функционально-семантического словаря польского языка как иностранного** .

ПРОЕКТ СЛОВАРЯ И ЕГО ЦЕЛИ

Предлагаемый проект функционально-семантического - *а вернее - семантико-функционального* словаря является *попыткой*, используя знакомые по русскому языку семантические единицы, предъявить русскоязычному учащемуся польские семантико-функциональные единицы и показать их в сопоставлении с русскими единицами и при взаимной семантической и функциональной соотносимости. Другими словами, непосредственной **целью** такого словаря стало бы составление в систематическом виде определенного **набора, реестра, инвентаря системных и разноуровневых** формальных средств — форм, конструкций и прочих показателей, которые в польском языке по своей семантической функции являются эквивалентами русских семантико-функциональных единиц.

Таким образом, данный словарь - это не переводной русско-польский словарь лексем или даже словоформ, но дидактически нацеленное сопоставление разноуровневых и разноструктурных семантико-функциональных единиц двух языков, объединенных общей или близкой семантической функцией — фрагментом общего функционального поля. Дидактическая направленность предлагаемого проекта проявляется прежде всего в отборе материала — здесь должно быть представлено то, что в сфере широко понимаемой грамматики объединяет и разграничивает в семантическом и формальном отношении польский и русский языки.

Такой словарь может быть полезен лицам, уже освоившим основы лексической и грамматической системы польского языка, но нередко, однако, не вполне владеющими семантико-функциональными особенностями знакомых форм и конструкций - особенно при сравнении с русскими. Для таких лиц этот словарь мог бы служить источником необходимой информации и приобрести характер справочника.

Материал семантико-функционального словаря также может быть использован при разработке для русского пользователя программ и учебных пособий по польскому языку как иностранному или аналогичных словарей других языков, а также для сопоставительных исследований.

ТЕОРЕТИЧЕСКАЯ ОСНОВА

В теоретическом отношении данный подход - от семантики к форме, от семантической функции - к средствам выражения - базируется на общих принципах функциональной грамматики, которые широко применяются и успешно реализуются в лингводидактических целях.

В соответствии с **принципами** функциональной грамматики при описании фрагментов семантического пространства разных языков в их

типичных средствах выражения рекомендуется в поисках основной базы такого сопоставления обращаться к областям, в той или иной степени грамматикализованным и формализованным, и в частности - к уровню функционально-семантических категорий (ФСК) и функционально-семантических полей (ФСП). (см. монографии Серии "Теория функциональной грамматики" под ред. А.В.Бондарко [Теория функциональной грамматики 1990]). основополагающие понятия этой концепции – ФСК и ФСП используются в исследованиях русского и других славянских языков, в том числе - в сопоставительном аспекте. Многочисленные исследования ФСП - даже в пределах одного языка — демонстрируют, сколь разнообразными могут быть их типы, взаимная пересекаемость и иерархичность в семантическом устройстве, характер и степень их грамматикализованности, разнородность их формальных средств.

СОПОСТАВИТЕЛЬНАЯ БАЗА – ОСНОВА КЛАССИФИКАЦИИ МАТЕРИАЛА

В соответствии с вышесказанным изложение материала в предлагаемом проекте семантико-функционального словаря построено на выбранных общих для русского и польского языков функционально-семантических полях. Ввиду характера собранного материала, равно как и с дидактической точки зрения привлечение в качестве опоры сопоставления понятия функционально-семантического поля как "системы разноуровневых средств, взаимодействующих на семантико-функциональной основе" (см. [Бондарко 1984: 21-22]) представляется вполне обоснованным.

При сопоставительном анализе близких ФСП русского и польского языка, а также при рассмотрении их семантического варьирования и средств выражения предлагается опираться на оба плана - содержания и выражения.

ПЛАН СОДЕРЖАНИЯ. СЕМАНТИЧЕСКОЕ ПРОСТРАНСТВО

Современная лингвистика выделяет в семантическом пространстве языка несколько **уровней**, и как бы разнообразно ни было это понято и изложено в многочисленных лингвистических концепциях - в них последовательно отражается неоднородность и взаимосвязанность этих уровней.

Описание семантической системы языка и соответственно - устройство данного словаря должно включать основные и в той или иной степени грамматикализованные семантические единицы, принадлежащие к уровню обобщенных семантических категорий, что, во-первых, находит реализацию в частеречной принадлежности единиц, и, во-вторых, в

уровне их категориальных языковых интерпретаций и реализаций. то есть направляет к уровню ФСК и ФСП, к формальным средствам выражения и их семантическому и функциональному потенциалу . При рассмотрении этих единиц следует учитывать также уровень семантики, характерной для речевых образований — то есть синтаксическую сферу . Иначе говоря, наряду с функционально-семантическими категориями и их грамматическими полями к семантической базе словаря должны принадлежать единицы уровня семантического устройства простого предложения и его ролевые позиции. Очень существенен при анализе также уровень лексической номинации - лексической семантики, так как значение лексем способно не только определять вариативность семантической функции или даже ФСП, но и ограничивать или блокировать семантику формы, за чем следует наблюдать и специально отмечать эти случаи.

Перечисленные семантические уровни и их компоненты взаимообусловлены и взаимопроницаемы как в рамках системы языка, так и в отдельных языковых и речевых проявлениях, однако в исследовательском анализе и тем более - в дидактическом описании допустимо их рассматривать с определенной степенью обособленности.

ФУНКЦИОНАЛЬНО-СЕМАНТИЧЕСКИЕ ПОЛЯ

Собранный материал и предлагаемый словарь содержит - с разной степенью детализации - ФСП и подчиненные им субкатегории (сферы и зоны), которые относятся к разным группировкам и представляют собой разные типы. В словаре содержатся: 1) поля с предметным (субъектно-объектным) грамматическим ядром, отражающие отношения субъектности (зона субъекта), объектности (зона объекта); 2) поля, отражающие качественно-количественные отношения (сфера количественности - количества), сфера качественности (качества) , посессивности (притяжательности), компаративности (сравнения) и некоторые другие; 3) значительная часть материала посвящена обширным и трудным для усвоения сферам обстоятельственных семантических функций - это ФСП локативности (пространства), темпоральности (времени), причины, цели, следствия, уступки, вводящие и другие характеристики ситуации.

Выделение указанных группировок и, соответственно, ФСП во многом определяется их отнесенностью к двум семантическим структурам: с одной стороны - к общей семантической категории и обусловленным ею типам грамматической идентификации и оформления, с другой стороны - к семантическому уровню функционирования единицы в высказывании и ее ролевой позиции.

Отметим, что в собранном русско-польском материале среди ФСП отсутствуют те семантические поля, грамматическое ядро которых формально связано с акционально-предикативными категориями и грамматическими категориями глагола (например, ФСП залоговости, таксиса и др.), поскольку глагольные средства выражения их семантико-функциональных единиц отнюдь не исчерпывают всех семантических функций ФСП, так как их семантический диапазон может быть гораздо шире и они способны отражать не только акционально - предикатные отношения. Аналогично этому, например, ограничивать семантику атрибутивности, связанную с категорией качества, только формами прилагательного (как категориального носителя значения качества) - это значит выводить из рассмотрения и описания несогласуемые именные группы (формы существительных), также способные нести атрибутивную функцию, и тем самым обороты типа «мода двухлетней давности» или «девушка с голубыми глазами» не получают польских коррелятов, формально от них отличных (ср. *moda sprzed dwóch lat, dziewczyna o niebieskich oczach*).

ОСНОВА ПОСТРОЕНИЯ СОПОСТАВИТЕЛЬНОГО СЛОВАРЯ. СОСТАВ ФСП. СЕМАНТИЧЕСКИЕ И СЕМАНТИКО- ФУНКЦИОНАЛЬНЫЕ ЕДИНИЦЫ

Функциональная грамматика выделяет в составе ФСП кроме ядерных семантических функций также и более частные функции, что свидетельствует о существовании иерархической неоднородности их семантической и формальной структуры. Это, естественно, предполагает проведение дальнейшего **внутреннего семантического расчленения** поля. В предлагаемом проекте такая процедура дробления - **вплоть до выделения** составе ФСП **сопоставительной семантической единицы**, - включая дальнейшую классификацию - определяется наличием как в русском, так и в польском языке типовых средств выражения данной семантической единицы. Именно формальные средства выражения, будучи критерием членности плана содержания и выделяемости семантической единицы ФСП, являются не только конечной целью сопоставительного описания, но в совокупности с семантической функцией формируют **базовую исходную** семантико-функциональную единицу, которая по существу является *tertium comparationis* и плана содержания и плана выражения в построении словарной статьи (см. далее). Включение таких единиц в **семантико-функциональный словарь** обусловлено их устойчивым и системным грамматикализованным характером в польском языке. Набор семантических единиц, выступающих в качестве *tertium comparationis* между русским и изучаемым польским языком,

естественно, исходит прежде всего из привычного семантического пространства родного языка.

В сопоставительном описании семантико-функциональных эквивалентов следует учитывать как общую семантико-функциональную единицу с одинаковыми семантическими признаками, а также и те семантико-функциональные фрагменты и их показатели, которые свойственны преимущественно или исключительно только одному из языков - русскому или же польскому (напр., сделаю это за час, щель в палец шириной - *moda sprzed lat, stanac na nogach, wyjsc przed dom* и т.п.).

СРЕДСТВА ВЫРАЖЕНИЯ СЕМАНТИЧЕСКИХ ФУНКЦИЙ

Средствами выражения семантических функций и, соответственно, признаками выделяемых семантико-функциональных единиц являются части речи (в онтологическом и функциональном аспекте), формы грамматических категорий, синтаксические конструкции или другие особенности построения высказывания, лексико-грамматические и лексические группировки, словообразовательные модели, а также грамматически ориентированные лексемы и другие их лексико-семантические особенности. В состав средств выражения введены также грамматически ориентированные лексемы, функционирующие как составные компоненты отдельных средств выражения, как, например, некоторые ряды местоимений, частицы или модальные глаголы.

Существенно, что обычно семантико-функциональные единицы обслуживаются общими или весьма подобными средствами, хотя и с разной функциональной нагрузкой. Часто средства характеризуются полифункциональностью и изофункциональностью, им также свойственны иерархические взаимоотношения, возможны различия в степени лексической обусловленности и частотности использования.

В целом различия между родственными русским и польским языками определены не характером ФСР полей, хотя и такие могут отмечаться в семантике суперкатегорий и функциональных единиц, но в основном же они проявляются в избирательном отношении к формальным средствам.

СЛОВАРНАЯ СТАТЬЯ.

Как уже было замечено выше, словарная статья, посвященная ФСР, по необходимости должна охватывать многообразные единицы, принадлежащие к разным семантическим и формальным сферам, связанным с уровнем категорий и грамматической и семантико-лексической реализацией. Каждая словарная статья исходит из русских семантических единиц - фрагментов семантического поля, а завершается набором польских форм и структур.

В качестве опорной для сопоставления единицы используется «по умолчанию» русская функционально-семантическая единица со всеми присущими ей семантическими и формальными признаками. Эта единица хорошо известна пользователю по родному русскому языку, она «виртуально» существует и в его сознании, и в системе и речи, что и позволяет вводить ее в словарную статью без примеров, но с необходимым комментарием, который представляет ее семантические особенности и помогает объединить ее с польскими средствами выражающими ту же или подобную семантическую функцию. Словарная статья содержит соотносительные польские единицы — морфологические формы, синтаксические конструкции и даже словообразовательные модели — конкретные примеры польских единиц, близких или тождественных русскому эквиваленту.

Изложение польских семантико-функциональных единиц сосредоточено прежде всего на системных облигативных средствах выражения, преимущественно имеющих то же или подобное лексическое наполнение, хотя в целом сопоставляются не словоформы и лексемы, но модели выражения семантической функции. Это, кстати, не мешает привлекать слабо фразеологизированные устойчивые обороты и образования, лексическая обусловленность и зависимость которых достаточно велика.

Таким образом, каждый семантический раздел содержит развернутую иерархию значений и подзначений и соответствующих формальных средств. Нечеткость границ и сочетаемость в одном формальном средстве различных значений приводит к необходимости введения многочисленных отсылок.

ИМЕННЫЕ КАТЕГОРИИ

Отсутствие акциональных грамматических категорий, СФПолей явилось причиной того, что значительная часть выделенных ФСПолей связана преимущественно со средствами именных грамматических категорий — с формами падежа, числа, мужского лица, лексическими типами лексем и даже со словообразовательными моделями — они представлены в материале достаточно полно. Основное внимание обращено на функционирование именных форм в конструкциях с обстоятельственной семантикой, так как именно здесь лексическая обусловленность функционально-семантических особенностей грамматической единицы обнаруживается наиболее ярко и особенно часто создает русско-польские формальные расхождения. К тому же именно в этих зонах наряду с системными моделями выражения семантической функции широко употребляются образования нестрого системного характера, см. напр., весной - по весне - wiosną/ na wiosnę, zimą/ w zimie, ze zmęczenia -

przez nieuwagę - z radości и т.д. Особенно интересны в материале примеры, обладающие в языках разной степенью системной обязательности, частотности и фразеологичности. Зависимость функционально-семантических особенностей формальной единицы от ее лексического наполнения заслуживает самого тщательного анализа.

ПРОБЛЕМЫ И ТРУДНОСТИ

При реализации проекта такого словаря-справочника неминуемо возникают **проблемы** и трудности. Одни проблемы -самого общего характера и заключены они в самом объекте, в феномене языка, они по природе внедрены в его многоярусную и многоплановую систему-структуру. На эти проблемы обречены при лингвистическом анализе все лингвисты. Здесь также возникают проблемы и более конкретного, в частности - исследовательского характера - проблемы отдельности семантических категорий и полей, проблемы их семантической и формальной взаимозависимости, проблемы их воплощения в общей системе языка и речи, проблемы их возможностей и путей их обособления и т.п. В сопоставительном подходе — это проблема выделения общего и поисков особого, установление общей структуры и представления на этом фоне различий. В дидактическом плане - это проблема как отделить системное от частного, существенное от неважного. Каждый из перечисленных аспектов порождает при разработке проекта свои сложности.

Можно отметить и другие трудности реализации этого проекта.

ВЫВОДЫ

Итак, следовательно, функциональный подход – от плана содержания к средствам выражения – позволяет не только установить межъязыковые различия в трактовке сходных семантических явлений, не только в полной мере выявить разнообразие формальных средств двух языков, но и установить семантические и формальные, синонимические и антонимические соотношения между русскими и польскими единицами, их функциональный потенциал, то есть все то, что и составляет своеобразие родственных языков.

Идея описания в дидактических целях функционально-грамматической системы языка от плана содержания к плану выражения – не нова, разработки такого типа предпринимались и на материале польского языка, однако выборочно — преимущественно применительно к отдельным семантическим зонам и безотносительно к родному языку учащегося . Полный реестр таких русско-польских семантико-функциональных соответствий пока отсутствует. Для преподавателей польского языка как иностранного - это задание на будущее.

В качестве ПРИЛОЖЕНИЯ приводим пример словарной статьи

КАТЕГОРИЯ ПОСЕССИВНОСТИ – ПРИТЯЖАТЕЛЬНОСТИ – ПРИНАДЛЕЖНОСТИ

«Посессивность как семантическая категория представляет собой языковую интерпретацию широкого круга отношений обладания, принадлежности, (включая соотношение части и целого). Поле посессивности охватывает систему взаимодействующих средств данного языка, служащих для выражения вариантов посессивных отношений» [Теория функциональной грамматики 1996: 99].

Семантика посессивности предполагает наличие универсальной денотативно-понятийной посессивной ситуации с элементами «предмет обладания», «обладатель» и «отношение обладания». Характер отношений может быть различным и в зависимости от лексического наполнения и контекста соотносимым с семантически близкими отношениями части и целого, бытийности, локализованности и т.д. Возможно выделение как специализированных, так и неспециализированных средств выражения.

В русском и польском языках семантическое поле посессивности связано с двумя типами посессивных конструкций – 1) предикативными и 2) атрибутивными.

1. Предикативные конструкции со значением обладания, притяжательности, связанные с глаголами типа *mieć, posiadać, coś należy do kogo* и т.д., с существительными в конструкциях типа *być posiadaczem, właścicielem, panem czego*, а также конструкции типа *- ten dom jest ojca*; ср. русск. *у него есть/ был дом, этот дом — отца, эта квартира моя*.

2. Непредикативные конструкции посессивности представлены разноразноуровневыми средствами выражения.

2.1. Притяжательные местоимения : *mój, nasz, wasz, jego, ich, swój...*
- Особенности употребления кратких и полных форм – *moja/ ma, swojego/ swego*.
- Соотношение лично-притяжательных *mój, twój* и возвратно-притяжательного местоимения *swój*.

2.2. Словообразовательные модели притяжательных прилагательных.
- Потенциальная модель притяжательных прилагательных от наименований животных – *bobrowa chata, lisi ogon, rybia ość, wilczy apetyt, owczy ręk, małpia złośliwość* и др. Ограниченность фразеологической лексики.
- Остаточные, реликтовые формы притяжательных прилагательных от личных имен: *ojców gniew, matczyna chustka, żonine listy, żonin*

ogródek. Включенность в общую систему словоизменения прилагательных (ср. иначе в русск. яз.)

- Традиционное обозначение жен по родству, имени, фамилии, профессии, занятию мужа суффиксом -owa: synowa, bratowa, Adamowa, Janowa, Nowakowa, Orzeszkowa, dyrektorowa. Степень распространенности в разных стилях речи.

- Прилагательное pański в значении притяжательного: pański ogród, pańskie oczu.

- Модель прилагательных с суффиксом -ty (категория наименований носителя признака), напр., brodaty, nosaty, wąsaty, żonaty и префиксом bez- напр., bezdomny, bezpióry, bezgłosy, bezdzietny и др.

2.3. Падежные конструкции со значением посессивности

2.3.1. Род.падеж беспредложный — передающий многообразные виды отношений и связей, обусловленных соотношением лексических значений и законами сочетаемости — отчуждаемой и неотчуждаемой собственности, собственность творца и изделия, владельца и постоянного пользователя, родственные и служебные отношения, признак или особенность носителя и т. д. Нередко категория посессивности в силу лексического наполнения совмещается с дополнительными значениями, напр., партиитивности (ср. напр., nóżka dziecka – nóżka krzesła) или другими.

- Место формы родительного притяжательного в синтагме: pana/ pani dzieci.

2.3.2. В ряде конструкций с именем обладателя - владельца семантически соотносима беспредложная форма Дат. падежа, напр., urodził mu się syn, oczu mu zaszyły łzami, stanął mi zegarek, ktoś ukradł samochód dyrektorowi и др. (ср. русск. у кого). Здесь значение посессивности сопрягается со значением заинтересованного лица (так наз. Dat.commodi – incommodi).

2.3.3. Предшествующий владелец-пользователь обозначается при глаголах насильственного отчуждения беспредложными формами Дат. падежа - напр., odebrał koledze pióro, zabrał koleżance książkę (ср. русск. у кого) и Вин. падежа, напр. pozbawić kogo dachu nad głową, wolności, nadziei (лишить кого чего), что также включается в понятие заинтересованного лица.

2.3.4. Предложный падеж с предлогом po, напр., mieć oczu po ojcu, broszkę po cioci, сочетает значение посессивности (предшествующий владелец), с пространственно-временным аспектом (ср. русск. глаза у меня от отца, брошка от тети).

2.3.5. Префикс *po-* в лексически ограниченных прилагательных типа *roklasztorny (budynek)* «здание, принадлежавшее раньше монастырю»; *roniemieckie domy* «*бывшие немецкие дома*».

2.3.6. Совмещенность значений possessивности и локативности отмечается в предикативной конструкции с глаголами локативной семантики типа *mieszkać, przebywać, posować* и др. и предлогом *u* + род.п. существительного со значением лица, характеризующего данное пространство: *mieszkać u babci/ u dziadków, posować u koleżanki* (ср. русск. *жить у бабушки, ночевать у подруги*).

Характеристику пространства через связанное с данным пространством лицом можно усматривать в сочетаниях: *zdawać u tego profesora*.

Литература / References

1. *Бондарко А.В.* Функциональная грамматика. Ленинград, 1984.
2. Теория функциональной грамматики. Темпоральность. Модальность. Ленинград: Наука, 1990. – 264 с.
3. Теория функциональной грамматики. Локативность. Бытийность. Possessивность. Обусловленность. Санкт-Петербург. 1996. – 230 с.

ЧТО ПОКАЗЫВАЕТ ПЕРЕВОД ПОВЕСТИ С. ДОВЛАТОВА «ЗАПОВЕДНИК» НА СЕРБСКИЙ ЯЗЫК

Г.П. Тыртова

WHAT THE TRANSLATION OF DOVLATOV'S LONG STORY «THE PUSHKIN MEMORIAL MUSEUM» INTO THE SERBIAN LANGUAGE SHOWS

G. Tyrtova

ABSTRACT:

Questions of meaning equivalence and adequacy of translation connected with rendering irony and humor in Dovlatov's long story "The Pushkin memorial museum" into the Serbian language are considered in this article.

Keywords: adequacy; humour; irony; realia; emotional empathy

АННОТАЦИЯ:

На примере перевода повести С. Довлатова «Заповедник» на сербский язык рассматриваются проблемы передачи разного рода реалий, а также авторской иронии и юмора. Затронут вопрос соотношения эквивалентности и адекватности перевода.

Ключевые слова: адекватность; юмор; ирония; реалия; эмоциональное сопереживание

Спустя два десятилетия после выхода повести С. Довлатова «Заповедник» (1983 г.) появился её перевод на сербский язык. Любой перевод можно только приветствовать, а перевод произведений такого интересного и непростого автора, как С. Довлатов - особенно. Насколько эквивалентный и адекватный текст предлагает сербскому читателю переводчица Радмила Мечанин? Разумеется, как и в любом переводе в нём присутствуют качественно разнообразные межъязыковые преобразования. Некоторые из них носят обязательный характер: переводчик вынужден преобразовывать текст по причине того, что в ПЯ отсутствуют грамматические формы ИЯ. Так, на месте русских действительных причастий, утерянных в сербском языке, переводчик может представить их грамматический вариант, определительные придаточные предложения:

Нет – говорю я *зарвавшимя* империалистическим хищникам.

Ne – kažem ja imperijalističkim grabljivcima koji su prevršili svaku meru.

Это говорю вам я – единственный *уцелевший* панфиловец.
To vam kažem ja – jedini panfilovac koji je izvukao živu glavu.
или употребить прилагательное, синонимичное русскому причастию:

Я встал, чувствуя тяжесть *намокшей* одежды
Ustao sam i osetio težinu *mokre* odeće

К обязательным можно отнести и замену русского безличного предложения типа «мне пришлось» на сербское личное со сказуемым, выраженным глаголом долженствования:

Мне пришлось обогнуть турбазу и выбираться на дорогу лесом.
Morao sam da obiđem turističku bazu i kroz šumu izbijem na put.

Преобразования иного рода, не заданные априорно, т.е. лексико-грамматические трансформации, появляются по воле переводчика и объясняются разными факторами, например, потребностями стиля языка перевода. Так, в приведённом выше примере «Я встал, *чувствуя* тяжесть намокшей одежды» - «Ustao sam i osetio težinu odeće» деепричастный оборот заменён глаголом в личной форме: *чувствуя – osetio sam*. И в сербском варианте возможно употребление деепричастного оборота, но стилистически он бы сделал предложение более тяжёлым, громоздким. Иногда причиной трансформации может стать необходимость соблюсти не очень строгие и устойчивые, но реально существующие речевые нормы и традиции ПЯ. Так, во фрагменте

Горечь рябины казалась неотделимой от *влажного запаха* травы
Gorčina oskoruše izgledala je neodvojiva od mirisa *vlažne trave*

наблюдается замена члена предложения: определение при одном дополнении становится определением при другом дополнении. Это связано с русской манерой описания пейзажа, когда характеристика предмета синтаксически оформляется не как свойство этого предмета, а как качество действия или качество другого предмета (по-русски одинаково возможно сказать: влажно пахла трава и влажный запах травы). Поскольку для сербского языка такое описание было бы чужеродным, переводчик прибегает к указанной трансформации.

Наряду с лексико-грамматическими трансформациями, в переводе повести С. Довлатова присутствуют и преобразования, которые принято называть деформацией. Если включать в неё все изменения, искажающие первоначальный текст, то одним из примеров может служить немотивированный, с нашей точки зрения, пропуск (опущение) отдельных фрагментов довлатовской повести. Так, не переведён абзац «Две-три компании расположились в зале у стены. Там возбуждённо жестикулировали, кашляли и смеялись. Это были рабочие турбазы, санитары психбольницы и конюхи леспромхоза» [Довлатов 2001: 122], который не содержит трудных для перевода элементов. Деформируют текст и

допущенные ошибки, связанные «...с неверной расшифровкой смысла знаков, составляющих единицу ориентирования» [Гарбовский 2004: 515]. В оригинале сильнейшая степень опьянения выражена словами: «Валера накушавши», что неправомерно переводится как «Valera izujedani» (причастие от глагола *izujedati* - искусать, изгрызть). Или на месте довлатовского «Под намокшей курткой билась измученная *сипрая* душа» находим «Ispod mokre jakne bila mi je izmučena *vlažna* duša », хотя эквивалентным соответствием было бы « *usamljena* » или « *jadna duša* ».

Сербский текст «Заповедника» даёт возможность рассмотреть не только трансформационные и деформационные преобразования, но и более интересные и тонкие аспекты перевода. Русскоязычный читатель повести восхищается лёгкостью изложения, авторской иронией, юмором, умением поговорить о непростых проблемах без излишней тяжеловесности. На каждой странице есть фрагменты, вызывающие улыбку и смех. Насколько переводчику удалось передать эту составляющую, т.е. адекватно ли воспринимают эти моменты сербские читатели? Работа с информантами показала, что в переводе немало фрагментов, которые одинаково воспринимаются и русским, и сербским читателем. Например, схожую реакцию вызывают диалоги, в которых юмористическая ситуация создаётся тем, что ответная реплика противоречит нашим ожиданиям, содержит элемент неожиданности: «Через минуту появился официант... - Что вам угодно?– Мне угодно, - говорю, - чтобы все были доброжелательны, скромны и любезны». «*Za minut se pojavio konobar... Šta želite? – Želim da svi budu gostoljubivi, skromni i ljubazni – kažem*».

Однако в «Заповеднике» значительно больше мест, о передаче которых И. Левый писал: «Большие трудности представляют для переводчика намёки на факты, общеизвестные там и тогда, где и когда создаётся оригинал, но неизвестные читателю перевода» [Левый 1974: 135]. С трудностями именно такого толка на каждом шагу сталкивается переводчик повести С. Довлатова. Не вполне адекватной, хотя и полностью эквивалентной, можно назвать передачу отрывков, подобных следующему диалогу:

- Давайте познакомимся. - *Hajde da se upoznamo*.

- Аврора, - сказала она, протягивая липкую руку.- *Aurora – rekla je prgužajući mi lepljivu ruku*.

- А я, - говорю, - танкер Дербент. - *A ja sam – rekoh – tanker Derbent*.

Читателя перевода смешит только то, что герой вдруг назвал себя танкером. Можно предположить, что у русскоязычного читателя есть и другие основания для улыбки. Дело в том, что у писателя часто бывает подсознательный расчёт «...на наличие общих с читателем фоновых знаний. ...обычно писатель представляет себе своего возможного чита-

теля, ориентируются на людей с ...определёнными знаниями, определённым уровнем восприятия, настраиваются на этот уровень» [Сдобников, Петрова 2008: 359]. Именно таким автором был С. Довлатов, который прежде всего писал для советского интеллигента, более-менее критично или иронично настроенного по отношению к советскому строю. Такой читатель сразу считывал две представленные реалии: название крейсера, залп с которого послужил сигналом для начала штурма Зимнего, и название популярного в советское время романа Ю. Крымова о стахановском движении тридцатых годов. Использование серьёзных, но уже набивших оскомину пафосных советских реалий в ироничном ключе, в контексте лёгкой, необязательной беседы у такого читателя вызывал улыбку.

Повесть С. Довлатова изобилует именно такими фрагментами-отражениями советской действительности. Люди среднего и особенно старшего поколения хорошо помнят, что газеты, теле- и радиопередачи были полны общественно-политических лозунгов разного рода, которые повторялись так часто, что становились устойчивыми выражениями. Это лозунги типа «Руки прочь от Кубы (Вьетнама и т.д.)», «Нет зарвавшимся империалистическим хищникам», «Дадим достойную отповедь ястребам из Пентагона», «Советская граница на замке», «Претворим в жизнь решения очередного съезда партии», «Право на отдых (на труд) гарантировано Конституцией» и под. Их знали все и могли воспроизвести в любое время суток. Не удивительно, что именно их выкрикивает в провинциальном грязноватом ресторане совершенно пьяный Валера Марков. Такое несоответствие серьёзных лозунгов и места и времени их использования создаёт комический эффект, который в полной мере может понять и оценить только тот, кто помнит эпоху этих призывов. Представлена у С. Довлатова и такая советская реалья, как ежедневная детская радиопередача «Пионерская зорька», упомянуты люди, которых в ту эпоху знали все: пограничник Карацупа, член Политбюро Шепилов (ставшее устойчивым выражение «и примкнувший к ним Шепилов»), певец Гмыря, панфиловцы. Это именно тот случай, когда автор вводит «... в свой текст национально-культурные реалии, ассоциирующиеся к тому же с определённым временем в жизни народа. Все реалии в художественном тексте можно разделить на упомянутые и неупомянутые, присутствующие имплицитно, в виде фоновых знаний, наличие которых у читателя писатель сознательно или бессознательно предполагает. Примером сознательной апелляции к фоновым знаниям может служить аллюзия: автор намекает на какое-то событие, провоцируя появление у читателя совершенно определённых ассоциаций, необходимых для понимания авторской мысли» [Сдобников, Петрова 2008: 359].

«Заповедник» - произведение с достаточно высокой степенью не только национально-культурной, но и временной обусловленности. Содержание таких произведений целиком или в отдельных частях со временем устаревает, «... становится даже в отечественных условиях непонятым или вызывает превратные толкования» [Левый 1974: 130]. Справедливость этих слов подтверждает проведённый нами опрос современных молодых россиян (информантами были студенты одного из гуманитарных факультетов МГУ). Для них и политические лозунги, и упомянутые С. Довлатовым люди – плюсквамперфект, т.е. далёкое неизвестное прошлое, а потому комизм ситуации не вызывает у молодых читателей должного отклика. Ещё сложнее добиться этого отклика у иностранных, в т.ч. сербских читателей «Заповедника».

Рассматривая трудности перевода таких произведений, как повесть С. Довлатова, специалисты утверждают, что если «...некоторые характерные черты среды, отражённой в оригинале, в условиях другой общественной обстановки непонятны, а потому непередаваемы нормальными средствами» [Левый 1974: 134], то необходимо использовать пояснение, намёк, подстрочные примечания, компенсацию. Ничего этого мы не находим в сербском тексте «Заповедника», и в определённой мере переводчика можно понять. Весьма трудно представить, какое пояснение должно быть при переводе, например, фразы «Я взял бутылку *портвейна* и две шоколадные конфеты». Переводчик использует генерализацию: «Uzeo sam flašu *vina* i dve čokoladne bombone», опуская слово «портвейн», т.к. упоминание этой марки ничего не сказало бы сербскому читателю: в Сербии портвейн никогда не был так популярен, как в России, и он не имеет российско-советской культурной коннотации. В пояснении пришлось бы писать, что портвейн – это в определённой мере советская реалья. Дешёвый, обыкновенно низкого качества, везде продававшийся алкогольный напиток, который был популярен у сильно пьющих людей, и его употребление – ещё одна характеристика героя С. Довлатова.

Как передаёт реалии Радмила Мечанин? В подавляющем большинстве случаев в сербском тексте представлен пословный перевод:

Его слова звучат достойной отповедью ястребам из Пентагона...

Njegove reči zvuče kao dostojna opomena jastrebovima iz Pentagona...

Будьте на уровне предначертаний Двадцатого съезда!

Budite na nivou smernica Dvadesetog kongresa!

Граница на замке! С утра до ночи под охраной Карацупы...

Granica je na katancu Od jutra do noći je pod obezbeđenjem Karacupe

Колорит довлатовской повести создают не только реалии, но и элементы просторечия, жаргона или диалектные особенности, которые автор использует прежде всего для речевой характеристики героев:

- А если на *kir* перевести? По *рунь* четыре?
- А *kad se prevede na piće*? По *četiri kinte*?
- Дом-то *макин*. ... А *мајка* во Пскове. У *еј* ноги *распухну*.
- *Кућа је татина*... А *мајка је* у Пскову. *Noge su joj otečene*
- У меня была идея – рвануть *отсюдова* куда попало.
- *Imao sam ideju – da kidnem odavde*, па *kud puklo da puklo*.

На месте всех выделенных русских слов в переводе присутствуют слова сербского литературного языка.

Приведённые примеры показывают, что в подавляющем большинстве случаев в сербском переводе полностью передаётся только денотативная (фактологическая) информация. Однако точная копия довлатовской повести не вызывает у сербского читателя должного эмоционального сопереживания, тех же эмоций, что и у читателя русского. Сербский текст ещё раз доказывает, что в художественном переводе велико различие между эквивалентностью и ценностью перевода. В этом виде перевода на первом плане оказывается не точное воспроизведение оригинала, а обеспечение высоких литературных достоинств текста перевода, более-менее равноценных достоинствам текста оригинала. Эмоциональность, экспрессивность повести переводчик всё же пытается иногда передать, например, используя аорист, который, по мнению многих сербских лингвистов, в частности С. Стефановича, употребляется для усиления динамики текста, живости изложения и большей экспрессивности:

Валера живо откликнулся

Valera se čilo odazva.

Кто? – переспросили из-за угла.

Ko? – upitaše iz ćoška.

К сожалению, этих и некоторых других попыток недостаточно, чтобы выполнить программу-максимум любого переводчика – познакомить читателя с творчеством иностранного писателя, с его стилем, манерой письма, с культурой и жизнью другого народа. Творчество С. Довлатова очень сложно для выполнения такой задачи, т.к. главные отличительные черты его произведений – многочисленные реалии, юмор и ирония, а подобная коннотативная информация всегда активно сопротивляется передаче на другой язык. Одну задачу переводчица тем не менее выполнила - познакомила сербского читателя с содержанием «Заповедника», одной из лучших книг такого интересного писателя, как Сергей Довлатов.

Литература / References

1. *Гарбовский Н.К.* Теория перевода. М.: МГУ, 2004.
2. *Довлатов С.Д.* Заповедник. СПб.: Азбука, 2001.

3. *Комиссаров В.Н.* Современное переводоведение. М.: ЭТС, 2002.
4. *Левый И.* Искусство перевода. М.: Прогресс, 1974.
5. *Попович А.* Проблемы художественного перевода. М.: Высшая школа, 1980.
6. *Сдобников В.В., Петрова О.В.* Теория перевода. М.: АСТ: Восток- Запад; Владимир: ВКТ, 2008.
7. *Dovlatov S.* Spomen-muzej. Novi Sad: Stylos, 2004.

ЛИНГВИСТИЧЕСКИЕ И СОЦИОЛИНГВИСТИЧЕСКИЕ СВЯЗИ МЕЖДУ МАКЕДОНСКИМ И ДРУГИМИ СЛАВЯНСКИМИ БАЛКАНСКИМИ ЯЗЫКАМИ

Р.П. Усикова

LINGUISTIC AND SOCIOLINGUISTIC REFERENCES BETWEEN MACEDONIAN AND OTHER BALKAN LANGUAGES

R.P. Usikova

ABSTRACT:

The article deals with special aspects of Macedonian language against other Balkan languages. In particular it points out that age-long diglossia and polyglottism (Turkish-Serbian-Macedonian, Turkish-Serbian-Albanian) were immanent to all Balkan ethnic communities. The terminological, socio-political and cultural lexicon in Macedonian literary language were all linked with Bulgarian and Serbian languages by interlingual contacts. Both languages Macedonian together with Bulgarian differ in their analytic structure from other Slavic languages.

Keywords: Macedonian literary language; language contacts; polyglossia; multilingualism

АННОТАЦИЯ:

В статье рассматриваются особенности македонского языка на фоне иных балканских. Отмечается, что всех балканских этносов была свойственна вековая диглоссия и полиглоссия (турецко-сербско-македонская; турецко-сербско-албанская.). В македонском литературном языке терминологическая, общественно-политическая, культурная лексика связаны межязыковыми контактами с болгарским, и с сербским. По своей аналитической структуре македонский язык вместе с болгарским языком, отличаются от других славянских языков.

Ключевые слова: македонский литературный язык; языковые контакты; полиглоссия; полилингвизм

Территория распространения македонских диалектов находится в центре Балканского полуострова на юго-западной славянской периферии и окружена неславянскими диалектами различного происхождения.

На Балканах народы и этнические общности обладают особенностями балканского языкового менталитета: 1) говоря на своем диалекте, они знают и понимают языки (диалекты) своих соседей, поскольку живут с ними контакте; 2) при этом они знают и умеют общаться на престижном государственном языке. На протяжении веков это были госу-

дарства, в которых господствующими были этносы различного происхождения. У древних славян на территории современных славянских стран - Болгарии и Югославии - это были древние южнославянские племена и народности, и языком культурного общения был старославянский, затем при пятисотлетнем господстве Османской империи официальным языком был турецкий язык, но славянские диалекты продолжали существовать и развиваться. После освобождения от османского ига на этой территории образовались различные славянские государства, в которых государственным языком были болгарский (в Болгарии разного периода - княжестве, республике), а также сербский, хорватский и затем македонский на территории современной Югославии (СФРЮ).

Македонский литературный язык формировался с конца XIX - начала XX в. и в 1945 г. стал официальным языком Республики Македонии со столицей в г. Скопье, бывшей сначала одной из республик СФРЮ, а затем ставшей самостоятельным государством.

Когда общегосударственным языком в Королевстве Югославии был сербохорватский язык, образование в школах велось на сербохорватском языке. После Второй мировой войны в Республике Македонии в составе Югославии образование велось не только на сербохорватском как официальном государственном языке СФРЮ, но и на македонском литературном языке в Республике Македонии, входящей в СФРЮ

Православная церковь в Югославии, Болгарии, Греции функционировала на государственном языке - соответственно на сербохорватском, болгарском и греческом. И образование в школах велось на государственном языке этих стран (сербохорватском, болгарском, греческом.)

После Второй мировой войны в новообразованной Республике Македонии в составе Федеративной Югославии, где сербохорватский язык был общегосударственным языком, македонский литературный язык стал официальным служебным языком Республики Македонии при наличии общегосударственного официального сербохорватского языка СФРЮ.

Следует подчеркнуть на каком официальном служебном языке в Македонии работали церковь и школы в конце XIX - начале XX века: они работали на болгарском, сербском, сербохорватском или на греческом в зависимости от церковного подчинения. В первой половине XX века в Македонии церковь и школы работали на сербском языке. Но после образования Республики Македонии в составе федеративной Югославии и кодификации литературного македонского как языка республики в 1945 г., преподавание уже велось на литературном - македонском языке при обязательном обучении и сербохорватскому языку.

Соотношения между престижным государственным (сербохорватским) языком как средством официальной коммуникации и родным

языком (македонскими говорами) как средством неофициальной коммуникации до образования в 1991 г. современного македонского государства Республики Македонии были выражены в диглоссии и полиглоссии, что характерно для балканских этносов в различные исторические периоды. Во времена Османской империи официальным был турецкий язык, в быту существовала турецко-сербско-болгарско-македонско-албанская диглоссия у различных этносов. Так, у македонцев это была турецко/сербско/македонская диглоссия, у албанцев турецко/сербско/албанская, у болгар - турецко-болгарская диглоссия. То есть для того времени можно говорить о би- и полилингвизме соседних балканских этносов при неофициальной коммуникации.

В соседних государствах на Балканах, например в Республике Албании, где государственным является албанский язык, есть районы, особенно в северо-восточной части, где большинство населения составляют македонские славяне (более 3000 жителей), и там кроме государственного албанского языка в школах преподают и македонский. (Это единственная страна, где македонский язык начал преподаваться сразу после его кодификации 1945 года). В Албании у македонцев существует албанско-македонская диглоссия.

В Республике Македонии в населенных пунктах с албанским населением существовали и существуют школы с преподаванием и македонского, и албанского языков. Албанцы в Республике Македонии кроме родного албанского учат македонский язык как средство официальной языковой коммуникации в рамках страны. Таким образом, можно говорить о билингвизме албанцев и о македонско-албанской диглоссии в Республике Македонии.

Как известно, с момента своей кодификации в 1945 г. литературный македонский язык прошел путь очень интенсивного развития. Как и другие литературные языки на Балканах, он характеризуется умеренным пуризмом. В то же время, беря лексику из всех македонских диалектов, он заимствовал терминологическую научную, политическую, административную и культурную лексику из других языков: это было необходимо, поскольку в народных говорах такой лексики нет.

Заимствование терминологической лексики из других языков было связано, между прочим, с культурными и политическими контактами. Так, в конце XIX века заимствовалась болгарская лексика, впоследствии сербская. От болгарской лексики в македонском литературном языке осталось несколько лексем, как, например, *офицер*, *аптека*. Но в разговорном македонском языке и говорах и сейчас употребляются болгаризмы, особенно как экспрессивно-эмоциональные языковые средства.

Крсте Мисирков в созданном им в 1903 г. литературном македонском языке использовал македонскую лексику из диалектов, но терми-

нологию заимствовал из русского (до 40% русизмов). В 1945-50 гг. в только что кодифицированном литературном македонском языке имелось немало заимствований из русского, которые впоследствии были устранены по политическим и культурологическим причинам и заменены македонскими словами и выражениями (осталось лишь несколько русизмов, например *формулировка, колхоз, уравниловка*).

Поскольку в Югославии в первой половине XX века главным официальным языком был сербохорватский, весь терминологический корпус в некодифицированном письменном (а затем и кодифицированном) македонском литературном языке при заимствовании интернационализмов и других иностранных слов вплоть до распада СФРЮ посредником был сербохорватский язык.

После распада Федеративной Югославии македонский литературный язык в суверенной Республике Македонии расширил свои функции в области международной и внешней политики, а также в армии. Функции сербохорватского языка как государственного в Македонии были ликвидированы. В это время сербохорватский язык утрачивает роль и посредника при заимствовании в македонский язык иностранной лексики. Главную роль в обогащении терминологией лексического состава македонского литературного языка начинает играть английский язык (американский вариант) как язык мировой глобализации.

Как уже было сказано, в Республике Македонии кроме основного этноса – македонцев, проживают и другие балканские

этносы. Так, в западной и юго-западной Македонии (из македонских говоров здесь находятся битольский, преспанский, охридско-стружский, кичевский, дебровский, долнореканский, гостиварский и тетовский говоры) кроме македонцев проживают албанцы со своими говорами, влады, чье количество невелико, и турки, которые начали селиться здесь в период османского владычества.

Соседствующие балканские разноэтнически диалекты контактируют между собой и при этом сближаются, между ними создается межязыковая интерференция. Прежде всего эта интерференция проявляется в лексике. В македонских говорах из неславянской лексики заимствована не только албанская, но и лексика исторически престижных (государственных) языков – греческого (византийского), позднее турецкого и затем сербского государств. В албанских говорах также имеется интерференция с македонской лексикой, с греческой, с турецкой и с сербской. Но в целом, хотя турецкий язык не относится к балканскому языковому союзу, он значительно повлиял на все балканские языки и диалекты.

Об албанско-македонских языковых контактах и взаимовлияниях писали многие ученые, в том числе и македонские – О. Яшар-Настева, Б. Видоеский и др. В 2005 г. из печати вышла очень интересная моно-

графия по этой тематике профессора филологического факультета университета в Скопье Агима Польоского, в которой среди прочего резюмируются некоторые предыдущие исследования различных ученых и дается подробный перечень общих лексем различного происхождения в албанских и македонских диалектах [Польоски 2005: 21-227]. В качестве примеров из этого перечня приведем в македонской орфографии лишь некоторые общие лексемы из сферы 'родственники' и 'животные' с переводом на русский: *бир* 'сын', *нуса* 'молодая жена', *нона* 'мать', *фис* 'племя, род, поколение'; *чапа* 'цапля', *кеч* 'козленок', *даше* 'баран' и т. н., а также и некоторые общие заимствования в албанских и македонских говорах из других балканских диалектов – *веленце* 'одеяльце, коврик, покрывало' (новогреч., влаш., алб.; а также и в общенародном разговорном македонском языке), *мистрија* (алб., греч., серб., болг.) 'лопатка штукатурки', *нунко* (болг., алб., греч.) 'кум; крёстный'. В перечне общей македонской и албанской диалектной лексики А. Польоский приводит также названия различных фруктов и диких животных, которые водятся в этих краях, строений, сельскохозяйственных орудий, кухонной посуды и других цивилизационных названий быта. Кроме предметных заимствований в албанских диалектах есть, как это замечает А.М. Селищев, славянские эмоционально-чувственные экспрессивные слова [Селищев 1931]. С. Б. Бернштейн, анализируя книгу Селищева «Славянское население в Албании», упоминает о славянских экспрессивных глаголах в албанских говорах (он дает примеры на русском, не приводя македонских и албанских лексем) 'удивляться', 'срамить', 'грабить', 'обманывать', 'бродяжничать' и т.д. [Бернштейн 1987: 69]. К сожалению, в списке общих македонских и албанских лексем, указанных в монографии А. Польоского, приводятся в основном имена существительные и почти нет глаголов (за исключением *спастри* 'привести в порядок').

При пятисотлетнем господстве Османской империи на Балканах у всех балканских языков и диалектов при их формировании большую роль сыграла интерференция с официальным турецким языком и соседними турецкими говорами, что привело к созданию полилингвизма и полиглоссии у населения. Это проявилось в интенсивных экономических, торговых, культурных, бытовых междиалектных и официальных языковых контактах с Османской империей. Приведем лишь несколько примеров турецких заимствований в албанских и македонских говорах: *абраш* 'блондин; рыжий с веснушками', *белезица / белегзија* 'браслет', *керпич* 'необожженный кирпич', *пастрма* 'бастурма', *чорба* 'похлебка', *иаде* 'шоссе' (взято из монографии А.Польоского).

Лексические заимствования из греческого языка в македонских и других южнославянских говорах и балканских языках в основном отно-

сятся к византийскому периоду и связаны с христианством. Например: *икона* '1. церк. икона; 2. фотография любимого человека, кумира'; *леунка* 'роженица'; *керамида* 'черепица'; *ливада* 'луг' и т. д. (А. Польоски). В современных македонских говорах Егейской Македонии есть много греческих слов и существует македонско-греческая диглоссия.

Блаже Конеский в своей Истории македонского языка, [Конески 1967] замечает на с. 217, что в западных македонских говорах нет много албанизмов, но в албанских говорах есть немало славянизмов в топонимии Албании и в профессиональном жаргоне строительных рабочих, работавших в различных районах Балкан (см. также [Селищев 1931]).

Агим Польоский в своей монографии пишет, что из македонских юго-западных диалектов в албанских говорах заимствованы некоторые фонетические и словообразовательные особенности, калькированные и полукалькированные лексемы, а также некоторые грамматические морфосинтаксические структуры как специфические признаки развития дальнейшей балканизации диалектов в этом регионе. В албанском это, например, грамматические глагольные конструкции (привожу материал из македонского языка): а) *има / нема* в безличной форме 3 л. ед ч. + глагольное существительное со значением процесса или состояния, напр. *има разбирање, има мислење* ('есть понимание, существует мнение'); б) формы результата с вспомогательным глаголом *има / нема* + причастие на *-но/-то*.

Следует подчеркнуть одну важную грамматическую особенность, свойственную болгарскому, македонскому и албанскому языкам, которая, если не ошибаюсь, не существует в других балканских языках: – это категория субъективной модальности с семантикой пересказа чужой информации, впечатлений от невероятности и сомнений по поводу чужой информации, а также так называемый адмиратив, выражающий удивление говорящего неожиданностью результата действия. Эта модальная категория сформировалась под влиянием турецкого языка (хотя он и не является балканским) сначала в северо-восточных болгарских говорах, на территории которой жили многочисленные турецкие переселенцы, а затем волнами расширилась на все болгарские и македонские говоры. В болгарских и македонских говорах категория пересказа образовалась на базе старого славянского перфекта (результатива) *сѣм / сум* + глагольная *л*-форма. Между болгарской и македонской грамматической системой при выражении субъективной модальности пересказа и объективного результата есть формальные различия. Так, в македонском нет особых форм усиленного пересказа, выражающего недоверие говорящего к чужой информации: недоверие выражается имплицитно или лексическими добавками к модальной форме пересказа. В западных

македонских говорах результатив выражается конструкцией вспомогательный глагол *има / нема* + причастие на *-но/то*, а пересказывательные формы – по модели *сум+-л-форма*, что дает возможность выразить пересказ и с помощью результата – *имал / немал* + *-но/-то*, например: *ти си го имал видено* (рус. ‘ты, якобы, это видел’). В литературном македонском языке, опирающемся на современные особенности различных македонских говоров, результатив выражается и по модели *има / нема* + *-но/-то*, и по модели *сум* + *--л-форма*. В отличие от болгарского и македонского языков, в албанских говорах модальные категории недоверчивости и адмиратив выражены конструкциями со вспомогательным глаголом ‘*има / нема*’.

Как было упомянуто, в первой половине XX века Вардарская Македония входила в состав Королевства Югославии, а после Второй мировой войны, как одна из республик федеративной Югославии, – в состав СФРЮ, где официальным государственным и потому самым престижным был сербохорватский язык, а македонский литературный язык был официальным служебным языком Социалистической республики Македонии в составе СФРЮ. В этой республике школы работали в основном на македонском языке, но обязательно преподавался и сербохорватский. Так на официальном языковом уровне формировалась сербско-македонская диглоссия, а на неофициальном – билингвизм у македонцев и сербско-македонско-албанская полиглоссия и полилингвизм у албанцев в СРМ. После формирования суверенного македонского государства – Республики Македонии сербский язык утратил официальные позиции, он не преподается в школах как обязательный предмет., молодые поколения его почти не знают, однако старшие его помнят и даже считают престижным языком при коммуникации с иностранцами (в основном это свойственно не очень грамотным людям).

Исторически на Балканах так сложилось, что когда престижный язык теряет свои позиции в официальной коммуникации, он, так сказать, «падает» вниз – на уровень разговорного языка (диалекта) в качестве языкового средства исключительно неофициальной коммуникации. В Македонии так было с турецким, а в более новое время с - сербским. В разговорном македонском, в говорах, в жаргонах, в частности, в молодежном жаргоне, описанном в словаре Томислава Треневского [Треневски 1997], представлено много сербизмов из литературного и из разговорного или диалектного сербского языка как следствие живой неофициальной и официальной коммуникации периода до 1991 г., причем македонцы считают эти заимствования своими, македонскими словами.

В последние годы в статусе албанского языка в Республике Македонии произошли некоторые изменения. После известных межэтнических

албанско-македонских конфликтов 2001 г. был подписан Охридский рамочный договор, который дает право в районах с более 20 % албанцев от всего населения, пользоваться албанским языком как служебным на муниципальном уровне. Случились изменения и на культурном уровне: сейчас в Македонии работают шесть университетов, при этом в трех из них преподавание совершается не только на македонском, но и на албанском, а в некоторых даже на английском языке. Представители от албанских политических партий проголосовали за право выступать с речью в Народном собрании Республики Македонии на албанском языке с синхронным переводом на македонский. Македонские граждане прежде не были заинтересованы пользоваться в Македонии албанским языком, поскольку он не был престижным, но теперь открылись различные курсы албанского языка, на которых учатся, например, адвокаты, поскольку они должны знать язык своих клиентов албанцев, а молодые поколения македонцев считают, что со знанием большего числа языков им будет легче найти хорошую работу. И, конечно, большую популярность среди образованных и культурных людей в республике получил также английский язык.

Всё же нужно подчеркнуть, что в Республике Македонии официальным государственным языком является македонский литературный язык, поэтому он воспринимается как самый престижный. И хотя социолингвистическая ситуация понемногу меняется, для нее все еще характерны би- и полигlossия, а в неофициальном межэтническом языковом общении, как и прежде сохраняется би- и полилингвизм.

Литература / References

1. *Бернштейн С.Б.* «А.М.Селищев – славист-балканист». Москва, 1987.
2. *Конески Б.* «Историја на македонскиот јазик». Скопје, 1967.
3. *Пољоски А.* Прилог кон македонскиот јазик, Скопје, 1967.
4. *Пољоски А.* Проучувањето на македонско-албанските јазични контакти. Скопје, 2005.
5. *Селищев А.М.* Славянское население в Албании. София, 1931.
6. *Трневски Т.* Речник на жаргонски зборови и изрази. Скопје, 1997.
7. *Усикова Р.П.* Грамматика македонского литературного языка. Москва, 2003.
8. *Цивьян Т.В.* Модель мира и ее лингвистические основы. Москва, 2006.

ОСОБЕННОСТИ ЧИСЛОВОГО ПОВЕДЕНИЯ ПРЕДИКАТНЫХ ИМЕН СУЩЕСТВИТЕЛЬНЫХ В ПОЛЬСКОМ ЯЗЫКЕ

О.Н. Шапкина

THE NUMERICAL BEHAVIOR OF THE PREDICATE NOUNS IN THE POLISH LANGUAGE

O. Sharpkina

ABSTRACT:

Predicate (abstract) nouns referred to represent aspects of reality as separate objects, so in the formation of these units involves not only verbal, but also nominal categories: discreteness, countability, singleness, plurality. The idea of plurality, along the lines of the lexical meaning of predicate names, gives the interpretation of plurals in many respects similar to the value of subject names: aggregate multiple, variety-species, intensive, etc.

Keywords: the category of number; the abstract nouns; Polish language

АННОТАЦИЯ:

Предикатные (абстрактные) существительные представляют обозначаемые ими явления действительности в качестве самостоятельных предметов, поэтому в формировании данных единиц принимают участие не только глагольные, но и именные категории: дискретность, считаемость, единичность, множественность. Идея множественности, накладываясь на лексическое значение предикатных имен, дает интерпретации форм множественного числа во многом схожие со значением предметных имен: множественное совокупное, сорто-видовое, интенсивное и т.д.

Ключевые слова: категория числа; абстрактные существительные; польский язык

Языковая картина мира, как известно, формируется не только предметно-пространственными характеристиками, но и событийно-временными. Мир предстает перед нами не как «вещевой склад, на полках которого лежат рассортированные по классам предметы и признаки» [Кацнельсон 1972: 141], а как совокупность событий, процессов, действий, фактов, свойств, признаков, поступков и т.п.

Скрывающиеся за этими именами концепты формируются на перекрестке именных и глагольных категорий. При этом перевес, конечно же, оказывается на стороне предиката с его видо-временной парадигмой, поэтому языковые картины событий, свойств, отношений создают-

ся, прежде всего, при помощи глаголов и прилагательных. Однако именные категории, выражаемые, как правило, предметными именами, такие как дискретность, считаемость, единичность, множественность, также играют существенную роль в формировании данных концептов. Поэтому в создании языковой модели событий в той или иной мере принимают участие предикатные имена, называемые также абстрактными (отвлеченными) существительными. В отличие от подлинных предикатов (глаголов и прилагательных) они представляют обозначаемые ими явления действительности в качестве своего рода самостоятельных предметов. Предикатные существительные в большинстве случаев семантически и формально, т.е. словообразовательно, вторичны по отношению к подлинным предикатам.

В «опредмечивании» явлений действительности, не относящихся к предметам, отчетливо проявляется активность отражения мира в языке. Как отмечал Б.А.Серебренников, образование имен существительных, обозначающих овеществленные свойства, отношения и действия, «является элементом творчества, но это творчество не идет вразрез с отражательной способностью нашего мышления» [Серебренников 1983: 143]. Данная мысль справедлива как для русского, так и для польского языков, причем польский язык «опредмечивает» явления действительности, не относящиеся к предметам, гораздо чаще и регулярнее, чем русский, что является одной из причин своеобразия картины мира польского языка.

Как в русском, так и в польском языках предикатные имена существительные связаны с общей системой категории числа, являющейся одним из основных средств языковой концептуализации действительности. Этому, казалось бы, противоречит тот факт, что в польском и русском языках большая часть абстрактных существительных относится к разряду *singularia tantum*, что обусловлено, прежде всего, спецификой явлений действительности, обозначаемых предикатными именами. «Отсутствие у признаков (как константных, так и процессуальных) самостоятельного существования затрудняет или делает невозможным их исчисление. Особенно очевидно это проявляется в случае обозначения непроцессуальных признаков, т.е. имен свойств. Действительно, если абстрактное существительное ориентировано на функционирование в качестве центрального элемента номинализованной предикатной структуры, его собственно денотативные характеристики – в частности количество обозначаемых объектов – становятся несущественными» [Руденко 1996: 197].

Данное обстоятельство дает возможность польским лингвистам говорить о том, что категория числа у предметных и абстрактных существительных значительно отличается: предикатные существительные

лишены морфологической (флективной) категории числа, категория числа носит у них лишь классифицирующий характер. В российской лингвистике также принято считать, что анализировать числовое поведение предметных и предикатных имен следует независимо друг от друга, поскольку категория числа у предикатных имен «используется для отражения типично глагольных (аспектуальных) значений» [Рахилина 2000: 67; Руденко 1996: 197], однако существуют и противоположные мнения [Ляшевская 2004: 336]. В дальнейшем мы попытаемся определить, действительно ли грамматическое число у предикатных имен польского языка устроено принципиально иначе, чем у предметных имен, и в чем заключаются различия между ними.

На самом деле тот факт, что абстрактные существительные польского языка (*bieganina, czerwień, radość, ból, upał, odpoczynek, czytanie, dożynki, lowy* и т.д.) употребляются только в одной числовой форме и являются существительными *singularia tantum* (реже *pluralia tantum*), не является чем-то исключительным и уникальным. Некоторые классы предметных имен обладают подобными свойствами. Так, например, не имеют форм множественного числа многие собирательные и вещественные существительные.

В то же время можно привести немало абстрактных существительных, имеющих обе числовые формы (речь не идет о семантических дериватах, возникших в результате переноса значения, например, процесс – место, процесс – результат и под.). При этом множественное число может быть связано с исчисляемостью и обозначать дискретное множество, а может иметь и ряд нестандартных значений. Ежи Бралчык так проиллюстрировал это явление: „**Święta** to liczba mnoga. Liczba pojedyncza to **święto**. Tak podają wszystkie słowniki, gdzie się nie znajdzie osobnego słowa „**święta**”... A powinno się je znaleźć, bo to niezupełnie tak... Jak mam święta, takie prawdziwe, do spędzania, to to nie jest jedno święto i drugie święto, tylko jedne święta. Świeckie święta są pojedyncze: a to **Święto** Kobiet, a to **Święto** Lasu, a to **Święto** Leśnika i Drzewiarza czy wręcz Pracy. A „święte” święta – mnogie” [Bralczyk, 258].

Как известно, категория исчисляемости тесным образом связана с категорией дискретности: исчисляемое существительное должно иметь дискретный референт [Мельчук 1997: 83]. Поэтому в форме множественного числа не употребляются предикативные существительные, обозначающие вневременные свойства, состояния, процессы, действия: *bezczelność* (наглость), *nęcza* (нищета), *pisanie* (писание), *tęsknota* (тоска), *oddychanie* (дыхание) и т.д.

В форме множественного числа со значением дискретного множества могут употребляться названия событий и действий, воспринимаемых как отдельный, законченный акт, ограниченный во времени. Подобные

существительные имеют дискретный референт, например, *okrzyk* (*окрик*), *skok* (*прыжок*), *rzut* (*бросок*), *dźwięk* (*звук*) и т.д.:

(1) Od dłuższego czasu nie dochodziły stąd żadne **dźwięki** [ISJP, I, 363] – Долгое время оттуда не доходили никакие звуки.

(2) Partyzanci stoczyli w ciągu miesiąca kilkanaście **potyczek** z oddziałami niemieckimi [ISJP, II, 218] – В течение месяца у партизан было более десятка столкновений с немецкими отрядами.

(3) Oba **porwania** opracował w najdrobniejszych szczegółach [ISJP, II, 194] – Оба похищения он разработал в мельчайших деталях.

В то же время не все абстрактные существительные, обладающие признаком «ограниченности во времени», имеют дискретный референт. Так, например, существительные *przeгляд* (просмотр), *budowa* (постройка) обозначают действие, имеющее начало и конец, т.е. временные границы. Однако несколько таких действий также обозначаются формой единственного числа. Ср. *przeгляд wagonu/ przeгляд wagonów*, *budowa domu/ budowa domów*:

(4) Odbędzie się także pozakonkursowy **przeгляд** filmów krótkometrażowych [ISJP, II, 302] – Состоится также внеконкурсный просмотр короткометражных фильмов.

(5) Do **budowy** swych łodzi Indianie używali narzędzi z kości wieloryba [ISJP, I, 134] – Для постройки своих лодок индиане использовали орудия из кости кита.

Таким образом, данные существительные являются названиями, как целого, так и каждой его части. Однако этим же свойством обладают и вещественные существительные (ср. *woda*, *żelazo*, *cukier* и т.д.).

Некоторые абстрактные существительные, являющиеся обозначениями регулярно чередующихся квантов движения, образуют форму множественного числа с итеративным значением - *kroki* (шаги), *krocuki* (шажки), *obrotu* (обороты), *skoki* (прыжки) и т.д.:

(6) Szła za mną, stawiając małe, śpieszne **kroki** [ISJP, I, 706] – Она шла за мной, делая маленькие поспешные шаги.

(7) Od szybkich **obrotów** w walcu zakręciło się jej w głowie... [ISJP, I, 1075] – От быстрого вращения в вальсе у неё закружилась голова.

При этом «исключительно итеративное понимание допускается у существительных, обозначающих кванты перемещения, в формах МН творительного способа» [Ляшевская 2004: 323]:

(8) Biegł, potem sadził wielkimi **skokami**, nie zważając na błoto tryskające spod nóg [ISJP, II, 595] – Он бежал, а потом прыгал большими прыжками, не обращая внимания на грязь, летящую из-под ног.

(9) Drobi małymi śpiesznymi **kroczkami** i ciągle peroguje [ISJP, I, 706] – Она семенит маленькими, быстрыми шажками и постоянно разглагольствует.

Нередко в этом же значении употребляется и форма творительного падежа ЕЧ:

(10) Szliśmy rażno, równym **krokiem** [ISJP, I, 706] – Мы шли бодро, ровным шагом.

(11) Spokojnie, drobnym **krocziem** idzie dokładnie w to samo miejsce, co przed minutą [ISJP, I, 706] – Спокойно, мелкими шажками идет точно на то же место, что и минуту назад.

Однако форма творительного падежа ЕЧ может иметь не только итеративную интерпретацию. Ср.:

(12) Regina jednym **skokiem** stanęła między nimi [ISJP, II, 595] – Регина в один прыжок оказалась между ними.

Наличие определения в виде числительного jeden (один) делает невозможным итеративную интерпретацию данного предложения.

Предикативные существительные, являющиеся названиями квантов, нередко соотносятся с общим названием данного вида движения: kroczenie - krok (ходьба, шествование – шаг), wdychanie – wdech (вдыхание – вдох), skakanie – skok (*прыганье – прыжок) и т.д.

Для абстрактных существительных, обозначающих ментальные предикаты, свойства, характерно образование форм множественного числа со значением «совокупности»: zainteresowania (интересы), zamiary (намерения), przekonania (убеждения), poglądy (взгляды), plany (планы), warunki (условия), przyczyny (причины). Множественное совокупности не совместимо с идеей отдельного (арифметического) множества, например, фраза «Каковы его взгляды?» вовсе не означает, что мы ожидаем перечисления всех его взглядов:

(13) Jego **poglądy** ewoluowały od katolicyzmu do komunizmu [ISJP, II, 143] – Его взгляды прошли эволюцию от католицизма к коммунизму.

(14) Jakie masz **plany** na wieczór? [ISJP, II, 81] – Какие у тебя планы на вечер?

(15) Nie mam żadnych złych **zamiarów**, proszę się nie bać [ISJP, II, 1238] – У меня нет никаких плохих намерений, не бойтесь, пожалуйста.

(16) Składniki sosu zależą od **upodobań** smakowych [ISJP, II, 921] – Компоненты соуса зависят от вкусовых предпочтений.

(17) Byłem dla nich podejrzany z powodu moich literackich **zainteresowań** [ISJP, II, 1216] – Я вызывал у них подозрения из-за своих литературных интересов.

У некоторых абстрактных существительных форма множественного числа синонимична форме единственного числа (wahanie temperatury = wahania temperatury). Это, как правило, характерно для имен моторнократного и колебательного движения, которых объединяет признак многоактности движения: dreszcz (дрожь), drganie (подергивание), wachanie (колебание), przemieszczenie (перемещение) и под. Формы

множественного числа *dreszcze*, *drgania*, *wachania*, *przemieszczenia* обозначают множество квантов дрожания, подергивания, колебания, перемещения. Форма единственного числа, однако, не может обозначать одного кванта, поэтому счетность здесь чисто мнимая. Нельзя, например, сказать *dwa drgania или *trzy wachania. Ср.:

(18) Jej drobnym ciałem wstrząsały **dreszcze** [ISJP, I, 317] – Её хрупкое тело сотрясала дрожь.

(19) Zimny **dreszcz** po mnie przechodzi, gdy o tym pomyślę [ISJP, I, 317] – Холодная дрожь по мне проходит, когда я об этом думаю.

(20) Usłyszał niewiarygodnie głośny, długotrwały huk, po upadku odczuł wyraźne **drgania** gruntu, dookoła waliły się płonące drzewa [ISJP, I, 319] – Он услышал невероятно громкий продолжительный гул, после падения почувствовал явные колебания почвы, вокруг падали горящие деревья.

Подобное значение формы множественного числа называют квазимножеством. «Это понятие предполагает соблюдение двух обязательных условий:

1) объект (процесс и т.д.) X состоит из множества дискретных частей (квантов, порций и т.д.);

2) составляющие части, взятые в отдельности, не могут быть обозначены именем X» [Ляшевская 2004: 320].

Ситуация, когда целое, состоящее из каких-то частей, именуется формой множественного числа, характерна для предметных существительных *pluralia tantum*: *pożyczki*, *okulary*, *schody* и т.д.

Синонимия форм единственного и множественного числа наблюдается также у имен, обозначающих длительное перемещение: *wędrówka* (скитание), *wędrowanie* (странствие), *tułaczka* (бродяжничество), *błąkanie się* (блуждание), а также имен, в лексическое значение которых входит представление о длительности действия: *poszukiwanie*, *zachowanie*. Ср. контексты, в которых числовые формы отглагольных существительных взаимозаменяемы:

(21) **Wędrówka** po sklepach zajęła im dużo czasu [ISJP, II, 989] – Хождение по магазинам заняло у них много времени.

(22) Po całodziennych **wędrówkach** między redakcjami, lokalami stowarzyszeń i kawiarniami wpadła na chwilę do domu [Skorupka 1977. II, 530] – После целого дня хождений по редакциям, организациям и кафе она забежала на минутку домой.

Несмотря на то, что формы ЕЧ и МНЧ имеют здесь одинаковое значение, они отличаются коммуникативным акцентом. Так, во множественном числе подчеркиваются и выделяются некоторые семантические аспекты, присутствующие в форме единственного числа. Например, в форме *wędrówki* акцентируется признак разнонаправленности действия.

Некоторые абстрактные существительные образуют форму множественного числа со значением разнородного множества:

(23) Miał różnorodne **zamiłowania** i chętnie się im poświęcał [ISJP, II, 1240] – У него были разные увлечения, и он с удовольствием посвящал себя им.

(24) **Schorzenia** jamy brzusznej [ISJP, II, 557] – Заболевания брюшной полости.

(25) Wścieklizna jest jedną z najbardziej niebezpiecznych **chorób**, atakujących ludzi i zwierzęta [ISJP, I, 173] – Бешенство – это одна из наиболее опасных болезней, от которых страдают люди и животные.

Значение разнородного множества или видов, сортов вещества обычно отмечается у вещественных существительных. Однако соотношение между формами единственного и множественного числа у некоторых абстрактных существительных аналогично соотношению форм единственного и множественного числа вещественных существительных (*zamiłowanie/ zamiłowania = sok/ soki*).

Абстрактные существительные, обозначающие состояния, например, *ból, chłód, mróz, upał* образуют форму множественного числа со значением «продолжительности, интенсивности состояния, заполненного времени». Подобные формы обозначают состояния, имеющие большую интенсивность, или занимающие довольно большой временной интервал:

(26) Kiedy skończą się wreszcie te **upały**? [ISJP, II, 918] – Когда, наконец, закончится эта жара?

(27) Ma częste **bóle** głowy [ISJP, I, 121] – У нее частые головные боли.

(28) Wcześniej w tym roku nastały **mrozy** [ISJP, I, 900] – В этом году рано наступили морозы.

(29) Fali **chłodów** towarzyszy niezwykle silna epidemia grypy [ISJP, I, 169] – Волна холодов сопровождается необычайно сильной эпидемией гриппа.

Происходящие при этом лексические сдвиги аналогичны лексическим сдвигам форм множественного числа некоторых вещественных существительных (ср. *wody, piaski*).

Среди неисчисляемых предикатных существительных можно выделить группу, близкую по значению собирательным существительным. Предикатные существительные с собирательным значением обозначают совокупность действий как единое целое: *szukanina* (поиски), *dreptanina* (хлопоты, суета), *krzątania* (хлопоты, суета), *strzelanina* (перестрелка), *żebractwo, żebranina, żeby* (собираемость милостыни, нищенство), *gadanina* (болтовня), *raplanina* (пустые разговоры, болтовня), *łowy* (охота), *szperactwo* (выискивание, собирательство), *łomotanina* (повторяющийся грохот, стук), *plątanina* (неразбериха, путаница), *dowództwo*

(командование), *znawstwo* (знание дела), *rozdawnictwo* (распределение, раздача). Например:

(30) *Zaczęła się gorączkowa **bieganina**, szukanie wolnych miejsc* [ISJP, I, 95] – Началась судорожная беготня, поиск свободных мест.

(31) *Sapał często po całodziennej **lataninie*** [ISJP, I, 749] – После беготни в течение целого дня он тяжело сопел.

(32) *W **plątaninie** słów i wrzasków doszło do kłótni* [ISJP, II, 84] – В неразберихе слов и криков дело дошло до ссоры.

(33) *O świcie wyruszyli na **łowu*** [ISJP, I, 800] – На рассвете они отправились на охоту.

Большая часть подобных существительных имеет четкую словообразовательную структуру – они образованы от соответствующих глаголов при помощи суффиксов *-anina*, *-stwo* (*-two*). При этом многие из них даются в словарях с пометкой „*pot.*” (разговорное) и имеют однокоренные синонимы, отличающиеся не только стилистически, но нередко и семантически разговорное нейтральное

latanina (беготня) *latanie* (лёт, летание), *lot* (полет)

łomotanina (повторяющийся грохот)) *łomotanie*, *łomot* (стук, грохот)

bieganina (беготня) *bieg*, *bieganie* (бег)

gadałanina (пустая болтовня) *gadanie* (разговор, болтовня)

gadka (разговор, слух)

pisanina (писанина, сочинительство) *pisanie* (писание, письмо)

strzelanina (перестрелка) *strzelanie* (стрельба)

Предикативные существительные с суффиксом *-anina* обозначают действия повторяющиеся, разнонаправленные, хаотичные и часто общаются об отрицательном отношении к ним говорящего [Grzegorzczukowa, Puzyrnikina 1998: 397].

Итак, числовое поведение предикативных имен в польском языке значительно разнообразнее, чем принято считать. Кроме слов *singularia tantum* и *pluralia tantum* есть и другие предикативные имена, обладающие полной числовой парадигмой, и имеющие различное (как стандартное, так и нестандартное) соотношение между формой и значением. Традиционные утверждения о том, что грамматическое число у предикативных имен устроено принципиально иначе, чем у предметных имен, оказываются, таким образом, неверны.

Идея множественности не только способна сочетаться с лексическим значением предикативных имен, но, накладываясь на него, дает интерпретации форм множественного числа во многом схожие со значением предметных имен. Так, предикативные имена с полной числовой парадигмой (*podróże*, *potyczki*, *rogwania*) соотносятся с обычными исчисляемыми именами людей, животных, предметов (ср. *domy*, *psy*, *uczniowie*). Неисчисляемые предикативные имена типа (*bieganina*,

szperactwo) соотносятся с собирательными существительными (ср. chłopstwo, młodzież), а неисчисляемые предикатные имена типа (wdychanie, chodzenie) – с вещественными существительными (ср. śnieg, rył). Связанные с ними семантически названия квантов (wdech, krok) соотносятся с сингулятивами (ср. śnieżynka, ryłek). Сопоставимы с вещественными существительными и формы МНЧ предикатных имен с сорто-видовым значением (zamiłowania, choroby) и значением интенсивности, протяженности во времени (ból, mrozy).

Литература / References

1. *Кацнельсон С.Д.* Типология языка и речевое мышление. Л., 1972.
2. *Ляшевская О.Н.* Семантика русского числа. М., 2004.
3. *Мельчук И.А.* О семантических особенностях исчисляемых и неисчисляемых существительных в русском языке // Wiener Slawistischer Almanach, 1978. Bd. 2.
3. *Рахилина Е.В.* Когнитивный анализ предметных имен: семантика и сочетаемость. М.: Русские словари, 2000.
4. *Руденко Д.И.* Количественность и семантика имени // Теория функциональной грамматики. Качественность. Количественность / Под ред. А.В. Бондарко. СПб.: Наука, 1996.
5. *Серебренников Б.А.* О материалистическом подходе к явлениям языка. М.: Наука, 1983.
6. *Bralczyk J.* Mój język prywatny, Warszawa: ISKRY, 2004.
7. *Grzegorzczkova R., Puzynina J.* Rzeczownik // Gramatyka współczesnego języka polskiego. Morfologia, Słowotwórstwo / Red. R. Grzegorzczkova, R. Laskowski, H. Wróbel. Warszawa: PWN, 1998. S. 389-468.
8. [ISJP =] Inny słownik języka polskiego / Red. M. Bańko. Warszawa: PWN, 2000.
9. *Skorupka St.* Słownik frazeologiczny języka polskiego. Warszawa: Wiedza Powszechna, 1977.

ЕЩЕ РАЗ К ВОПРОСУ О ТАК НАЗЫВАЕМОМ БОСНИЙСКОМ ЯЗЫКЕ

Ю.Ю. Юдова

ONCE AGAIN TO THE SO-CALLED BOSNIAN LANGUAGE ISSUE

Y. Yudova

ABSTRACT:

The article deals with the problem of codification of the language of Bosnian Muslims. Modern linguists from Bosnia and Herzegovina which are the representatives of the Bosnian Muslims defend the point of view of originality and the deep historical roots of their language, which is contrary to the traditional stance of the Serbian scientists, based on paleographic studies.

Keywords: Bosnian language; bosnacki language; bosancica; the codification of the language of Bosnian Muslims

АННОТАЦИЯ:

Статья посвящена проблеме кодификации языка боснийских мусульман. Современные филологи из Боснии и Герцеговины – представители боснийских мусульман – отстаивают точку зрения о своеобразии и глубоких исторических корнях своего языка, что идет вразрез с традиционной позицией сербских ученых, опирающейся на палеографические исследования.

Ключевые слова: боснийский язык; бошняцкий язык; босанчица; кодификация языка боснийских мусульман

Язык, как известно, является продуктом общественного развития. Он неразрывно связан с людьми, которые живут в обществе. Правила употребления единиц языка хранятся в коллективном сознании его носителей и передаются из поколения в поколение. Поэтому при изучении языковых явлений помимо чисто лингвистического подхода, то есть изучения генеалогии языка, его диалектов, говоров и т.д., необходим социолингвистический подход, то есть изучение социальных условий функционирования данного языка. Это становится особенно важным при исследовании литературных языков. Создание литературного языка, то есть установление норм и правил коммуникации, утверждение их в грамматиках и словарях делается обычно группой ученых-филологов и зависит от внешних, нелингвистических факторов. Особенно ярко эта зависимость видна на примере языков народов бывшей Югославии и, в частности, одной из шести ее бывших республик, а ныне самостоятельного государства – Боснии и Герцеговины.

В 1995 году в соответствии с Дейтонским соглашением было создано независимое государство Босния и Герцеговина, состоящее из двух так называемых энтитетов – мусульмано-хорватской федерации и Республики Сербской. Все три основных народа, проживающие в БиГ – мусульмане, сербы и хорваты, были признаны равноправными и имеющими свой язык. Независимой БиГ стала фактически впервые после многовекового существования под властью Османской империи, Австро-Венгерской монархии, а также в составе социалистической Югославии. Подробно история Боснии описана в монументальном труде русского историка А.А. Майкова [Майков 1857]. Автор пишет: «Припоминая себе государственную жизнь Босны, эту жизнь, исполненную бурь и переворотов, мы удивляемся быстроте переходов ее из одного состояния в другое, от зависимости к независимости и потом к падению; нас поражает бледность этой жизни, отсутствие твердых начал и самостоятельности. Вспомним Босну первоначально, как жупу или одну из областей Сербии, ничем существенно не отличавшуюся от последней, населенную одним и тем же племенем... Вспомним ее затем несколько раз во власти Угрии... и наконец, как Турецкую добычу, легко достающуюся завоевателям» [Майков 1857: 199].

По мнению А. Майкова, в Боснии, начиная с эпохи Средневековья, часто менялись правители, всегда существовали огромные противоречия между верховной властью и населением, не проводились существенные преобразования, и в итоге государственная жизнь была слабой и «бесцветной». Находясь на пересечении путей с Запада на Восток и с Юга на Север, Босния на протяжении своей истории подверглась влиянию разных вероисповеданий – православия, римо-католицизма, а также движения богомилства, или Патаренской ереси. С момента завоевания Боснии турками в 1463 году здесь начал распространяться ислам. Таким образом, слабость государственной власти, отсутствие единой веры привели к падению средневековой Боснии, которая, впрочем, и до этого была в основном областью (жупой) Сербии, и она более чем на 400 лет попала под власть османов.

В 1878 году Босния была оккупирована Австро-Венгрией и формально оставалась в ее составе до 1918 года, когда вошла в состав Королевства сербов, хорватов и словенцев. После Второй мировой войны с 1945 по 1991 год Босния и Герцеговина являлась одной из шести республик Социалистической Федеративной Республики Югославии.

Отсутствие в обозримой истории самостоятельного государства у народа (или народов), проживающего на территории БиГ, не могло не сказаться и на языковой ситуации. Самостоятельного литературного языка, в названии которого бы фигурировало понятие «боснийский», здесь не было до конца 20 века. Официальным языком в эпоху социали-

стической Югославии считался сербско-хорватский, или хорватско-сербский. После возникновения независимой БиГ в 1995 году появился социальный заказ – оформить литературный язык проживающих здесь мусульман, поскольку боснийские сербы и хорваты пользовались языками, кодифицированными, соответственно, в Сербии и Хорватии. В.П. Гудков писал: «Признание того или иного идиома самостоятельной языковой формацией имело не только специально научное, но и важное общественное значение. Известно, что некоторые славянские этносы переживали длительный процесс утверждения своего языка как атрибута национальной культуры, упорно боролись за признание прав своего языка на нестесненное использование, за обретение этим идиомом статуса языка, равноправного с другими языками. В процессе этой борьбы, целью которой была аффирмация национального языка, т.е. обретение им полноправия и всеобщего признания, действовали разные силы и факторы. Одним из важных факторов, способствовавших признанию самостоятельности языка, являлись филологические и лингвистические труды авторитетных ученых» [Гудков 1999: 24]. Хотя эта цитата относится к процессу аффирмации южнославянских языков в 19 веке, ее в полной мере можно отнести к современной БиГ.

Современные сараевские лингвисты (А. Исакович, Д. Яхич, С. Халилович, И. Палич и др.), представители боснийских мусульман, ведут активную работу по кодификации своего языка, издают учебники, словари и грамматики. Ср.: Словарь характерной лексики боснийского языка (1995) А. Исаковича, Школьный словарь боснийского языка (1999) и Словарь боснийского языка (2012) Д. Яхича, Словарь боснийского языка (2010), Орфографический словарь боснийского языка (1996), Грамматика боснийского языка (2000) С. Халиловича. И это далеко не исчерпывающий список трудов новейшего времени, посвященных т.н. боснийскому, или же бошняцкому языку (об этих названиях подробнее будет сказано ниже). Указанные авторы считают, что боснийский язык возник в глубокой древности и развивался самостоятельно, параллельно, независимо от языков соседей (прежде всего, сербов и хорватов). Он незаслуженно игнорировался в разные периоды истории и отождествлялся с сербским или хорватским языками. Существует и более радикальная точка зрения, что хорватский и сербский языки возникли из боснийского, что последний является диалектной основой для обоих языков, а штокавский диалект – этнически боснийский¹.

Концепция исторического развития т.н. боснийского (бошняцкого) языка подвергается критике со стороны сербских, а иногда и хорватских ученых. Рассмотрим некоторые положения этой концепции, а также аргументы ее противников. Так, авторы Грамматики боснийского языка

¹ https://hr.wikipedia.org/wiki/Povijest_jezika_u_Bosni_i_Hercegovini

для средних школ утверждают, что первые памятники письменности на территории Боснии и Хума (область на юге современной БиГ и Хорватии) появились в конце 10-начале 11 века [Gramatika bosanskoga jezika 2004: 43]. После принятия христианства местным населением сюда «проникает славянская письменность в духе Кирилла и Мефодия, и даже развивается собственная литература на старославянском языке боснийской редакции» [Gramatika bosanskoga jezika 2004: 44]. Судя по немногочисленным сохранившимся памятникам, население Боснии и Хума пользовалось четырьмя алфавитами: греческим, латинским, глаголицей и кириллицей. Глаголица была особенной, со скругленными буквами, в отличие от хорватской угловатой, поэтому ее называют боснийской глаголицей. Однако памятников на глаголице сохранилось очень мало, в то время как кириллических памятников - значительно больше. Самый старый из них - надпись на плите на церкви святого Михаила в селе Хумец возле города Любушки в западной Герцеговине Хумачка плоча, датируемая концом 10 – началом 11 века. Далее авторы упомянутой грамматики, перечисляя кириллические памятники, созданные на территории средневековой Боснии и Хума и содержащие элементы живой народной речи, приводят, в частности, знаменитые Мирославово евангелие (12 век) и грамоту бана Кулина (1189 г.) [Gramatika bosanskoga jezika 2004: 45]. Последняя вместе с рядом других средневековых документов напрямую называется памятником боснийского языка [Gramatika bosanskoga jezika 2004: 45, 46]. Данное утверждение, однако, противоречит общепризнанной трактовке названных документов как памятников сербского языка. Ср., например, высказывание выдающего слависта 19 века В. Ягича по поводу грамоты бана Кулина: «Листина Кулина бана од г. 1189 прво (је) и најстарије, што би писано ћирилицом а србским језиком»².

Это противоречие некоторые авторы склонны объяснять тем, что традиционная трактовка Мирославова евангелия, грамоты бана Кулина и других памятников как текстов древнего сербского языка основывается на позиции именитых славистов 19 века Ф.Миклошича и В.Ягича, провозгласивших весь корпус древних текстов на кириллице сербским³. Однако по языку эти тексты отличаются от сербских. Особенно это видно на примере более поздних боснийско-хумских грамот и писем 14-15 веков, содержащих элементы западношотландского и восточношотландского (хумского) диалектов [Gramatika bosanskoga jezika 2004: 45]. Кроме того, средневековые памятники, созданные на территории Боснии и Хума, написаны на так называемой босанчице, то есть босний-

² <http://www.politika.rs/scc/clanak/338770/Kulin-ban-je-pisao-cirilicom>

³ https://hr.wikipedia.org/wiki/Povijest_jezika_u_Bosni_i_Hercegovini

ской кириллице, которая отличается от сербской кириллицы видом некоторых букв. Схожесть же деловых текстов по своему языку с сербскими, возможно, объясняется тем, что на службу к боснийским и хумским правителям нередко брали писарей из Сербии, должны были вести переписку с сербскими правителями.

Взгляды Ф. Миклошича и В. Ягича опроверг известный югославский историк Г. Чремошник, который изучал средневековые памятники на кириллице, обнаруженные на территории Боснии и Хума (в частности, грамоту бана Кулина), публиковал их в течение четырех лет (с 1948 по 1952 г.г.) в журнале: “Glasnik Zemaljskog muzeja” в Сараеве и пришел к выводу об оригинальности их языка.

Сербские авторы эту точку зрения не разделяют. Так, Р.Стивич считает, что грамота бана Кулина не является памятником т.н. боснийского языка, так как она написана уставной кириллицей, которой писали православные сербы в Сербии и за ее пределами, а не босанчицей. Босанчица же представляет собой вариант сербской кириллической скорописи, заимствованной у сербов во времена боснийского бана Твртко I Котроманича, который правил в 14 веке, то есть на два века позже создания грамоты бана Кулина⁴. Кириллица использовалась в БиГ вплоть до начала 20 века и называлась «старой Сербией» [там же].

Желание современных сараевских лингвистов присвоить своему этносу право на древнейшие памятники письменности вполне понятно. Как уже отмечалось выше, перед ними стоит задача кодификации языка боснийских мусульман, что в силу различных причин не удавалось сделать их предшественникам. Для этого ведется поиск следов оригинального живого народного языка в древнейших текстах, объявляется, что они написаны оригинальным алфавитом – босанчицей. Своеобразие боснийского языка обнаруживают и в произведениях так называемой алхамиядо литературы, текстов, написанных арабским алфавитом, или арабицей. Эта литература возникла на территории Боснии в середине 17 века, когда она уже почти двести лет находилась под властью Османской империи. «В языке алхамиядо литературы проявляются многочисленные диалектные черты, особенно в духе народной поэзии» [Gramatika bosanskoga jezika 2004: 53], то есть авторы алхамиядо литературы, хотя и писали на арабице, не теряли связи с родным языком и называли его боснийским.

Название «боснийский язык», которое, предположительно, свидетельствует о существовании особенного языка у населения Боснии, авторы упомянутой Грамматики находят в древних документах. Они отмечают, например, что болгарский книжник конца 14-начала 15 в.в. Константин Философ [Костенецкий/Костенечский, не следует путать с

⁴ <http://www.politika.rs/scc/clanak/338770/Kulin-ban-je-pisao-cirilicom>

Константином-Кириллом Философом – *прим. ред.*] в труде «Сказание изъявлено о писменех» наряду с болгарским, сербским, словенским, чешским и хорватским языками упоминает боснийский язык [Gramatika bosanskoga jezika 2004: 49]. В 1631 году был издан один из старейших словарей на южнославянском пространстве, первый турецко-боснийский словарь Мухамеда (Мехмеда) Хеваи Ускуфи. Хорватский поэт 18 века А. Качич-Миошич переводит свое произведение «Кораблица» с латинского и итальянского «на боснийский язык» [Isaković 1995: XVIII].

В более поздние периоды истории – в 19 и 20 веке т.н. боснийский язык незаслуженно игнорировался как лингвистами, так и политиками. При заключении договора о литературном языке в 1850 году в Вене между сербскими и хорватскими лингвистами не присутствовал ни один представитель Боснии. В 1907 году австро-венгерские власти запретили официальное название и употребление т.н. боснийского языка. Наконец, в Королевстве сербов, хорватов и словенцев и в социалистической Югославии также языковая политика проводилась только в интересах сербов и хорватов. К примеру, при составлении Словаря сербско-хорватского/хорватско-сербского литературного языка Матицы сербской и Матицы хорватской (1967-1976) литературные источники мусульманских писателей почти не учитывались, а немногочисленные лексемы из них помечались как нелитературные [Isaković 1995: XXVI].

В наше время острой проблемой остается название языка, на котором говорят боснийские мусульмане, или же бошняки. Филологи, выражающие их интересы, во всех своих трудах язык называют боснийским. Сербские же ученые, допускающие из соображений политкорректности существование особого языкового идиома, тем не менее считают термин «боснийский язык» абсолютно неприемлемым, так как он относится ко всей БиГ, где почти половину населения составляют сербы и хорваты, говорящие на своих языках. Вместо него следует употреблять термин «бошняцкий язык». Ср. цитату из решения Комитета по стандартизации Института сербского языка Сербской академии наук и искусств о статусе боснийского, или бошняцкого языка от 25.08.2015 г.: «...относясь с уважением к символической функции языка...единственно возможным и единственно правильным является: язык, на котором говорят бошняки и который собственно говоря – лишь вариант сербского языка, называть «бошняцким языком»⁵. Также нет ни лингвистических, ни правовых оснований готовить в вузах специальных судебных переводчиков с т.н. боснийского языка (там же).

⁵ <http://www.isj-sanu.rs/rubrike/vesti/76/2015/08/25/odluka-odbora-za-standardizaciju-ostatusu-bosanskog-ili-bosnjackog-jezika.html>

Белградские ученые выступили резко против решения правительства Сербии разрешить с 1 сентября 2013 года преподавание в школах в области Санджак на юге страны, где подавляющее большинство населения составляют мусульмане, по новому учебнику так называемого боснийского языка (автор - М. Реброя). Происходит подмена понятий: новый учебник называется учебником боснийского языка, что создает у детей впечатление, что это язык всего населения Боснии и Герцеговины, в то время как сербского и хорватского языков, на которых говорят сербы и хорваты в БиГ, там будто бы вообще не существует. По сути, в учебнике представлен именно язык мусульман (бошняцкий язык) с текстами из соответствующих художественных произведений.

В заключение хотелось бы сказать, что судьбы южнославянских народов оказались настолько переплетены, что порой трудно отделить, что является чьей заслугой в культуре. Бурная история, разное влияние извне, в том числе влияние разных религий, нахождение в составе разных государств – все это оставило глубокий след в культуре этих народов и, в том числе, в языке. Основательные палеографические исследования прошлых лет не поставили точку в вопросе о том, каким народам принадлежат древнейшие памятники письменности, обнаруженные на территории проживания южных славян. Очевидно, что при решении этого вопроса большую роль играют экстралингвистические факторы. Стремление найти исторические корни своего языка, показать его своеобразие по сравнению с языками родственных соседних народов прослеживается в трудах современных лингвистов, кодифицирующих язык боснийских мусульман в Боснии и Герцеговине. Их попытки «присвоить» себе некоторые древнейшие памятники письменности вызывают несогласие ученых соседних стран, в частности, Сербии. Хотелось бы, однако, думать, что споры о языке не осложнят в дальнейшем и без того непростые отношения между сербами, хорватами и бошняками.

Литература / References

1. *Гудков В.П.* Славистика. Сербистика: Сб.статей. М.: Издательство Московского университета, 1999
2. *Майков А.А.* История сербского языка по памятникам, писанным кириллицею, в связи с историею народа. М., 1857
3. *Isaković A.* Rječnik bosanskoga jezika. Sarajevo: Bosanska knjiga, 1995
4. *Jahić D., Halilović S., Palić I.* Gramatika bosanskoga jezika. Zenica: Dom štampe, 2004
5. https://hr.wikipedia.org/wiki/Povijest_jezika_u_Bosni_i_Hercegovini
6. <http://www.politika.rs/scc/clanak/338770/Kulin-ban-je-pisao-cirilicom>
7. <http://www.isj-sanu.rs/rubrike/vesti/76/2015/08/25/odluka-odbora-za-standardizaciju-ostatusu-bosanskog-ili-bosnjackog-jezika.html>

ЧЕСТЬ И СОВЕСТЬ В СЕРБСКОЙ НАРОДНОЙ КУЛЬТУРЕ

Е.И. Якушкина

HONOUR AND CONSCIENCE IN SERBIAN FOLK CULTURE

E.I. Yakushkina

ABSTRACT:

The present paper describes the words which mean honour and conscience in Serbian vernacular language. The concept of honour in folk culture is presented by such words as *obraz* 'face' and *poštenje* 'respect', while the lexem *čast* developed this semantics just in modern language. The word *savest* 'conscience' was borrowed to standard Serbian from Church Slavonic.

Keywords: Serbian language; anthropological linguistics; traditional axiology; traditional ethics; honour; conscience

АННОТАЦИЯ:

В статье рассматривается семантика лексем, выражающих понятия "чести" и "совести" в сербском народном языке. Традиционными обозначениями чести и совести являются слова *образ* (исходно 'лицо') и *поштење* (исходно 'уважение'). Лексема *част* (исходно 'уважение') приобретает семантику чести как морального кодекса только в современном литературном языке. Лексема *савест* 'совесть' также не была свойственна сербским говорам и вошла в сербский литературный язык из церковно-славянского.

Ключевые слова: сербский язык; этнолингвистика; народная аксиология; народная этика; честь; совесть

В сербском языке имеется три лексемы, соответствующие русскому слову *честь* и две лексемы, соответствующие русскому слову *совесть*. Значение чести выражают слова *част* - продолжение общеславянского *чьсть, *образ* (исходно 'лицо') и *поштење*, образованное от глагола *поштити* 'почитать'. Значение совести обычно выражается заимствованным из церковнославянского языка словом *савест*, но отчасти его выражает и упомянутая лексема *образ*. Два слова, *образ* и *поштење*, являются исконными для сербской народной этики, их употребление в крестьянском языке зафиксировано в начале 19 века. Слова же *част* и *савест* как обозначения нравственных понятий возникли на почве литературного языка, в середине и второй половине 19 века, под влиянием иноязычных образцов.

В перечисленных сербских названиях чести представлено две семантические модели – телесная и социальная. Первая модель основана на зрительном восприятии внутреннего состояния человека, через лицо и глаза, ср. русск. *безличье* 'нравственное ничтожество человека, бесхарактерность' (Даль) и общеслав. **bezocъnъ(jь)* 'наглый, дерзкий' (ЭС-СЯ). Модель *лицо – честь* регулярна и встречается в языках разных языковых семей, в том числе не и.-е. Социальная модель является отражением регулярной многозначности *уважение – почет – чувство собственного достоинства* и свод нравственных правил. Бак в словаре индоевропейских синонимов высокую оценку называет одним из главных семантических источников чести [Buck 1987: 1143].

В традиционной сербской этической системе, которая сохранилась в некоторых современных диалектах, центральным нравственным понятием было понятие чести, выраженное словом *образ*, исходно 'лицо'. Как и понятие чести, выраженное другими лексемами, *образ* имеет внутреннюю и внешнюю стороны: он совмещает в себе внутреннее нравственное чувство, которым человек руководствуется в своих поступках, и внешнюю репутацию. Вук Караджич, автор первого сербского словаря, сам человек из народа, семантику *образа* передал двумя немецкими словами *Scham* 'стыд', и *Ehre* 'честь'. [Караčić 1935] «Внутреннее» значение реализуется реже, обычно в высказываниях типа «у него есть *образ*/ нет *образа*» и «если бы у него был *образ*». При переводе подобных высказываний на литературный русский язык в качестве эквивалента слову *образ* появляется *совесть*: *Да има образ не би бил так 'в* «Если бы у него была совесть, он бы себя так не вел» [Јовановић 2004: 492]. *Он да има образ не би смео да ми погледа у очи* «Если бы у него была совесть, он бы не смел мне посмотреть в глаза» [Елезовић 1935: 5]. *Нема образ* «У него нет совести» (Караčić). *Има образа да гледа по народу* «У него хватает совести смотреть людям в глаза» [Станић 1990]. Однако более точным эквивалентом для внутреннего нравственного чувства было бы народное слово *стыд*, как оно реализуется в выражении *ни стыда ни совести*, поскольку *стыд*, как и *образ*, в отличие от русской *совести* - понятия чисто светские, лишённые религиозного смысла (ср. *Бога не боится, людей не стыдится, од Бога грехота, од људи срамота, ни Бога се не боји, ни од људи се срами*). Со стыдом и совестью *образ* объединяет то, что эти чувства могут присутствовать или отсутствовать в человеке и определять степень его нравственности. В отличие же от стыда и совести, *образ* – не только нравственное чувство, но и нравственный облик человека, что обуславливает такие контексты, как *поштен образ*, *светао образ* 'порядочность', букв. «честное лицо» и «светлое лицо», *сраман образ* 'подлость', букв. «позорное лицо» [RJA 8, 451]. Образ – это такой же этический «орган», как

и душа, и часто они выступают как устойчивая параллель, воплощая две стороны нравственной жизни: перед Богом и перед людьми. Перед Богом отвечает душа, а перед людьми - *образ*, ср. *Ко има образа има и душу* «У кого есть лицо, у того есть и душа» [Вукове пословице 1996: 148], *чисте душе и опрана образа* «с чистой душой и лицом» (Правдоноша [RJA 8, 451]). *Ја сам се потурчио, изгубих оба свијета, душу и образ* «Я принял турецкую веру и потерял оба мира, душу и лицо» (Љубиша [RJA 8, 451]). То, что *образ* - это, как и душа, часть человека, обязательно ему присущая, хотя и с возможностью потери, отличает эту лексему от других сербских обозначений чести.

Значение нравственной репутации реализуется обычно в контекстах типа «лишить чести», «защитить честь» и «иметь черную/ белую честь»: *ударија ми на образ* букв. «он ударил по моей репутации» (затронул мою честь), *освијетлити образ* букв. 'сделать лицо светлым', 'совершить что-то значительное' [Станић 1990], *чувати образ, спасавати, бранити* 'беречь, спасать, защищать честь'. Очень часто внутреннее и внешнее значения реализуются синкретично, ср. *нема веће ствари од образа* 'нет ничего важнее образа' [Станић 1990]. *Ако ти може образ поднијети* ('если твое лицо это вынесет') [Карацић 1935]. *Не дам ја свога образа за тако нешто* «Не отдам я за это своей чести» [Далмација 2004: 194]. Примером синкретичности служат контексты с внутренней формой «иметь черную/ белую честь»: *бео ти образ!* (также *светао ти образ*) букв. «У тебя белое лицо» («честь тебе и хвала!»), *црн ти образ* букв. «у тебя черное лицо» (как тебе не стыдно) (Елезовић, 5), *Познавају га Црногорци и Приморци по црном образу и по лажима* «черногорцам и приморцам он хорошо известен по подлости и обману» (Правдоноша [RJA 8, 451]).

В дериватах слова *образ* отражается семантика внутреннего нравственного чувства, а не репутации, ср. *образан* 'человек, у которого есть чувство стыда' [Карацић 1935], [Елезовић 1935], 'честный, порядочный человек' [РМС], *образлија* 'честный, порядочный человек' (Станић). *Образан човјек не би тако поступио* «Честный человек так бы не поступил» [Бојанић, Тривунац 2002: 253].

Образ входит в число важнейших ценностей сербской народной культуры: ср. пословицу *све за образ а образ ни за што* «Все отдам за честь, а честь ни за что» [RJA 8, 451]. Особенно это понятие важно для черногорцев, народа военной, рыцарской культуры. В главном литературном произведении черногорцев, поэме «Горный венец», *образ* неоднократно упоминается как величайшая ценность:

Удри за крст, за образ јуначки,
ко гођ паше свијетло оружје,
ко гођ чује срце у прсима!

Пойдем за крест, за честь геройскую,
Все, кто носит оружие,
Все, у кого есть в груди сердце.

У черногорцев *образ* воспринимался не только как личный кодекс чести, но и как честь страны и народа:

Но примајте вјеру прађедовску,
да бранимо образ отачаства.

Примите веру предков, чтобы мы защитили честь отечества

Черногорский *образ* включает в себя верность своей вере, свободе, своему народу, своей стране, мужество и великодушие. В той же поэме величайшим предательством *образа* называется измена своей вере и народу, переход черногорца в мусульманство ради приобретения материальных благ:

Ти издао пријед и послијед,
обрљао образ пред свијетом,
похулио вјеру прађедовску,
заробио себе у туђина!

Ты предал, замарал свою честь перед миром
Осквернил веру предков
Отдал себя в рабство чужакам!

Страх животу каља образ често;
слабостима смо земљи привезани.
Страх часто оскверняет честь

Наши слабости привязывают нас к земле

Носителями этого нравственного кодекса в черногорской культуре были не только мужчины, но и женщины, честь которых заключалась в сохранении верности супругу или отцу: отец, дочь которого была похищена будущим мужем и вышла замуж без родительского благословения, говорит: *Да се је сјетила чија је кћи и што је женски образ, хћаше се самодавити прије него пусти попа да јој стави на главу вијенац без очина допуштења* «Если бы ты вспомнила, чья ты дочь и что такое женская честь, ты бы скорее наложила на себя руки, чем дала бы себя обвенчать без родительского разрешения» (Љубиша, Суд добрых люди). Черногорка, которую венецианский вельможа склонял к прелюбодеянию, обещая, что отпустит из-под ареста ее мужа, говорит: *Дражи је мени мој образ но муж и син, пак их оба објесио сјутра, не дам поштења у мито* «Мне дороже моя честь, чем муж и сын, даже если бы ты их завтра повесил, я не дам своей чести как взятку» (Љубиша, Шћепан мали).

Для современной сербской культуры понятие *образа* как обозначения личной нравственности утратило свою актуальность, сейчас это

слово употребляется только в составе фразеологизмов и в пословицах, причем в патетических, эмоционально-окрашенных текстах. Слово *образ* ассоциируется с нравственностью прошлого, у современных же людей по общим представлениям, «образа нет». *Образ је некада био најважнија особина човека, а сада не може ни да се зацрвени*. «Честь была некогда важнейшим свойством человека, а сейчас люди даже не краснеют» (из Интернета). Как правило, фразеология и паремиология, в состав которой входит это слово, используется в языке политики и спорта, где слово *образ* становится синонимом патриотизма. *Власт се може изгубити, али образ – не* «Власть можно потерять, но честь – нет» (Ивица Рачан). *Вричани преокретом спасили образ* «Баскетболисты переломили игру и спасли свою честь» (из Интернета). В политических текстах обычно оправдываются, используя выражение *образ ми је чист* «у меня чистая совесть», а обвиняют, используя фразеологизм *нема образа* «нет совести, чести». В Черногории часто раздаются патриотические призывы, вроде *Црна Гора, сачувај образ!* «Черногория, береги честь». Перед парламентом Черногории установили инсталляцию в виде куса мыла для отмыывания *образа*, сопроводив его инструкцией по применению в зависимости от того, насколько «образ черен», намекая на неприятие политического курса Черногории народом. Зато в сербском широко распространилась производная отрицательная оценка *безобразан, безобразник* ‘наглый, хам, неприличный’.

На смену слову *образ* в литературном языке 19 в. пришло слово *част* ‘честь’ и заняло главное место в лексике социальной этики. В народном языке начала 19 века слово *част* имело значение ‘почет, почет, уважение’: *весело пити, у части бити* ‘весело пить, в чести жизнь проводить’ [Карацић 1935]. То же значение было свойственно слову *чьсть* в церковнославянском языке, в языке сербского фольклора и в литературном языке первой половины 19 в. [RJA 1: 904]; [Broz-Iveković 1, 1901: 149-150]. Это же значение характерно для слова в современных диалектах. О чуждости традиционному языку этического значения чести свидетельствует и следующее наблюдение простого серба, носителя диалекта: *Ови комунисти куну се части ми, ил’ часна реч, а ми славе ми* «Это коммунисты клянутся честью или дают честное слово, а мы клянемся днем своего святого» [Букумурић 2012: 669]. Современные же значения ‘совокупность высших морально-этических принципов личности’ и ‘достоинство’ в крестьянском языке, очевидно, отсутствовали и впервые были зафиксированы лишь в 1936 г. [Бакотић 1936: 1352] в следующей формулировке: 1) принципы справедливого и правильного человека 2) хорошая репутация, приобретенная честной и разумной жизнью. Эти значения устойчиво вошли в сербский литературный язык в последней трети 19 в., когда появились такие словоупот-

ребления: *Моје ми части* 'клянусь честью' (Матавуль, Последњи витезови), *увреда части* 'оскорбление чести' (Дамановић, Краљевич Марко), *очувати своју част* 'беречь свою честь' (Лазаревић, Швабица), *мученик части и поштења* 'невольник чести' (Лазаревић, Вертер). Это слово становится частотным в языке офицеров, дуэлянтов: *задовољење части* 'сатисфакция' (Лазаревић, Швабица), *официрска част* 'офицерская честь', *изгубити част* 'потерять честь' (Лазаревић, Вертер).

Расширению значения сербского слова *част*, по всей видимости, способствовали иноязычные образцы, одним из которых был русский. В русифицированном литературном языке 18 – начала 19 века у сербов широко использовался русизм *чест(ь)* 'честь' в том числе в значении 'личного достоинства': *противъ онихъ, кои дерзнуть повредити честь твою* (Славено-сербский магазин, 32). Возможно, что с середины 19-го века, когда стал входить в широкое употребление литературный язык на народной основе и на смену слову *чест(ь)* пришло исконное сербское слово *част*, народная лексема переняла от книжной круг ее значений и употреблений.

Согласно современным анкетным данным [Ајдачић 2015: 76], слово *част* в восприятии молодых носителей языка, как правило, ассоциируется с внутренним сводом нравственных правил и с репутацией. Эти значения представлены в таких выражениях, как *част не допушта, не дозвољава* 'честь не позволяет', *људи од части* 'люди чести', *судска част* 'честь судьи', *новинарска, лекарска, војничка част* 'честь журналиста, врача, военного', *чувати, спасавати, осветлати, бранити част* 'спасать, защищать честь', *увреда части* 'оскорбление чести', *згазити част* 'попрать честь'. Однако в повседневном разговорном употреблении эти значения обычно не встречаются, они характерны только для книжного или высокого стиля и фактически являются устаревшими. В современном же разговорном языке обычно встречается значение чести как «признания» - *част ми је* 'для меня большая честь', *имам част да* 'я имею честь представить', *концерт у част* 'концерт в честь', *указати част* 'оказать честь', *почасни члан* 'почетный член'. *Велика ми је част била играти у клубу* «Играть в клубе для меня было большой честью». Похожие контексты приводятся для лексемы и в словаре конца 19 века, составленном по текстам 20-ых- 70-ых гг. 19 в. [Broz-Iveković 1, 1901: 150]: *На част му* «в честь него», *за мене ће бити особита чест и радост ако она читатељима буде толико по вољи* «для меня будет особой честью и радостью, если читателям понравится эта книга». Таким образом, до сих пор в народном языке живет именно исконное значение слова *част*, а инновационное значение «совокупность норм поведения» сейчас фактически является архаизмом, за исключением, может быть, военной чести. В современном языке в значении совокупности мораль-

ных норм слово *част* ведет себя так же, как слово *образ*, то есть встречается при повествовании о людях прошлого: *Човек коме је част већа од живота* «человек, для которого честь важнее жизни» (об адъютанте короля), в декларативных заявлениях высокого стиля: *Моја се част ставља у питање* «затронута моя честь» или переходит из области личной этики в коллективную (честь народа - *Наша борба за нашу част била је легитимна јер су нас желели уништити као народ* «Наша борьба за нашу честь была легитимной, так как нас хотели уничтожить как народ»), где может вообще утрачивать этическую составляющую, как, например, в спорте. Те же семантические процессы можно наблюдать и в русском языке (ср. современное употребление русского выражения *защищать честь*).

Честь, как совокупность нравственных правил и репутация, в традиционной сербской этике также обозначался лексемой *поштење* ‘честь, честность, порядочность’, производной от глагола *поштити* ‘уважать, почитать’ [Караџић 1935], которая в отличие от предыдущих обозначает и душевные свойства человека, порядочность, честность. *Његово поштење није од јуче* «Его всегда отличала порядочность» [Далмација 2004: 234]. Это значение в современном языке у слова является основным, тогда как значение репутации отошло на второй план.

Понятие совести в христианском или русском смысле этого слова выражается лексемой *савест*. В сербской культуре оно, очевидно, книжного происхождения, в диалектном языке начала 19 в. оно представлено не было, а получило широкое распространение, благодаря переводу Нового завета Вуком Караджичем [Petrović 2014: 312]. Напомним, что исконным для традиционной сербской культуры является синкретичное понятие о совести-лице, воплощенное в слове *образ*.

Подводя итог, скажем, что в современном литературном языке традиционная система этических оценок и понятий разрушена. Положительные этические понятия и оценки выходят из употребления, так что на основании лексических данных этический идеал современного общества сформулировать практически невозможно. В языке 19 в., а также в современной диалектной речи представлены такие оценки, как *поштен, честит, частан, образан* ‘человек высокого нравственного устройства’, в языке же современного города, помимо общей оценки *добар човек*, употребляется только слово *поштен*, причем преимущественно в дескриптивном значении ‘порядочный, честный’.

Литература / References

1. *Ајдачић Д.* Концепт част у српском језику // О вредностима у српском језику. Зборник етнолингвистичких радова. Београд, 2015. С.73-97.
2. *Бакотић Л.* Речник српскохрватског књижевног језика. Београд, 1936.

3. *Букумурић М.* Речник говора северне Метохије. Београд, 2012.
4. Вукове народне пословице с регистром кључних речи. Београд, 1996.
5. *Далмација С.* Рјечник говора Поткозарја. Бања Лука, 2004.
6. *Даль В.И.* Толковый словарь живого великорусского языка. М., 1956.
7. *Бојанић М., Трибунац Р.* Рјечник дубровачког говора. [СДЗб XLIX. Београд, 2002].
8. *Елезовић Гл.* Речник косовско-метохијског дијалекта. Књ. II. [СДЗб VI. Београд, 1935].
9. *Јовановић В.* Речник села Каменице код Ниша // СДЗб. Књ. 51. Београд, 2004. С. 313–688.
10. *Караџић В.С.* Српски рјечник истумачен њемачкијем и латинскијем рјечима. Београд, 1935.
11. Славено-сербский магазин. Т.1. Ч.1. Венеция, 1768.
12. *Станић М.* Ускочки речник, књ. 1–2, Београд, 1990. Електронна версија, www.srpskijezik.com.
13. СДЗб – Српски дијалектолошки зборник. Београд, 1905. књ. 1.
14. РМС – Речник српскохрватског књижевног језика. Т. 1–6. Нови Сад, 1967–1976.
15. ЭССЯ – Этимологический словарь славянских языков. Пра slavянский лексический фонд / Под ред. О. Н. Трубачева. М., 1974.
16. *Broz I., Iveković F.* Rječnik hrvatskoga jezika. Svezak 1. Zagreb, 1901.
17. *Buck C.D.* A Dictionary of Selected Synonyms in the Principal Indo-European Languages. Chicago-London, 1987.
18. *Petrović S.* Svest 'consciousness' and Savest 'conscience' – slavic layers in the serbian lexicon // Etymological research in Old Church Slavonic. S. 309-318. Praha, 2015.
19. RJA – Rječnik hrvatskoga ili srpskoga jezika. Zagreb, 1880–1976.

АВТОРЫ ВЫПУСКА / AUTHORS

Адельгейм Ирина Евгеньевна – доктор филологических наук, ведущий научный сотрудник Института славяноведения Российской академии наук

e-mail: adelgejm@yandex.ru

Белова Мария Николаевна – кандидат филологических наук, доцент филологического факультета Московского государственного университета имени М.В. Ломоносова

e-mail: blinovam@mail.ru

Бракаторис Мартин – доктор философии, отделение древнесловацкой письменности Института словацкой литературы Словацкой академии наук (Братислава, Словакия)

e-mail: braxatoris@mail.ru

Вендина Татьяна Ивановна – доктор филологических наук, профессор, ведущий научный сотрудник Института славяноведения Российской академии наук

e-mail: vendit@rambler.ru

Гембка-Воляк Малгожата – доктор наук, профессор Института польского языка Университета имени Николая Коперника (Торунь, Польша)

e-mail: mge@umk.pl

Зелинская Мария Зеноновна – кандидат филологических наук, Львовский национальный университет имени Ивана Франко, кафедра польской филологии (Львов, Украина)

e-mail: mariazielinska23@gmail.com

Изотов Андрей Иванович – доктор филологических наук, профессор кафедры славянской филологии филологического факультета Московского государственного университета имени М.В. Ломоносова

e-mail: a.i.izotov@mail.ru

Кравчук Алла Николаевна – кандидат филологической наук, профессор, зав. кафедрой польской филологии Львовского национального университета им. Ивана Франко (Львов, Украина)

e-mail: allakrawczuk@gmail.com

Красовская Хелена – доктор филологических наук, профессор, зам. директора Института славистики Польской академии наук (Варшава, Польша)

e-mail: bukowinianka@wp.pl

Кульпина Валентина Григорьевна – доктор филологических наук, доцент кафедры славянских языков и культур факультета иностранных языков и регионоведения Московского государственного университета имени М.В. Ломоносова
e-mail: vgrkulpina@mail.ru

Лешикова Ольга Олдржиховна – кандидат филологических наук, доцент кафедры славянской филологии филологического факультета Московского государственного университета имени М.В. Ломоносова
e-mail: olleshkova@gmail.com

Лифанов Константин Васильевич – доктор филологических наук, профессор кафедры славянской филологии филологического факультета Московского государственного университета имени М.В. Ломоносова
e-mail: lifanov@hotmail.com

Медведева-Нату Ольга Рахмиловна – кандидат филологических наук, независимый исследователь (Ванкувер, Канада)
e-mail: khadimolga@yahoo.com

Мочалова Татьяна Сергеевна – кандидат филологических наук, профессор, Дипломатическая академия МИД России
e-mail: tmochalova@mail.ru

Ондрейчик Михал – Российский университет дружбы народов
e-mail: ondrejcik@mail.ru

Остapчук Оксана Александровна – кандидат филологических наук, доцент кафедры славянской филологии филологического факультета Московского государственного университета имени М.В. Ломоносова
e-mail: ostarczuk@yandex.ru

Елена Васильевна Петрухина – доктор филологических наук, профессор кафедры русского языка филологического факультета Московского государственного университета имени М.В. Ломоносова
e-mail: elena.petrukhina@gmail.com

Писарек Лариса – доктор филологических наук, профессор Института славянской филологии Вроцлавского университета (Вроцлав, Польша)
e-mail: larysapisarek@gmail.com

Раткевич Марина Александровна – кандидат филологических наук, доцент кафедры иностранных языков Института национальной безопасности Республики Беларусь (Минск, Республика Беларусь)
e-mail: angelichM@gmail.com

Ригер Януш Анджей – доктор филологических наук, Институт славистики Польской академии наук, профессор Варшавского университета (Варшава, Польша)
janusz.dauble@gmail.com

Скорвид Сергей Сергеевич – кандидат филологических наук, доцент, Российский государственный гуманитарный университет
e-mail: slavcenteur@gmail.com

Тихомирова Татьяна Сергеевна – кандидат филологических наук, доцент кафедры славянской филологии филологического факультета Московского государственного университета имени М.В. Ломоносова
e-mail: tattikh@mail.ru

Тыртова Галина Павловна – кандидат филологических наук, доцент кафедры славянской филологии филологического факультета Московского государственного университета имени М.В. Ломоносова
e-mail: tyrtova58@mail.ru

Усикова Рина Павловна – доктор филологических наук, действительный член Македонской академии наук и искусств, профессор кафедры славянской филологии филологического факультета Московского государственного университета имени М.В. Ломоносова
e-mail: slavlang.msu@gmail.com

Шапкина Ольга Николаевна – кандидат филологических наук, доцент кафедры славянских языков и культур факультета иностранных языков и регионоведения Московского государственного университета имени М.В. Ломоносова
e-mail: shapkinaon@mail.ru

Юдова Юлия Юрьевна – кандидат филологических наук, доцент Высших курсов иностранных языков МИД России
e-mail: yulia.yudova@yandex.ru

Якушкина Екатерина Ивановна – кандидат филологических наук, доцент кафедры славянской филологии филологического факультета Московского государственного университета имени М.В. Ломоносова
e-mail: jkatia@yandex.ru